

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«УФИМСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

ВЕСТНИК
Уфимского юридического
института МВД России

№ 2 (92)

BULLETIN
of Ufa Law Institute

Издание включено в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации

The journal is included into the list of the reviewed scientific publications recommended by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in which the main results of theses for the degrees of Doctors and Candidates of Sciences must be published

Уфа – 2021

12+

Научно-практический журнал

Издается с июня 1998 года ежеквартально

Учредитель и издатель – ФГКОУ ВО УЮИ МВД России

Главный редактор:

Ханахмедов Алексей Сефединович – кандидат юридических наук, доцент, начальник Уфимского юридического института МВД России.

Заместитель главного редактора:

Терехов Алексей Юрьевич – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника Уфимского юридического института МВД России (по научной работе).

Члены редакционной коллегии:

Авдеева Ольга Анатольевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Восточно-Сибирского юридического института МВД России.

Баишева Зилия Вагизовна – доктор филологических наук, доцент, заслуженный учитель Республики Башкортостан, профессор кафедры теории государства и права Института права Башкирского государственного университета.

Бакирова Лена Рифхатовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России.

Барков Алексей Владимирович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса Ульяновского государственного университета.

Беглова Елена Ивановна – доктор филологических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, профессор кафедры иностранного языка и культуры речи Нижегородской академии МВД России.

Биккинин Ирек Анасович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Буканова Роза Гафаровна – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Башкортостан, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, профессор кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России.

Варданян Акоп Вараздатович – доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России.

Вилкова Алевтина Владимировна – доктор педагогических наук, доцент, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России.

Грачев Николай Иванович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры консти-

туционного и административного права Волгоградской академии МВД России.

Грибунов Олег Павлович – доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Восточно-Сибирского юридического института МВД России (по научной работе).

Григорьев Виктор Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Джоробекова Арзыгуль Мамаюновна – доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Академии МВД Кыргызской Республики.

Дизер Олег Александрович – доктор юридических наук, доцент, начальник научно-исследовательского отдела Омской академии МВД России.

Емелин Сергей Михайлович – доктор юридических наук, доцент, заместитель председателя Уфимского федерального исследовательского центра РАН.

Еникеев Зуфар Иргалиевич – доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Академии наук Республики Башкортостан, Председатель Конституционного Суда Республики Башкортостан.

Зайцев Олег Александрович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

Зауторова Эльвира Викторовна – доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования, профессор кафедры юридической психологии и педагогики Вологодского института права и экономики ФСИН России.

Иванов Дмитрий Александрович – доктор юридических наук, доцент, Почетный сотрудник МВД России, начальник кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Ильин Дмитрий Юрьевич – доктор филологических наук, доцент, Почетный работник высшего профессионального образования Россий-

ской Федерации, заведующий кафедрой русской филологии Волгоградского государственного университета.

Ильяшенко Алексей Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани, профессор кафедры уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета.

Имаева Юлия Борисовна – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России.

Искандарова Гульнара Рифовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России.

Каац Марина Эвальдовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России.

Казамиров Анатолий Иванович – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры конституционного права Уфимского юридического института МВД России.

Каримов Рим Римович – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России.

Каримова Гульназ Юрисовна – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Кудина Светлана Анатольевна – кандидат юридических наук, помощник начальника института (по правовой работе) – начальник правового отделения (правовое отделение) Уфимского юридического института МВД России.

Латыпов Вадим Сагитьянович – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России.

Линевич Владимир Леонтьевич – кандидат психологических наук, доцент, начальник кафедры педагогики и психологии в деятельности сотрудников органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Литвишков Владимир Михайлович – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры юридической психологии и педагогики Академии ФСИН России.

Лысенко Евгений Сергеевич – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры управления в органах внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Макарейко Николай Владимирович – доктор юридических наук, доцент, Почетный сотрудник МВД России, профессор кафедры адми-

нистративного права и процесса Нижегородской академии МВД России.

Макаренко Илона Анатольевна – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Башкортостан, председатель Центральной избирательной комиссии Республики Башкортостан.

Маликов Борис Зуфарович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Мамлеева Дилара Радиковна – кандидат юридических наук, врио заместителя начальника кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Мартынов Алексей Владимирович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой административного и финансового права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского.

Миронов Анатолий Николаевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и муниципального права Владимирского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Морозов Сергей Юрьевич – доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета Ульяновского государственного университета.

Надтачаев Павел Валерьевич – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Небрятенко Геннадий Геннадиевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права Ростовского юридического института МВД России.

Нухов Салават Жавдатович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка и межкультурной коммуникации факультета романо-германской филологии Башкирского государственного университета.

Осокин Роман Борисович – доктор юридических наук, профессор, начальник факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Петрова Елена Александровна – доктор филологических наук, доцент, Отличник образования Республики Башкортостан, заведующий кафедрой иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России.

Петрянин Алексей Владимирович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России.

Победкин Александр Викторович – доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовной политики Академии управления МВД России.

Поезжалов Владимир Борисович – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры профессиональной подготовки Уфимского юридического института МВД России.

Рахимов Эльдар Харисович – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Сулейманова Инна Евгеньевна – кандидат юридических наук, начальник кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Тарасов Александр Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Института права Башкирского государственного университета.

Тужилова-Орданская Елена Марковна – доктор юридических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, заслуженный юрист Республики Башкортостан, заведующая кафедрой гражданского права, профессор кафедры гражданского права Института права Башкирского государственного университета.

Усманова Резида Минияровна – доктор юридических наук, доцент, Отличник образования Российской Федерации, декан юридического факультета Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета.

Ходякова Наталия Владимировна – доктор педагогических наук, доцент, Почетный сотрудник МВД России, профессор кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами Академии управления МВД России.

Цуканов Николай Николаевич – доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника Сибирского юридического института (по научной работе).

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Рег. №: ПИ № ФС77-75866 от 24 мая 2019 г.

Журнал входит в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ) научной электронной библиотеки «eLIBRARY».

Подписной индекс: распространяется по договору подписки с ООО «Агенство «Книга-Сервис», 39481.

Адрес редакции, издателя, типографии: 450103, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Муксинова, д. 2.

Литературные редакторы Т. И. Матвеева, Р. Р. Гафарова, Е. А. Ермолаева. Техническая верстка Т. И. Матвеева.

Телефон/факс: (347) 255-06-66; e-mail: vestnik_uyi@mvd.ru, rio_uyi@mvd.gov.ru.

Редакционно-издательский отдел Уфимского ЮИ МВД России.

Подписано в печать: 28.06.2021. Дата выхода в свет: 30.06.2021.

Формат 60x84 1/8. Усл. печ. л. 29. Гарнитура Times. Тираж 1000 экз. Первый завод 60 экз.

Заказ № 57. Цена свободная.

BULLETIN
№ 2 (92) 2021 of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation

Scientific and practical journal

Published since June 1998 quarterly

Founder and publisher – Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Editor-in-chief:

Khanakhmedov Alexey Sefedinovich – Candidate of Law, Associate Professor, the Chief of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Deputy editor-in-chief:

Terekhov Alexey Yurievich – Candidate of Law, Associate Professor, the Deputy Chief (in reasearch work) of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Members of the editorial board:

Avdeeva Olga Anatolievna – Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of State and Legal Disciplines of the East Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Baisheva Zilya Vagizovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Honored Teacher of the Republic of Bashkortostan, Professor of the Chair of Theory of State and Law of the Institute of Law of the Bashkir State University.

Bakirova Lena Rifkhatovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Assistant Professor of the Chair of Foreign and the Russian languages of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Barkov Alexey Vladimirovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Civil Law and Procedure of Ulyanovsk State University.

Beglova Elena Ivanovna – Doctor of Philology, Professor, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the Chair of the Foreign Language and Culture of Speech of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Bikkinin Irek Anasovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Administrative and Legal Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Bukanova Roza Gafarovna – Doctor of History, Professor, Honored Worker of Science of the Republic of Bashkortostan, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the Chair of History and Theory of State and Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Vardanyan Akop Varazdatovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Criminalistics and Operative-Detective Activity of Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Vilkova Alevtina Vladimirovna – Doctor of Pedagogy, Associate Professor, Chief Researcher of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Grachev Nikolai Ivanovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Chair of Constitutional and Administrative Law of Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Gribunov Oleg Pavlovich – Doctor of Law, Professor, Deputy Head of the East Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (for Research).

Grigoriev Viktor Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Criminal Procedure of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot’.

Dzhorobekova Arzygul Mamayunusovna – Doctor of Law, Professor, Deputy Head of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Kyrgyz Republic.

Dizer Oleg Alexandrovich – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Research Department of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Emelin Sergey Mikhailovich – Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Chairman of Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences.

Enikeev Zufar Irgalievich – Doctor of Law, Professor, Corresponding Member of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan, Chairman of the Constitutional Court of the Republic of Bashkortostan.

Zaitsev Oleg Aleksandrovich – Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Chief Researcher of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.

Zautorova Elvira Viktorovna – Doctor of Pedagogy, Professor, Corresponding Member of the International Academy of Pedagogical Education, Professor of the Chair of Legal Psychology and Pedagogy of Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Ivanov Dmitry Alexandrovich – Doctor of Law, Associate Professor, Honored Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Head of the Chair of Preliminary Investigation of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot’.

Ilyin Dmitry Yurievich – Doctor of Philology, Associate Professor, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Head of the Chair of Russian Philology of Volgograd State University.

Ilyashenko Alexey Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of Kuban, Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology of Kuban State University.

Imaeva Yulia Borisovna – Candidate of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Chair of Criminalistics of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Iskandarova Gulnara Rifovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Chair of Foreign and the Russian languages of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Kaats Marina Evaldovna – Candidate of Law, Associate Professor, Assistant Professor of the Chair of Criminal Procedure of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Kazamirov Anatoly Ivanovich – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Constitutional Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Karimov Rim Rimovich – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Theory of State and Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Karimova Gulnaz Yurisoyna – Candidate of Law, Senior Lecturer of the Chair of Administrative and Legal Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Kudina Svetlana Anatolyevna – Candidate of Law, Assistant Head of the Institute (for Legal Work) - Head of the Legal Department (Legal Department) of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Latypov Vadim Sagitianovich – Candidate of Law, Associate Professor, Professor of the Chair of Criminal Procedure of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Linevich Vladimir Leontievich – Candidate of Psychology, Associate Professor, Head of the Chair of Pedagogy and Psychology in the Internal Affairs Officers' Activity of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Litvishkov Vladimir Mikhailovich – Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of the Chair of Legal Psychology and Pedagogy of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Lysenko Yevgeniy Sergeevich – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Management in the Internal Affairs Bodies of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Makareiko Nikolai Vladimirovich – Doctor of Law, Associate Professor, Honored Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Chair of Administrative Law and Procedure

of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Makarenko Iona Anatolyevna – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Republic of Bashkortostan, Chairperson of the Central Election Commission of the Republic of Bashkortostan.

Malikov Boris Zufarovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Mamleeva Dilara Radikovna – Candidate of Law, Interim Deputy Head of the Chair of Administrative and Legal Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Martynov Alexey Vladimirovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Administrative and Financial Law of the Law Faculty of the National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky.

Mironov Anatoliy Nikolaevich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Chair of Constitutional and Municipal Law of Vladimir Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

Morozov Sergei Yurievich – Doctor of Law, Professor, Dean of the Department of Law of Ulyanovsk State University.

Nadtachaev Pavel Valerievich – Candidate of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Chair of Civil Law Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nebratenko Gennadiy Gennadievich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Chair of Theory of State and Law of Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nukhov Salavat Zhavdatovich – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair of English and Intercultural Communication, Department of Romance-Germanic Philology of the Bashkir State University.

Osokin Roman Borisovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Training Scientific-Pedagogical and Scientific Personnel of V.Ya. Kikot' Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Petrova Elena Alexandrovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Excellent Worker of Education of the Republic of Bashkortostan, Head of the Chair of Foreign and the Russian Languages of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Petryanin Alexey Vladimirovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Criminal and Penal Law of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Pobedkin Alexander Viktorovich – Doctor of Law, Professor, head of the Department of Criminal Policy of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Poezhalov Vladimir Borisovich – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Professional Training of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Rakhimov Eldar Kharisovich – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Civil Law Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Suleimanova Inna Evgenievna – Candidate of Law, Head of the Department of Administrative and Legal Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Tarasov Alexander Alexeyevich – Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Criminal Law and Procedure of the Institute of Law of the Bashkir State University.

Tuzhilova-Ordanskaya Elena Markovna – Doctor of Law, Professor, Honored Worker of the Higher Professional Education of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Republic of Bashkortostan, Head of the Chair of Civil Law, Professor of the Chair of Civil Law of the Institute of Law of the Bashkir State University.

Usmanova Rezida Miniyarovna – Doctor of Law, Associate Professor, Excellent Worker of Education of the Russian Federation, Dean of the Law Department of Sterlitamak Branch of the Bashkir State University.

Khodyakova Natalia Vladimirovna – Doctor of Pedagogy, Associate Professor, Honored Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Chair of Psychology, Pedagogy and Organization of Work with Personnel of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Tsukanov Nikolay Nikolaevich – Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Siberian Law Institute (for Research).

The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, information technologies and mass communications.

Reg. №.: PI № FS77-758669 24.05.2019.

Included into «Russian Science Citation Index» data base of «eLIBRARY».

The subscription index circulates according to the subscription contract with «Agency «Kniga-Servis», Ltd. 39481.

The address of the editorial office, the editor and the printing house: 450103, the Republic of Bashkortostan, Ufa, 2, Muksinova street.

The copy editors T. I. Matveeva, R. R. Gafarova, E. A. Ermolaeva. Layout T. I. Matveeva.

Tel./fax (347) 255-06-66; e-mail: vestnik_uyi@mvd.ru, rio_uyi@mvd.gov.ru.

Editorial and publishing department of Ufa Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation.

Signed for publishing: 28.06.2021. Release date: 30.06.2021.

Format 60x84 1/8. Conv. print sheets 29. Typeface Times.

Circulation: 1000 copies. The first plant is 60 copies. Order № 57. Free price.

СОДЕРЖАНИЕ

Научные статьи и доклады 12

Теория и история государства и права. История учений о праве и государстве

Ахмедов Ч. Н., Удальцов А. А. Государственная политика Министерства внутренних дел по реализации винной монополии на территории Уфимской губернии в конце XIX – начале XX веков 12

Карнович В. С. Основные подходы к пониманию права в контексте сущностных его свойств как социального регулятора. 22

Филипсон К. Ю. К вопросу о правопреемстве субъективного права на защиту 28

Гражданское право. Предпринимательское право. Семейное право.

Международное частное право

Даллакян К. А. Личность как институт гражданского общества и правового государства ... 37

Клец П. В. Принципы укрепления прав на недвижимость 44

Фазлиева Л. К., Рахимов Э. Х. Смарт-контракт в гражданско-правовом обороте 52

Федосеев П. С., Шматов М. А. К вопросу о «соседских правах» как объекте гражданско-правового регулирования 57

Уголовное право. Криминология. Уголовно-исполнительное право

Абдуганеев Р. Р. Криминологические аспекты предупреждения вовлечения несовершеннолетних лиц в незаконную протестную деятельность 65

Лихолетов А. А. К вопросу об усилении уголовной ответственности за незаконный оборот лома черных и цветных металлов. 72

Поезжалов В. Б. Изменения уголовного законодательства в свете требований системности и целостности 79

Рябчиков С. А. Лжесвидетельство: спорные вопросы привлечения и освобождения от уголовной ответственности 84

Уголовный процесс

Гурдин С. В. Воспитательная роль судебного разбирательства в условиях цифровизации общества 89

Ендольцева А. В. Проблемные вопросы применения положений статьи 449 УПК РФ ... 93

Щербакова М. А. Принцип неприкосновенности личности при производстве о применении принудительных мер медицинского характера: Конституционный суд Российской Федерации ставит проблемы 99

Криминалистика. Судебно-экспертная деятельность.

Оперативно-разыскная деятельность

Васильченко А. В. К вопросу об использовании специальных знаний в области психологии, сексологии и психиатрии при раскрытии и расследовании серийных сексуальных убийств 106

Грибунов О. П., Залескина А. Н., Терещенко А. А. Характеристика личности преступников, входящих в организованные преступные группы, созданные на этнической основе: криминалистический аспект 112

Дрога А. А. Актуальные проблемы назначения и производства экспертиз на современном этапе расследования 119

Тарасов М. Ю. О процедуре объявления лица в международный розыск 124

Административное право. Административный процесс

Агаркова Н. А. Особенности транспортной безопасности в системе национальной безопасности Российской Федерации. 132

Лобанова И. К. Возможности критериального подхода к механизму признания нелегальных мигрантов объектами миграционной амнистии. 137

Фролов А. Н., Самойлюк Р. Н. Актуальные вопросы административного принуждения в механизме обеспечения национальной безопасности. 142

Сулейманова И. Е. Некоторые аспекты предупреждения противоправной деятельности несовершеннолетних на территории Республики Башкортостан. 149

Общие вопросы языкознания. Язык и право. Юрислингвистика

Гусейнова Т. В. Приемы постановки и различения звуков [л] и [л'] на занятиях по русскому языку как иностранному 154

Искандарова Г. Р. О предмете исследования немецкой политической лингвистики: историко-лингвистический аспект. 160

Казанцева Е. А., Валиахметова Э. К. Лингвистические методы экологизации дискурсивных практик «педагог-родители» 166

Касимов Д. Р. Синтаксическая неопределённость уголовно-правовых оценочных понятий 172

Лаврова О. В. Референтно-номинативная репрезентация образа представителя правоохранительных органов в художественном тексте в дискурсивном аспекте. 180

Общая педагогика, история педагогики и образования.

Теория и методика профессионального образования

Зауторова Э. В., Кевля Ф. И. Профилактика противоправного поведения осужденных в местах лишения свободы. 188

Носков О. С., Носова Д. Х. Оценка сформированности профессиональной готовности сотрудников полиции к профилактике делинквентного поведения несовершеннолетних . . . 195

Тарасов Н. Г., Буховец А. В., Заречнев Д. О. Особенности управления процессом повышения квалификации сотрудников органов внутренних дел (на примере барнаульского юридического института МВД России) 200

Филипенко Е. В., Витольник Г. А., Душкина Е. В. Проблема профилактики девиантного поведения несовершеннолетних как предмет психолого-педагогического анализа. . . . 208

Шаранов Ю. А., Бородавко Л. Т., Рожков А. А. Рациональные пределы в развитии системы подготовки кадров в органах внутренних дел. 219

Памятка 227

CONTENTS

Scientific articles and reports 12

Theory and History of State and Law. History of Law and State Teachings

- Akhmedov Ch. N., Udaltsov A. A.* State policy of the Ministry of Internal Affairs on the implementation of the wine monopoly in Ufa Province in the late 19th and early 20th centuries 12
- Karnovich V. S.* Basic approaches to understanding law in the context of its essential properties as a social regulator. 22
- Filipson K. Y.* To the question of the succession of the subjective right to protection 28

Civil Law. Business Law. Family Law. International Private Law

- Dallakian K. A.* Personality as an institution of civil society and the rule of law 37
- Klets P. V.* Principles for strengthening real estate rights 44
- Fazlieva L. K., Rakhimov E. Kh.* Smart contract in civil-legal turnover 52
- Fedoseev P. S., Shmatov M. A.* To the issue of “neighbor rights” as an object of civil law regulation. 57

Criminal Law. Criminology. Penal Law

- Abdulganeev R. R.* Criminological aspects of preventing the involvement of minors in illegal protest activities. 65
- Likholetov A. A.* To the issue of strengthening criminal liability for illegal turnover of ferrous and non-ferrous metal scrap 72
- Poezzhalov V. B.* Changes in criminal legislation in the light of the requirements of consistency and integrity 79
- Ryabchikov S. A.* Perjury: controversial issues of attraction and release from criminal liability 84

Criminal Procedure

- Gurdin S. V.* Educational role of litigation in the context of digitalization of society 89
- Endoltseva A. V.* Problematic issues of application of the provisions of article 449 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation 93
- Shcherbakova M. A.* The principle of inviolability of the person in the proceedings on the application of compulsory medical measures: the Constitutional Court of the Russian Federation raises issues 99

Criminalistics. Forensic Activity. Operative Detective Activity

- Vasilchenko A. V.* To the issue of using special knowledge in the field of psychology, sexology and psychiatry in the detection and investigation of serial sexual murders 106
- Gribunov O. P., Zaleskina A. N., Tereshchenko A. A.* Characteristics of the personality of criminals in organized criminal groups created on ethnic basis: forensic aspect 112
- Droga A. A.* Current problems of appointing and conducting expert examinations at the present stage of investigation 119
- Tarasov M. Yu.* On the procedure for declaring a person on the international wanted list 124

Administrative Law. Administrative Procedure

- Agarkova N. A.* Peculiarities of transport security in the system of national security of the Russian Federation. 132

<i>Lobanova I. K.</i> Opportunities for a criteria-based approach to the mechanism for recognizing illegal migrants as objects of migration amnesty	137
<i>Frolov A. N., Samoylyuk R. N.</i> Current issues of administrative coercion in the mechanism of ensuring national security.	142
<i>Suleymanova I. E.</i> Some aspects of prevention of illegal activity of minors in the territory of the Republic of Bashkortostan	149

General Problems of Linguistics. Language and Law. Legal Linguistics

<i>Guseynova T. V.</i> Techniques of statement and differentiation of sounds [л] and [л'] at the lessons of Russian as a foreign language	154
<i>Iskandarova G. R.</i> On the subject of research in german political linguistics: historical and lingusitic aspect	160
<i>Kazantseva E. A., Valiakhmetova E. K.</i> Linguistic methods of ecologization of teacher-parents discursive practices	166
<i>Kasimov D. R.</i> Syntactic uncertainty of criminal law evaluative concepts	172
<i>Lavrova O. V.</i> Referential-and-nominal representation of image of the representative of the law enforcement authorities in the literary text: the discursive aspect	180

General Theory of Education. History of Pedagogy and Education.

Theory and Methods of Vocational Education

<i>Zautorova E. V., Kevlya F. I.</i> Prevention of illegal behavior of convicts in places of deprivation of liberty.	188
<i>Noskov O. S., Nosova D. H.</i> Assessment of the formation of professional readiness of police officers to prevent delinquent behavior of minors.	195
<i>Tarasov N. G., Bukhovets A. V., Zarechnev D. O.</i> Management peculiarities of the continuing education process of the police officers (in the context of Barnaul Law Institute of The Internal Affairs of Russia).	200
<i>Filipenko E. V., Vitolnik G. A., Dushkina E. V.</i> The problem of prevention of deviant behavior of minors as a subject of psychological and pedagogical analysis.	208
<i>Sharanov Y. A., Borodavko L. T., Rozhkov A. A.</i> Rational limits in the development of the personnel training system in the Internal Affairs Bodies.	219

Instruction	227
--------------------------	-----

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА. ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

УДК 351.824.5:663.2(470.53-43)”189/190”

Ч. Н. АХМЕДОВ, заместитель начальника кафедры истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург) ORCID: 0000-0002-5432-7186

Ch. N. AKHMEDOV, Deputy Head of the Chair of History of State and Law of Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law, Associate Professor (St. Petersburg) ORCID: 0000-0002-5432-7186

А. А. УДАЛЬЦОВ, начальник кафедры истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург) ORCID: 0000-0003-2286-817X

A. A. UDALTSOV, Head of the Chair of History of State and Law of Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law, Associate Professor (St. Petersburg) ORCID: 0000-0003-2286-817X

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПО РЕАЛИЗАЦИИ ВИННОЙ МОНОПОЛИИ НА ТЕРРИТОРИИ УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

STATE POLICY OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS ON THE IMPLEMENTATION OF THE WINE MONOPOLY IN UFA PROVINCE IN THE LATE 19TH AND EARLY 20TH CENTURIES

Аннотация. Статья посвящена организации деятельности полиции в Уфимской губернии в конце XIX – начале XX века в период введения винной государственной монополии. В процессе социально-экономического развития, проведения крестьянской, судебной и земской реформ во второй половине XIX века на полицию были возложены дополнительные обязанности по охране общественного порядка и общественной безопасности. Это потребовало увеличения численности чинов полиции в большинстве губерний. С введением в 1895 г. винной государственной монополии на территории Уфимской губернии на полицию были возложены дополнительные

обязанности по предупреждению и пресечению преступлений за нарушения, установленные законодательством. При этом отсутствие чинов торговой полиции и недостаточное количество существующих чинов полиции губернии не позволяло своевременно выполнять возложенные на них обязанности, что послужило поводом для увеличения их количества. В статье рассматриваются обращения Министра внутренних дел в Государственный Совет об увеличении количества чинов полиции на территории Уфимской губернии. Автором отмечены возникшие противоречия между Министерством внутренних дел, Министерством финансов, государственного контроля по увеличению и финансированию количества чинов полиции в губернии со стороны этих органов.

Ключевые слова и словосочетания: губернатор, полицмейстер, становой пристав, помощник полицмейстера, винная монополия, полицейский надзиратель, конно-полицейский урядник.

Annotation. The article is devoted to the organization of police activity in Ufa province in the late 19th - early 20th centuries during the introduction of the state wine monopoly. In the process of socio-economic development, peasant, judicial and zemstvo reforms in the second half of the 19th century, the police were assigned additional responsibilities to protect public order and public safety. This required an increase in the number of police officers in most provinces. With the introduction of the state wine monopoly in Ufa province in 1895, the police were assigned additional responsibilities to prevent and suppress crimes for violations established by law. At the same time, the absence of trade police officers and the insufficient number of existing officers of the provincial police did not allow timely fulfillment of the duties assigned to them, which was the reason for an increase in their number. The article examines the appeals of the Minister of Internal Affairs to the State Council about an increase in the number of police officers in Ufa province. The author notes the contradictions that have arisen between the Ministry of Internal Affairs, the Ministry of Finance, the state control over the increase and financing of the number of police officers in the province by these bodies.

Keywords and phrases: governor, chief of police, police officer, assistant chief of police, wine monopoly, police inspector, mounted police officer.

Город Уфа делился на четыре части, в каждой из которых до 1886 г. проживало около семи тысяч человек. По последней переписи населения, состоявшейся в 1897 г., количество жителей в Уфе составляло 49961 человек.

В связи со значительным увеличением количества населения Уфы во второй половине XIX в., а также расширением его территории и развитием торгово-промышленной жизни города увеличилось и количество совершенных правонарушений. Каждый год количество населения увеличивалось примерно на 35 – 38 тысяч человек. Увеличение численности населения на территории Уфимской губернии в 1893 г. составило 34725 [1, с. 24], а в 1898 г. – 39421 человек [2, с. 24].

В конце XIX века штат полиции города Уфы состоял из полицмейстера, трех полицейских приставов и трех их помощников. Территория губернии была разделена на шесть уездов во главе с

уездным исправником. Уезды делились на тридцать четыре участка во главе со становым приставом. Кроме того, в губернии имелось пять полицейских надзирателей: по одному в г. Стерлитамаке и Мензелинске, и три в г. Златоусте.

Полицейские функции в волостях выполняли сто двадцать полицейских урядников, численность которых не изменялась с 1878 года 34725 [3, л. 1]. Кроме того, в штате полиции имелось девять полицейских надзирателей, которые выполняли полицейские обязанности в городах: по одному в Бирске и Белебеевске, по два в Стерлитамаке и Мензелинске и три в Златоусте 34725 [3, л. 2].

В 1893 г. по инициативе министра финансов С. Ю. Витте в очередной раз была введена винная государственная монополия [4, с. 10]. Для реализации винной монополии, по мнению Государственного Совета, 8 июня 1893 г. было принято два нормативных акта: «О патентном сборе с заведений для продажи

крепких напитков», который установил порядок взимание «патента на всякого рода заведения для продажи крепких напитков, оптовые продажи пива, меда, а также русского виноградного вина не менее одного ведра» [5] и «Об установлении в некоторых местностях России казенной продажи питей» [6]. По представлению министра финансов с 1895 г. в Пермской, Уфимской, Оренбургской и Самарской губерниях в виде опыта был введен патентный сбор с заведений для продажи крепких напитков.

Целесообразно ли было введение именно на территории Уфимской губернии винной монополии, была ли она экономически обоснованной? Если проанализировать объекты, расположенные на территории губернии, то увидим, что действовали 11 винокуренных заводов, из которых 2 завода были водочными, а 2 спиртоочистительными. В 6 пивоварнях губернии занимались медоварением, где в 1893 г. производилось 223586 $\frac{1}{2}$ ведер водки [2, с. 23]. Государство получало огромные суммы от реализации спиртосодержащей продукции. Безусловно, из экономических соображений введение питейного сбора с продаж крепких напитков на территории Уфимской губернии со стороны государства рассматривалось вполне закономерно.

Количество заведений для изготовления крепких напитков накануне введения патентного сбора на территории Уфимской губернии оставалось, как и прежде – 13, в которых производилось 21630 ведер спиртосодержащей продукции, на 1394 ведра более, чем в предыдущий год [2, с. 24].

С момента возникновения регулярной полиции в России на ее чины возлагались обязанности соблюдения питейного и акцизного уставов. Согласно ст. 96 Устава о питейном сборе деятельность полиции была направлена «на поддержание общественной безопасности, благочиния и народного здоровья». В диспозиции указанной статьи было изло-

жено, что «на местах, где не существовало особой торговой полиции, общая полиция обеспечивала порядок продажи напитков, производимых установленным патентом, а также предупреждала продажу напитков в неустановленных местах и развоз напитков без свидетельства в тех случаях, когда это требовалось» [7, с. 36].

На основании ст. 97 Устава питейного по предупреждению нарушений, установленных правил изготовления и продажи спиртных напитков полиция осуществляла взаимодействие с акцизным управлением. Для исполнения полицией обязанностей по «Уставу о питейном сборе» Министерством внутренних дел от 12 сентября 1866 г. была издана «Инструкция полициям об обязанностях по питейному сбору по питейным сборам». Инструкция более подробно определила обязанности полиции по двум направлениям: «Общие обязанности полиции по наблюдению за заведениями для выделки и продажи акцизных напитков» и «Особые обязанности полиции по содействию акцизному управлению в охранении доходов казны» [7, с. 219].

Инструкция, состоящая из 32 параграфов, возлагала на полицию обязанности по реализации Устава «О питейном сборе». На основании ст. 146 Устава «по требованию акцизного управления или приглашении заводчика или его поверенного полиция была обязана прибыть в установленный срок с понятыми для снятия печатей на заводах, выпускающих напитки, подлежащие акцизу» [7, с. 219].

Ст. 252 и 253 Устава «О питейном сборе» обязывали чинов полиции «присутствовать при освидетельствовании в таможене отправляемой за границу водки». К обязанностям полиции относилось «производство дознания при пожаре винокурного завода или заводских подвалов с вином не оплаченным акцизом с последующей передачей собранных сведений судебному следователю для производства следствия» [7, с. 219].

Чины полиции оказывали помощь представителям акцизного управления «в случаях оказываемого им сопротивления при выполнении ими законных обязанностей».

В случаях «обнаружения чинами полиции производства питей на заводах без патентов или без свидетельства» полиция имела право «запечатать завод со всеми находящимися в нем питьями и другими изделиями, припасами, материалами» и «известить о этом акцизное управление и передать производство следствия судебному следователю» [7, с. 219].

С принятием указанных нормативных актов полиция активизировала свою деятельность по предупреждению и пресечению незаконной продажи вина и другой спиртосодержащей продукции среди населения. Возложение дополнительных обязанностей, установление сроков своевременного их выполнения требовали от чинов полиции больших усилий и знания нормативных актов по уставу «О питейном сборе». Однако отсутствие достаточного количества чинов полиции не позволяло выполнять возложенные на них обязанности. Одним из эффективных вариантов выполнения возложенных руководством губернии и Министерством внутренних дел обязанностей, рассматривалось введение дополнительных должностей в штат полиции Уфимской губернии.

Механизм создания дополнительных штатов чинов полиции был следующим. Губернатор обращался с соответствующим обоснованным предложением к министру внутренних дел, а он это предложение вносил в Государственный совет для рассмотрения и принятия решения.

30 мая 1898 г. Министр внутренних дел И. Л. Горемыкин направил на имя государственного секретаря письмо за № 2574 «Об усилении состава полиции в Уфимской губернии» [3, л. 1].

Со стороны Министерства внутренних дел предлагалась «учредить долж-

ность помощника полицеймейстера в г. Уфе, который отсутствовал с момента основания полиции в городе. При этом из казны государства на содержание помощника полицмейстера определялась сумма в размере 1000 рублей [3, л. 2 об.].

Предлагалось один из административных участков полицейского надзирателя в городе Златоусте Уфимской губернии разделить на два с назначением полицейского пристава и его помощника на вновь созданный административный участок. По предоставленным данным видно, что на территории вновь образованного административного участка располагалось 800 жилых домов, где постоянно проживало более 6000 жителей. На участке были расположены до 80 торговых и промышленных заведений, большинство которых реализовали спиртные напитки.

Территория участка составляла более 4 кв. верст, находилась вблизи вокзала Самаро-Уфимской железной дороги, через который ежедневно в город прибывало большое количество людей. Географические и экономические особенности административного участка требовали постоянного полицейского надзора. По предложению губернатора вновь назначенным чинам полиции предлагалось годовое жалование – приставу 600 руб. и на канцелярские расходы 200 рублей, а его помощнику из казны государства предлагал жалование в размере 400 рублей [3, л. 5 об.].

С образованием нового административного участка полицейского пристава на территории г. Уфы предлагалось назначить нового полицейского надзирателя г. Златоуста «ввиду встречаемой крайней надобности с увеличением количества населения города от 15054 до 20973 человек» [3, л. 3 об.].

Губернатор Уфимской губернии Н. М. Богданович предлагал увеличить количество чинов уездной полиции. В своем обращении на имя министра внутренних дел он указывал: «При налич-

ности в пределах Уфимской губернии около 4000 отдельных поселений, разбросанных на огромном пространстве и разъездных в административном отношении на 178 волостей, существующих полицейских урядников в количестве 120 на губернию оказалось недостаточным» [3, л. 3]. Основная тягость выполнения полицейской обязанностей попадала на плечи полицейских урядников, каждый из них обслуживал огромный административный участок. Некоторые уряднические участки состояли из 2-х или 3-х волостей и более 40 поселений, а простирались нередко на 100 верст.

По словам Н. М. Богдановича все это создавало большие трудности для полицейских урядников, требуя от каждого из них больших усилий при выполнении возложенных обязанностей на чины уездной полиции. По предложению губернатора для сокращения размера административного участка полицейского урядника требовалось «еще 20 конных полицейских урядников, с присвоением следующего им по закону содержания по 350 руб. 55 коп (200 руб. жалованья, 50 руб. на обмундирование, 100 руб. на содержание лошадей и 55 коп. на ремонт шапки) каждому в год» [3, л. 4].

На осуществление предложенного Уфимским губернатором варианта по увеличению необходимого количества чинов полиции требовалось 10711 руб. в год. Министерство финансов со своей стороны согласилось на финансирование содержания полиции в связи с увеличением расходов. От незаконной продажи вина государственная казна не получала достаточного количества прибыли. Предупреждением и пресечением незаконной продажи вина занималось Министерство финансов, которое осуществляло финансовую политику государства и было ответственным за сбор бюджета и его распределение.

Министр финансов статс-секретарь С. Ю. Витте согласился с введением

должности полицейского надзирателя в г. Стерлитамаке. Выделение из казны государства 7561 руб., требующихся на содержание 20 должностей конно-полицейских урядников и полицейского надзирателя в г. Бирске, также было согласовано. Что касается предложения министра внутренних дел о добавлении должностей помощника полицмейстера, полицейского пристава и двух его помощников в г. Уфе руководство Министерства финансов согласилось выделить за счет казны только половину требуемой суммы в размере 1300 рублей. При этом сокращение запрашиваемой суммы на половину представители министерства аргументировали тем, что «введение этих должностей не связано с введением питейной монополии» [3, л. 7].

Выделение недостающей части требуемой суммы взяла на себя городская казна. На основании решения Уфимской городской думы на заседании 23 сентября 1898 г. было установлено: «Принять на городские средства расходы в сумме 1300 руб. на содержание проектируемых должностей полиции г. Уфы» [3, л. 7].

В конце своего обращения руководство Министерства внутренних дел указывало, на что будет израсходована запрашиваемая сумма на содержание Уфимской губернской полиции из казны государства. По предоставленным расчетам Н. М. Богдановича приставу г. Уфы на годовое жалование отпускалась 600 рублей, а на канцелярские расходы предусматривалась еще 200 руб., каждому 800 руб. На содержание двух его помощников – по 400 руб., двух полицейских надзирателей 1-го разряда в городах Бирске и Стерлитамаке по 400 руб. каждому – 800 руб., им же на канцелярские расходы по 150 руб. – 300 руб. На содержание 20 урядников по 350 руб. 55 коп. жалования – 7011 руб. Всего 10711 руб. в год [3, л. 7 об.].

Заключение министра внутренних

дел И. Л. Горемыкина «Об усилении состава полиции в Уфимской губернии» 30 мая 1898 г. было направлено на имя Государственного секретаря для рассмотрения [3, л. 1].

Для согласования требуемой суммы на расширение штатов полиции в Уфимской губернии и включение испрашиваемого кредита в проект сметы Министерства внутренних дел на 1899 г. руководство Министерства внутренних дел обратилось с письмом от 5 июня 1898 г. № 2655 на имя руководства Государственного контроля. Без соответствующего разрешения не могли осуществлять расходы денег из государственного бюджета [3, л. 3].

История Государственного Контроля Российской империи начинается с подписания Манифеста императора Александра I «Об устройстве Главного управления ревизии Государственных счетов» от 28 января (9 февраля) 1811 г. [8]. В период правления императора Николая I на основании именного указа от 30 декабря 1836 г., данного Сенату, Главное управление ревизии Государственных счетов было преобразовано в Государственный контроль, во главе которого стоял государственный контролер [9].

Государственный контроль был одиозным органом управления, среди руководителей министерств, ведомств и губернаторов не пользовался авторитетом за скупость и формализм. Для получения нужной суммы для нужды губернии надо было, соблюдая определенные формальности, пройти бюрократический путь, который продолжался до полугода, а иногда и больше с момента обращения в его адрес. Этот бюрократический путь со стороны государственного управления должностные лица министерств и губернаторы называли «кругами ада». Некоторые авторы утверждали «Пост государственного контролера был самым ничтожным по диапазону творчества и

самым сильным по диапазону разрушений. Государственный контролер не ведал ничем, и ведал всем. Его глаза и уши или, вернее, – его щупальца, были запущены во все ведомства. И всем он мог наделать кучу пакостей» [10, с. 13].

При этом ради справедливости стоит отметить, что это был важный орган государственного управления Российской империи, осуществляющий контрольно-счетные и наблюдательные функции в области доходов и расходов, а также хранения капиталов государственных бюджетов всех министерств и ведомств по отдельности. Перед тем как в государственном совете принималось решение о выделении денег на содержание отдельных министерств и ведомств по проведению реформ и их финансированию, о создании каких-либо структурных подразделений, они должны были проходить согласование в Государственном Контроле, где давалось заключение об обоснованности и целесообразности расхода бюджетных денег.

Государственный контролер, сенатор Т. И. Филиппов, рассмотрев обращение Министра внутренних дел от 5 июня 1898 г. № 2655 и изучив все факты, изложенные по увеличению количества чинов полиции на территории Уфимской губернии, пришел к выводу о том, что размер требуемого расхода кредита на усиление полиции в губернии «мог бы составить только 4404 руб. 40 коп» [3, л. 16].

Сокращение расходов на содержание полиции сенатор Т. И. Филиппов обосновал в своем ответе, адресованном на имя Министра внутренних дел. Он не согласился с введением должности помощников полицмейстера в Уфимской городской полиции. По утверждению Т. И. Филиппова «Должность помощника полицмейстера имеется далеко не во всех губернских городах, в частности, в рассматриваемый период помощники полицмейстера отсутствовали в горо-

дах Пенза, Полтава, Ярославль и других [3, л. 18 об.].

Т. И. Филиппов отметил, что после учреждения должности полицейского надзирателя в г. Бирске для пресечения незаконной продажи вина с введением казенной винной монополии в 1895 г. [11], за три года (с 1895 по 1897 гг.) было выявлено «всего лишь 293 случая нарушения, только два из которых являлись значимыми: тайное водворения вина в пределах Уфимской губернии из соседних Казанской и Витебской, где еще не была введена казенная продажа питей и продажа казенного вина в торговых заведениях частных лиц из распечатанной посуды без надлежащего разрешения» [3, л. 10 – 10 об.]. По его мнению, учреждение новой должности полицейского надзирателя в г. Бирске возможно «не иначе как временно, до 1 июля 1901 года». Т. И. Филиппов утверждал, что «... в этом ежели есть действительная надобность, ибо надзор за торговлей вином, помимо акцизных чиновников лежит на обязанностях акцизных надсмотрщиков, в случаях надобности, по усмотрения министра финансов может быть увеличен» [3, л. 10 об.].

Руководство Министерства внутренних дел с решением Т. И. Филиппова не согласилось и 15 сентября 1898 г. обратилось на имя Государственного секретаря для внесения в Государственный совет проекта об увеличении состава чинов полиции в Уфимской губернии с аргументированными объяснениями на предложения руководителя Государственного контроля. По мнению руководства Министерства внутренних дел, с введения действующего штата полиции г. Уфы численность населения с 12452 человек увеличилась до 50000 человек. «С увеличением численности городского населения, как отмечалась, усложняются обязанности местной полиции» [3, л. 21]. Существенно увеличился объем выполняемых работ полицмейстера. «Количество бумаг, поступающий в его адрес, в

год доходит до 32000, а канцелярия полицейского управления состоит из одного чиновник-секретаря» [3, л. 21].

Общее количество совершенных преступлений в губернии с каждым годом увеличивалось. По отчетам руководства Уфимской губернии за 1893 г. число обнаруженных преступлений и проступков «по делам, подсудным общим судебным установлениям, составило 4297, а число осужденных составило 2146 человек» [1, с. 54]. В 1896 г. количество преступлений и проступков вновь увеличилось, и число лиц, привлеченных к ответственности, составило 48355 человек [12, с. 56]. Приведенные аргументы давали повод к увеличению количества чинов полиции на территории губернии.

Руководство МВД отвергло предоставленные данные со стороны Государственного контроля из-за их неточности и недостоверности. В частности, опровергалось утверждение Т. И. Филиппова о том, что «должность помощника полицмейстера имеется не во всех губернских городах». Должность помощника полицмейстера в городе Ярославле была введена 24 ноября 1897 г. [13]. По учреждению должности помощника полицмейстера в городах Полтава и Пенза «Министерством внутренних дел возбуждено особое ходатайство» [3, л. 21].

Руководство Министерства внутренних дел настаивало на введении должности полицейского надзирателя в г. Бирске. И. Л. Горемыкин отмечал, что «в настоящее время в г. Бирске население доходит до 8603 человек, а при этом в городе имеется лишь один полицейский надзиратель, который «не в состоянии вполне аккуратно и без замедлений исполнять все лежащие на нем обязанности» [3, л. 21].

Очевидно, Министра внутренних дел интересовало количество и качество возложенных обязанностей на полицейского надзирателя, что являлось немаловажным фактором, формирующим общественное мнение о полиции среди

жителей его административного участка, которое отчасти зависело от своевременного выполнения возложенных на него обязанностей. При этом руководство Министерства внутренних дел не согласилось с мнением Т. И. Филиппова «о временном введении этой должности». «Учреждение второй должности полицейского надзирателя в г. Бирске представляется крайне необходимым и не на срок, как полагает Государственный контролер, а постоянно», отмечал в своем обращении министр внутренних дел [3, л. 23].

Руководство Министерства внутренних дел не согласилось с мнением Т. И. Филиппова об оставлении в прежнем количестве полицейских урядников. «Со дня введения в Уфимской губернии должностей полицейских урядников, как отмечал министр внутренних дел, прошло 20 лет. За столь продолжительный период времени количество населения значительно увеличилось, и в губернии образовались новые поселения» [3, л. 21]. В рассматриваемый период численность населения Уфимской губернии (не считая городов) составила 2114830 человек. Кроме того, имелось около 4000 отдельных поселений и 178 волостей. Существенным образом увеличилось не только количество и размеры административных участков, закрепленных за каждым полицейским урядником, но и количество проживающего в них населения. Теперь каждому уряднику приходилось обслуживать по 30 поселений с населением более 1700 тысяч человек, при протяженности участка до 100 квадратных верст [3, л. 27]. Все это создавало дополнительную нагрузку на каждого полицейского урядника при выполнении возложенных на него обязанностей.

С введением ряда реформ во второй половине XIX в. увеличилось количество отдельных поручений полицейским урядникам со стороны судебного следователя, мирового судьи и им повседневно приходилось выполнять их. Обращение

министра внутренних дел «Об усилении состава полиции в Уфимской губернии» Государственным советом и соединенных департаментом законов государственной экономии было рассмотрено 3 октября 1898 г. с участием заместителя министра внутренних дел – сенатора барона А. Искуля, представителя Государственного Контроля и заместителя министра финансов – тайного Советника П. Романова. Государственный Совет соединенных департаментом законов Государственной экономии в своем заседании от 3 октября 1898 г., рассмотрев обращение руководства Министерства внутренних дел, принял следующее решение: «Признавая проектируемые министром внутренних дел сенатором И. Л. Горемыкиным усиления полиции в Уфимской губернии, в виду значительного за последние годы увеличения местного населения» а также, «в целях успешной борьбы с незаконной продажей вина» удовлетворить обращение министра внутренних дел по усилению состава полиции в Уфимской губернии [3, л. 11 об.].

В состав Уфимской городской полиции были введены новые должности: помощника полицмейстера, одного полицейского пристава второго разряда и двух помощников пристава [3, л. 23; 14, с. 27]. Была учреждена должность полицейского надзирателя в г. Бирске первого разряда и на средства государственного казначейства – должность полицейского надзирателя в г. Стерлитамаке [3, л. 23]. Кредит на содержание полицейских урядников Уфимской губернии был увеличен на сумму семь тысяч одиннадцать рублей. Из общей суммы – десять тысяч семьсот рублей, девять тысяч четыреста одиннадцать рублей были отнесены на средства государственного казначейства, а остальные тысяча триста рублей на доходы г. Уфы.

Решение Соединенных департаментов законов и государственной экономии об усилении состава полиции в Уфимской губернии было утверждено импе-

ратором Российской империи 11 ноября 1898 года [15].

Принесли ли положительные результаты усилия губернской властей и Министерства внутренних дел по увеличению численности чинов полиции на территории Уфимской губернии по реализации принятых мнений Государственного совета «О патентом сборе с заведений для продажи крепких напитков» [16], «Об установлений в некоторых местностях России казенной продажи питей» [17]. Изучив отчет уфимского губернатора в конце XIX века об организации деятельности полиции в указанный период времени, мы пришли к выводу, что в нем рассматривались положительные результаты. Существенно увеличились собираемые доходы от продажи спиртосодержащей продукции, по сравнению с 1896 г. по 1897 г., чистый доход, поступающий в казну государства, составил 653696 рублей в год, т. е. по 1 руб. 36 ½ коп. на каждое проданное ведро питей [12, с. 35]. По мнению руководства губернии, улучшилось качество продаваемых напитков, что было следствием пресечения со стороны полиции изготовления и реализации некачественных спиртных напитков. Почти в половину уменьшилось на территории губернии пьянство, чинами полиции было задержано для вытрезвления лиц на ½ менее по сравнению с предыдущими годами [18, с. 35–39].

Проведенные исследования по усилению полиции в Уфимской губернии в конце XIX века позволяет сделать некоторые выводы.

1. В конце XIX века в большинстве губерний общее количество уездных и городских чинов полиции по штату оставалось на уровне 25 декабря 1862 года, при этом существенно увеличилось количество населения России. В результате проведения крестьянской, судебной, земской, военной, городской реформ на полицию были возложены дополнительные обязанности.

2. Из-за отсутствия денег в казне государства чины полиции по-прежнему получали мизерное жалование, не смотря на существенное увеличение стоимости товаров первой необходимости за последние 30 лет. Чины полиции относились к необеспеченной части населения и при первой возможности оставляли службу в полиции и уходили в другие министерства и ведомства.

3. Государственные органы, в частности Государственный контроль, Министерство финансов неохотно финансировали вынесенные проекты об улучшении материального положения полиции. При первой же возможности финансирование уездной полиции возлагали на плечи представителей органов губернских или городских властей, несмотря на отсутствие доходов в бюджетах губернской и уездной администрации.

4. Рассмотрение проекта министра внутренних дел по улучшению материального положения чинов полиции сопровождалось волокитой, многочисленным формализмом, согласованием с многими министерствами и ведомствами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Обзор Уфимской губернии за 1893 г. Приложение ко всеподданнейшему отчету губернии. Изд-во Уфимского статистического комитета. Уфа. 1894. [4], 84 с. : табл.
2. Обзор Уфимской губернии за 1898 г. Приложение ко всеподданнейшему отчету губернии. Изд-во Уфимского статистического комитета. Уфа. 1900. [4], 129, [98] с. : табл.
3. РГИА.Ф. 1149. Оп. (Т) 12. 1898. Д. 75.
4. Ячменев Г. Г. История винной монополии в России (финансово-правовой аспект) // Ис-

полнительное право. 2010. № 1. С. 38–87.

5. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. 3. Т. XIII. № 9739.

6. ПСЗ РИ. Собр. 3. Т. XIII. № 9740.

7. Устав о питейном сборе, дополнений по предложениям 1868 и 1869 и 1871 годов и позднейшим узаконениям. С разъяснениями по решениям Правительствующего Сената и циркулярами Министра финансов. Санкт-Петербург. 1872. Изд. 2-е. С.-Петербург : [Тип. Ретгера и Шнейдера], 1872. VII, 391 с.

8. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXXI. № 24502.

9. ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. XI. № 9812.

10. Алексеева С. И. Т. И. Филиппов и С. Ю. Витте: к вопросу об обстоятельствах реализации реформаторского курса С. Ю. Витте // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. История России: экономика, политика, человек. Санкт-Петербург. 2011. № 5. С. 13 – 19.

11. ПСЗ РИ. Собр. 3. Т. VII. № 10766.

12. Обзор Уфимской губернии за 1896 г. Приложение ко всеподданнейшему отчету губернии. Изд-во Уфимского статистического комитета. Уфа. 1897. [4], 99, [109] с. : табл.

13. ПСЗ РИ. Собр. 3. Т. XII. № 14685.

14. Асеев И. А., Масалимов А. С. К вопросу о реформировании полиции Российской империи во второй половине XIX века (на материалах Уфимской губернии). Вестник ВЭГУ №2 (82). Уфа. 2016. С. 32–40.

15. ПСЗ РИ. Собр. 3. Т. XVIII. № 16050.

16. ПСЗ РИ. Собр. 3. Т. XIII. № 9739.

17. ПСЗ РИ. Собр. 3. Т. XIII. № 9740.

18. Обзор Уфимской губернии за 1895 г. Приложение ко всеподданнейшему отчету губернии. Изд-во Уфимского статистического комитета. Уфа. 1896. [6], 86, [113] с. : табл.

© **Ахмедов Ч. Н.**

© **Удальцов А. А.**

УДК 340.11(470)

В. С. КАРНОВИЧ, адъюнкт Восточно-Сибирского института МВД России (г. Иркутск)

V. S. KARNOVICH, Postgraduate of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Irkutsk)

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ ПРАВА В КОНТЕКСТЕ СУЩНОСТНЫХ ЕГО СВОЙСТВ КАК СОЦИАЛЬНОГО РЕГУЛЯТОРА

BASIC APPROACHES TO UNDERSTANDING LAW IN THE CONTEXT OF ITS ESSENTIAL PROPERTIES AS A SOCIAL REGULATOR

Аннотация. При рассмотрении права в общем аспекте, можно выделить, что оно является сложным социально-правовым явлением, то есть системой норм (правил поведения), регулирующих общественные отношения, однако регулятивную функцию выполняют наряду с правом иные виды социальных регуляторов, в частности мораль, религия, этические и иные нормы. Именно в таком подходе к определению права можно увидеть право как общесоциальную ценность права, которая не должна подвергаться влиянию идеологии и стереотипов. При подробном изучении характеристика права, выраженная в позитивных правовых обязательствах и высокой степени их обеспеченности, позволит ожидать, что в результате интенсивного использования правовых инструментов будет достигнут предполагаемый результат. Все предыдущие дискуссии о праве были сосредоточены на нём, как на системе правовых норм, регулирующих отношения людей в обществе. Сейчас же право, как совокупность всех правовых норм, как правило, называют в прецедентном праве объективным правом (право в объективном смысле).

Ключевые слова и словосочетания: право, социальное регулирование, правовое регулирование, понимание права, сущность права, онтология, гносеология.

Annotation. When considering law in a general aspect, it can be noted that it is a complex socio-legal phenomenon, that is, a system of norms (rules of conduct) regulating social relations, however, other types of social regulators, in particular morality, religion, ethical and other norms perform a regulatory function along with law. It is in this approach to the definition of law that one can see law as a general social value of law, which should not be influenced by ideology and stereotypes. The detailed study shows that the characteristics of law, expressed in positive legal obligations and a high degree of their availability will allow us to expect that the intended result will be achieved due to the intensive use of legal instruments. All previous discussions about law have focused on it as a system of legal norms regulating the relations of people in society. Now law, as a set of all legal norms, is usually called objective law in case law (law in the objective sense).

Keywords and phrases: law, social regulation, legal regulation, understanding of law, the essence of law, ontology, epistemology.

Одним из актуальных вопросов в юридической науке занимает проблема понятия права. Решение проблемы понимания права содействует разрешению спорных вопросов, имеющих место как в науке теории государства и права, так и иных юридических отраслевых и социальных наук в целом. Помимо этого,

понимание права через раскрытие его сущностных свойств оказывает практическое воздействие на правотворческий процесс и правоприменительную деятельность.

Рассмотрим, что же представляет собой право как социальное и юридическое явление? Право рассматривается

под различным углом зрения, в том числе философским, социологическим, психологическим, юридическим и т.п. Многообразие данных подходов составляет идеологическую основу и методологическую базу научного исследования понимания права. Каждая научная доктрина о понимании права как социального явления имеет свой подход к определению, в котором сконцентрированы основные взгляды на право.

Стоит сказать, что ни одно определение права, несмотря на его развёрнутость, не может полностью раскрыть сущность права, так как оно является сложным и многогранным явлением. Также необходимо обратить внимание на следующий факт, что юридическая наука, в виде непрекращающегося процесса познания, постоянно пополняется новыми знаниями о праве.

Каждое из предлагаемых определений права приводит к внесению дополнений к представлению о праве. В связи с этим уместно вспомнить известные слова немецкого философа, родоначальника классической философии Иммануила Канта о том, что юристы все еще ищут свое понятие права. Поэтому позиция отдельных правовых школ, которые полагают, что ими предложено определение права отражает его свойства всесторонне и полностью, следует считать необоснованной [1, с. 1–2].

На данный момент, если рассматривать право в общем аспекте, можно сказать, что право как сложное социально-правовое явление есть система норм (правил поведения), регулирующих общественные отношения, однако регулятивную функцию выполняют наряду с правом иные виды социальных регуляторов, в частности мораль, религия, этические и иные нормы.

Всесторонний подход к пониманию права предполагает охват всей совокупности его свойств и признаков. Именно в таком подходе к определению права можно увидеть право как общесоциаль-

ную ценность права, которая не должна подвергаться влиянию идеологии и стереотипов.

Учитывая вышесказанное, следует рассматривать право как систему общеобязательных, установленных или признанных государством и гарантированных им норм, определяющих меру свободы лица в обществе [2, с. 2].

Вместе с тем всесторонность подхода к пониманию права предполагает использование методологии иных социальных наук. Например, с развитием аксиологии (учения о ценностях) в философской правовой мысли стало возможным более чётко и основательно рассмотреть характер места и роли права в жизни общества.

Таким образом, если рассматривать право с аксиологической точки зрения в контексте цивилизационного подхода, то право стоит понимать как необходимость, средство социального регулирования, социальное благо и ценность. Исследуя понимание права как ценность, можно подчеркнуть его особенности как институционального образования [3, с. 59–63]. Благодаря этому право обладает рядом таких свойств, как общеобязательность, нормативность, обеспеченность и гарантированность, формальная определённость, которые в совокупности раскрывают признаки права.

В контексте развивающегося у нас понимания права можно в целом сказать, что доктрина (концепция) права, в отличие от закона, является онтологией права.

Онтология изучает взаимосвязь между бытием и сущим. К проблемам онтологии относятся вопросы: Как бытие выражается через сущее? Какие формы оно принимает? Какие закономерности существуют? При этом бытие можно условно разделить на природное целое и осознаваемое человеком [4, с. 1–3].

Тема онтологии в более узком смысле изучает противостояние бытия и небытия, сущего и несущего. Проще говоря, в

узком смысле онтология решает вопрос: «Что существует, а чего нет?»).

Основной фундамент в развитии онтологии заложили древние греки. Древнегреческий философ Парменид был первым, кто рассматривал не только существующие объекты и процессы, но и поднял в своих трудах вопрос бытия в целом, он обратился к вопросам бытия и познания, заложив фундамент онтологии. Одной из ключевых фигур в онтологии нового времени становится Иммануил Кант [4, с. 1–3].

Онтология права представляет собой философскую теорию права, которая исследует и интерпретирует такие вопросы, как неизбежность существования и корень бытия.

Онтологический вопрос права – это вопрос, на который философия права не может избежать и на который нужно ответить в первую очередь. Юристы, исходя из разных классовых позиций, разных мировоззрений, имеют разные отношения и взгляды на онтологию права. Некоторые теории права отрицают и скрывают проблему онтологии права, и в конечном итоге наука не может понять правовой феномен. Как правило, идеалистическая юриспруденция сводит закон к воле Бога, мистическому духу или психологическому явлению, а старая материалистическая юриспруденция не может полностью реализовать материалистические принципы в онтологических вопросах, часто изолируя корни права, разделяя проблемы эссенциализма с эпистемологическими проблемами и, в конечном итоге, впадая в теоретический идеализм.

Марксистская философия права четко признает существование онтологической проблемы права и научно раскрывает истинную онтологию права. С позиции и точки зрения на онтологические проблемы права раскрывается сущность права, становится отправной точкой всей философской теории права и очерчивает границы с другими фило-

софскими теориями права.

Онтология права является центральной проблемой, которая долгое время игнорировалась в юридических исследованиях, которые можно проанализировать по четырём аспектам.

Во-первых, исследуется этимология термина “онтология”, раскрывается значение исследуемой онтологической проблемы. Во-вторых, онтологическая коннотация онтологии права в категории естественного права предлагается через онтологическую теорию права, которая разъясняет онтологию “неправомерного закона зла”. В-третьих, анализируется его связь с правовой онтологией в контексте исторической эволюции естественного права. В-четвертых, проводится сравнительный анализ естественного права и его относительного правового позитивизма в онтологической категории.

Обозначим несколько моментов, характеризующих специфические свойства права как нормативного институционального образования. Во-первых, это возможность (способность) права обеспечить общую стабильность общественных отношений [5, с. 1–19].

Во-вторых, это свойство права достичь определённости для самого содержания общественных отношений. Главную роль играет такое свойство права, как формальная его определённость [6, с. 17]. Благодаря этому свойству права формализованы юридические нормы, которые закреплены в письменных источниках. Из этого следует главная особенность права – институциональность. Институциональность даёт понять, что правовое регулирование имеет чёткие границы, указывает на суть, на возможность или необходимость поведения и другие характеристики. Вследствие этого правовое регулирование становится социально ценным, так как не только охватывает необходимые формы социума, но и устанавливает пределы препятствующие четкому произволу, своеволию и порождает правомерное поведение.

В-третьих, право предоставляет возможность достичь «гарантированного результата». Характеристика права, выраженная в позитивных правовых обязательствах и высокой степени их обеспеченности, позволяет ожидать, что в результате интенсивного использования правовых инструментов будет достигнут ожидаемый результат.

Стоит отметить, что ценность права не исчерпывается возможностями или способностями, заложенными в его свойствах. Не менее важным является тот факт, что право является результатом развития цивилизации и культуры, предназначенным не только для выполнения ряда основных требований цивилизованного общества, но и для воплощения смыслов цивилизации и культуры. Следовательно, право как социальный феномен обладает инструментальной ценностью [8, с. 15–17].

В силу процесса исторического развития права сконцентрировало в себе ряд социальных регуляторов. Право является не присущим никакому другому социально-политическому процессу явлением, обладает ценностью упорядочения социальной свободы и справедливости. В этом качестве право даёт возможность активности в поведении и параллельно оно направлено на исключение произвола и своеволия.

Право имеет уникальную социальную ценность, поскольку оно воплощает в себе целостный союз фундаментальных основ цивилизованного общества, их нормативных требований [6, с. 15–17].

Как и любой другой социальный регулятор, право обладает рядом свойств, основными из которых, помимо нормативности и формальной определенности, выступает его системность. Необходимо заметить, что все свойства права неразрывно связаны между собой [1, с. 1–2]. Системность заключается в том, что право – это не механический свод правовых норм, из которых оно состоит, а целостная система, где все нормы взаимосвя-

ны, и каждая отдельная норма занимает строго определенное место.

Правовая норма является универсальной нормой поведения на государственном уровне (модель, масштаб), т. е. она применима ко всем случаям возникновения ситуации, разрешенной с ее помощью. Кроме того, нормотворческая деятельность также основывается на общем обязательном характере права (любая норма права применяется ко всем лицам, оказавшимся в ситуации, для которой она предназначена). Всеобщность права и его общеобязательность невозможны без установления правовых норм в письменных документах, изданных государством или признанных государством.

Одним из основных свойств права является гарантированность государством. Это свойство выступает логическим продолжением его нормативного характера, поскольку универсальность и неотчуждаемость закона не могут быть достигнуты без государственных гарантий. Гарантия права государством, в свою очередь, предполагает владение правом в качестве формальной гарантии (невозможно гарантировать право без наличия письменных документов, устанавливающих соответствующие правовые нормы). Гарантированность права государством, если определить это свойство в самом общем виде, означает, что государство гарантирует пользование правами, предоставленными лицу законом, и в случае их нарушения принимает меры по их восстановлению и привлечению виновных к ответственности.

Следом предлагаю рассмотреть подходы к сущности права и их многообразию. Категория «сущности» является, как известно, философской категорией. Философы понимают под сущностью внутреннюю, глубинную, скрытую, относительно устойчивую сторону того или иного предмета, явления, процесса, определяющую его природу, совокупность черт и другие характеристики.

Когда эта категория применяется к праву, разные школы права имеют разные (иногда совершенно противоположные) взгляды на природу права. Не вдаваясь в их подробное обсуждение, отметим, что до недавнего времени наша официальная юриспруденция (марксистско-ленинская теория права) видела сущность права в своем классе. Ущерб, вытекающий из такого понимания сущности права, очевиден. Он ведет к игнорированию правом интересов меньшинств и прав человека, что служит серьезным препятствием для формирования истинного, демократического государства.

Чем же на самом деле определяется природа права? Что на самом деле является его глубиной и сущностью [1, с. 1–2]. Как регулятор общественных отношений, право устанавливает пределы возможного (разрешенного) поведения для каждого члена общества. Поэтому, если человек желает стать собственником имущества, он может приобрести его в порядке, предусмотренном законом (если закон, естественно, не запрещает иметь это имущество в собственности), а также владеть, пользоваться и распоряжаться им в пределах, установленных законом.

Однако другие лица обязаны не вмешиваться в собственность другого лица и соблюдать все требования закона владельца. Таким образом, с одной стороны, закон дает человеку свободу внешнего самоопределения (дает ему возможность действовать по своему усмотрению). Это главная цель, смысл, цель права. С другой стороны, право ограничивает эту свободу в определенных пределах. Но это не главная его цель. Это принудительная мера, конечная цель которой сделать всех и каждого по-настоящему свободными. Об этом очень хорошо сказал французский правовед, философ политолог и писатель Ш.Л. Монтескье: «Свобода есть право делать то, что дозволено законами. Если бы гражданин мог делать все, что этими законами запрещается, то у него

не было бы свободы, так как то же самое могли бы делать и прочие граждане». С приведенным высказыванием Монтескье трудно не согласиться. Действительно, не может быть свободно одно лицо, если его свобода не согласуется со свободой других лиц [1, с. 1–2].

Все предыдущие дискуссии о праве были сосредоточены на праве как системе правовых норм, регулирующих отношения людей в обществе. Право как совокупность всех правовых норм, как правило, называют в прецедентном праве объективным правом (право в объективном смысле). В этой концепции права акцент делается на социальном элементе, который он содержит (закон рассматривается с точки зрения общества в целом). Однако право содержит и личностный элемент.

Это находит свое отражение в том, что в нем закреплены индивидуальные права лиц, защищаемых объективным правом. В юриспруденции это право называется субъективным. Говоря о праве в субъективном смысле, следует всегда помнить, что оно не ограничивается индивидуальными правами личности, поскольку каждая правовая норма, устанавливая определенные права, также устанавливает соответствующие обязательства. Деление права на объективное и субъективное коренится в самой жизни. Всегда надо знать, идет ли речь о праве в смысле правовых норм или в смысле наличных прав участников общественных отношений [7, с. 5].

С одной стороны, очевидна относительная независимость объективного права от человека, поскольку люди прямо или косвенно вовлечены в законодательство, а с другой – относительная зависимость субъективного права от того, кто им обладает, поскольку в любом государстве человек не может пользоваться своими правами бесконечно. Но только таким образом, чтобы не причинять вреда другим людям, обществу или государству [8, с. 1–4].

Итак, в заключение сделаем некоторые выводы. Право является наиболее эффективным регулятором общественных отношений и человеческого поведения. Право выражает интересы человека

и общества и имеет социальную сущность. Закон неразрывно связан с государством, что придает официальное значение правовым нормам и обеспечивает их выполнение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Allbest.ru : сайт. 2013. URL: https://otherreferats.allbest.ru/law/00245147_0.html/ (дата обращения: 17.04.2021).
2. Megaobuchalka.ru : сайт. 2015. URL: <https://megaobuchalka.ru/6/10294.html/> (дата обращения: 23.04.2021).
3. Мельникова М. В. Духовно – нравственные ценности в праве / М. В. Мельникова // Право и образование. – 2014. – № 3. – С. 59–63.
4. Obrazovanie.guru : сайт. 2017. URL: <https://obrazovanie.guru/nauka/chto-takoe-ontologiya-eyo-problemy-i-funktsii.html> (дата обращения: 12.04.2021).
5. Krasnoyarsk.work5.ru : сайт. 2017. URL: <https://krasnoyarsk.work5.ru/gotovye-raboty/124436> (дата обращения: 08.03.2021).
6. Гусейнов А. И. Проблема ценности в праве / А. И. Гусейнов // Право и политика. – 2007. – № 7. – С. 14–22.
7. Studopedia.su : сайт. 2013. URL: https://studopedia.su/17_86036_sub-ektivnoe-pravo.html (дата обращения: 13.04.2021).
8. Амиров К. С. Оглы Теоретические основы прав и свобод человека: проблемы теории / К. С. Оглы Амиров // Вестник науки и образования. – 2018. – № 6(42). – С. 85–89.

© Карнович В. С.

УДК 347.122(470)

К. Ю. ФИЛИПСОН, преподаватель
кафедры гражданского права и процесса
Сибирского юридического института
МВД России (г. Красноярск)

K. Y. FILIPSON, Lecturer in civil law
and process Siberian Institute of law of the
Ministry of Internal Affairs of the Russian
Federation (Krasnoyarsk)

К ВОПРОСУ О ПРАВОПРЕЕМСТВЕ СУБЪЕКТИВНОГО ПРАВА НА ЗАЩИТУ

TO THE QUESTION OF THE SUCCESSION OF THE SUBJECTIVE RIGHT TO PROTECTION

Аннотация. В статье подлежит доказыванию позиция, что субъективное право на защиту выступает как элемент (правомочие) субъективного права в случаях его реализации управомоченным субъектом регулятивного правоотношения самостоятельно, без обращения к государственным органам и без принуждения с их стороны (например, в рамках самозащиты). Также, делается вывод о возможности возникновения отдельного субъективного права на защиту, существующего в рамках охранительного правоотношения между управомоченным и обязанным субъектом и специально уполномоченным субъектом государственного принуждения. При этом, подтверждается тезис о невозможности правопреемства субъективного права на защиту отдельно от основного субъективного права.

Ключевые слова и словосочетания: правопреемство, защита прав, субъективное право на защиту, норма права, правоотношение.

Annotation. The article is to prove the position that the subjective right to defense acts as an element (competence) of subjective law in cases of its implementation by the authorized subject of a regulatory legal relationship independently, without resorting to state bodies and without coercion from them (for example, within the framework of self-defense). Also, the conclusion is made about the possibility of a separate subjective right to protection existing within the framework of the protective legal relationship between the authorized and obliged subject and the specially authorized subject of state coercion. At the same time, the thesis about the impossibility of the legal succession of the subjective right to protection separately from the basic subjective right is confirmed.

Keywords and phrases: succession, protection of rights, subjective right to protection, rule of law, legal relationship.

Вступая в правоотношения, субъекты права реализуют свои субъективные права. Указанный процесс на практике нередко сопровождается нарушением прав и интересов управомоченного лица, что, в свою очередь, препятствует осуществлению субъективных прав. В этом случае субъективное право, необеспеченное необходимыми средствами, способами и механизмом защиты, становится право-

вой фикцией.

Государство, выступая субъектом, обеспечивающим гарантии соблюдения и защиты субъективных прав, предоставило управомоченному лицу субъективное право на защиту своих права и законных интересов.

Следует отметить, что в юридической литературе имеются различные точки зрения относительно понимания

и юридической природы субъективного права на защиту.

Некоторые исследователи рассматривают субъективное право на защиту как одно из правомочий субъективного права, понимая под ним возможность управомоченного субъекта правоотношения реализовывать меры охранительного характера к обязанному субъекту (правонарушителю). Иными словами, субъективное право на защиту выступает здесь в качестве обязательного элемента любого субъективного права [1, с. 154-155], [2, с. 248], [3, с. 409], [4, с. 20].

Следует отметить, что в последние годы в научной литературе развивается точка зрения о существовании самостоятельного субъективного права на защиту, возникающего в момент нарушения права в рамках охранительного правоотношения. Данное субъективное право как реальная правовая возможность появляется у управомоченного лица (субъекта регулятивного правоотношения) только в момент нарушения или оспаривания субъективного права и реализуется в рамках возникающего при этом охранительного гражданского правоотношения.

Приверженцем приведенной позиции является Е.Я. Мотовиловкер, который считал, что право на защиту (право притязание) не входит в структуру основного субъективного права. Автор поясняет, что право на защиту появляется тогда, когда уже некоторое субъективное право (регулятивное право) «заявило» о своем бытии. Следовательно, притязание не входило в структуру ранее существовавшего субъективного права, определяемого обычными, повседневными юридическими фактами. В указанном субъективном праве содержалось только правомочие требования, соединенное в ряде случаев с правомочием на положительные действия. Характер правоотношения определяется теми возможностями, которые существуют, имеются в наличии. И если регулятивное право требования сменилось притязанием, а при-

тязание – это совсем другое правомочие, чем право требование, то и правоотношение возникло другое [5, с. 58].

Указанную точку зрения также поддерживает Е.А. Крашенинников, который в своей работе определил, что охранительное субъективное право – это вытекающая из охранительной гражданско-правовой нормы возможность определенного поведения лица в конфликтной ситуации, предоставленная ему в целях защиты регулятивного субъективного права или охраняемого законом интереса. При этом ученый разделяет данное субъективное право на два вида – охранительное материальное субъективное право и охранительное процессуальное субъективное право [6, с.48].

На наш взгляд, исследование вопроса самостоятельности субъективного права на защиту обладает большим теоретическим и практическим значением для уяснения и правильного разрешения проблемных вопросов, связанных с возможностью перехода субъективного права на защиту в порядке правопреемства отдельно от основного субъективного права.

Актуальность поставленной проблемы подтверждается разнородной судебной практикой по указанному вопросу.

Так, на практике сложилась неоднозначная позиция по поводу правомерности заключения договора цессии, предметом которого является право на истребование в судебном порядке потребительского штрафа в соответствии со ст. 13 Закона о защите прав потребителей.

Приведем случай из судебной практики [7]. По договору от 19.08.2016 № Н-1/16 уступки права требования Галяудинова О.Н. (цедент) уступила обществу «МедТехКомплект» (цессионарию) право требования неустойки за нарушение срока передачи объекта долевого строительства и штрафа за неудовлетворение требования о выплате неустойки, предусмотренного п. 6 ст. 13 Закона о защите прав потребителей.

Суд апелляционной инстанции, сославшись на положения ч. 9 ст. 4 Закона об участии в долевом строительстве, ст. 382, 383 ГК РФ, пришел к выводу о том, что общество «МедТехКомплект» не могло приобрести право требования штрафа за неудовлетворение в добровольном порядке требования о выплате неустойки, начисленной за нарушение обязательства по передаче объекта участнику, поскольку не являлось потребителем по смыслу Закона о защите прав потребителей, в связи с чем отменил решение суда первой инстанции в части взыскания штрафа и отказал в удовлетворении требований в этой части.

В то же время суд при рассмотрении кассационной жалобы признал ошибочными выводы суда апелляционной инстанции в части отказа во взыскании штрафа. Кассационный суд пояснил, что право (требование), принадлежащее на основании обязательства кредитору, может быть передано им другому лицу по сделке (уступка требования) или может перейти к другому лицу на основании закона (п. 1 ст. 382 ГК РФ).

Согласно ст. 384 ГК РФ, если иное не предусмотрено законом или договором, право первоначального кредитора переходит к новому кредитору в том объеме и на тех условиях, которые существовали к моменту перехода права. В частности, к новому кредитору переходят права, обеспечивающие исполнение обязательства, а также другие связанные с требованием права, в том числе право на проценты.

Совершенно противоположное решение было вынесено вторым арбитражным апелляционным судом от 12.07.2018 № 02АП-4363/2018 по делу № А31-13657/2017 [8]. В постановлении суда было указано, что в отношении требования истца о взыскании штрафа в размере 10 721,01 руб., предусмотренного пунктом 6 статьи 13 Закона о защите прав потребителей, суд апелляционной инстанции полагает необходимым отметить, что соответствующий штраф явля-

ется специальной мерой ответственности и применяется в качестве законной неустойки за неудовлетворение требований потребителя в добровольном порядке. Между тем истец, заявивший настоящий иск ввиду заключения с Нелиным А.А. договора уступки прав (требования), не является потребителем по смыслу Закона о защите прав потребителей и, соответственно, не вправе заявлять требования о взыскании предусмотренного указанным Законом штрафа.

Для разрешения указанной спорной ситуации обратимся к разъяснению, содержащемуся в подп. «а» п. 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей», в котором указано, что правами, предоставленными потребителю Законом о защите прав потребителей и изданными в соответствии с ним иными правовыми актами, а также правами стороны в обязательстве в соответствии с ГК РФ пользуется не только гражданин, который имеет намерение заказать или приобрести либо заказывающий, приобретающий товары (работы, услуги), но и гражданин, который использует приобретенные (заказанные) вследствие таких отношений товары (работы, услуги) на законном основании (наследник, а также лицо, которому вещь была отчуждена впоследствии, и т.п.).

В соответствии с данным разъяснением правом требования защиты нарушенных субъективных прав обладает только потребитель, так как именно его регулятивное субъективное право нарушено недобросовестными действиями продавца, либо новый собственник имущества, к которому перешло право собственности на некачественный товар. Таким образом, передача права требовать в судебном порядке штрафа на основании договора цессии у правопреемника не возникает.

Можно сделать вывод, что правом на

защиту нарушенных субъективных прав обладает только владелец основного субъективного права, что подтверждает несостоятельность теории самостоятельности субъективного права на защиту.

Приведенная точка зрения также подтверждается п. 1 ст. 12 Закона о защите прав потребителей, которая устанавливает запрет правопреемства в отношении истребования убытков с продавца, причиненных необоснованным уклонением от заключения договора. Реализовать субъективное право на защиту вправе только тот потребитель, которому было отказано в предоставлении возможности незамедлительно получить при заключении договора информацию о товаре, работе или услуге).

На наш взгляд, в целях разрешения спорных вопросов относительно самостоятельности субъективного права на защиту, необходимо детально изучить и проанализировать с точки зрения теории права возникшую практическую проблему.

Приверженцы подхода о самостоятельности субъективного права на защиту в основном обосновывают свою позицию тем, что нарушение субъективного регулятивного права влечет за собой прекращение регулятивного правоотношения и возникновение нового охранительного с самостоятельными субъективными правами и юридически-обязанностями на основании охранительных норм права [5, с.75].

Иного взгляда придерживался и М.А. Гурвич, который в своих работах писал, что «способность быть осуществленным в порядке принуждения является существенным, а потому неотъемлемым свойством гражданского субъективного права». Автор утверждал, что право на защиту (притязание) – это «особое состояние субъективного права, в котором оно способно к осуществлению в принудительном порядке. Это не новое право, а именно субъективное право, которое созрело для принудительного осуществ-

вления в отношении обязанного лица (так называемое право в боевом состоянии), способность приходить в такое состояние присуща любому субъективному праву» [9, с. 178-179].

В данном научном исследовании полностью не поддерживается ни одна из приведенных точек зрения. Мы не можем согласиться с Е.А. Крашенинковым, Е.Я. Мотовиловкером, которые утверждают, что защита субъективных прав может осуществляться только на основании охранительных норм права, так как регулятивные нормы права не содержат в себе необходимых предписаний для защиты нарушенных прав, в связи с чем, субъективное право на защиту не может выступать элементом основного регулятивного субъективного права, основанного на регулятивных нормах права и реализуемого в рамках регулятивного правоотношения. Считаем, что защита субъективных прав представляет собой деятельность, возможность осуществления которой предусмотрена как регулятивными, так и охранительными нормами права. Указанные нормы составляют один из самых необходимых элементов механизма защиты субъективных прав, образуя нормативную основу деятельности уполномоченных на то субъектов.

В юридической науке под нормой права принято, как правило, считать общеобязательное, формально определенное предписание, выраженное в виде правила поведения или общего установления, исходящее от государства и охраняемое им, направленное на урегулирование общественных отношений.

По функциональному признаку нормы права подразделяются на регулятивные и охранительные, что как следствие влечет за собой разделение правоотношений на регулятивные и охранительные.

Регулятивные нормы, осуществляющие упорядочивающее воздействие на общественные отношения, устанавливают вид и меру охраняемых и гарантируе-

мых государством возможного и должного поведения участников общественных отношений, их взаимные субъективные права и юридические обязанности.

Формируя эталоны, модели поведения участников правоотношений, регулятивные нормы ориентируются на добровольное и сознательное исполнение участниками правовых предписаний, предусматривающих реализацию процессуальных прав и исполнение процессуальных обязанностей. В случае же неисполнения либо ненадлежащего исполнения одной из сторон, возложенных на нее юридических обязанностей, в действие вступают охранительные нормы права, которые закрепляют правила поведения уполномоченного лица в целях защиты охраняемого законом интереса и регулятивного субъективного права.

С советских времен в структуру регулятивной нормы права принято включать два элемента. Первым элементом выступает гипотеза или предположение; вторым – диспозиция или распоряжение. Следовательно, юридическая норма может быть, выражена в такой форме: если – то ...

Охранительная норма права, как правило, состоит из гипотезы и санкции. Санкцией правовой нормы признается та ее часть, где указаны неблагоприятные последствия неправомерного поведения – меры принуждения, применяемые при нарушении предписаний диспозиции правовой нормы.

В нашей работе мы считаем целесообразным отказаться от использования традиционной трехэлементной структуры правовой нормы. Полагаем, что регулятивные и охранительные правоотношения возникают на основании двухэлементной нормы, которая состоит из «условия» (гипотезы) и «следствия» (диспозиции). На наш взгляд, включение в состав нормы сразу трех элементов (гипотезы, диспозиции и санкции) затрудняет восприятие и понимание обозначаемых их явлений. Трехзвенная структура

нормы ошибочно сформирована посредством объединения регулятивной и охранительной нормы, которые вполне возможно разложить на двухзвенную.

Об этом же говорил В.Н. Протасов, указывая, что «там, где сторонники трехчленной конструкции усматривают лишь одну норму, на самом деле имеют место две двухэлементные юридические нормы: регулятивная и охранительная» [10, с. 115].

Полагаем, что любое нормативное правовое предписание обладает двумя обязательными составляющими: условие, которое описывает основания реализации предписания, и следствие, характеризующее правило поведение субъекта правоотношения. Санкция же, на наш взгляд, как часть правовой нормы, указывающая на неблагоприятные последствия неправомерного поведения – меры принуждения, применяемые при нарушении диспозиции регулятивной нормы, исключается из структуры охранительной правовой нормы. На месте санкции в структуре охранительной нормы выступает правило поведения («следствие»), адресованное правоприменительным органам, уполномоченным применять данные нормы в случае нарушения субъективных прав. На наш взгляд, санкция содержится не в структуре нормы права, а является составной частью правоприменительного акта, который закрепляет конкретные меры юридической ответственности, применяемые к правонарушителю.

В теории права сформировалась точка зрения, что санкция есть диспозиция особого вида правовой нормы (охранительной нормы), чья гипотеза всегда указывает либо на факт правонарушения, либо на обстоятельства, препятствующие реализации первичных юридических прав и обязанностей.

Рассмотрим указанную точку зрения на основании конкретных норм права, направленных на защиту нарушенных прав.

В соответствии с гражданским законодательством покупатель имеет право по договору купли-продажи приобрести товар надлежащего качества.

Покупатель, которому продан товар ненадлежащего качества (условие), если его недостатки не были оговорены продавцом (условие), по своему выбору вправе потребовать (следствие): замены недоброкачественного товара товаром надлежащего качества; соразмерного уменьшения покупной цены; незамедлительного безвозмездного устранения недостатков товара; возмещения расходов на устранение недостатков товара (регулятивная норма, в которой перечислены способы защиты покупателем своих субъективных прав).

Приведем еще один пример из российского законодательства. Так, согласно ст. 26 ГК РФ несовершеннолетние в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет совершают сделки, за исключением названных в п. 2 ст. 26 ГК РФ, с письменного согласия своих законных представителей – родителей, усыновителей или попечителя. В случае если несовершеннолетний заключил сделку в противоречие п.2 ст. 26 ГК РФ, что повлекло нарушение прав и законных интересов как самого несовершеннолетнего, так и третьих лиц (условие), то требование о признании оспоримой сделки недействительной может быть предъявлено по иску родителей, попечителей и иных законных представителей (следствие) (регулятивная норма).

В соответствии с указанной статьей сделка, совершенная несовершеннолетним в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет (условие) без согласия его родителей, усыновителей или попечителя, в случаях, когда такое согласие требуется в соответствии со ст. 26 ГК РФ (условие), может быть признана судом недействительной (следствие) по иску родителей, усыновителей или попечителя (условие) (охранительная норма).

Если такая сделка признана недей-

ствительной (условие), соответственно суд применяет правила, предусмотренные абз. 2 и абз. 3 п. 1 ст. 171 ГК РФ (следствие). А именно, суд обладает полномочием обязать недобросовестную дееспособную сторону возместить другой стороне понесенный ею реальный ущерб, если дееспособная сторона знала или должна была знать о недееспособности другой стороны при заключении недействительной сделки (охранительная норма).

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что субъективное право на защиту может быть реализовано в рамках регулятивного правоотношения, выступая при этом элементом основного субъективного права.

В то же время, такие ученые в сфере теории права, как Е.Я. Мотовиловкер, Е.А. Крашенинников, А.Б. Бабаев утверждали, что «Вызванный правонарушением переход от регулятивного к охранительному правоотношению, происходит... по линии возникновения нового свойства субъективного права (новой возможности) – свойства принудительно осуществляться» [5, с. 67]. Тем самым авторы полагали, что, так как регулятивное субъективное право на защиту не обладает свойством принудительного осуществления, то оно и не может существовать, в связи с чем необходимо возникновение нового самостоятельного субъективного права на защиту отдельного от основного субъективного права.

Действительно, как видно из приведенного примера, родителю, попечителю либо иному законному представителю предоставлено охранительное правомочие (право притязания), содержащееся в «следствии» регулятивной нормы, осуществление которого (подача искового заявления в суд) влечет за собой возникновение нового охранительного правоотношения, предусмотренного охранительной правовой нормой ст. 175 ГК РФ.

В соответствии со ст. 175 ГК РФ «следствие» охранительной правовой

нормы не включает в себя правило поведение потерпевшего, а содержит только полномочие властного государственного органа по применению мер принудительного воздействия в отношении правонарушителя.

Потерпевшая сторона в данном случае не может самостоятельно реализовать свое право на защиту путем применения неюрисдикционных способов защиты, так как не является носителем властных полномочий (властвующим субъектом). В п. 1 ст. 175 ГК РФ прямо предусмотрено, что признание сделки недействительной и применение последствий её недействительности возможно только посредством вынесения уполномоченным на то властным государственным органом (судом) соответствующего правоприменительного акта. В случае если потерпевший не обратится в суд с требованием о признании сделки недействительной, такая сделка будет и дальше порождать права и обязанности, нарушающие субъективные права потерпевшего.

В то же время российское законодательство наделяет способностью к принудительной реализации не только охранительное субъективное право, но и регулятивное.

Приведем пример из административного права. Так, согласно ст. 2.7 КоАП РФ допускается причинение лицом вреда охраняемым законом интересам в состоянии крайней необходимости для устранения опасности, непосредственно угрожающей личности и правам данного лица или других лиц, а также охраняемым законом интересам общества или государства, если эта опасность не могла быть устранена иными средствами и если причиненный вред является менее значительным, чем предотвращенный вред.

Таким образом, законодатель в указанной регулятивной норме публичного права предоставил обладателю нарушенного субъективного права возможность

воспользоваться мерами принуждения, выражающимися в ущемлении или нарушении прав другого лица в целях пресечения правонарушения и восстановления нарушенных субъективных прав.

В нашем исследовании мы не согласны с позицией, что структура субъективного права в регулятивных правоотношениях включает в себя только два элемента (субправомочие на собственные действия и правомочие требование), а в охранительных реализуется самостоятельное субъективное право – право притязание.

Считаем, что правомочие на защиту в первую очередь реализуется в рамках регулятивных правоотношений, что прямо закреплено в «следствии» регулятивной нормы права. Осуществление субъективного права на защиту, а именно субправомочие притязания, выступает юридическим фактом возникновения нового охранительного правоотношения (например, в рамках судебного разбирательства по иску). Данное правоотношение обладает совершенно иной правовой структурой, в которой образуется отдельное субъективное право на защиту между управомоченным и обязанным субъектом и специально уполномоченным субъектом государственного принуждения.

В связи с этим считаем необоснованным, с точки зрения норм права, следующие высказывание Е.А. Крашенинникова: «Право собственности и виндикационное обязательство могут принадлежать разным субъектам (уступка виндикационного притязания создает ситуацию, когда притязанием обладает цессионарий, а право собственности остается у цедента)» [6, с. 34].

На наш взгляд, субъективное право на защиту права собственности неразрывно связано с самим правом собственности, в связи с чем передать право на предъявление виндикационного иска без передачи права собственности невозможно. Уступая виндикационное требование (право притязание) собственник имуще-

ства лишается возможности реализовать свое право на защиту, так как оно уже передано другому лицу (цессионарию). Полагаем, что соглашение об уступке права требования имущества из незаконного владения противоречит юридической сущности субъективного права, так как, лишаясь одного из своих неотъемлемых элементов (права притязания), оно становится беззащитным и юридически не обеспеченным в случае недобросовестных действий третьих лиц.

Указанный тезис подтверждается также Е.А. Сухановым, который утверждает, что в настоящее время можно отметить полную необоснованность иногда встречающихся в литературе попыток доказать возможность «передачи» («уступки») права на предъявление виндикационного иска собственником или иным титульным владельцем вещи какому-либо третьему лицу. Как справедливо отмечается в германской литературе, в случае допустимости такой «уступки» право собственности или иное вещное право становится беззащитным и по сути лишается своего смысла – юридического обеспечения владения и использования вещей (не говоря уже о том, что сам институт цессии в силу прямых указаний п. 1 ст. 382 ГК РФ является обязательно-правовым и не применим в сфере вещного права) [3, с. 350].

В нашем исследовании мы придерживаемся точки зрения, что субъективное право на защиту является неотъемлемым элементом исходного субъективного права и осуществляется с целью его защиты.

На основании проведенного исследования несамостоятельный характер субъективного права на защиту подтверждается следующими выводами:

1. Правомочие на защиту как элемент основного субъективного права прямо закреплено в «следствии» регулятивной нормы права, которая предоставляет управоченному лицу, в рамках регулятивных правоотношений, возможность воспользоваться допустимыми мерами

принуждения в целях пресечения правонарушения и восстановления нарушенных субъективных прав.

2. Охранительное правомочие на защиту (право притязание) также закреплено в «следствии» регулятивной нормы права и реализуется в пределах регулятивного правоотношения (например, подача искового заявления в суд с требованием о защите нарушенных субъективных прав). Следует отметить, что регулятивные нормы права, содержащие в себе правомочие на защиту путем обращения в управоченные органы государственной власти, не могут выступать основанием осуществления охранительного правоотношения, так как не закрепляют полномочия властных органов применять меры государственного принуждения к правонарушителю на основании правоприменительного акта.

3. Реализация охранительного правомочия на защиту выступает юридическим фактом возникновения нового охранительного правоотношения с особым властным субъектным составом, который наделен возможностью применения мер государственного принуждения к правонарушителю путем вынесения правоприменительного акта.

Таким образом, в нашем исследовании мы не можем согласиться с позицией А.В. Белова, который утверждал, что если признать правомочие на защиту составной частью всякого регулятивного права, то мы с неизбежностью отказываемся от разграничения охранительных и регулятивных гражданских правоотношений [11, с. 450].

4. На наш взгляд несамостоятельность субъективного права на защиту вытекает из самой природы субъективного права. Юридическая сущность и предназначение субъективного права выражается именно во взаимосвязи и неделимости его элементов, главным при этом выступает правомочие на защиту, без которого бы не существовало никакого права.

5. Несамостоятельность субъектив-

ного права на защиту также подтверждается и сложившейся судебной практикой по данной категории дел.

Согласно проведенному исследованию можно сделать вывод, что субъективное право на защиту, выступая

обязательным элементом основного субъективного, не подлежит переходу к другому лицу в порядке правопреемства. Правопреемство субъективного права на защиту возможно только в составе основного субъективного права.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грибанов В.П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав. М., 1972. – 204 с.
2. Советское гражданское право : учебник. Ч. 1./ под ред. В.Ф. Маслова и А.А. Пушкина. Харьков, 1983. – 462 с.
3. Гражданское право : учебник: Т. 2 / отв. ред. Е.А. Суханов. М., 1999. – 816 с.
4. Рожкова М.А. Средства и способы правовой защиты сторон коммерческого спора. М., 2006. – 416 с.
5. Мотовиловкер Е.Я. Теория регулятивного и охранительного права. Воронеж, 1990. – 136.
6. Крашенинников Е.А. Структура субъективного права // Построение правового государства: вопросы теории и практики. Тезисы доклада областной научно-практической конференции, 28 ноября 1990 г. – Ярославль: ЯрГУ, 1990. – 3-7 с.
7. Решение по делу №11АП-2181/2017, 306-ЭС17-12245, А65-27690/2016, Ф06-21876/2017 // СПС КосультантПлюс.
8. Постановление второго арбитражного апелляционного суда от 12.07.2018 № 02АП-4363/2018 по делу № А31-13657/2017 // СПС КосультантПлюс.
9. Гурвич М. А. Право на иск // Избр. тр. Т.1. Краснодар, 2006. – 216 с.
10. Протасов В.Н. Теория права и государства. Проблемы теории права и государства. М., Новый Юрист, 1999. – 240 с.
11. Корпоративное право. Актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В.А. Белова. 2-е изд., стереотип. М.: Юрайт, 2015. – 678.

© Филиппсон К. Ю.

**ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО. СЕМЕЙНОЕ ПРАВО
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО**

УДК 101.1:316.61:340.132.1

К. А. ДАЛЛАКЯН, профессор кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России, доктор философских наук, профессор (г. Уфа)

K. A. DALLAKIAN, Professor of the Chair of Socio-Humanitarian and Economic Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Philosophy, Professor (Ufa)

**ЛИЧНОСТЬ КАК ИНСТИТУТ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА
И ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА**

**PERSONALITY AS AN INSTITUTION OF CIVIL SOCIETY
AND THE RULE OF LAW**

Аннотация. Статья посвящена выявлению роли личности в становлении гражданского общества и правового государства. Предлагается понимание личности, именно как одного из важнейших институтов гражданского общества, а значит и правового государства. Выявляются не только содержание и сущность истинной личности, но и пути ее формирования в различных социокультурных, в том числе правовых системах. Рассматриваются парадигмальные и социокультурные основания правового государства. Делается вывод о том, что без развитой, свободной, образованной, юридически грамотной, социально ответственной, обладающей развитым чувством собственного достоинства личности не может быть полноценного гражданского общества, как важнейшего условия формирования правового государства, что предполагает принятие российским общественным сознанием цельности триады «личность – гражданское общество – правовое государство».

Ключевые слова и словосочетания: личность, гражданское общество, правовое государство, свобода, справедливость, право, закон, власть, правосознание, достоинство.

Annotation. The article is devoted to identifying the role of personality in the formation of civil society and the rule of law. It offers the understanding of personality precisely as one of the most important institutions of civil society, and hence the rule of law. Not only the content and essence of true personality, but also the ways of its formation in various socio-cultural, including legal systems are revealed. The paradigm and socio-cultural foundations of the rule of law are considered. It is concluded that without a developed, free, educated, legally literate, socially responsible person with a developed sense of self-worth, there can be no full-fledged civil society as the most important condition for the formation of a rule of law state, which implies the acceptance by the Russian public consciousness of the integrity of the triad «personality-civil society-a rule of law state».

Keywords and phrases: personality, civil society, rule of law, liberty, justice, law, right, power, legal consciousness, dignity.

Правовое государство, являясь не только политическим, но и сложным социокультурным феноменом, которое, как правило, традиционно исследуется вне конкретно исторической и социокультурной ситуации, продолжает вызывать бурные дискуссии. Одной из причин этого, на наш взгляд, является доминирование в исследованиях правового государства формационного подхода перед цивилизационным. Общепринятое понимание правового государства как формы организации политической власти, основанной на верховенстве закона, прав и свобод человека, подразумевает современный уровень развития западного либерально-демократического государства. Между тем, социокультурная специфика государства и права, типов правопонимания и правосознания актуализируют необходимость методологической рефлексии конкретно исторического развития государства, права, гражданского общества и их институтов. Насколько правомерно расширять рамки понятий «государство», «правовое государство», «гражданское общество», применяя их к странам с совершенно различной культурой и типом цивилизации? Каков критерий демаркации правового государства и гражданского общества, и какую роль в этом играет личность?

Личность, по нашему мнению, является не просто элементом, но и важнейшим институтом правового государства. От сущностных характеристик личности, признания их значимости в том или ином обществе в определенной степени зависит характер гражданского общества, а значит и тип государства. Следовательно, государство должно уделять значительное внимание созданию условий становления и развития личности как гарантии собственной стабильности. Однако в тоталитарных государствах даже понятие «личность» сужается до социально значимых черт человека. В качестве сущностной характеристики личности, как правило, признается лишь

когнитивно-социальная компонента, но отнюдь не морально-нравственная или волевая. Это в определенной степени обусловлено господством легистской парадигмы, рассматривающей государство в качестве аппарата насилия, который, как известно, в личностях не нуждается.

Сравнивая с понятиями «человек» и «индивид», обычно подчеркивают, что понятие «личность» имеет социальное содержание. Тогда чем личность отличается от человека, ведь конкретный человек становится человеком, тоже лишь пройдя социализацию? Как известно, дети, лишённые в самом раннем возрасте социальной среды, не только не обладают социальными навыками, но и после определенного возраста вообще не могут социализироваться.

Важнейшая роль социализации в становлении личности бесспорна, однако ни социализация, ни индивидуализация сами по себе не являются основной личностью образующей причиной. Более того, они могут порой не только не способствовать, но и препятствовать процессу формирования личности. Необходимо говорить о характере социализации и воспитания. Одной из важнейших характеристик личности обычно признают самостоятельность в принятии решений и, вследствие этого, способность нести ответственность. «Личность (в узком смысле), – подчеркивают Л. Д. Столяренко и С. И. Самыгин, – это субъект решения проблем, выбора, способный самостоятельно и ответственно решать проблемы, это субъект культуры. Личность может проявиться там, где человек сталкивается с проблемами, конфликтами. Человек еще не личность, если не способен самостоятельно решать жизненные проблемы и нести за свои решения и поступки ответственность» [1. С.10]. Ответственность за принятые решения выделяется в качестве субстанционального признака личности. Заметим, что именно такая ответственность превращает личность в политико-правовой

феномен. Однако следует подчеркнуть, что выбор, принятие решения могут лишь казаться свободными, а на самом деле быть навязанными извне. Необходимо дифференцировать решения, продиктованные истинным «Я» личности, сущностью человека от решений ситуативных, обусловленных средой.

Порой под личностью понимают «систему усвоенных социальных ролей, где «роль» – это программа, которая отвечает ожидаемому поведению человека, занимающего определенное место в структуре той или иной социальной группы, это структурированный способ его бытия в жизни общества» [2. С.118]. Однако ту или иную роль выбирает человек, исходя, как правило, из собственной сущности. Даже при навязывании роли извне, социальным окружением важна именно уникальность ее исполнения. Заметьте, что мы, как правило, не отождествляем гениальных актеров кино и театра с их ролями, сквозь которые почти всегда проглядываются их личности. Говорят, что личность характеризуется способом не только интериоризации, но и экстериоризации социального опыта [3. С. 127]. Это, действительно, так. «Личность – это интегрирующее начало, объединяющее воедино различные психические процессы индивида, его внутренний мир, самосознание, сообщающее его поведению (деятельности) необходимую последовательность и устойчивость» [4. С. 234].

Важнейшими критериями личности является социальная значимость ее поступков и, особенно важно, степень проявленности в них сущности человека. Продиктован ли поступок личности ее сущностью или психофизиологическими импульсами, а может и манипуляциями извне. Личность, на наш взгляд, определяется, прежде всего, поведенческо-волевой составляющей человека, а не когнитивно-познавательной. В своих мыслях человек может быть императором, а в действительности всего лишь наполеон-

ствующим Раскольниковым. «Как можно познать себя? – пишет Гете. – Только путем действия, но никогда – путем созерцания. Попробуй выполнить свой долг, и ты узнаешь, что в тебе есть» [5. С. 63]. Возможно, человек обнаружит, что является всего лишь марионеткой в чужих руках. Многие ли могут похвастать тем, что их действия являются результатом собственного свободного выбора, причем, продиктованы их сущностью? Именно правильно понятая свобода является важнейшим условием развития личности. Между тем, свобода, трактуемая вслед за Б. Спинозой, как осознанная необходимость, часто ничего общего со свободой не имеет. Слова Бенедикта Спинозы, вырванные из контекста, лишь мешают пониманию сущности свободы. Действия, принимающие во внимание необходимость, не означают, что свобода и необходимость – одно и то же. Свобода, включающая в себя осознание необходимости, представляет собой зависимость человека от собственного истинного «Я», от его сущности. Личность, на наш взгляд, является социальной реализацией сущности человека, мерой самореализации его сущности в социальной жизни. Поэтому говорят: «Кто может быть самим собой, пусть не будет никем другим!». В то же время для того, чтобы быть собой, надо иметь мужество быть личностью. Именно воля как самореализационная потенция духа, сущности человека, является основанием личности.

Личность существует параллельно в нескольких пространствах – внутриличностном, межличностном и пространстве социального взаимодействия. Характер взаимодействий внутри этих пространств влияет на эволюцию личности, равно как и тип личности, ее сущностные характеристики влияют на развитие гражданского общества и правового государства. В таком понимании личность выступает уже юридически-правовым феноменом.

Рассмотрение личности как социаль-

ного института предполагает ее анализ как субъекта интернализации и экстернализации, то есть и того, что возникает в результате социализации внутри определенного типа социальных отношений, и того, что создает этот тип социальных отношений. Интернализация позволяет идентифицировать не только особенности личности, но и понять ценностную систему общества, его социальные значимости, которые личность интериоризует. Экстернализация, в свою очередь, проявляет сущностные характеристики личности.

Предваряя возможные возражения по поводу оправданности рассмотрения личности именно в качестве социального института, заметим, что институт (от лат. *Institutum*) означает установление, учреждение. Именно то, что является результатом становления. Хотя, на наш взгляд, оправданно рассмотрение института и как результата, и как причины становления социальной системы. В праве понятие «институт» применяется к системе правовых норм, регламентирующих поведение людей, то есть правил, конституирующих поведение социальных субъектов, а в социологии – к общественным отношениям, формирующим людей и общество в целом. Социальными институтами признаются государство, политические партии, церковь, армия, НКО, профсоюзы, трудовые организации, учреждения воспитания и образования, СМИ, семья, наука и т.д. Личность, как правило, в этом перечне не фигурирует, хотя, не трудно заметить, что в функционировании всех этих институтов важнейшую роль играют именно личности, личностные качества представителей этих институтов.

При множестве различных определений социальных институтов (Т. Веблен, Ж. Ренар, А. Грачи и др.) общим в них является подчеркивание, что социальные институты представляют собой социальные объединения (субъекты), выполняющие определенные общественные функ-

ции, в основном формирующие социум. В некоторых дефинициях подчеркивается, что основной функцией социальных институтов является обеспечение социального порядка [6. С. 43]. В этом пункте совпадают социологические и правовые учения, так как в правовом понимании социальный институт представляет собой систему правовых норм, обеспечивающих социальный порядок. Поэтому личность является не просто социальным институтом, а институтом общества определенного типа, именно гражданского общества, а, следовательно, и правового государства. В тоталитарном обществе личность, как то, что формируется «вопреки», а не «благодаря», социальным институтом не признается.

Иллюстрацией этого тезиса может послужить коэволюция общества, правопонимания и личности в Древней Греции, где из-за рабовладения свобода воспринималась в качестве важнейшего условия существования граждан. Возможность участия каждого взрослого мужчины в работе экклезии (народного собрания) свидетельствует о высокой степени политической активности и свободы граждан. Не случайно греки делили своих граждан на «хomo политикус» и «хomo идиотикус» в зависимости от степени участия человека в социально-политической жизни полиса. В связи с этим широко распространено некорректное, на наш взгляд, понимание слов Аристотеля о рабе, как «говорящем орудии», отражающих якобы негуманное отношение философа к рабам. Аристотель имел в виду не рабов по положению, а рабов по сущности. Ведь даже его учитель Платон оказался на некоторое время в рабстве, не говоря уже о Диогене и Эзопе. Говорящим орудием может быть тот, кто не имеет своей воли, «стержня», достоинства и смиряется с этим, а это не зависит от формального положения человека.

Для греков высшую ценность представляла не только свобода, но и справедливость как основание законности.

Это еще раз подчеркивает связь между либертарно-юридическим типом правопонимания и развитием свободной личности. В основу такого правопонимания легли идеи Платона, Аристотеля, а затем и Г. Гроция, Т. Гоббса, Ж.Ж. Руссо, Дж. Локка, Ф. Лассаля, Г. В. Гегеля и других мыслителей о том, что целью государства должно быть обеспечение безопасности, нравственности, общего блага, свободы и справедливости. Заметим, что такое понимание характерно лишь для западной культуры. Легистский тип правопонимания, характерный для Восточного государства, был нацелен, в основном, на сохранение порядка и физического пространства властвования. Вопрос о политической свободе граждан там не стоял. Да и не могла идти речь о свободе граждан в государстве, понимаемом как «аппарат насилия». Поэтому, говоря о социальных условиях взаимного становления личности и гражданского общества, следует помнить, что рассматриваются реалии именно западноевропейской парадигмы правового государства.

Содержание понятия «гражданское общество» как совокупности негосударственных структур и организаций, созданных для контроля над деятельностью государства, как правило, не вызывает вопросы, разве что признание тех или иных элементов в качестве институтов гражданского общества, в то время как понятие «правовое государство» трактуется по-разному. Обычно отмечается, что современное правовое государство представляет собой верховенство права, которое порой отождествляется с законом. В этом, на наш взгляд, заключается одна из главных методологических ошибок. Право и закон отождествляются лишь в позитивистском толковании права. «Смысл права во многом как раз и состоит в том, чтобы реализовать предназначение цивилизации – обеспечить самоценность жизни человека, свободу людей и исключить из жизни людей хаос произвола, насилия, в современных условиях – право

силы» [7. С.196].

Этому должна способствовать эволюция гражданского общества, которое способствует развитию правового государства как «государства народа». Для создания и функционирования же настоящего гражданского общества нужны свободные личности, которые, в свою очередь, формируются развитым гражданским обществом. Личность как юридическо-правовой феномен обладает свободой и ответственностью, причем не только за собственное поведение, но и за социально-политические условия жизни общества, включая деятельность государства. Помня о принципе приоритета системы над элементом, формирование такой личности следует начинать с развития гражданского общества.

Развитие правового государства и гражданского общества имеет также и формационную специфику. Различают, например, правовое социалистическое государство, или правовое капиталистическое государство [8. С.26]. Порой подчеркивается относительность понятия «правовое государство». «В реально существующих государствах, – пишет В. А. Четвернин, – власть в разной мере ограничена правом. Понятие же правового государства предполагает максимальное ограничение власти правом.... Представления о правовом государстве изменяются в ходе исторического прогресса государства. То, что считалось максимальным ограничением власти правом в Германии в первой половине XIX в., когда возникло понятие правового государства (Rechtsstaat), сегодня уже таковым не считается. Знания о правовом государстве постоянно обогащаются. Так что правовое государство – это нормативная модель, предполагающая высокий уровень развитости права и государственности, отражающая уровень уже достигнутый в наиболее развитых странах» [9. С.539]. Следовательно, степень соответствия государства «правовому» зависит от господствующего типа

правопонимания.

Правовое государство понимается порой и вовсе в качестве идеолого-мифологического феномена. «Российское посттравматическое правосознание последнего десятилетия XX века, – пишет А. В. Поляков, – характеризуется повышенным требованием к правовому государству, имеет место мифологизация его образа. В силу специфики российского правового менталитета сама концепция новой модели государственности может получить социальное признание лишь при условии придания такому государству универсальных социальных качеств и сакрального значения. Выполняя компенсаторскую функцию, правовое государство воспринимается при этом как социальный идеал, неведомый и таинственный Китеж-град, отыскание которого разом решит все социальные проблемы и придаст смысл жизни обществу целому» [10. С.572]. В таком понимании правовое государство представляется как недостижимая теоретическая модель.

Подчеркнем, что эволюция содержания понятия не означает его нереальность. Содержание многих понятий может меняться в зависимости от социокультурных и пространственно-временных условий, но это не означает, что от них следует отказаться. Правовое государство имеет свою социокультурную специфику, предполагая соответствие конкретно-исторического государства сущности права, как меры свободы и справедливости, возможное лишь при условии контроля деятельности органов власти со стороны гражданского общества.

Ценность правового государства для его граждан в значительной мере зависит от специфики правосознания граждан, степени их социально-политического развития. «Правосознание, – отмечает Э. Ю. Соловьев, – это ориентация на идеал правового государства, который имеет безусловный характер и уже в данный

момент определяет практическое поведение человека как гражданина. Это значит, что, хотя правового государства еще нет, человек начинает жить так, как если бы оно утвердилось. Он вменяет себе в обязанность следовать таким установлениям (или хотя бы декларациям), которые соответствуют понятиям суверенитета, права, и отказывается подчиняться тем, которые несут на себе явную печать неправового (патерналистского, и авторитарно-бюрократического) ведения государственных дел» [11. С.189-190]. Это зависит от степени развития личности, превращения ее в социальный институт, от отношения государства к этому процессу. Прямой зависимости правосознания от правового государства, на наш взгляд, не существует. Не всякое правосознание есть правосознание гражданина правового государства. Существует все-таки и правосознание человека тоталитарного государства. Российским гражданам это известно не понаслышке.

Правовой нигилизм, порой присущий российским гражданам, отрицательно влияет на развитие личности, что может привести к таким негативным последствиям, как снижение личной правовой ответственности, правовому безразличию, росту преступности и т.д. Поэтому развитие правосознания и правовой культуры в целом является важнейшим фактором становления личности как института гражданского общества и правового государства.

У российских граждан наряду с недоверчивым отношением к закону, исторически всегда существовали вера во власть, стремление к правде и справедливости, которые, в определенной мере, объясняются религиозно-подданническим характером культуры, влияющей на формирование определенного типа личности. Исторически низкий уровень российского правосознания в значительной мере обуславливался этатистским, «чудоориентированным» типом сознания населения [12. С.232]. Вместе с

этим, коллективистский, общинный тип сознания исторически способствовал отрицательному отношению к неординарным личностям, приводя к «утопанию в безответственном коллективизме...» [13. С.96]. Это до сих пор мешает созданию развитого гражданского общества и осознанию личности именно как его института, конституирующего гражданское общество и правовое государство.

Такому пониманию личности в значительной мере мешает недооценка свободы как фундаментальной характеристики права, замена ее понятием воли, фактически подмена понятия «liberty» понятием «freedom». Воля, как чисто физическая, не ограниченная социальными нормами и законом, свобода, представляет собой преимущественно стремление к «бегству от реальной свободы», а не к установлению общественного порядка. Поэтому, как только сила государственной власти в России ослабевала, наступало смутное время. Разгорался национальный сепаратизм, росла преступность, наблюдались апатия и растерянность, происходил общий упадок

экономики, культуры, образования и в целом государственности.

Построение правового государства предполагает, прежде всего, акцентирование внимания на создание условий развития личности, обеспечение ее прав и свобод. Для этого необходимо понимание, что развитие личности как социального института – дело не столько индивидуальное, сколько государственное, ибо от этого зависит благополучие всего общества. Без развитой, свободной, образованной, юридически грамотной, социально ответственной, обладающей развитым чувством собственного достоинства личности не может быть полноценного гражданского общества как важнейшего условия формирования правового государства. Это предполагает принятие российским общественным сознанием цельности триады «личность – гражданское общество – правовое государство», каждый элемент которой, понимая эту взаимозависимость, должен относиться к другому с уважением, доверием и заботой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Столяренко Л. Д., Самыгин С. И. Психология личности. Ростов-на-Дону: Феникс. 2014. 576 с.
2. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат.1975. 304 с.
3. Выготский Л.С. Мышление и речь. М.: АСТ. 2019. 368 с.
4. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. СПб.: Питер. 2017. 288 с.
5. Гете И.В. Страдания юного Вертера. М.: Азбука. 2015. 192 с.
6. Коржевская Н. Социальный институт как общественное явление. (социологический аспект). Свердловск. Ур.ГУ.1983. 173 с.
7. Алексеев С.С. Право на пороге нового тысячелетия. М.: Статус,2000. 256 с.
8. Батурин Ю.М., Лившиц Р.З. Социалистическое правовое государство: от идеи к осуществлению. М.: Наука, 1989. 244 с.
9. Четвернин В.А. Проблемы общей теории права для особо одаренных студентов. М. 2010. 158 с.
10. Поляков А.В. Общая теория права. Феноменолого-коммуникативный подход. СПб.: Юрид. центр Пресс. 2003. 318 с.
11. Соловьев Э.Ю. И. Кант: Взаимодополнительность морали и права. М.: Наука, 1993. 216 с.
12. Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат.2010. 525 с.
13. Бердяев Н.А. Философия неравенства. М.: ИМА-Пресс, 2018. 394 с.

© Даллакян К. А.

УДК 347.214.2(470)

П. В. КЛЕЦ, аспирант Башкирского государственного университета (г. Уфа)

P. V. KLETS, Postgraduate of the Bashkir State University (Ufa)

ПРИНЦИПЫ УКРЕПЛЕНИЯ ПРАВ НА НЕДВИЖИМОСТЬ

PRINCIPLES FOR STRENGTHENING REAL ESTATE RIGHTS

Аннотация. Автором анализируются принципы, лежащие в основе укрепления прав на недвижимость, которые являются гарантией того, что осуществление регистрационных действий по признанию и подтверждению возникновения, изменения, перехода и прекращения прав в государственном реестре недвижимости не будут подвержены произвольному толкованию. Неукоснительное соблюдение принципов направлено на обеспечение неизбылемости сведений государственного реестра как информационного ресурса, их доступности, законности и достоверности. Нормы, предусматривающие ответственность органа регистрации, свидетельствуют о том, что государство гарантирует законность предоставляемой информации. По мнению автора, наличие иных реестров, содержащих информацию о недвижимости, размывает смысл государственного реестра недвижимости как единого свода достоверных сведений.

Ключевые слова и словосочетания: единый государственный реестр недвижимости, принципы укрепления прав, информационные системы.

Annotation. The author analyzes the principles underlying the strengthening of rights to real estate, which guarantee that the implementation of registration actions to recognize and confirm the occurrence, change, transfer and termination of rights in the state register of real estate will not be subject to arbitrary interpretation. Strict observance of the principles is aimed at ensuring the inviolability of the information of the state register as an information resource, their availability, legality and reliability. The rules stipulating the responsibility of the registration authority indicate that the state guarantees the legality of the information provided. According to the author, the presence of other registers containing information about real estate blurs the meaning of the state register of real estate as a single set of reliable information.

Keywords and phrases: unified state register of real estate, principles of strengthening rights, information systems.

Системное развитие гражданского законодательства и регистрационного процесса в сфере укрепления прав на недвижимость последних 8 лет создает для юристов предпосылки постоянного анализа вводимых норм права и сравнения их с предыдущим регулированием в целях определения наиболее предсказуемых шагов законодателя в будущем.

В современных условиях главными целями укрепления прав на недвижимость являются признание и подтверждение возникновения, изменения, перехода и прекращения прав в государственном

реестре недвижимости, а также информирование в установленном законом порядке широкого круга заинтересованных лиц о зарегистрированном праве, ограничении (обременении) права или сделке в реестре недвижимости за правообладателями недвижимости и обмен такими сведениями между государственными реестрами.

Основа любого правового государства заключается в неизбылемости принципов, на которых базируется вся жизнедеятельность государства. Не стал исключением и институт государствен-

ной регистрации прав на недвижимость, который длительное время базировался на общих положениях гражданского права и не имел своих принципов, прямо определенных в федеральном законе [1].

По мнению В.Ф. Яковлева фундаментом любой отрасли права являются принципы, представляющие собой основные идеи, основные положения и основные начала, которые присущи в том числе гражданскому праву, предопределяя содержание каждого из его институтов и его норм [2].

Шесть основных начал гражданского законодательства закреплены в ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), а именно, признание равенства участников регулируемых гражданским законодательством отношений; неприкосновенность собственности; свобода договора; недопустимость произвольного вмешательства кого-либо в частные дела; необходимость беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты; добросовестность поведения участников гражданских правоотношений на всех стадиях возникновения и осуществления прав и обязанностей.

Важно отметить, что для института государственной регистрации прав на объекты недвижимости в ст. 8.1 ГК РФ предусмотрены также три специальных принципа осуществления такой регистрации, в частности, принципы проверки законности оснований регистрации, публичности и достоверности государственного реестра. Полагаем, что законодатель уделяет повышенное внимание роли института государственной регистрации прав на недвижимость в обществе, поскольку в ч. 1 ст. 7 Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости» [3] (далее – Закон о регистрации) закреплено, что ведение Единого государственного реестра недвижимости (далее – ЕГРН, реестр недвижимости) осуществляется на основе

принципов единства технологии его ведения на всей территории Российской Федерации, достоверности и доступности его сведений.

В научной литературе имеются различные точки зрения относительно принципов регистрации прав на недвижимость, которые сводятся к их расширительному толкованию.

Так, Е.М. Тужилова-Орданская выделяет 4 принципа государственной регистрации: гласности, достоверности, двойной регистрации и приоритета ранее зарегистрированных прав [4]. А.Р. Кирсанов выделяет семь принципов (законности, обязательности, достоверности записей, приоритета ранее зарегистрированных прав, двойной регистрации, единства, гласности) [5]. Р.С. Бевзенко пишет, что традиционно считается, что регистрационная система основывается на шести основных положениях: 1) для того, чтобы право возникло, оно должно быть записано в реестр (принцип внесения); 2) реестр должен быть открыт публике (принцип открытости); 3) перед регистрацией регистрирующий орган должен проверить законность оснований для внесения записи (принцип легалитета); 4) участники оборота, доверившиеся реестру, должны получать юридическую защиту своего доверия (принцип публичной достоверности реестра); 5) записи реестра должны содержать пообъектное описание имущества, права на которое регистрируются (принцип специалитета); 6) записи, внесенные раньше, имеют приоритет перед записями, внесенными позднее (принцип старшинства) [6].

Следует отметить, что большая часть указанных принципов является содержанием статьи 8.1 ГК РФ, но есть и сформулированные учеными принципы, с которыми трудно согласиться, что они являются принципами, так как по своему значению и содержанию они являются процедурами (действиями, элементами процесса) государственной регистрации права. К таким можно отнести принцип

внесения, принцип специалитета, принцип старшинства.

Рассмотрим значение принципов, прямо закрепленных в ГК РФ и Законе о регистрации, а именно: проверки законности оснований регистрации, публичности (доступности), достоверности государственного реестра и единства технологии ведения реестра на всей территории Российской Федерации.

1. Одним из основополагающих принципов регистрации прав на недвижимость является принцип проверки законности оснований. Полагаем, что данный принцип базируется на положениях статей 8, 8.1, 235 ГК РФ, предусматривающих виды оснований возникновения и (или) прекращения гражданских прав, а также ст. 14 Закона о регистрации, содержащей развернутый перечень оснований государственной регистрации прав и государственного кадастрового учета.

Согласимся с И.Б. Мироновым, который отмечает в качестве основополагающего фактора государственной регистрации обеспечение незыблемости сведений государственного реестра как информационного ресурса» [7].

Л.В. Санникова утверждает, что для обеспечения правовой чистоты сделки, отсечения случаев перехода (обременения, прекращения, изменения) имущественных прав, подлежащих государственной регистрации, на основании, например, недействительных сделок, огромную роль играет принцип легалитета (проверки законности оснований регистрации). Для достижения правового результата безусловное значение имеет качество проводимой юридической экспертизы оснований сделок [8].

Реализуя данный принцип, Закон о регистрации предусматривает необходимость проведения регистратором прав правовой экспертизы документов, представленных для осуществления учетно-регистрационных действий, на предмет наличия или отсутствия установленных законом оснований для при-

становления или отказа в осуществлении государственного кадастрового учета и (или) государственной регистрации прав.

Так в рамках правовой экспертизы регистратор прав обеспечивает проверку:

а) действительности и достоверности поданных заявителем документов, а также наличие правомочий у подготовившего документ лица или органа власти;

б) актов (свидетельств) о правах на недвижимое имущество, изданных органами государственной власти или органами местного самоуправления;

в) договоров и других сделок в отношении недвижимого имущества, актов (свидетельств) о приватизации жилых помещений на предмет соответствия их законодательству, действовавшему в месте расположения недвижимого имущества на момент совершения сделки.

Представляется правильным, что практическая значимость данного принципа проявляется не только в установлении законодателем оснований для регистрации и учета недвижимости, но также и оснований для приостановления учетно-регистрационных действий (66 оснований), что в свою очередь должно являться гарантией того, что незаконные акты (документы) или недействительные (ничтожные) сделки не смогут лечь в основание регистрации права. Данный принцип нашел отражение в усилении ответственности, применяемой как к органу регистрации, так и к государственному регистратору прав в связи с ненадлежащим исполнением законодательства и служебных обязанностей (гл. 10 Закона о регистрации).

Установленный ГК РФ принцип проверки законности оснований уполномоченным органом имеет ряд особенностей. Во-первых, в ст. 59 Закона о регистрации установлено, что проверка законности сделки, удостоверенной нотариусом, свидетельства о праве собственности на долю в общем имуществе супругов при осуществлении регистрации

права на их основании, свидетельства о праве на наследство государственным регистратором прав не осуществляется. Во-вторых, проверка законности судебного акта, вступившего в законную силу, также не осуществляется регистратором прав в силу требований процессуального законодательства. Но при этом достоверность нотариально удостоверенного документа, судебного акта обязательно должна проверяться регистратором прав через информационные системы нотариата или судебных органов в целях установления наличия (отсутствия) данных документов в системах и их идентичности с представленными на регистрацию. Следовательно, в таких ситуациях можно утверждать о презумпции законности таких документов и о том, что указанный принцип позволяет государственному регистратору прав в определенных случаях не проверять законность оснований, при условии проверки наличия документов в информационных системах.

2. Не менее значимым является принцип публичности (доступности) государственного реестра. Полагаем, что основная идея, лежащая в основе данного принципа, направлена на предельную открытость определенного законом вида информации из реестра недвижимости для заинтересованных лиц при соблюдении ими порядка получения сведений. Юридическое значение данного принципа также раскрывается через размещение на официальном сайте Росреестра [9] публичной кадастровой карты, которая используется для просмотра сведений из реестра неограниченным кругом лиц без подачи запросов и взимания платы.

По мнению Л.В. Санниковой, этот принцип может быть назван принципом открытости данных государственного реестра. Орган, осуществляющий государственную регистрацию прав на недвижимость и сделок с ней, обязан предоставлять информацию о проведенной регистрации и зарегистрированных правах любому лицу.

Принцип публичности реестра недвижимости напрямую связан с доступностью получения информации из него по установленным каналам связи. Информация из реестра недвижимости открытого вида предоставляется по запросам любых заинтересованных лиц, поданных посредством использования информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования, в том числе сети «Интернет», включая единый портал единой системы межведомственного электронного взаимодействия, иных технических средств связи, а также посредством обеспечения доступа к информационной системе ведения ЕГРН или иным способом, установленным в законодательстве.

Однако, следует отметить, что из общего принципа публичности имеются исключения, направленные на сохранение конфиденциальности. Он связан с предоставлением информации ограниченного пользования, к которой относятся сведения о недееспособности правообладателя, о правах отдельного лица на его объекты недвижимости. Такие сведения предоставляются только самим правообладателям или их законным представителям, судам, правоохранительным органам, имеющим в производстве соответствующие дела (ст. 62 Закона о регистрации, Приказ Минэкономразвития РФ) [10].

В этой связи В.С. Ем указывал, что государственная регистрация действий, событий и прав, делая их публично достоверными, является средством публичного контроля за гражданским оборотом в целях обеспечения наиболее полной охраны важнейших имущественных и личных прав, благ и свобод субъектов и только зарегистрированные в соответствии с требованиями закона действия и события являются юридическими фактами, порождающими гражданско-правовые последствия, и что только зарегистрированные права считаются существующими [11].

Таким образом анализ законодательства показывает, что принцип публичности сведений реестра недвижимости имеет ограничения при его применении. Общее значение данного принципа не умаляется наличием ограничений, так как они направлены на охрану частной информации и безопасности правообладателей.

3. Одним из ключевых принципов, на наш взгляд, является принцип достоверности государственного реестра. В основе лежит идентичность информации, содержащейся в реестре сведениям, содержащимся в документах, на основании которых они внесены (например, по паспорту гражданина, договору, решению суда и т.д.). От качества данных государственного реестра зависит доверие общества и заинтересованных лиц к работоспособности всей системы управления имуществом в стране.

Отметим, что, придавая особую значимость данному принципу, Закон о регистрации к основным положениям закона относит понятие Единого государственного реестра недвижимости, который является сводом именно достоверных (выделено мной. – П.К.) систематизированных сведений об учтенном имуществе, зарегистрированных правах, основаниях их возникновения и правообладателях (ч. 2 ст. 1). Реализация данного принципа осуществляется, в том числе, возложением на государственного регистратора прав обязанности осуществлять действия, направленные на получение дополнительных документов и (или) сведений, подтверждающих их подлинность и достоверность. Закреплена ответственность органа регистрации прав за полноту и достоверность предоставляемых сведений, содержащихся в ЕГРН.

Очень емко по этому поводу высказалась Л.В. Санникова, которая пишет, что принцип достоверности вбирает в себя принцип законности и публичности, ибо полагаться на достоверность реестра в отсутствие действенного нор-

мативно-правового механизма проверки законности оснований государственной регистрации невозможно.

Полагаем, что принцип достоверности играет решающую юридическую роль в гражданском обороте недвижимости, так как при осуществлении сделок с недвижимостью и при регистрации прав (перехода прав), значение имеют публично полученные сведения ЕГРН, подтверждающие характеристики недвижимой вещи и зарегистрированные права определенного субъекта на нее, наличие или отсутствие запретов (обременений) и др. Поэтому приобретатель недвижимой вещи, имеющий выписку из ЕГРН, признается добросовестным в силу закона, пока в суде не будет доказано, что он знал или должен был знать об отсутствии права на отчуждение этой недвижимости у продавца.

К сожалению, встречаются факты технических и реестровых ошибок, которые влияют на достоверность данных реестра. Государственным регистратором прав при вводе данных в ЕГРН могут быть допущены опiski, опечатки либо иные подобные ошибки, которые могут привести к несоответствию введенных сведений сведениям, содержащимся в исходных документах. Такие ошибки именуется техническими, они исправляются при их обнаружении государственным регистратором прав. Кроме этого закон о регистрации регулирует порядок исправления реестровой ошибки, под которой понимается воспроизведенная в ЕГРН и содержащаяся в учетных исходных документах (межевом, техническом плане и т.д.) ошибка, возникшая вследствие ошибки кадастрового инженера или содержащаяся в иных документах. Она исправляется в судебном порядке или по решению государственного регистратора прав при получении документов, свидетельствующих о наличии ошибки и содержащих необходимые для этого сведения.

Еще одной причиной недостоверно-

сти государственного реестра, а, следовательно, и нарушением рассматриваемого принципа, могут являться мошеннические действия недобросовестных лиц. Имеют место факты представления поддельных документов-оснований для регистрации прав, перехода прав (например, выписки из похозяйственных книг, нотариальных документов, судебных актов и т.д.). Качество таких «подделок» с каждым годом становится высоким, и государственный регистратор прав не всегда может выявить подделку. В Москве неизвестные переписали на себя чужую квартиру при помощи поддельной доверенности и электронной подписи. Факт мошенничества вскрылся не сразу, а только при обнаружении уже бывшими собственниками чужой фамилии в квитанции об оплате коммунальных платежей. Эта новость стала шоком для собственников, поскольку никто из них квартиру не продавал [12].

Считаем, что орган регистрации прав не может в настоящее время гарантировать безусловную проверку законности оснований регистрации и, следовательно, достоверность сведений реестра недвижимости. Поэтому государство, реализуя данный принцип в целях защиты прав добросовестных субъектов, не осталось в стороне. В Закон о регистрации была введена с 01.01.2020 года статья 68.1, которая предусматривает однократную единовременную компенсацию добросовестному приобретателю за счет казны Российской Федерации в случае истребования от него соответствующего жилья.

Справедливо мнение В.Ф. Яковлева, который отмечал, что в силу публичности и достоверности сведения государственного реестра могут быть оспорены только в судебном порядке. Презумпция добросовестности правообладателя, права которого зарегистрированы, действует до тех пор, пока не будет доказано, что лицо знало или должно было знать о недостоверности данных государственного

реестра [13].

На наш взгляд, соблюсти принцип достоверности сведений единого государственного реестра недвижимости в полной мере также мешают другие действующие параллельно реестры (например, реестр бюро технической инвентаризации, реестр федерального имущества и т.д.), содержащие сведения о ранее учтенных объектах недвижимости и (или) о ранее возникших правах. Пока реестр недвижимости не является единым и данные об объектах и их правообладателях из других реестров признаются законами юридически действительными, то размывается смысл государственного реестра недвижимости как единого свода достоверных сведений.

Следовательно, принцип достоверности единого государственного реестра напрямую зависит от корректности вносимых в него сведений, а также от качества составления и подлинности документов и подвержен влиянию человеческих факторов, например, невнимательности, мошенничеству, а также фактора переходного периода становления системы регистрации. Установление денежной компенсации добросовестному приобретателю за счет казны – это действительная мера защиты его интересов в таких ситуациях.

4. Ведение государственного реестра недвижимости осуществляется на основе принципа единства технологии его ведения на всей территории Российской Федерации, и этот новый принцип не похож на вышеуказанные правовые принципы, но в совокупности с ними он обеспечивает, усиливает роль государственного реестра как унифицированного источника информации.

Фиксация данного принципа (с технологической направленностью) в тексте Закона о регистрации обусловлена, с нашей точки зрения, централизацией ведения реестра недвижимости с 01.01.2017 года в одной Федеральной государственной информационной системе Единого

государственного реестра недвижимости (далее – ФГИС ЕГРН). Исторический аспект заключается в том, что до 01.01.2005 года каждый регион России самостоятельно определял информационную систему, на которой велся единый государственный реестр прав, а после 01.01.2005 года государственный реестр и кадастр недвижимости велись преимущественно на трех платформах – АИС Юстиция, АИС ЕГРП и ГКН. Технологическое ведение государственного кадастра недвижимости (ГКН) до 01.01.2017 года осуществлялось также на основе данного принципа (ст. 4 Закона) [14] и поэтому логично, что данное требование было перенесено в новое законодательство.

В Федеральном законе от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости», пишет А.Н. Борисов, законодатель установил правовой режим Единого государственного реестра недвижимости независимо от информационной системы, предназначенной для его ведения. Правовой режим ФГИС ЕГРН включает лишь полномочия оператора по созданию и эксплуатации системы, порядок взаимодействия с иными информационными системами. Связь информационной системы ведения реестра с самим реестром как информаци-

онным ресурсом отражена в нескольких специальных нормах [15].

Полагаем, что принцип единства технологии ведения государственного реестра нельзя признать правовым с точки зрения его сущности и природы. У данного принципа особая роль и взаимосвязь с исследованными в работе юридическими принципами института государственной регистрации недвижимости, поскольку реестр недвижимости ведется уже в большей степени ни в бумажной, а в электронной форме, стремясь к его максимальной цифровизации и обмену сведениями и документами с другими государственными системами и реестрами федеральных, региональных и иных органов (например, с порталом Госуслуг, с ФНС России, с системами межведомственного информационного взаимодействия разных уровней).

В заключение отметим, что закрепление в Гражданском кодексе РФ специальных принципов государственной регистрации прав на имущество, распространяющих свое действие на институт государственной регистрации недвижимости, свидетельствует о том, что законодатель обеспечивает преемственность взглядов на важную роль и значение данного института для гражданского оборота недвижимости.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 21 июля 1997г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 30. Ст. 3594.
2. См.: Яковлев В.Ф. Гражданское право: В 2 т.: Учебник (том 1) (3-е издание, переработанное и дополненное) // Под ред. Б.М. Гонгало. Статут, 2018. С.25.
3. Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» // Российская газета. 2015. 17 июля.
4. Тужилова-Орданская Е.М. Проблемы защиты прав на недвижимость в гражданском праве России: Монография. М.: Издательский дом Буквовед. 2007. С.360-372.
5. Кирсанов А.Р. Особенности правового регулирования общественных отношений, возникающих при государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним // Государственная регистрация прав на недвижимость: проблемы регистрационного права /Отв. ред. А.Р. Кирсанов. М.: Ось-89, 2003. С.45-46.

6. Бевзенко Р.С. Комментарий к ст.8.1 Гражданского кодекса РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 11.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к главам 1, 2, 3 / Под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2013. С.36.
8. Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к главам 1-5 / Под ред. Л.В. Санниковой. Статут, 2015. С.46.
9. Указ Президента РФ от 25 декабря 2008 г. № 1847 «О Федеральной службе государственной регистрации, кадастра и картографии» // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6366.
10. Приказ Минэкономразвития России от 23 декабря 2015 г. № 968 «Об установлении порядка предоставления сведений, содержащихся в Едином государственном реестре недвижимости, и порядка уведомления заявителей о ходе оказания услуги по предоставлению сведений, содержащихся в Едином государственном реестре недвижимости» // <http://www.pravo.gov.ru>, 04.05.2016.
11. Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к главам 1, 2, 3 // Под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2013. С.77.
12. См.: Александр Рассохин. «Электронная подпись оставила без квартиры» // Коммерсантъ FM» от 16.05.2019.
13. См.: Яковлев В.Ф. О Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации // <http://docs.cntd.ru/document/902248128> (дата обращения 10.09.2020.)
14. Федеральный закон от 24.07.2007 № 221-ФЗ «О государственном кадастре недвижимости» // Собр. законодательства Рос. Федерации 30.07.2007. № 31. ст. 4017.
15. Борисов А.Н. Комментарий к Федеральному закону от 13 июля 2015 г. N 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (постатейный). 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юстицинформ, 2019. С.21.

© Клец П. В.

УДК 347.44:004(470)

Л. К. ФАЗЛИЕВА, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Казанского юридического института МВД России, кандидат химических наук, доцент (г. Казань)

L. K. FAZLIEVA, Assistant Professor of the Chair of Civil Law Disciplines of Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Chemistry, Associate Professor (Kazan)

Э. Х. РАХИМОВ, начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридическо-го института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Уфа)

E. KH. RAKHIMOV, Head of the Chair of Civil Law Disciplines, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law, Associate Professor (Ufa)

СМАРТ-КОНТРАКТ В ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОМ ОБОРОТЕ

SMART CONTRACT IN CIVIL-LEGAL TURNOVER

Аннотация. В статье определен авторский подход к применению смарт-контракта в гражданско-правовых отношениях. Рассмотрена различная аргументация исследователей относительно правовой природы смарт-контракта. Выделены квалифицирующие признаки смарт-контракта: цифровая форма гражданско-правового договора или сразу нескольких договоров; использование методов шифрования (криптографии) – публичного и частного ключа; применение при расчетах цифровых финансовых активов и цифровой валюты. Отмечено, что смарт-контракт не относится к непоименованным соглашениям. Авторами выявлена правовая неопределенность в законодательстве и правоприменительной практике по использованию смарт-контракта в гражданско-правовых отношениях, так как заключение и исполнение самоисполняемых контрактов несут в себе определенные специфические риски для потребителей, что не позволяет его в достаточной мере использовать в гражданско-правовом обороте.

Ключевые слова и словосочетания: смарт-контракт, квалифицирующие признаки смарт-контракта, цифровая форма гражданско-правового договора, методы шифрования (криптографии), цифровые финансовые активы и цифровая валюта.

Annotation. The article defines the author's approach to the use of a smart contract in civil law relations. Various arguments of researchers regarding the legal nature of a smart contract are considered. The qualifying features of a smart contract are highlighted: a digital form of a civil contract or several contracts at once; use of encryption methods (cryptography) - public and private keys; application of digital financial assets and digital currency in the calculation. It is noted that the smart contract does not apply to unnamed agreements. The authors revealed legal uncertainty in the legislation and law enforcement practice on the use of a smart contract in civil law relations, since the conclusion and execution of self-executing contracts carry certain specific risks for consumers, which does not allow it to be sufficiently used in civil-legal turnover.

Keywords and phrases: smart contract, qualifying features of a smart contract, digital form of a civil contract, encryption methods (cryptography), digital financial assets and digital currency.

Закрепление правового механизма заключения традиционных гражданско-правовых договоров по модели смарт-контрактов, именуемых также самоисполняемыми договорами, является одним из центральных направлений развития «Национальной программы «Цифровая экономика РФ».

Однако появление технологических возможностей совершения смарт-контрактов и принятие ФЗ РФ от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей ГК РФ: ФЗ РФ от 18.03.2019 № 34-ФЗ» (далее – закон № 34-ФЗ), в том числе включение в ст. 309 ГК РФ нормы о самоисполняемых сделках, не является достаточным для полноценного функционирования механизма заключения сделок по смарт-модели. Новелла ст. 309 ГК РФ предусматривает использование информационных технологий именно на стадии исполнения сделки, а не заключения. Стоит отметить, что юридическая природа автоматизированного исполнения при этом не раскрывается.

Как справедливо отмечают О.С. Гринь, Е.С. Гринь и А.В. Соловьев существует различная интерпретация термина смарт-контракт [1, С. 53]:

- «smart contract» как компьютерный код. В данном случае подразумевается, что обязательство заключается с использованием электронных средств, являющееся разновидностью письменной формы сделки (ст. 309 ГК РФ);

- «legal smart contract» – условия договора, обеспеченные программным кодом. Исполнение соглашения всегда презюмируется, так как происходит автоматическое исполнение обязательства по заранее заданным сторонами условиям на платформе блокчейн при помощи программной кодировки, но без участия его сторон. Следовательно, исключается условие о неисполнении или ненадлежа-

щем исполнении договора другой стороной.

Из всего многообразия научной аргументации ученых-цивилистов выделим позицию Л.Г. Ефимовой и О.Б. Сиземовой [2, С. 27], определяющую квалифицирующие признаки смарт-договора: его заключение возможно с помощью программного обеспечения; использование методов шифрования (криптографии); применение при расчетах цифровых финансовых активов и цифровой валюты. Подробнее остановимся на этих признаках.

Первый квалифицирующий признак смарт-контракта позволяет утверждать, что de facto смарт-контракт является цифровой формой гражданско-правового договора или сразу нескольких договоров:

- а) условия соглашения выражены в виде программного кода,

- б) автоматическое исполнение встречного обязательства по типу «если – то» (if – then) – по заранее заданным сторонами условиям в информационной системе блокчейн,

- в) невозможность его изменения, в том числе по соглашению сторон после того, как он был размещен в сети блокчейн.

Сейчас смарт-контракт не является идеальным вариантом договорных отношений, он имеет определенные проблемы. Так, для создания и внедрения смарт-контракта необходимо привлекать опытного специалиста в области программирования. Однако даже созданный опытным программистом смарт-контракт не защищен от человеческого фактора, а именно допущения ошибки в написании программного кода (особенно, когда процесс выполнения является многоуровневым и объемным). Поэтому В.М. Камальян предлагает заключать отдельное соглашение со специалистом-про-

граммистом, чтобы исключить подобные ошибки, с условием об ответственности за неправильное составление смарт-контракта [3, С. 34].

Такие ошибки могут существенно повлиять на выполнение договоренностей между сторонами (например, если товар/работа/услуга ненадлежащего качества или количества) или даже привести к потере активов в виде цифровых валют вследствие противоправных действий третьих лиц. Например, как это было с первой децентрализованной автономной организацией (DAO) «The DAO», где злоумышленник завладел средствами в размере 50 млн долларов США в эквиваленте криптовалюты Ethereum [4].

Второй квалифицирующий признак смарт-контракта позволяет обеспечить правильность записи и сохранения информации о нем в информационной системе блокчейн, используя методы шифрования (криптографии) – публичного и частного ключа.

По общему правилу информация о лицах-участниках платформ для реализации смарт-контрактов, основанных на технологии блокчейн, является анонимной. Доверие между участниками строится на основе зашифрованных данных. Лицу, которое желает стать участником такой платформы, автоматически присваивается, так называемый публичный адрес, который становится известным для всех участников соглашения. То есть это буквенно-цифровой символ, уникально выделенный программным обеспечением, выступающий как имя соответствующего пользователя.

В то же время блокчейн также генерирует соответствующий закрытый ключ для такого адреса, известный только лицу-участнику. Этот ключ надежно защищен программным обеспечением. Если инициатор желает заключить смарт-контракт, он использует свой адрес, чтобы направить соответствующее уведомление, которое может быть отправлено только лицом, владеющим частным ключом.

Использование участниками частного ключа позволяет презюмировать их однозначное согласие при заключении договора.

Условие анонимности участников смарт-контракта имеет свои положительные и негативные аспекты.

Положительной стороной является то, что участник, для которого, прежде всего, важно сохранить анонимность, может быть уверен в том, что его конфиденциальная информация не будет раскрыта. Данные, касающиеся транзакций, проведенных с помощью блокчейн, гарантированно действительны согласно определенным заранее установленным правилам системы (например, нет двойных расходов или недействительных подписей). Все данные являются общедоступными, и каждый пользователь может получить доступ к их копии.

Не существует такого органа, который контролирует прием или проверку данных о личности.

Одновременно существует ряд рисков, которые могут стать негативным последствием полной анонимности участников:

- объем дееспособности лица, которое намерено заключить смарт-контракт, нельзя установить, ведь для регистрации система не требует никаких документов.
- в случае возникновения спора, разрешение которого требует обращения в суд, возникает необходимость предоставления определенных данных о личности-контрагенте по смарт-контракту. Полная анонимность не позволит пострадавшей стороне обратиться в суд за защитой своих нарушенных прав, так как по общим принципам гражданского судопроизводства иск не может быть подан к неизвестному лицу, поскольку это нарушает основные принципы искового производства, в частности такие как состязательность и диспозитивность [5]. Кроме этого, по мнению А.А. Волос при нарушении принципа добросовестности смарт-контракт может выступать как

«инструмент незаконного поведения», в том числе как «инструмент злоупотребления правом» [6].

Поэтому считаем, что стороны смарт-контракта должны быть идентифицированы, анонимность в рамках договорных отношений не соответствует действующему законодательству. Однако, учитывая особенности «публичности» смарт-контракта, информация о сторонах должна быть конфиденциальной для третьих лиц.

Третий квалифицирующий признак указывает на применение при расчетах в смарт-контракте цифровых финансовых активов и цифровой валюты, представляющих собой записи в информационной системе блокчейн, удостоверяющие имущественные и иные права субъектов гражданского права. Следует отметить о закреплении на федеральном уровне (ФЗ РФ от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации») цифровых валют как средств платежа с ограничением ее использования резидентами (гражданами и юридическими лицами) РФ. Однако предложенные законодателем модели регулирования в полной мере не разрешают проблемы правового режима криптоактивов, их оборота на территории России. Данным обстоятельством объясняется неоднозначная противоречивая судебная практика из-за отсутствия специального правового регулирования оборота криптовалюты. Так, Петроградский районный суд г. Санкт-Петербурга в приговоре от 30.06.2020, сославшись на отсутствие правового статуса криптовалюты, исключил из объема обвинения требование криптовалюты в размере, эквивалентном 55 млн руб., и признал подсудимых виновными лишь в требовании наличных денежных средств в размере 5 млн руб [7]. В свою очередь, Девятый арбитражный апелляционный суд в одном из своих постановлений

пришел к выводу о том, что виртуальная валюта является объектом гражданских прав и согласно ст. 128 ГК РФ относится к «иному имуществу». Следовательно, может быть включена в конкурсную массу должника [8]. По оценкам экспертов Российского союза промышленников и предпринимателей, к 2025 г. число таких споров увеличится в 40 раз.

В тоже время, по мнению Я.О. Кучиной в настоящий момент при рассмотрении криптовалют как части финансовой политики страны и объекта гражданского оборота не требуется формирования дефиниции [9]. Свою позицию автор аргументирует тем, что чрезмерная топорливость и отказ от учета экспертного мнения в этом вопросе излишне.

Поэтому повседневное использование смарт-контрактов возможно лишь путем оформления части основного договора, связанной с оплатой товаров (работ, услуг).

Следовательно, можно выделить функциональные признаки смарт-контракта:

1) *de jure* – это самостоятельная договорная конструкция как договор присоединения. В тоже время смарт-контракт нельзя признать непоименованным соглашением, регулирующим гражданско-правовые отношения;

2) любое участие фиатных денег предполагает посредничество банка и клиринговой организации, которые в любой момент могут отменить платеж, взыскать задолженность, заблокировать счет. Эти действия перечеркивают саму концепцию смарт-контракта;

3) во избежание недобросовестного поведения сторон обязательства были созданы разумные контракты – смарт-контракты, которые имеют цифровую форму и функционируют только в блокчейн-среде. Однако положения ст. 160 ГК РФ о том, что заключение сделки с помощью электронных или технических средств считается надлежащим соблюдением письменной формы при условии

обязательной возможности идентифицировать лицо, выразившее свою волю, не могут служить нормативным обоснованием совершения смарт-контракта на базе ресурсов технологии блокчейн: некоторые платформы не дают возможности идентифицировать сторону сделки, так как децентрализованное управление идентификацией предполагает генерирование «ключей»/«адресов» самими пользователями в неограниченном количестве;

4) п.2 ст. 309 ГК РФ не предусматривает никаких оговорок для участников смарт-контракта как «потребитель», так как заключение и исполнение самоисполняемых договоров несут в себе определенные риски. Это обстоятельство, по нашему мнению, не должно служить основанием для безусловного запрета гражданину быть стороной по сделке, заключаемой с использованием смарт-контракта. С нашей точки зрения гражданин может заключать сделки с использованием смарт-контракта при условии законодательного ограничения его потенциальных потерь по сделке. Существующие же в российской юрисдикции «общие» механизмы защиты прав потребителей недостаточны: суды не будут применять законодательство о защите прав потребителя лишь на том одном основании, что

потребителем заключен смарт-контракт [1]. Данное обстоятельство подтверждается материалами правоприменительной практики. Так, Ульяновский областной суд отменил решение районного суда о взыскании суммы неосновательного обогащения и процентов за пользование чужими денежными средствами по факту передачи денежных средств ответчику для покупки криптовалюты с целью ее дальнейшей реализации по соответствующему курсу. Правовая позиция правоприменительного органа строилась на том, что цель передачи денежных средств – извлечение прибыли, что не гарантирует их защиту интересов, связанных с осуществлением предпринимательской деятельности [10].

Из проведенного исследования следует констатировать следующее: внесенные изменения федеральным законодателем в ст. 309 ГК РФ не позволяют смарт-модель обязательства в достаточной мере использовать в гражданско-правовом обороте, так как заключение и исполнение смарт-контрактов несет в себе определенные специфические риски для потребителей, защита от реализации которых еще не нашла должного отражения в специальном правовом регулировании и правоприменительных актах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гринь О.С. и др. Правовая конструкция смарт-контракта: юридическая природа и сфера применения / О.С. Гринь, Е.С. Гринь, А.В. Соловьев // *Lex russica*. – 2019. – № 8. – С. 51 - 62
2. Ефимова Л.Г., Сизимова О.Б. Правовая природа смарт-контракта / Л.Г. Ефимова, О.Б. Сизимова // *Банковское право*. – 2019. – № 1. – С. 23-30.
3. Камалян В.М. Правовые риски использования цифровых технологий в банковской деятельности / В.М. Камалян // *Актуальные проблемы российского права*. – 2019. – № 6.
4. Богданова Е.Е. Проблемы применения смарт-контрактов в сделках с виртуальным имуществом // *Lex russica*. – 2019. – № 7. – С. 108-118.
5. Павлова, Д. А. Смарт-контракт: правовое регулирование в Российской Федерации и за рубежом / Д. А. Павлова // *Молодой ученый*. – 2020. – № 32 (322). – С. 118-120.
6. Волос А.А. Реализация принципа добросовестности применительно к отношениям сторон смарт-контракта / А.А. Волос // *Право и цифровая экономика*. – 2020. – № 2. – С. 26 - 31.
7. Приговор Петроградского районного суда г. Санкт-Петербурга по делу № 1-95/2020 [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru> (дата обращения 27.05.2021).

8. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.05.2018 № 09АП-16416/2018 по делу № А40-124668/2017 [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru> (дата обращения 27.05.2021).

9. Кучина Я.О.оборот криптовалюты как объект преступления и доктринальные ошибки его восприятия // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – № 4. – С. 118 - 127.

10. Апелляционное определение Ульяновского областного суда от 31.07.2018 по делу № 33-3142/2018. - URL: <http://sudact.ru/arbitral/doc/eUG5e32Mk8dp> (дата обращения: 27.05.2021)

© Фазлиева Л. К.

© Рахимов Э. Х.

УДК 347.26(470)

П. С. ФЕДОСЕЕВ, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Волгоград)

P. S. FEDOSEEV, Assistant Professor of the Chair of Civil Law Disciplines of Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law, Associate Professor (Volgograd)

М. А. ШМАТОВ, профессор учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный работник МВД Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор (г. Волгоград)

M. A. SHMATOV, Professor of Educational and Scientific Complex on Preliminary Investigation in the Internal Affairs Bodies of Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Worker of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor (Volgograd)

К ВОПРОСУ О «СОСЕДСКИХ ПРАВАХ» КАК ОБЪЕКТЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

TO THE ISSUE OF “NEIGHBOR RIGHTS” AS AN OBJECT OF CIVIL LAW REGULATION

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные актуальные вопросы цивилистического института «соседское право». В связи с изменениями в российском законодательстве, в том числе внесенными поправками в Конституцию Российской Федерации, предполагается переход

к частнопроводному регулированию так называемого «соседского права». Критически анализируется возможность установления отрицательного сервитута для разрешения споров, возникающих между собственниками недвижимого имущества, имеющего общие границы или составляющего неделимую недвижимую вещь. Аргументируется необходимость более тщательной законодательной проработки правового статуса владельцев граничащей недвижимости – соседей. Автором высказывается мнение о приоритете публично-правовой регламентации вопросов, возникающих при реализации прав соседями, и возможности субсидиарного регулирования частнопроводными методами тех сторон соседских взаимоотношений в сфере собственности, неурегулированных императивно.

Ключевые слова и словосочетания: соседское право, сервитут, недвижимое имущество, гражданско-правовое регулирование.

Annotation. The article deals with some topical issues of the civil law institution “neighbor law”. Due to the changes in Russian legislation, including the amendments to the Constitution of the Russian Federation, a transition to private law regulation of the so-called “neighbor law” is expected. The author critically analyzes the possibility of establishing a negative easement for resolving disputes arising between the owners of immovable property that has common boundaries or constitutes an indivisible real estate. The necessity of a more thorough legislative study of the legal status of the owners of the bordering real estate (neighbors) is justified. The author comments on the priority of public-law regulation of issues arising in the realization of neighbors’ rights, and the possibility of subsidiary regulation of those parties of neighborly relations in the field of property that are unregulated imperatively by private-law methods.

Keywords and phrases: neighbor law, easement, real estate, civil law regulation.

В современной цивилистической литературе все чаще высказываются мнения о необходимости социализации частного права [10,16]. Под социализацией, в свою очередь, понимается имплементация в текст Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) норм, регулирующих добросовестное осуществление правомочий собственника, невозможность злоупотребления правами кредитора и прочие принципы участия в гражданских правоотношениях, призванные нивелировать эгоизм и чрезмерный индивидуализм гражданско-правового регулирования, основанного на либеральных ценностях.

Выводы о необходимости гуманизации частнопроводного регулирования нашли свое отражение в реформах гражданского законодательства, которые делятся в Российской Федерации с 7 октября 2009 года, с момента одобрения решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации [6].

За более чем десятилетие реформ

гражданского законодательства изменению подверглись нормы общей и особенной части ГК РФ, в частности, изменился подход к организационно-правовой форме некоторых хозяйственных обществ, включены в текст закона отдельные новые формы некоммерческих организаций, усовершенствован порядок реорганизации и ликвидации юридических лиц.

В рамках реформирования гражданского права активно обсуждается вопрос о внесении изменений в нормы ГК РФ о праве собственности и владении. Цивилистами обсуждается возможность внесения корректировок в акты гражданского законодательства в части указания на социальный характер отношений собственности. При этом, к социализации гражданского права в сфере отношений собственности ученые относят, в первую очередь, необходимость на законодательном уровне обязать собственников осуществлять правомочия пользования, владения и распоряжения, принадлежащим им имуществом, соизмеряя их с потребностями общества и государства в целом [7, с. 73].

В подтверждение правильности своей инициативы ученые приводят опыт конституций и актов гражданского законодательства различных государств, в первую очередь, европейских, где закреплены нормы о необходимости использования собственности не только для удовлетворения личных потребностей собственника, но и в интересах общества, с учетом, так называемой, социальной функции собственности [7, с. 74].

Следует отметить, что идея социализации гражданского права, а именно теория социальной собственности подвергалась достаточно обоснованной критике еще в начале 20-х годов XX века. Так в работе И. Карнера «Социальные функции права», 1923 года, утверждается, что собственность является безусловным институтом частного права, и, если, закон установит какие-либо ограничения в реализации правомочий собственника, то частнокапиталистическая система хозяйства утратит свой частный характер и превратится в хаос разрешений, допущений и ограничений, устанавливаемых для собственника [12, с. 10]. Можно согласиться с мнением И. Карнера, поскольку история российского гражданского права знакома с синкретичными правовыми конструкциями, например, пожизненным наследуемым владением, правом хозяйственного ведения, так называемыми, производными вещными правами, созданными для обхода запрета на частную собственность на объекты недвижимости и ушедшими вместе с его отменой.

Другим эффективным способом достижения общественного согласия при осуществлении правомочий собственника, а, следовательно, придания социального характера осуществлению права собственности является «отрицательный» сервитут, целесообразность включения которого в российское гражданское законодательство аргументируют отечественные цивилисты [19]. Под отрицательным сервитутом понимаются

ограничения вещных прав, действующие посредством воспрещения определенных действий, могущих нанести ущерб правам других лиц [20, с. 37]. О правомерности употребления термина «отрицательный сервитут», мы скажем ниже.

С учетом внесенных в Конституцию Российской Федерации поправок о необходимости обеспечения социальной солидарности, одним из средств ее достижения является, в том числе, социально одобряемое использование собственности [1]. В сфере частного права, российским законодателям подобная инициатива представилась крайне актуальной и ими был разработан законопроект по внесению изменений в ГК РФ об упорядочении соседских отношений в части использования имущества, не нанося ущерб интересам собственников и владельцев недвижимого имущества, имеющего общие границы или объединенный режим пользования.

В конце апреля 2020 года Председатель комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (далее – ГД РФ) по государственному строительству и законодательству П. В. Крашенинников анонсировал обсуждение в ГД РФ поправок к ГК РФ, в части регулирования отношений, связанных с недвижимым имуществом. Поправки, если они найдут свое воплощение в законе, станут, без сомнения, революционными, однако в настоящей статье мы рассмотрим только часть из них.

Речь идет об изменениях в нормы ГК РФ, регулирующие положения так называемого «соседского права». Авторы законопроекта планируют гражданско-правовыми средствами разрешить большинство споров, возникающих между собственниками или владельцами земельных участков, по поводу ограничения негативного воздействия со стороны соседнего участка путем возведения строений, закрывающих доступ света, высадки деревьев, разведения костров и

тому подобных способов досадить соседу.

Институт ограничений права собственности, именуемый «соседским правом», обсуждается на страницах отечественной цивилистической литературы довольно давно. Началом дискуссии можно считать фундаментальный труд К. П. Победоносцева «Курс гражданского права», а именно том первый, посвященный вещным (вотчинным) правам. В конце XIX века, когда создавался курс «Вотчинные права», соседские права считались необходимым ограничением права собственности, целями которого, во-первых, было предоставление возможности извлечения выгоды из использования чужого имущества в интересах неограниченного числа лиц, а, во-вторых, эти ограничения устанавливались для взаимной выгоды лиц, совместно использующих имущество, раздел которого или выдел доли, физически невозможен [17, с. 511].

К. П. Победоносцев с сожалением признавал, что современное ему российское гражданское право, регулирующее ограничения в части осуществления соседями добросовестного использования имущества находится в зачаточном состоянии, значительно уступая праву швейцарскому или итальянскому. В России, в основном, регулирование соседских прав осуществлялось на принципе признания права абсолютности права собственности, а, следовательно, предоставлялась возможность устранять все препятствия, которые может создать сосед в осуществлении прав собственника [17, с. 522].

Вместе с тем, в условиях отсутствия прямых норм, регулирующих соседские правоотношения, классик русской цивилистики предлагал решать конфликтные ситуации, возникающие между соседями, на договорной основе, с учетом требований, содержащихся в гражданском законодательстве того времени. Наиболее важные вопросы, касающиеся вза-

имоотношений между собственниками, пользователями или владельцами смежных объектов недвижимости, такие как обеспечение противопожарной безопасности, отвод источников водоснабжения регулировались, тем не менее, императивными методами.

В настоящей статье мы не ставим перед собой цели проанализировать исторический путь формирования цивилистической концепции «соседских прав». Достаточно подробно и интересно он проанализирован в работе Ю. В. Виниченко «Исторические начала соседского права в России», а также в коллективной монографии Ю. В. Виниченко, Н. П. Асланян, О. А. Поротиковой «Соседское право в России» [8, 9].

Указанные исследователи справедливо констатируют, что правовое регулирование соседских прав в России формировалось двумя путями – частноправовым, предполагающим договорную основу регулирования отношений и публично-правовым – путем установления административных ограничений на использование принадлежащего лицу земельного участка.

В основе частноправового регулирования лежит способ, аналогичный частному сервитуту, когда собственник участка добровольно ограничивает свои правомочия по использованию принадлежащего ему объекта недвижимости. Очевидно, что в рамках гражданско-правового регулирования этот способ наиболее эффективный и поощряемый. Однако добровольное ограничение собственником своих прав не обладает должной степенью устойчивости и такой договор может быть легко отменен. Не следует игнорировать и то обстоятельство, что отношения между соседями могут легко портиться и переходить от дружбы к откровенной вражде. В связи с чем, реализация прав собственником может быть направлена исключительно на то, чтобы досадить своему соседу. В Волгограде существует городская легенда, герой ко-

торой – богач и сумасброд, когда ему отказала во взаимности местная красавица, купил участок земли, соседний с ее особняком, и построил на нем гвоздильный завод, создававший невыносимый шум 24 часа в сутки, исключительно, чтобы отомстить гордячке.

Аналогом частного сервитута, по мнению ряда авторов, является вышеназванный отрицательный сервитут, который по мнению авторов Концепции развития гражданского законодательства, может устанавливаться между лицами, однако в условиях действующего законодательства с его закрытым перечнем вещных прав такое ограничение не подлежит государственной регистрации, и, следовательно, не имеет юридической силы. По мнению некоторых исследователей, именно закрытость перечня вещных прав характеризует косность российского гражданского права, ориентированность его исключительно на запретительное, императивное регулирование отношений [14, с. 6].

Однако есть и другая позиция, основанная на признании достаточности правового регулирования соседских правоотношений и аргументирующая необходимость правильного и логически последовательного применения имеющихся норм ГК РФ к ситуациям, подобным резонансному делу о запрете размещения пасеки, в связи с угрозой жизни соседа, страдающего аллергией на продукты жизнедеятельности пчел, а также спору жильцов многоквартирного дома о запрете курения на лоджии [5]. В соответствии с мнением А. В. Карачун, разрешение споров о воспрепятствовании действиям собственником имущества, как правило, недвижимого, нарушающих права соседа, могут разрешаться посредством имеющегося в отечественном законодательстве негаторного иска, в соответствии с правилами предъявления которого, истец обязан доказать два обстоятельства – право собственности на имущество и невозможность исполь-

зования этого имущества в связи с угрозой жизни и здоровью [11, с. 20]. Элегантность подобного решения очевидна, поскольку разъяснение о порядке применения статей 304, 305, содержащееся в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010, указывает, что иски об устранении таких нарушений подлежат удовлетворению, если истцом будет доказана реальная угроза нарушения его права собственности [4]. Вместе с тем, имеется определенное сомнение, как коррелирует угроза жизни или здоровью другого собственника с занятием деятельностью, не отнесенной гражданским законодательством к создающим повышенную опасность для окружающих.

Полагаем, что такое применение норм о негаторном иске смешивает его правозащитный эффект с превентивным иском, подаваемым в соответствии со статьей 1065 ГК РФ. На наш взгляд, существенным признаком указанного иска является именно его превентивный характер, то есть направленность на устранение будущего вреда, а не существующего, на что прямо указывает текст статьи 1065 ГК РФ. К тому же, практика применения превентивных исков основывается на том, что они отнесены к категории обязательственно-правовых средств защиты [18, с. 156].

Вместе с тем, существует и признается рядом исследователей, как допустимый и не менее эффективный, чем частноправовые способы регулирования соседских правоотношений, административно-правовой метод урегулирования споров в добросовестном осуществлении пользования имуществом, имеющим общую территориальную расположенность.

Указанный способ регулирования соседских прав заключается в установлении административных правил, определяющих порядок использования земельного участка. Например, императивно учреждается расстояние от

межи, на котором можно сажать деревья, возводить заборы, жилые здания и хозяйственные постройки. Примером подобного акта административного регулирования можно назвать Свод правил СП 53.13330.2019 Планировка и застройка территории ведения гражданами садоводства [2].

Кроме того, порядок застройки городских и сельских поселений регламентируется Сводом правил 42.13330.2016 «Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений» [3]. Таким образом, большинство вопросов, касающихся застройки территорий, прилегающих к соседним земельным участкам, порядок размещения дворовых построек, в том числе, использование которых может сопровождаться неприятными запахами или шумом, урегулированы административно. Полагаем, что в условиях законодательного признания абсолютного характера права собственности, когда каждый из владельцев соседних объектов недвижимости не желает ограничивать себя в реализации правомочий собственника, государство вполне закономерно может прибегнуть к публично-правовым, императивным методам регулирования.

По нашему мнению, правовое регулирование застройки и планировки городских и сельских поселений не может быть предметом диспозитивного регулирования в силу следующих причин.

Как известно, градостроительная деятельность осуществляется на основании планирования, с учетом не только индивидуальных пожеланий и вкуса застройщиков, но и с соблюдением санитарных, противопожарных требований, особенностей проведения коммуникаций и иных не менее важных обстоятельств. Кроме того, градостроительная деятельность, как разновидность хозяйственной деятельности, подлежит тщательному административному регулированию, поскольку объект капитального строительства используется людьми, чья безопас-

ность должна быть обеспечена. Поэтому порядок застройки подлежит неукоснительному соблюдению под страхом административного или уголовного наказания.

Вместе с тем, как утверждают разработчики поправок к ГК РФ, новеллы призваны урегулировать отношения, связанные с воздействием, формально не нарушающим административное законодательство, но, тем не менее, создающим неудобства для собственников или пользователей смежных участков. В качестве основного метода регулирования таких отношений предлагается использовать «претерпевание» шума, вибрации, запаха, дыма в том случае, если они не влияют на использование смежного земельного участка [13].

Очевидно создание заведомо «мертвой» нормы, с нулевой практической значимостью, если останется та редакция, которая представлена в законопроекте. Буквальное толкование закона означает, что собственник или владелец смежного участка обязан терпеть негативное воздействие со стороны соседа до той поры, пока не будет превышен уровень допустимых предельных нормативов. Вместе с тем, это и так понятно, защита права не состоится до тех пор, пока оно не будет нарушено или не создается явная угроза его нарушения. К тому же, при обращении в судебные органы с иском о понуждении к прекращению злоупотребления правом, необходимо представить доказательства, собирание которых по подобной категории дел, представляется нам достаточно сложным.

Кроме того, проект изобилует оценочными категориями, такими как уже упомянутое «претерпевание» «разумные пределы», «недопустимое воздействие». Полагаем, что в вопросе определения пределов осуществления права собственности, необходимы предельно четкие дефиниции. Судейское усмотрение при определении степени негативного воздействия на имущество, а может

и в целом на спокойное добрососедское существование, нам представляется не лучшим инструментом, поскольку разрешение такого болезненного спора на основе не нормы закона, а допущения или предположения станет причиной для новых споров в последующих судебных инстанциях.

Очевидно, что главным принципом, которым должны руководствоваться соседи, при осуществлении правомочий в отношении имеющегося у них имущества, затрагивающего интересы других лиц, это добросовестность и невозможность злоупотребления правом. Вместе с тем, на наш взгляд, гражданское право в связи с преобладающим диспозитивным методом регулирования не может установить конкретных пределов добросовестного осуществления права. Следует отметить, что детальное нормирование осуществления права собственности на имущество, могущее оказать воздействие на имущественную или неимущественную сферу других лиц, доступно только публичным отраслям права. Абсолютный характер права собственности порождает эгоизм, неуместный в обществе, где все лица признаются независимыми и, фактически, неограниченными собственниками. Из разумного сочетания частных и публичных интересов должен исходить законодатель, планирующий упорядочение такой болезненной для современной России сферы социального бытия, как гармоничное сосуществование граждан, наделенных свободой собственника.

Необходимо в проектируемых нормах ГК РФ установить и пределы вторжения в соседскую сферу. Очевидно, что установление обязанности «претерпевания» соседского использования собственности представляет собой банальную констатацию существующего положения – большинство соседей и так вынуждены «претерпевать» активное размещение на территории индивидуальной жилищной застройки автосервисов, разведения в неумеренных количествах домашних

животных, захламление или перепланировку мест общего пользования в многоквартирных домах, нарушение границ домовладений при строительстве на соседних участках. На наш взгляд, это очевидная публично-правовая сфера регулирования, несмотря на участие в спорном правоотношении соседей – собственников.

Следует отметить, что проектом поправок в ГК РФ недостаточно ясно урегулирован вопрос, ставившийся еще в 1924 году И. Б. Новицким, а именно, каким статусом должен обладать сосед, полномочный требовать от другого соседа изменить порядок использования своей собственности? [15, с. 83]. Предполагается, что речь идет о собственниках имущества, однако, как быть арендаторам или иным пользователям имуществом, чьи права нарушаются актуально или потенциально могут быть нарушенными владельцем соседнего имущества?

В то же время проект содержит и достаточно актуальные нормы, например, о запрещении возводить здания, сооружения, препятствующие попаданию света на соседний участок. Предполагается запретить собственникам совершать действия, результатом которых станет угроза обрушения, затопления или иного ущерба соседской собственности. Можно согласиться с необходимостью такого нововведения, однако, представляется, что причинение ущерба имуществу другого лица, при осуществлении правомочий собственника является злоупотреблением правом и очевидно рассматривается в качестве основания гражданско-правовой ответственности.

Права, которые возлагаются на собственника, в соответствии с проектом статьи 294 ГК РФ, по нашему мнению, являются эклектичным перечнем обязанностей и прав, содержащихся в строительных сводах правил, нормах римского права и положений здравого смысла. Тем не менее, если исходить из ежедневных конфликтных ситуаций, возника-

ющих между владельцами земельных участков и зданий индивидуальной жилищной застройки, то нововведения действительно актуальные. Вместе с тем, не совсем понятно, почему особого регулирования удостоилась совместная стена, а другие объекты, например, придомовые дороги, водопроводные или иные коммуникации – нет.

Подводя итог, следует признать, что законопроект нужный, актуальный. Предлагаемые депутатами изменения еще подлежат обсуждению, редакция не окончательная, а жизнеспособность новых норм должна быть проверена практикой их применения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе всенародного голосования 01.07.2020) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. СП 53.13330.2019 Планировка и застройка территории ведения гражданами садоводства. Здания и сооружения. [Электронный ресурс] // Сайт минстрой РФ. URL: [http:// www.minstroyrf.gov.ru/docs/57871](http://www.minstroyrf.gov.ru/docs/57871).
3. СП 42.13330.2016 Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений. М.: Стандартинформ, 2017.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // Российская газета. № 109 от 21.05.2010.
5. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 07.11.2017 № 67 – КГ 17-16 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»;
6. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации // Вестник Высшего Арбитражного суда Российской Федерации. № 11. 2009. С. 6–99.
7. Богданов Е. В. Социализация и десоциализация, гуманизация и дегуманизация гражданского законодательства России. // Современное право. 2012. № 3. С. 72–78.
8. Виниченко Ю. В. Исторические начала соседского права в России. Иркутск, 2012. – 82 с.
9. Виниченко Ю. В., Асланян Н. П., Поротикова О. А. Соседское право в России: исторические начала и подходы к пониманию: монография. М.: Юриспруденция, 2014. – 143 с.
10. Гришина Я. С. О научном наследии профессора В. А. Рыбакова: реализация идеи о социальной функции права собственности в концепции правового обеспечения социального предпринимательства // Юридическая наука. 2017. № 2. С. 30–32.
11. Карачун А. В. Аллергия, пчелы и соседские права: в поиске баланса интересов. Комментарий к определению Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 28.05. 2019 № 37 – КГ 19-4 // Вестник экономического правосудия. 2019. № 11. С. 20–30.
12. Карнер И. Социальные функции права. Государственное издательство: Москва – Петроград. 1923. – 133 с.
13. Куликов В. Терпите ближнего // Российская газета. Федеральный выпуск. 2019. 9 декабря.
14. Латыев А. Н. «Дело о пасеке» как зеркало нищеты российского вещного права. Комментарий к Определению Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 28.05.2019 № 37-КГ 19-4 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 11. С. 6–19.
15. Новицкий И. Б. Право соседства // Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. Т. 1. 2006. М.: Московский гос. ун-т. им. М.В. Ломоносова. Каф. Гражданского права Юридического фак., 2006. – 458 с.
16. Рыженков А. Я., Садков А. Н. Социализация частного права: природа и основные направления (на примере гражданского права) // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020.

№ 1(52). С. 22

17. Победоносцев К. П. Курс гражданского права. Часть первая. М.: Статут, 2001. – 800 с.
18. Подшивалов Т. П. Негаторный иск: проблемы теории и практики: монография. М.: Инфротропик Медиа, 2019. – 340 с.
19. Рябов А. А. Отрицательные сервитуты и сервитуты вида в российском гражданском праве // Журнал российского права. 2007. № 5.
20. Сюбаева Ю. Д. Право на свет и вид в соседском праве // Гражданское право. 2019. № 1. С. 37.

© Федосеев П. С.

© Шматов М. А.

**УГОЛОВНОЕ ПРАВО. КРИМИНОЛОГИЯ.
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО**

УДК 343.915:343.327(470)

Р. Р. АБДУЛГАНЕЕВ, *начальник научно-исследовательского отделения Казанского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Казань)*

R. R. ABDULGANEEV, *Head of Research Department of Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law, Associate Professor (Kazan)*

**КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ
ВОВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ЛИЦ В НЕЗАКОННУЮ
ПРОТЕСТНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

**CRIMINOLOGICAL ASPECTS OF PREVENTING THE INVOLVEMENT
OF MINORS IN ILLEGAL PROTEST ACTIVITIES**

Аннотация. В рамках статьи на основе обобщения и анализа актуальных статистических данных и материалов судебной практики приводятся наиболее распространенные способы вовлечения несовершеннолетних лиц в незаконную протестную деятельность и выделяются правовые и организационные подходы по их предупреждению. Автором предлагаются правовые средства преодоления наиболее распространенных способов вовлечения несовершеннолетних в незаконную протестную деятельность, позволяющие сформировать действенные барьеры на пути распространения и популяризации протестных форм поведения данной категории граждан, которые в синтезе с решением стратегических задач по противодействию преступлениям и правонарушениям несовершеннолетних будут способствовать комплексному подходу в достижении правоохранительных целей и гармонизации системы обеспечения безопасности государства.

Ключевые слова и словосочетания: *незаконная протестная деятельность, вовлечение несовершеннолетнего, безопасность государства, предупреждение правонарушений.*

Annotation. Based on the generalization and analysis of relevant statistical data and case law materials, the article presents the most common ways of involving minors in illegal protest activities and highlights legal and organizational approaches to prevent them. The author suggests legal means to overcome the most common ways of involving minors in illegal protest activities, allowing to form effective barriers to the dissemination and popularization of protest forms of behavior of this category of citizens, which, in synthesis with the solution of strategic tasks for countering crimes and offenses of minors, will contribute to an integrated approach in achieving law enforcement goals and harmonizing the system of ensuring state security.

Keywords and phrases: illegal protest activities, involvement of a minor, state security, prevention of offenses.

Поступательное развитие государства находится в зависимости от многих факторов, определяющих единство внутренней и внешней политики, где обеспечение и защита прав граждан выступает одним из основополагающих элементов его функционирования, а возможность свободного гражданского волеизъявления ключевым признаком демократического правового государства.

Согласимся с позицией ряда ученых [1], что практическое воплощение конституционных прав на законную возможность гражданам выражать свою консолидированную позицию, путем проведения мирных собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирований несет в себе ярко выраженную социальную направленность [2, с.8].

Однако негативные процессы, связанные с попытками дестабилизации ситуации в стране, деструктивным влиянием на отдельные социальные группы, искусственным наращиванием напряжения в обществе негативно отражаются на процессах обеспечения общественного порядка и общественной безопасности.

По данным ГИАЦ МВД России [3] в период с 2016 по 2020 гг. было пресечено 17 290 административных правонарушений, предусмотренных ст. 20.2 КоАП РФ, (в 2016 г. – 1057 правонарушений, 2017 г. – 4558, 2018 г. – 3918, 2019 г. – 4450, 2020 г. – 3307) и выявлено 3 преступления (с 2018 по 2016 гг. – 0, 2019 – 2, 2020 г. – 1), предусмотренных ст. 212.1 УК РФ.

В указанных условиях радикальная интерпретация событий и общественных явлений в ходе незаконной протест-

ной деятельности имманентным образом приобретает фоновый, околопреступный характер, нередко приводит ее участников в сектор межкультурных, межнациональных, межрелигиозных и иных конфликтов, а также становится причиной массовых беспорядков. Так, по данным статистики с 2016 по 2020 гг. было выявлено 262 лица за совершение преступления, предусмотренного ст. 212 УК РФ, из которых 47 (17,9 %) являлись несовершеннолетними (при этом в возрасте от 14–15 лет их количество составило 3 человека (1,14%), от 16–17 лет – 44 человека (16,7 %) [3].

Обращаясь к сущности незаконной протестной деятельности, отметим, что ее проявления не только носят резонансный характер, но и нарушают основополагающие принципы государственного управления, подрывают общественный порядок, создают реальную угрозу жизни и здоровью граждан.

Подчеркнем, что важным условием результативности незаконной протестной деятельности является ее кадровый потенциал и наличие соответствующих регенеративных резервов. Функционеры незаконной протестной деятельности предпринимают различные шаги в целях вовлечения в нее новых участников, обеспечения масштабы акций, увеличения циркуляции протестных настроений среди различных слоев общества.

Значительные возможности для развития незаконных протестных движений составляют несовершеннолетние граждане. Контекст незаконной протестной деятельности в указанной динамичной

социальной группе определяется реактивностью ее течения и бескомпромиссностью в достижении заявленных протестных целей.

По имеющимся статистическим данным в 2020 г. на учете в органах внутренних дел состояло 114 646 несовершеннолетних, из которых в возрасте до 13 лет включительно – 27 599 лиц, от 14 до 15 лет – 34 092, от 16 до 17 лет – 52 955. Среди них учащих общеобразовательных организаций – 78 499 лиц, образовательных организаций среднего профессионального образования – 26 854, образовательных организаций высшего профессионального образования – 415, других образовательных организаций – 1339 [3].

Популяризация протестных воззрений в среде несовершеннолетних, реальность угрозы их вовлечения в незаконную протестную деятельность выступает индикатором социальной нестабильности и указывает на важность постоянной работы по формированию и поддержанию в актуальном состоянии действенных правовых барьеров.

Осознавая необходимость защиты интересов несовершеннолетних граждан, законодатель выразил свою принципиальную позицию в рамках Федерального закона от 27.12.2018 № 557-ФЗ «О внесении изменения в статью 20.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» [4], в соответствии с которым ст. 20.2 КоАП РФ была дополнена ч. 1.1, предусматривающей недопущение случаев вовлечения несовершеннолетнего в участие в несанкционированных собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях или пикетировании.

Обобщение и анализ материалов судебной практики по ч. 1.1 ст. 20.2 КоАП РФ позволил выявить наиболее распространенные пути вовлечения несовершеннолетнего в незаконную протестную деятельность, к которым следует отнести:

1. Вовлечение близким родственником несовершеннолетнего лица в участие в незаконной протестной деятельности (при условии, что активные действия близкого родственника побудили у несовершеннолетнего лица желание личного участия в несанкционированной демонстрации, митинге, шествии или пикетировании).

В указанном случае априори высокая степень доверия несовершеннолетнего лица к близкому родственнику, его фактическая зависимость (материальная, психо-эмоциональная и иная) от него создает необходимые предпосылки для поддержания возникших замыслов, в том числе и носящих противоправный характер. К примеру, гр. А осуществил вовлечение несовершеннолетних детей в участие в несанкционированном пикетировании, а именно: обязал своих несовершеннолетних детей Ф., З., И., Д, разместиться возле здания администрации N-ской области, вручив им плакаты». Подобные действия гр. А. суд квалифицировал как вовлечение несовершеннолетних в участие в несанкционированном пикетировании, что образует объективную сторону административного правонарушения, предусмотренного ч. 1.1 ст. 20.2 КоАП РФ [5].

2. Вовлечение несовершеннолетнего лица в участие в незаконной протестной деятельности под предлогом получения материального или иного вознаграждения.

Воздействие на личность несовершеннолетнего путем побуждения его к совершению противоправных действий с последующей выплатой (обещанием выплаты) ему денежных средств, предоставления иных материальных благ, зачастую подталкивает последнего к авантурным действиям, где преодолеваемая грань закона остается без должного внимания.

Подобными средствами вовлечения несовершеннолетних в незаконную протестную деятельность пользовался гр. Л.,

который посредством электронной переписки в социальной сети «ВКонтакте» путём обещания денежного вознаграждения вовлёл несовершеннолетних Л., В., С., в участие в митинге, прошедшем на площади в городе N, снабдив несовершеннолетних заранее изготовленными средствами наглядной агитации (плакатами). Решением суда Л. был признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1.1 ст. 20.2 КоАП РФ [6].

Полагаем, что подобные параметры поведения несовершеннолетнего лица, мотивированного к противоправной деятельности возможностью материального обогащения, создают условия для дальнейшего восприятия и поддержки ложно транслируемых протестных взглядов.

3. Вовлечение несовершеннолетнего в участие в незаконной протестной деятельности путем идеолого-пропагандистского воздействия на личность.

Приверженность несовершеннолетнего лица к воззрениям, допускающим возможность выхода за правовые рамки для достижения идеологизированных целей движений и организаций деструктивного толка,кратно увеличивает вероятность его вовлечения к участию в незаконной протестной деятельности.

В судебной практике встречается следующий пример. Так, гр. К. являясь активистом движения «ЛКСМ», находясь в группе лиц, организовал и провел в смешанной форме публичное мероприятие путем демонстрации неопределенному кругу лиц надписи общественно-политического характера, выражая тем самым свое мнение и формируя мнение окружающих. Для проведения несанкционированной публичной акции гр. К. привлек несовершеннолетнего Ж., активиста данного движения, заранее зная, что он является несовершеннолетним, заблаговременно пригласив его участвовать в данной акции и в ходе проведения которой сказал ему фиксировать все происходящее на мобильный телефон, при-

надлежащий гр. К [7].

Таким образом, процесс криминальной романтизации образа «борца за правое дело» в сознании несовершеннолетнего в немалой степени предопределяет принятие таких идеологических воззрений и значительно облегчает их вовлечение в совершение противоправных деяний [8, с. 70].

4. Вовлечение несовершеннолетнего в участие в незаконной протестной деятельности посредством сети Интернет.

Динамичное развитие, совершенствование и ускорение информационно-технологических процессов, доступность разнообразных информационных ресурсов, объединенных в рамках сети Интернет, позволяет создавать, развивать и продвигать информационные площадки для распространения протестных взглядов в том числе у популярных новостных агрегаторов, мессенджеров и блогеров, содержание контента которых нацелено, в том числе и на аудиторию несовершеннолетних граждан. На примере из судебной практики мы можем увидеть подтверждение этому. Так, несовершеннолетний гр. Е. около месяца назад в сети Интернет прочитал информацию, о том, что состоится пикет против коррупции. В указанное время он подошел на пересечение улиц X и Y для участия в пикетировании. Для участия в пикетировании он принес собственноручно нарисованный плакат. С этим плакатом он, его знакомые несовершеннолетние И., М, П., Ф. и молодой человек по имени X. ходили по парку, и Р. фотографировал их с плакатом [9].

Представляется, что активное использование современных цифровых технологий в деятельности протестных движений открывает широкие возможности для реализации пропагандистских мер, направленных на повышение массовости протестных акций, популяризации такой формы поведения среди несовершеннолетних лиц, а также облегчения координации противоправной деятель-

ности их участников.

Приведенные наиболее распространенные способы вовлечения несовершеннолетних лиц в незаконную протестную деятельность свидетельствуют о коллизиях, имеющих место быть в отечественной системе предупреждения преступлений и правонарушений несовершеннолетних, что в свою очередь требует реализации соразмерных шагов правового регулирования.

Считаем, что достижение положительных результатов в ходе предупреждения вовлечения несовершеннолетнего в незаконную протестную деятельность, возможно путем поэтапного осуществления следующих мер:

1. Предупреждение возможности популяризации у несовершеннолетнего лица протестных воззрений близким родственником с целью дальнейшего вовлечения такого несовершеннолетнего в участие в незаконной протестной деятельности связано с реализацией комплексных механизмов по обеспечению условий ограждения несовершеннолетнего от негативного влияния на его поведение и созданием условий поступательного положительного развития его личности.

По нашему мнению, первоочередными средствами достижения заявленной цели должна стать целенаправленная деятельность субъектов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. В данном ключе требует законодательного осмысления и последующей нормативной проработки сфера несанкционного воздействия на личность несовершеннолетнего, а реализация механизмов воспитательного, корректирующего характера в отношении несовершеннолетних лиц, вовлеченных в незаконную протестную деятельность.

Положения Федерального закона от 24.06.1999 № 120-ФЗ (ред. от 24.04.2020) «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [10] предусматривают

комплексные средства реагирования на факты нахождения несовершеннолетних и их семей в социально опасном положении, что позволяет осуществлять своевременное корректирующее воздействие на данных субъектов. Однако сфера превенции случаев вовлечения родителем несовершеннолетнего лица в незаконную протестную деятельность (популяризацию протестных воззрений) не входит в перечень оснований для проведения индивидуальной профилактической работы, предусмотренных ст. 5 указанного Федерального закона, что безусловно, создает пробелы в рамках отечественной системы профилактики правонарушений несовершеннолетних.

На основании отмеченного считаем важным дополнить положения ст. 5 Федерального закона от 24.06.1999 № 120-ФЗ, предусмотрев проведение индивидуальной профилактической работы в отношении несовершеннолетних по основанию п. 4.1 «разделяющих крайние идеологические воззрения, протестные взгляды, вовлеченных в незаконную протестную деятельность».

Полагаем, что предложенное законодательное регулирование отдельных аспектов социально-педагогической реабилитации несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении вследствие их вовлечения в незаконную протестную деятельность, сделает возможным применение всего комплекса мер по инициированию процесса законопослушного поведения личности.

2. Результативность незаконных протестных явлений и их массовость во многом обусловлена рациональным сочетанием соответствующих финансовых и материальных ресурсов, формирующих потенциал для последующей агитации несовершеннолетних лиц к незаконной протестной деятельности и обеспечения пространства для их потенциальной радикализации.

При этом фактическое отсутствие правовых оснований для принятия со-

ответствующих ограничительных мер финансового характера к лицам, оказывающим финансовую поддержку процессу вовлечения несовершеннолетних в незаконную протестную деятельность, создает реальную угрозу общественной безопасности и общественному порядку, что требует скорейшего законодательного урегулирования.

Исходя из указанного на первоначальном этапе считаем необходимым дополнить ст. 20.2 КоАП РФ ч. 1.2 «Вовлечение несовершеннолетнего в участие в несанкционированных собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях или пикетировании под предлогом получения материального или иного вознаграждения, если это действие не содержит уголовно наказуемого деяния».

Мы полагаем, что своевременный правовой отклик на факты финансирования незаконной протестной деятельности, вовлечения несовершеннолетних лиц в участие в протестных акциях под предлогом получения материального или иного вознаграждения будет являться одним из ключевых механизмов дифференциации ответственности за данное деяние, указывая тем самым на его противоправный характер.

3. Преодоление негативных последствий приверженности к крайним идеологическим воззрениям, способствующим вовлечению несовершеннолетних в незаконную протестную деятельность, обусловлено совместной планомерной социально-ориентированной работой субъектов предупреждения экстремизма и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в стране.

Важность государственного внимания к проблемам семьи и детства в условиях агрессивного идеолого-пропагандистского воздействия на личность несовершеннолетнего со стороны функционеров незаконной протестной деятельности требует соответствующего парового отклика в системе отечественного

законодательства в сфере защиты несовершеннолетних граждан.

Полагаем, что значимым шагом на пути преодоления негативных последствий участия в незаконной протестной деятельности несовершеннолетнего лица явилось бы издание межведомственного приказа, предусматривающего налаживание взаимодействия «сигнальной» информацией о таких несовершеннолетних лицах между Министерством просвещения Российской Федерации, Министерством науки и высшего образования Российской Федерации и Министерством внутренних дел Российской Федерации. Основная цель такого приказа состоит в своевременной реализации превентивных мер по ограждению личности несовершеннолетнего от негативного воздействия на него протестных воззрений, а также последующей организации индивидуальной профилактической работы учреждениями системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Предложенная форма законодательного реагирования позволит актуализировать действующие механизмы предупреждения правонарушений несовершеннолетних и будет способствовать снижению потенциала незаконной протестной деятельности в данной социальной группе, а также создаст необходимые условия для скорейшего принятия обеспечительных мер правоохранительного характера, взаимоувязанных по срокам и формам реагирования на изменения потребностей российского общества в вопросах безопасности несовершеннолетних граждан.

4. Обеспечение информационной безопасности несовершеннолетних от деструктивных информационных потоков занимает одно из значимых мест в системе предупреждения их вовлечения в незаконную протестную деятельность. Подчеркнем, что сегодня произошли качественные изменения в определении набора наиболее эффективных подхо-

дов при распространении призывов к незаконной протестной деятельности, рекрутинга новых сторонников и последующей коммуникации членов протестных движений, где основной площадкой стало интернет-пространство. При этом отсутствие должного правового регулирования сферы вовлечения несовершеннолетнего лица в незаконную протестную деятельность посредством сети Интернет создает предпосылки для его использования в подобных противоправных целях.

Исходя из указанного, значимым явилась бы проработка вопроса о дополнении ст. 20.2 КоАП РФ ч. 1.3, предусматривающей ее следующую редакцию: «Вовлечение несовершеннолетнего в участие в несанкционированных собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях или пикетировании, совершенные с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, если это действие не содержит уголовно наказуемого деяния».

Считаем, что указанное правовое решение будет способствовать оптимизации усилий законодателя в рамках формируемой эшелонированной системы своевременного правового реагирования на факты использования сети Интернет как инструмента вовлечения несовершеннолетних в незаконную протестную деятельность и ее последующей координации.

Таким образом, предложенные правовые средства преодоления наиболее распространенных способов вовлечения несовершеннолетних в незаконную протестную деятельность позволят сформировать действенные барьеры на пути распространения и популяризации протестных форм поведения данной категории граждан, которые в синтезе с решением стратегических задач по противодействию преступлениям и правонарушениям несовершеннолетних будут способствовать комплексному подходу в достижении правоохранительных целей и гармонизации системы обеспечения безопасности государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Саленко А. В. Свобода мирных собраний: «детские митинги» и «взрослые санкции» // Журнал российского права. 2019. № 8. С. 48–61.
2. Матвеева Н. А., Воеводина А. И. Может ли участие в митинге рассматриваться как основание лишения родительских прав? // Семейное и жилищное право. 2020. № 2. С. 7–10.
3. Сайт ЦСИ ФКУ «ГИАЦ МВД России». Доступ по паролю. URL: <http://10.5.0.16> (дата обращения: 25.02.2021).
4. О внесении изменения в статью 20.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях : Федеральный закон от 27.12.2018 № 557-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2018. № 53 (часть I). Ст. 8483.
5. Архив Центрального районного суда г. Тулы. 2019. – Д. № 5-223/2019 [Электронный ресурс]. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/EP2HoquQNSYS/?regular> (дата обращения: 26.02.2021).
6. Архив Октябрьского районного суда г. Архангельска. 2019. – Д. № 5-493/2019 [Электронный ресурс]. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/jVmQUjx6VfbX/?regular> (дата обращения: 26.02.2021).
7. Архив Октябрьского районного суда г. Санкт-Петербург. 2019. – Д. № 5-247/2019 [Электронный ресурс]. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/EIERhuW5UIrJ/?regular> (дата обращения: 01.03.2021).
8. Абдулганеев Р. Р. Деятельность органов внутренних дел Российской Федерации по предупреждению экстремизма в среде несовершеннолетних // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2018. № 3. С. 68–72.

9. Архив Ейского городского суда Краснодарского края. 2017. – Д. № 5-184/2017 [Электронный ресурс]. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Suv5naYcQCmW/?page=2®ular> (дата обращения: 01.03.2021).

10. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних : Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ (ред. от 24.04.2020) // Собрание законодательства РФ. 1999. № 26. Ст. 3177.

© Абдулганеев Р. Р.

УДК 343.791(470)

А. А. ЛИХОЛЕТОВ, доцент кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Волгоград)

A. A. LIKHOLETOV, Assistant Professor of the Chair of Criminal Law of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Internal Affairs Bodies of Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law, Associate Professor (Volgograd)

К ВОПРОСУ ОБ УСИЛЕНИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЛОМА ЧЕРНЫХ И ЦВЕТНЫХ МЕТАЛЛОВ

TO THE ISSUE OF STRENGTHENING CRIMINAL LIABILITY FOR ILLEGAL TURNOVER OF FERROUS AND NON-FERROUS METAL SCRAP

Аннотация. Среди принципов криминализации, составляющих основу трансформации уголовного закона, помимо прочих, следует назвать наличие общественной опасности деяния, требующей принятия мер уголовно-правового реагирования; а также относительную распространённость такового. В последнее время на территории Российской Федерации в рамках проводимых мероприятий по выявлению правонарушений в сфере экономической деятельности было зафиксировано наличие значительного количества пунктов приема металлолома, функционирующих без разрешительного документа. Существование подобных форм нелегальной деятельности не только причиняет вред экономической системе страны, но и выступает в качестве детерминирующего фактора совершения корыстных преступлений, а также деяний, посягающих на общественные отношения в сфере обеспечения общественной безопасности и общественного порядка и другие охраняемые уголовным законом интересы. В настоящей статье предпринята попытка обоснования необходимости усиления уголовной ответственности за осуществление деятельности по обороту лома черных и цветных металлов без регистрации или без лицензии.

Ключевые слова и словосочетания: государственная регистрация, криминализация, лом металлов, лицензия, незаконное предпринимательство, незаконный оборот.

Annotation. Among the principles of criminalization that form the basis for the transformation of criminal law, in addition to others, one should mention the existence of a socially dangerous act requiring criminal-law response; as well as the relative prevalence of such. Recently, in the territory of the Russian Federation, as part of the ongoing activities to identify violations in the field of economic crime, it was recorded a significant number of scrap metal collection points operating without a permit. The existence of such forms of illegal activity not only harms the country's economic system, but also acts as a determinant factor in the commission of mercenary crimes, as well as acts that infringe on public relations in the field of ensuring public safety and public order and other interests protected by criminal law. This article attempts to substantiate the need to strengthen criminal liability for carrying out activities related to the turnover of ferrous and non-ferrous metal scrap without registration or without a license.

Keywords and phrases: state registration, criminalization, scrap metal, license, illegal business, illegal traffic.

Серьезной проблемой, требующей усиления мер уголовно-правового реагирования, следует назвать повсеместное распространение пунктов приема металлолома, действующих без разрешительного документа.

Причин сложившейся ситуации достаточно много, и они по своей природе неоднородны. Одной из таковых следует назвать довольно строгие лицензионные требования, которые предъявляются к лицам, желающим заниматься деятельностью по заготовке, хранению, переработке и реализации лома черных или цветных металлов. Так, соискатель разрешительного документа должен иметь в собственности или ином законном владении земельные участки, здания, строения, сооружения, помещения и т. д. [1].

Для осуществления деятельности по обороту лома металла заинтересованному лицу необходимо обеспечить наличие на каждом объекте приема таких материалов оборудования для проведения радиационного контроля. Кроме того, хотя бы на одном из пунктов приема лома черного металла должен находиться пресс для пакетирования лома (с усилием прессования не менее 2500 кН), либо пресс-ножницы (с усилием реза не менее 3000 кН), либо установка для дробления и сортировки легковесного лома (с мощностью привода не менее 495 кВт), обо-

рудование для сортировки или измельчения стружки [2]; а в случае приема лома цветных металлов – оборудование для определения химического состава лома и отходов цветных металлов и пресс для пакетирования лома и отходов цветных металлов [2].

Понятно, что стоимость перечисленного оборудования и технических средств достаточно внушительна. По состоянию на февраль 2021 года стоимость соответствующих требованиям по техническим характеристикам прессы для пакетирования лома составляет от 1 750 000 до 2 000 000 рублей [3], пресс-ножниц – в среднем 3 300 000 рублей [4]. Кроме того, закон предписывает необходимость наличия у соискателя лицензии площадки с твердым (асфальтовым, бетонным) покрытием для хранения лома металлов [2].

Помимо этого, лицо, занимающееся заготовлением лома металла, должно иметь в штате минимальный набор сотрудников с определенной квалификацией: контролер лома и отходов металла (2-го разряда) и прессовщик лома и отходов металла ((1-го разряда) – хотя бы на одном объекте по приему лома), а также обеспечить на каждом пункте нахождения ответственных за проведение контроля на взрывобезопасность и радиационного контроля лома и отходов цветных

металлов.

Наличие и содержание указанного количества работников влечет за собой необходимость оформления трудовых отношений с этими лицами, порождающую обязанность работодателя отчислять соответствующие налоги и сборы, что также является одним из оснований того, что анализируемый вид предпринимательства приобретает теневую форму.

Существование нелегального бизнеса в сфере оборота металлолома обусловлено довольно жесткими лицензионными требованиями со стороны законодателя, но это только часть преступной мотивации лиц, занимающихся данным видом незаконного предпринимательства. Представляется, что основной детерминантой совершения указанных противоправных действий следует считать возможность получения неконтролируемого дохода в значительных объемах за относительно короткие сроки.

Так, менее чем за два года незаконной деятельности, связанной с оборотом лома и отходов черных металлов (с 22.06.2016 по 06.05.2018) Ш., не имея соответствующей лицензии, извлек доход в особо крупном размере на общую сумму 17 293 280 рублей 06 копеек [5].

К. за период времени с 29.03.2016 по 03.04.2017 извлек доход в особо крупном размере от реализации лома цветных металлов, без соответствующей лицензии, на общую сумму 21 935 749,50 рублей [6].

В период с января по август 2018 года житель г. Кумертау Республики Башкортостан получил от деятельности по обороту лома черных металлов доход, превышающий 3 000 000 рублей [7].

С учетом приведенных данных о размерах доходов, сокрытых от налогообложения, а также недоимки выплат, предусмотренных законом, в связи с осуществлением предпринимательской деятельности и реализацией сопутствующих норм трудового, страхового и иных отраслей законодательства, следует при-

йти к выводу об объемах ущерба причиняемого экономике, как страны в целом, так и отдельно взятому региону.

Например, по данным представителей законодательной власти Астраханской области, ежегодные потери областного бюджета от каждого нелегально функционирующего пункта приема металлолома составляют 320 000 рублей [8].

При этом количество таких незаконно действующих точек исчисляется десятками, а то и сотнями. Так, в рамках проводимой сотрудниками органов внутренних дел Астраханской области операции «Металлоприемка» в 2018 году осуществлялась проверка 254 объектов по обороту металлолома, из которых 77 действовали без лицензии [9]. Однако реальное количество нелегально функционирующих пунктов по заготовке, хранению, переработке и реализации лома и отходов черного и цветного металлов, гораздо выше, чем число выявленных сотрудниками правоохранительных органов.

Таким образом, минимальность затрат с точки зрения маржинальной прибыли от неправомерной деятельности по обороту металлолома, выражающихся в отсутствии необходимости прохождения процедуры государственной регистрации и лицензирования, приобретения дорогостоящего оборудования и технических средств, привлечения штата специалистов (бухгалтеров, контролеров, пресовщиков и лиц, ответственных за соблюдение взрывобезопасности и проведения радиационного контроля и т. д.) и соблюдения требований по оформлению трудовых отношений с ними, уплаты налогов и иных, предусмотренных законом сборов и других, с одной стороны, и получением неконтролируемого дохода в значительных объемах с другой стороны служат объективными предпосылками существования данного вида незаконного предпринимательства.

Рассматриваемый вид незаконного

бизнеса в силу своей природы является благотворной средой для существования коррупции. Аб., являясь руководителем подразделения ОП № УМВД России по Астрахани, имея умысел, направленный на получение взятки в виде денег от Ар., занимающегося приемом цветного и черного металла, с целью обеспечения возможности беспрепятственной работы пункта приема металлолома и непривлечения подчиненными ему сотрудниками к административной ответственности Ар. в случаях выявления нарушений административного законодательства РФ, выдвинул требование последнему о передаче ему взятки в виде денежных средств в размере 20 000 рублей ежемесячно, начиная с апреля 2017 г. Во время передачи денежных средств Аб. был задержан сотрудниками ОРЧ (СБ) УМВД России по г. Астрахань [10].

Приговором Ковернинского районного суда Нижегородской области от 30.10.2020 бывший начальник МО МВД России «Ковернинский» Г. признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ, п. «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ, ч. 2 ст. 291 УК РФ. В судебном заседании установлено, что осужденный, зная об организации гражданами К. и З. пунктов приема лома металла без государственной регистрации и без лицензии на территории Ковернинского муниципального района и территории городского округа Сокольский, получил взятку в крупном размере: от гражданина К. в сумме 355 000 рублей и от гражданина З. в сумме 230 000 рублей, за непринятие мер по прекращению незаконных действий со стороны последних [11].

Контрагентами в нелегальном обороте чаще всего становятся лица с низким уровнем доходов, не имеющие реальной способности трудоустройства (ранее судимые, пожилые, инвалиды и другие). При этом, учитывая, что открытые источники металлического лома (свалки, пустыри, собственное имущество), не обе-

спечивают возможность его постоянной заготовки, указанные лица вынуждены добывать металлолом противоправным путем [12]. Подавляющее большинство таких деяний связано с хищением металлических изделий, при этом предметами преступления выступает различное имущество: канализационные люки, электрические кабели, строительные металлические конструкции, изделия из металла бытового назначения, автомобили и др.

Так, С., совместно с неустановленными следствием лицами 30.09.2019, находясь в г. Можайске Московской области, приехали к припаркованному автомобилю ЧЕРИ А15, принадлежащему Ч., где С., используя имевшийся при себе насос, стал накачивать спущенные колеса указанного автомобиля. В это время другое лицо, имевшимся у него тросом зацепил указанный автомобиль за принадлежащий ему автомобиль «Ниссан Альмера». Затем С. сел за руль автомобиля ЧЕРИ А15, а другие лица – в автомобиль «Ниссан Альмера», после чего они на гибкой сцепке проследовали в пункт приема лома металла, где сдали указанный автомобиль [13].

18.04.2019. Д. совместно с Л. прибыли на территорию кладбища, расположенного в с. Дичня Курчатовского района Курской области, где подошли к могиле Б., взяли руками за надгробие и выдернули из земли, похитив с могилы Б. надгробие, принадлежащее С., выполненное из нержавеющей стали. Похищенное надгробие виновные лица сбывли в пункт приема металлолома в с. Митрофанова Октябрьского района Курской области [14].

Нередко хищения совершаются в значительных объемах. В феврале 2020 года в г. Нижний Новгород ранее судимый гражданин с помощью специальной техники отделили металлический короб гаража, принадлежащего другому лицу, от фундамента и на грузовом автомобиле транспортировали его в пункт приёма

металлолома, где конструкция была оценена в 85 000 рублей [15]. Сообщения о хищении гаражных боксов для дальнейшей реализации в пункты приема лома и отходов металла поступали в 2020 году неоднократно [16, 17].

В сентябре 2020 года сотрудники линейного отдела МВД России на станции Иланская Красноярского края задержали подозреваемого, который разобрал более 200 метров рельсов со стрелочными переводами на неиспользуемом пути и распилил их на части. После чего похищенное было перевезено в пункт приема металлолома. Ущерб, причиненный транспортному предприятию, составил около 1 000 000 рублей [18].

В начале декабря 2018 года двое мужчин разобрали и похитили пешеходный мост через реку Барыш, стоимостью 407 000 рублей. Похищенные конструкции лица сдали в пункт приема металлолома за 1 800 рублей [19]. В п. Коашва Мурманской области в мае 2019 года был распилен на части, похищен и сдан в металлолом не эксплуатировавшийся железнодорожный мост через реку Умба [20].

Кроме того, деяния лиц, незаконно добывающих металлолом, могут квалифицироваться и по иным уголовно-правовым нормам (напр., ст.ст. 175, 215.2, 215.3 УК РФ и др.)

Таким образом, функционирование нелегальных пунктов приема лома и отходов черного и цветного металлов способствует совершению хищений, нередко и в особо крупных размерах, а также иных деяний, посягающих на общественные отношения в сфере экономической деятельности, общественную безопасность и другие охраняемые уголовным законом интересы.

Данное обстоятельство обусловлено, в том числе, игнорированием законодательных предписаний об обязательной фиксации анкетных данных и

сведений о документе, удостоверяющем личность лица, сдающего лом или отходы в специальной книге учета, которая должна вестись на каждом объекте приема металлолома [21, 22]. Уверенность в невозможности установления личности сбытчика лома служит дополнительным стимулом для лиц, добывающих металл противоправным путем.

Кроме того, физические лица осуществляют отчуждение лома и отходов черных и цветных металлов с указанием основания возникновения права собственности на такие предметы [21, 22]. Реализация лома и отходов цветных металлов физическими лицами может производиться только в отношении строго ограниченных видов металлолома, перечень которых устанавливается органами государственной власти в рамках отдельно взятого субъекта Российской Федерации [21].

Перечисленные обстоятельства свидетельствуют о повышенной степени общественной опасности незаконной деятельности по заготовке, хранению, переработке и реализации лома черных и цветных металлов.

Следует отметить, что в законодательных органах неоднократно поднимался вопрос о необходимости усиления наказания за подобные деяния [23], вплоть до установления уголовной ответственности за незаконный сбыт металлолома в отношении лиц, которые занимаются добычей такого материала незаконными средствами [24].

В настоящее время в административном законодательстве (ст. 14.26 КоАП РФ) предусмотрена ответственность за нарушение правил обращения с ломом и отходами цветных и черных металлов и их отчуждения, а также за осуществление предпринимательской деятельности без государственной регистрации или без специального разрешения (лицензии) (ст. 14.1 КоАП РФ). При наличии

признаков причинения крупного ущерба гражданам, организациям, государству, либо при извлечении дохода в крупном размере действия лиц, занимающихся незаконным оборотом металлолома, квалифицируются по ст. 171 УК РФ.

Однако приведенные выше данные свидетельствуют о неэффективности существующих в настоящее время правовых механизмов регулирования деятельности по заготовке, хранению, переработке и реализации лома черных металлов, цветных металлов, что требует усиления уголовной ответственности.

При построении уголовно-правовой нормы об ответственности за незаконный оборот металлолома, как и большинства преступлений в сфере осуществления специальных видов предпринимательской деятельности [25, С.], следует использовать средства административной преюдиции.

Определяя размер дохода в крупном размере, выступающего в качестве альтернативного составообразующего признака деятельности по незаконному обороту лома цветных металлов, целесообразно руководствоваться примечанием к ст. 171.2 УК РФ, в соответствии с которым таковым следует признавать доход, превышающий 1 500 000 рублей. Особо крупным размером предлагается считать доход, превышающий 6 000 000 рублей. Значения приведенных пороговых сумм, характеризующих признаки объективной стороны преступления, обусловлены повышенной общественной опасностью анализируемого деяния, объемами нелегально получаемого дохода, а также требованиями внутренней согласованности норм УК РФ. В качестве обстоятельств, отягчающих ответственность, должны выступать совершение деяния группой лиц по предварительному сговору, а также извлечение дохода в особо крупном размере.

Наибольшей общественной опасностью будет обладать незаконная предпринимательская деятельность по обороту металлолома, совершенная организованной группой. Кроме того, не стоит исключать возможность использования лицом своего служебного положения с целью организации и ведения рассматриваемого вида предпринимательства. Указанные обстоятельства должны рассматриваться в качестве особо квалифицирующих признаков состава.

С учетом изложенного, предлагается ввести в уголовный закон ст. 171.5 УК РФ изложив ее в следующей редакции:

«Статья 171.5. Незаконный оборот лома черных металлов, цветных металлов

1. Осуществление деятельности по заготовке, хранению, переработке и реализации лома черных металлов, цветных металлов без регистрации или без лицензии, в случаях, когда такая лицензия обязательна, совершенные в течение одного года со дня окончания исполнения постановления о назначении административного наказания за такие же нарушения, а равно сопряженные с извлечением дохода в крупном размере, –

наказываются...

2. То же деяние:

а) совершенное группой лиц по предварительному сговору;

б) сопряженное с извлечением дохода в особо крупном размере, –

наказываются...

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные организованной группой, – наказываются...».

Примечание. Доходом в крупном размере в настоящей статье признается доход, сумма которого превышает один миллион пятьсот тысяч рублей, а в особо крупном размере – шесть миллионов рублей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Постановление Правительства РФ от 12.12.2012 № 1287 «О лицензировании деятельности по заготовке, хранению, переработке и реализации лома черных и цветных металлов» (вместе с «Положением о лицензировании деятельности по заготовке, хранению, переработке и реализации лома черных металлов, цветных металлов») // Собрание законодательства РФ.2012, № 51. Ст. 7222.
2. Постановление Правительства РФ от 11.05.2001 № 369 (ред. от 15.12.2016) «Об утверждении Правил обращения с ломом и отходами черных металлов и их отчуждения» // Российская газета. 2001. 29 мая.
3. Прессы гидравлические для пакетирования металлолома. URL: https://liderpress.ru/press_dlya_loma_prodazha (дата обращения: 25.02.2021).
4. СТК-Лидер/каталог. URL: <https://lider-stk.com/magazin/folder/alligatornyye-press-nozhnitsy> (дата обращения: 25.02.2021).
5. Приговор Краснохолмского районного суда Тверской области от 18.01.2019 г. по делу № 1-01/2019. URL: <https://bsr.sudrf.ru/> (дата обращения: 29.03.2021).
6. Приговор Усть-Лабинского районного суда Краснодарского края от 07.12.2017 г. по делу 1-299/2017. URL: <https://bsr.sudrf.ru/> (дата обращения: 29.03.2021).
7. Жителя Башкирии осудят за открытие незаконного пункта приема металлолома. URL: <http://www.sobkor02.ru/news/incident/16878/> (дата обращения: 02.04.2021).
8. Госдуме предложено усилить ответственность за нарушения в сфере оборота лома черных и цветных металлов. URL: <http://duma.gov.ru/news/12474/> (дата обращения: 02.04.2021).
9. Астраханские полицейские выявили 77 незаконных пунктов приема металлолома. URL: <https://astrakhanfm.ru/proisshestvija/54768-astrahanskije-policejskie-vyjavili-77-nezakonnyh-punktov-priema-metalloloma.html> (дата обращения: 02.04.2021).
10. Приговор Наримановского районного суда Астраханской области от 02.08.2017 г. по делу № 1-104/2017. URL: <https://bsr.sudrf.ru/> (дата обращения: 23.03.2021).
11. Начальник РОВД из Нижегородской области признан виновным в совершении коррупционных преступлений. Официальный сайт Нижегородского областного суда. URL: <http://oblsudnn.ru/index.php/press-sluzhba/novosti/4056-nachalnik-rovd-iz-nizhegorodskoj-oblasti-priznan-vinovnym-v-sovershenii-korrupsionnykh-prestuplenij> (дата обращения: 05.04.2021).
12. Справка Липецкого областного суда о результатах обобщения судебной практики рассмотрения дел об административных правонарушениях, совершенных в области оборота лома и отходов цветных и черных металлов. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/33621038> (дата обращения: 26.03.2021).
13. Приговор Можайского городского суда Московской области от 29.04.2020 г. по делу № 1-110/20. URL: <https://bsr.sudrf.ru/> (дата обращения: 05.04.2021).
14. Приговор Курчатowskiй городской суд Курской области от 13.07.2020 г. по делу № 1-48/2020. URL: <https://bsr.sudrf.ru/> (дата обращения: 05.04.2021).
15. Металлический гараж украли у нижегородца. URL: <https://www.niann.ru/?id=548830> (дата обращения: 05.04.2021).
16. У жителя Кубани украли гараж. URL: <https://krasnodar.bezformata.com/listnews/zhitelya-kubani-ukrali-garazh/87127685>. (дата обращения: 05.04.2021).
17. У жительницы Химок украли гараж. URL: <https://mosregtoday.ru/sec/u-zhitelnicy-himok-ukrali-garazh> (дата обращения: 05.04.2021).
18. В Красноярском крае задержан подозреваемый в краже 200 метров железнодорожных путей URL: <https://xn--90antjiff.xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/21210803/> (дата обращения: 05.04.2021).
19. Двое жителей Ульяновской области украли мост и сдали его на металлолом. URL: <https://gia.ru/20181227/1548793377.html> (дата обращения: 05.04.2021).
20. В Мурманской области украли мост через речку Умба. URL: <http://club-rf.ru/51/news/53890> (дата обращения: 05.04.2021).
21. Постановление Правительства РФ от 11.05.2001 N 370 (ред. от 15.12.2016) «Об утвержде-

дении Правил обращения с ломом и отходами цветных металлов и их отчуждения» // Российская газета, № 101, 29.05.2001.

22. Постановление Правительства РФ от 11.05.2001 № 369 (ред. от 15.12.2016) «Об утверждении Правил обращения с ломом и отходами черных металлов и их отчуждения» // Российская газета, № 101, 29.05.2001.

23. Железная хватка: как бороться с нелегальным сбором металлолома. URL: <https://ruslom.com/zheleznaya-hvatka-kak-borotsya-s-nelegalnym-sborom-metalloloma/> (дата обращения: 06.04.2021).

24. За незаконный сбыт металлолома могут ввести уголовную ответственность. URL: <https://www.m24.ru/articles/MGTS/26052016/106186> (дата обращения: 06.04.2021).

25. См. подробнее: Лихолетов А.А. Понятие и виды преступлений в сфере специальных видов предпринимательства // Вестник Волгоградской академии МВД России. Выпуск 1 (44) 2018 : науч.-метод. журнал. – Волгоград : ВА МВД России, 2018. С. 81 — 87.

© Лихолетов А. А.

УДК 343.21.04(470)

В. Б. ПОЕЗЖАЛОВ, начальник кафедры профессиональной подготовки Уфимского юридического института МВД России кандидат юридических наук, доцент (г. Уфа)

V. B. POEZZHALOV, Head of the Chair of Professional Training of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law, Associate Professor (Ufa)

ИЗМЕНЕНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СВЕТЕ ТРЕБОВАНИЙ СИСТЕМНОСТИ И ЦЕЛОСТНОСТИ

CHANGES IN CRIMINAL LEGISLATION IN THE LIGHT OF THE REQUIREMENTS OF CONSISTENCY AND INTEGRITY

Аннотация. Уголовная политика реализуется посредством вносимых в уголовный закон изменений, которые, в свою очередь, традиционно становятся предметом детального изучения и критического взгляда, как со стороны теоретиков, так и практиков. В статье рассматриваются некоторые изменения, внесенные в Уголовный кодекс Российской Федерации с момента его принятия и до настоящего времени. Автор отмечает недостатки отдельных уголовно-правовых предписаний и указывает на необходимость внесения в уголовный закон только таких изменений, которые будут придавать ему системность и целостность. Соблюдение требований системности и целостности при внесении изменений и дополнений в уголовный закон видится автору как главное условие его жизнеспособности и устойчивости.

Ключевые слова и словосочетания: уголовная политика, уголовный закон, изменения уголовного закона, хулиганство, клевета, административная преюдиция, системность уголовно-правовых норм.

Annotation. Criminal policy is implemented through amendments to the criminal law, which, in turn, traditionally become the subject of a detailed study and critical review, both by theorists and practitioners. The article discusses some of the changes made to the Criminal Code of the Russian Federation from the moment of its adoption to the present time. The author notes the shortcomings of certain criminal law regulations and points to the need to make only such changes to the criminal law that will give it a consistency and integrity. Compliance with the requirements of consistency and integrity when making amendments and additions to the criminal law is seen by the author as the main condition for its viability and stability.

Keywords and phrases: criminal policy, criminal law, amendments to the criminal law, hooliganism, slander, administrative prejudice, consistency in criminal law norms.

Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) представляет собой нормативный правовой акт, включающий все необходимые предписания и положения, которые в своей совокупности направлены на реализацию уголовной политики государства по противодействию и предупреждению преступности.

За период своего существования УК РФ претерпел довольно значительные изменения. В Особенной части увеличилось число статей, предусматривающих уголовную ответственность за то или иное противоправное поведение, а положения Общей части дополнились предписаниями применительно практически ко все основным уголовно-правовым институтам. Неизменными остались лишь положения, регламентирующие задачи и принципы действия уголовного законодательства.

Большинство ученых и правоприменителей позитивно оценивают происходящие изменения и дополнения, которые претерпевает уголовный закон. Однако в ряде случаев предложения законодателя по корректировке положений УК РФ, подчиненные реализации целей и задач, которые стоят перед государством на определенном этапе, оказываются не вполне оправданными и это показывает время и складывающаяся правоприменительная практика.

Уголовная политика государства, находящая свое отражение в действующем уголовном законе, ее состояние, проблемы и перспективы развития затрагивают и интересуют практически всех и каждо-

го: и правоприменителей, и ученых, и органы государственной власти, и отдельно взятых людей. При этом, как отмечает профессор Н. А. Лопашенко, «почти все сходится в одном: с уголовной политикой в стране – плохо, а, возможно, ее и вовсе нет; она переживает если не кризис, то совсем не лучшие времена» [1, с. 3]. Несмотря на то, что эти слова были сказаны еще в 2009 году, они, как представляется, актуальны и по сей день.

Уголовная политика реализуется посредством вносимых в уголовный закон изменений, которые, в свою очередь, традиционно становятся предметом детального изучения и критического взгляда как со стороны теоретиков, так и практиков. И здесь стоит обратить внимание на некоторые положения, которые совсем недавно стали частью уголовно-правовых предписаний.

Отдельно хотелось бы остановиться на подходах отечественного законодателя к конструктивным признакам некоторых составов преступлений, относящихся к числу «классических».

Рассмотрим, к примеру, хулиганство. Основу уголовно наказуемого хулиганства составляет «грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу». Так было и в бытность УК РСФСР 1960 года, и в момент принятия УК РФ 1996 года, и в настоящее время с учетом всей совокупности изменений, внесенных в ст. 213 УК РФ. Не вдаваясь в детали названных ключевых признаков хулиганства, стоит отметить, что законодатель методично вносил изменения в ст. 213. За почти

25-летнюю историю действия УК РФ 1996 года норма о хулиганстве значительным образом трансформировалась, при этом признакам основного состава придавалось разное значение. Изначально было определено, что для привлечения лица к уголовной ответственности за хулиганство необходимо альтернативно обязательно установить факт либо применения хулиганом насилия (угрозы его применения) либо наступления последствий в результате его действий в виде уничтожения (повреждения) чужого имущества. Совершения группового хулиганства (ч. 2 ст. 213 УК РФ в первоначальной редакции) признавалось традиционно более опасным, чем «простое» хулиганство. Применение хулиганом оружия или предметов, используемых в качестве оружия, значительно увеличивало общественную опасность деяния виновного лица. Такое хулиганство признавалось особо злостным (ч. 3) и влекло за собой применение наказания в виде лишения свободы на срок от четырех до семи лет.

Федеральным законом от 08.12.2003 № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» норма о хулиганстве изменила свой облик, была изложена в новой редакции, и уголовная ответственность хулигана по ст. 213 УК РФ стала возможна только в случае применения таковым оружия или предметов, используемых в качестве оружия. Законодатель «пересмотрел» характер и степень общественной опасности «хулиганства с оружием» и уменьшил «потолок» санкции статьи до 5 лет лишения свободы, переводя такой вид хулиганства из числа тяжких преступлений к числу преступлений средней тяжести.

После 2003 года законодатель неоднократно (пятью разными федеральными законами) вносил корректировки в признаки основного и квалифицированных составов хулиганства, а также в санкции исследуемой статьи. Неизменным

оставалось лишь то, что в качестве квалифицирующих признаков выступали: групповое хулиганство и хулиганство, совершенное с сопротивлением тому или иному лицу, пресекающему нарушение общественного порядка.

Наконец, Федеральным законом от 30.12.2020 № 543-ФЗ «О внесении изменений в статью 213 Уголовного кодекса Российской Федерации» была сформулирована текущая редакция статьи о хулиганстве. Ключевым изменением, как нам представляется, стал частичный возврат к первоначальной редакции статьи, который имел место быть в 1996 году в момент принятия уголовного закона России. Законодатель признал, что одним из альтернативно обязательных признаков основного состава уголовно наказуемого хулиганства должно быть «применение насилия к гражданам либо угроза его применения», а применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия – является квалифицированным хулиганством, наравне с групповым способом его совершения.

Конечно, норма о хулиганстве в действующей редакции значительно отличается от ее первоначального формата, но однозначно следует отметить, что возврат законодателя к исходному положению о месте и значении признаков применения «насилия» и «оружия» говорит о не вполне продуманных изначально действиях по трансформации ключевых свойств хулиганства.

На деле оказалось, что срочная и тотальная декриминализация и политика по пересмотру общественной опасности ряда значимых криминообразующих признаков, осуществленная 8 декабря 2003 года, в частности, применительно к хулиганству, не выдержала проверку временем.

Другим показательным примером бессистемности в подходе к определению общественной опасности стало отношение законодателя к норме о клевете. По данному факту написано и опубли-

ковано, в том числе и нами, достаточно много работ. К клевете, как известно, в разное время в период действия УК РФ с 1996 года у законодателя было различное отношение. В 2011 году возобладал либеральный подход, который привел к исключению названной нормы из числа преступных деяний и переводу клеветы в число административных проступков. Уже в 2012 году клевета вновь оказалась общественно опасным деянием, но ее возврат в число преступных деяний перевел ее в разряд «наименее опасных», поскольку санкции всех пяти частей статьи не предусматривали наказания в виде лишения свободы (максимальное наказание – штраф), тогда как первоначальный формат части третьей ст. 129 УК РФ (в ред. 1996 года) предусматривал максимальное наказание в виде лишения свободы сроком до трех лет (преступление средней тяжести). При этом, конечно, размеры штрафа (его верхние пределы) применительно к редакции статьи после ее возврата в УК РФ в 2012 году были (и остаются) достаточно большими (относительно ряда других преступных деяний) – от пятисот тысяч в части первой и до пяти миллионов рублей в части пятой.

Несмотря на многократные трансформации нормы о клевете, ее основной состав остается неизменным. Законодатель дифференцирует вопросы ответственности клеветника при наличии тех или иных обстоятельств, настойчиво видоизменяя квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки ст. 128¹ УК РФ.

Федеральным законом от 30.12.2020 № 538-ФЗ «О внесении изменений в статью 128¹ Уголовного кодекса Российской Федерации» норма о клевете была изложена в новой редакции. Законодатель наконец обратил внимание на необходимость дополнения признака публичности в ч. 2 ст. 128¹ УК РФ указанием на возможность использования в этих целях информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе и сети «Интер-

нет» (до настоящего времени названное поведение укладывалось только в рамки основного состава клеветы). Кроме того, названным федеральным законом все квалифицированные признаки клеветы переоценены с позиции оценки их общественной опасности – санкции ч.ч. 2-5 ст. 128¹ УК РФ предусматривают теперь возможность назначения наказания в виде лишения свободы на срок до пяти лет (ч. 5), что переводит ч.ч. 3-5 названной статьи в число преступлений средней тяжести.

За последние десять лет законодатель неоднократно менял свое отношение к необходимости защиты чести и достоинства личности от клеветы – в 2011 – отказ от признания деяния общественно опасным, в 2012 – признание общественной опасности, в 2020 – усиление ответственности за названные посягательства.

Думается, что подобного рода подходы к оцениванию общественной опасности не вполне оправданы, поскольку объективная значимость клеветы как преступного деяния за последние десять лет не изменилась.

Внесенные 30 декабря 2020 года изменения в статью о клевете оказались «точечными» и не затронули специальную по отношению к ней норму, предусматривающую ответственность за клевету в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, сотрудника органов принудительного исполнения наказания Российской Федерации (ст. 298¹ УК РФ). Полагаем, что значительное изменение степени общественной опасности «базовой» нормы должно обязательно повлечь увеличение такового и относительно «специальной» нормы. Но, как видим, этого не произошло. Что это – недоработка законодателя или новый вектор в подходах к соотношению общего и специального – покажет время, но, так или иначе, считаем, что вносимые в уголовный закон изменения должны иметь единую, общую основу, чтобы

это не выглядело как «латание дыр и не превращало еще более уголовный закон в подобие «лоскутного одеяла».

В этой связи, хотелось бы отметить, что, поддерживая в целом большинство начинаний законодателя по изменению и корректировке отдельных предписаний и положений уголовного закона, следует проводить их комплексно.

Выше мы уже указали на то, что в ч. 2 ст. 128¹ УК РФ Федеральным законом от 30 декабря № 538-ФЗ был введен квалифицирующий признак «с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»». Данное обстоятельство считаем вполне оправданным, однако, думается, что названный признак должен найти свое отражение и в других статьях уголовного закона. Такой подход стал бы единым и комплексным. Пока подобные изменения имеют место, но производятся точечно и, к сожалению, неединообразно. Так, Федеральным законом от 24.02.2021 № 25-ФЗ «О внесении изменений в статью 230 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» внесены изменения в ст. 230 УК РФ, в частности ч. 2 названной статьи дополнена пунктом «с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»)». Необходимость дополнения возможных фактов склонения к потреблению наркотических средств и психотропных веществ посредством сети «Интернет», считаем вполне актуальным и обоснованным, но тут возникает вопрос: «Почему не выдержано требование к техническому единству в конструировании одного итого же криминообразующего признака?».

Дело в том, что подобный составообразующий или квалифицирующий признак имеется в настоящее время в целом ряде норм, но «использование сети «Интернет»» определено законодателем не всегда однотипно. В ч. 1 ст. 171² УК РФ – «..., в том числе сети «Интернет»»; в

уже названных ч. 2 ст. 128¹ УК РФ – «..., включая сеть «Интернет»», в п. «д» ч. 2 ст. 230 УК РФ – «... (включая сеть «Интернет»)».

Аналогичным образом не наблюдается системности во вносимых в уголовный закон изменениях, связанных с планомерным внедрением института административной преюдиции.

Текст УК РФ в первоначальной его редакции исключал названные положения, поскольку принято было считать, что никакая совокупность административных правонарушений не может достигнуть той общественной опасности, которая характерна для преступных деяний. Несмотря на это, в настоящее время в уголовном законе имеется достаточно много административно-преюдициальных норм и появляются новые.

К сожалению, имеющиеся в УК РФ нормы, связанные с данным вопросом, не обладают единством и с позиции техники уголовного закона не выдерживают никакой критики. Так, в ст.ст. 151¹ и 158¹ УК РФ дается указание на то, что уголовная ответственность за соответственно розничную продажу несовершеннолетним алкогольной продукции и мелкое хищение наступает в случае совершения данного деяния лицом «подвергнутым административному наказанию» за названное деяние. В ст. 280¹ УК РФ уголовная ответственность связывается с повторным «привлечением к административной ответственности за аналогичное деяние в течение одного года». В примечании к ст. 212¹ УК РФ законодатель выбирает совершенно иной подход к криминализации деяния – «если это лицо привлекалось к административной ответственности ... более 2 раз в течение 180 дней». Названные расхождения во вносимых в текст уголовного закона нормах порождены отсутствием единой концепции. Считаем, что если бы изменения подобного рода вносились системно, то вполне можно было бы исключить подобные ошибки.

Подводя некоторые итоги, хотелось бы отметить, что современный уголовный закон постепенно утрачивает свою системность – важнейшее качество для любого кодифицированного нормативного правового акта [2]. Полагаем, что правотворчество, в том числе в области реализации уголовной политики должно

быть системным, рациональным и целенаправленным, а не скачкообразным, однобоким и нерациональным. Соблюдение требований системности и целостности при внесении изменений и дополнений в уголовный закон видится нам как главное условие его жизнеспособности и устойчивости.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лопашенко, Н. А. Уголовная политика. – М. : Волтерс Клувер, 2009. – 579 с.
2. Ошибки в Уголовном кодексе // Российская газета. № 5205 (126) от 10 июня 2010 г.

© **Поезжалов В. Б.**

УДК 343.364.1(470)

С. А. РЯБЧИКОВ, преподаватель
кафедры профессиональной подготовки
Уфимского юридического института
МВД России (г. Уфа)

S. A. RYABCHIKOV, Instructor of the
Chair of Professional Training of Ufa Law
Institute of the Ministry of Internal Affairs of
Russia (Ufa)

ЛЖЕСВИДЕТЕЛЬСТВО: СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ И ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

PERJURY: CONTROVERSIAL ISSUES OF ATTRACTION AND RELEASE FROM CRIMINAL LIABILITY

Аннотация. Статья посвящена проблемам привлечения к ответственности свидетелей, сообщивших заведомо ложные сведения при рассмотрении уголовных дел, так как лица, вовлеченные в процесс доказывания и расследования уголовно наказуемого деяния, препятствуют объективному расследованию уголовного дела, а также осуществлению правосудия, что приводит к нарушениям законности. Позиция законодателя, относительно нормы статьи, а также возможности освобождения от ответственности, относится к возможности утраты важной доказательственной информации в ходе выяснения обстоятельств по уголовному делу и в какой-то степени, своей позицией законодатель «позволяет» свидетелям противодействовать расследованию уголовного дела. В рассматриваемой статье автор указывает на несовершенство уголовного законодательства, и предлагает внести изменения в примечание ст. 307 УК РФ, а также в части ужесточения санкции за названное деяние.

Ключевые слова и словосочетания: свидетель, лжесвидетельство, ложные показания, привлечение к ответственности, освобождение от уголовной ответственности, предварительное расследование, досудебное производство, приговор суда, рассмотрение уголовного дела.

Annotation. The article is devoted to the problems of bringing to justice witnesses who have reported knowingly false information during the consideration of criminal cases, since persons involved in the process of proving and investigating a criminal offense hinder the objective investigation of a criminal case, as well as the administration of justice, which leads to violations of the law. The position of the legislator, regarding the norm of the article, as well as the possibility of exemption from liability, refers to the possibility of losing important evidentiary information in the course of clarifying the circumstances in a criminal case, and to some extent, the legislator's position «allows» witnesses to oppose the investigation of a criminal case. In this article, the author points out the imperfection of the criminal law, and suggests making changes to the note of Article 307 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as in terms of toughening the sanctions for this act.

Keywords and phrases: witness, perjury, false testimony, prosecution, release from criminal liability, preliminary investigation, pre-trial proceedings, court verdict, consideration of a criminal case.

В Русской Правде XI века упоминается понятие «видок» (что в наше время означает свидетель) – очевидец случая, который послужил предметом судебного разбирательства. В то же время был другой вид свидетеля – «послух», это лицо обладало «доброй славой», т.е. достойный доверия. В судебном разбирательстве, «послух» перед тем, как дать показания целовал крест и после свидетельствовал о том, что ему стало известно о деле, что позволяло доверять его показаниям. Однако «послух» не был очевидцем произошедшего, а лишь слышал о чем-либо, непосредственным свидетелем в Русской Правде являлся «видок» [1]. Разделение свидетелей на вышеуказанные категории прекратило свое существование в 1497 году, с момента выхода «Судебника», после же все свидетели являлись «послухами» [2].

В современной России на основании действующего уголовно-процессуального законодательства понятие свидетеля отражено в ст. 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее УПК РФ) [3]. В процессе расследования уголовных дел, свидетелем, как иным участником уголовного судопроизводства выступает лицо, которому известны любые обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения дела, а также если это лицо вызвано

для дачи показаний. Сведения, данные свидетелем, являются важными для решения по уголовному делу, правильной квалификации содеянного, а также назначения наказания судом лицу, совершившему преступление. За заведомо ложные показания свидетель несет ответственность, предусмотренную уголовным законом по статье 307 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ) [4]. Согласно части первой указанной статьи, преступлением признаются заведомо ложные показания свидетеля, в суде либо в ходе досудебного производства, т.е. лицо намеренно искажает известные ему обстоятельства, которые имеют существенное значение для постановления приговора судом, отсюда и понятие «лжесвидетельство», т.е. преступление, выражающееся в сознательной даче заведомо искаженной информации правоохранительным органам, а также суду.

Лжесвидетельство – достаточно распространенное явление. Некоторые лица являются лжесвидетелями по «заказу», т.е. умышленно искажают действительную имеющуюся информацию и предоставляют ее за должную при расследовании уголовного дела, а также подтверждают свои показания на судебных разбирательствах, что образует в деянии наличие признаков состава преступления. Так, например, приговором

Моршанского районного суда Тамбовской области 30 октября 2020 года, гр. К был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 307 УК РФ, и в качестве меры наказания ему назначен штраф [5]. Именно подтверждение на судебном разбирательстве и образует доказательства для привлечения и дальнейшего осуждения лиц по ч. 1 ст. 307 УК РФ.

На основании примечания к норме статьи 307 УК РФ следует, что свидетель освобождается от уголовной ответственности, если он добровольно в ходе досудебного производства или судебного разбирательства до вынесения приговора суда или решения суда заявил о ложности данных им показаний. Это означает, что до удаления суда в совещательную комнату, «лжесвидетель» может сознаться в ложности данных им сведений, и такой отказ послужит освобождением его от уголовной ответственности. Непосредственно «умышленные лжесвидетели», будучи предупрежденными за предоставление заведомо ложных показаний, искажают действительные сведения на досудебном производстве в процессе расследования уголовных дел, действующие в интересах подозреваемых и обвиняемых, нередко действующие за определенную плату, либо же являющиеся знакомыми и родственниками данных лиц, представляют ложь за реальность, что является препятствием для установления истины по делу. Такие сведения должны проверяться и опровергаться непосредственным проведением ряда следственных действий, допросов иных лиц, проведением очных ставок, проверкой «алиби» свидетелей на существенность их показаний. Например, видел ли свидетель – «лжесвидетель» момент нанесения телесных повреждений именно конкретным лицом, проведение проверок показаний на месте и следственных экспериментов, запросов и получение детализации телефонных переговоров, определение местонахождения «лжесви-

детеля» по базовым станциям имеющегося телефона при свидетеле в момент фактического нахождения его на месте преступления и другие следственные действия, относящиеся к опровержению ложных показаний, либо же подтверждение истинных показаний, вызывающих сомнения у органов предварительного расследования.

На стадии судебного разбирательства, «лжесвидетель» подтверждает ранее данные им «ложные» показания в процессе расследования уголовного дела, однако после того как оценивает доказательства, имеющиеся у суда о виновности подсудимого, приходит к выводу, что его показания не приняты во внимание и подсудимый будет осужден, начинает говорить правду, пытается уйти от ответственности и оправдаться.

Большое количество следственных действий, проводимых по уголовному делу, в которых «лжесвидетель» является участником уголовного судопроизводства и не имеет отношения для доказывания вины обвиняемого лица, во-первых, затягивают сроки предварительного расследования и нарушают право лиц на защиту и разумные сроки уголовного судопроизводства (ст. 6.1 УПК РФ), во-вторых, препятствуют как установлению истины по уголовному делу, а так и получению достаточных доказательств, дающих основания для обвинения лица в совершении преступления (ст. 171 УПК РФ). Доказательство и опровержение ложных показаний свидетеля на основании действующего уголовного законодательства, а также имеющейся судебной практики не позволяют привлечь «лжесвидетеля» к уголовной ответственности по ст. 307 УК РФ на стадии досудебного производства, а именно при выявлении признаков состава преступления в процессе расследования уголовного дела, где он проходит свидетелем. Препятствием к привлечению такого лица на указанной стадии расследования является наличие примечания к ст. 307 УК РФ.

Оно по своей сути для «лжесвидетеля» выступает не как способ «исправления», при отказе от своих показаний до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора по уголовному делу, где он проходит свидетелем, а как способ уйти от ответственности, по сути уже оконченного, самостоятельного, имеющего все признаки состава преступления. По существу, «лжесвидетель» остается безнаказанным.

Исходя из практики следственных органов, нередки случаи, когда сторона обвинения по своему ходатайству предоставляет свидетелей совершенного преступления с требованием их допроса для выяснения всесторонних обстоятельств, которое органы предварительного расследования удовлетворяют, допрашивают их в качестве свидетелей, при этом перед началом допроса они предупреждаются об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний свидетеля по ст. 307 УК РФ. Указанные свидетели предоставляют субъекту расследования не совсем должные показания о реальности произошедших событий и искажают реальность, препятствуют установлению истины по уголовному делу. При опровержении показаний подставных свидетелей нередки случаи, когда субъекты расследования полностью доказывают наличие в деянии свидетеля признаков состава преступления, предусмотренного ст. 307 УК РФ, однако на данной стадии уголовного судопроизводства процессуальное лицо не имеет достаточных доказательств для привлечения к ответственности. Факт подтверждения этих показаний в суде и в дальнейшем вынесенный приговор, в котором будут содержаться сведения о наличии в показаниях конкретного свидетеля, факты, которые являются ложными, позволяют привлечь лицо к ответственности за заведомо ложные показания свидетеля. Этот пример предоставленных стороной обвинения «лжесвидетелей», отразился при расследовании уголовного дела по

признакам состава преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 264 УК РФ, по которому Уфимским районным судом Республики Башкортостан, гр. З. был признан виновным в совершении преступления: постановление приговора прошло без проведения судебного разбирательства, в связи с заявленным стороной защиты ходатайства на рассмотрение уголовного дела в особом порядке в связи с признанием вины в совершении преступления, тем самым «лжесвидетели» не были вызваны в суд для подтверждения своих показаний, и не понесли должного наказания. [6].

Анализируя статью за заведомо ложные показания свидетеля (ст. 307 УК РФ), исходя из санкции, следует, что часть первая статьи не предусматривает лишение свободы, однако Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. предусматривал за лжесвидетельство в качестве наказания лишение свободы (по ч. 1 ст. 181 - до одного года, а по ч. 2 - от двух до семи лет) [7]. Такая норма как бы «подталкивает» лиц, являющихся свидетелями преступлений, на искажение своих сведений, в качестве примера по указанному выше делу, гр. К. был назначен штраф. Практика назначения наказаний такого рода имеет место быть в связи со сравнительно «мягкой» санкцией, которая предполагает назначение наказания в виде штрафа в размере до восьмидесяти тысяч рублей, исправительных работ сроком до двух лет, либо арестом до трех месяцев. Указанная позиция, по нашему мнению, является предметом отдельного изучения и исследования относительно возможности ужесточения санкции за указанное деяние.

Анализ уголовного законодательства стран ближнего зарубежья показал, что «лжесвидетельство» наказывается строго, например, в соответствии со ст. 420 УК Республики Казахстан, заведомо ложные показания свидетеля, наказываются ограничением свободы на срок до шести лет либо лишением свободы на тот

же срок [8], согласно законодательству Республики Таджикистан (ст. 351 УК) [9], Республики Узбекистан (ст. 238 УК) [10] до 2-х и 3-х лет лишения свободы соответственно. Рассматривая восточно-азиатские страны, по законам Японии за «лжесвидетельство» (ст. 169 УК), наказывается лишением свободы с принудительным физическим трудом на срок до десяти лет [11]. Рассмотренные нормы зарубежных стран применяют наказания за основные составы преступления «лжесвидетельства», не рассматривая факты при отягчающих обстоятельствах.

На основании изложенного считаем, что положения ст. 307 УК РФ подлежат пересмотру и внесению в нее изменений в части ужесточения санкции: вве-

дение в часть первую указанной статьи наказания в виде лишения свободы на срок до 2-х лет, корректировку положения примечания и изложения его в новой редакции, а именно: «Свидетель, потерпевший, эксперт, специалист или переводчик освобождаются от уголовной ответственности, если они добровольно до направления уголовного дела прокурору, заявили о ложности данных ими показаний, заключения или заведомо неправильном переводе», это позволит органам предварительного расследования объективно и полно принимать решения по уголовному делу по которому это лицо является свидетелем, а также изобличать и привлекать к ответственности «лжесвидетелей».

ЛИТЕРАТУРА

1. Русская Правда [Электронный ресурс]: Википедия. Свободная энциклопедия. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Русская_Правда (дата обращения: 29.05.2021).
2. Судебник 1497 года [Электронный ресурс]: Википедия. Свободная энциклопедия. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Судебник_1497_года (дата обращения: 29.05.2021).
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 30.04.2021, с изм. от 13.05.2021) // Собрание законодательства РФ. - 24.12.2001. - № 52 (ч. I). - ст. 4921.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 05.04.2021, с изм. от 08.04.2021) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, N 25, ст. 2954.
5. Приговор Моршанского районного суда Тамбовской области от 30.10.2020 по делу № 1-196/2020 – URL: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 29.05.2021).
6. Приговор Уфимского районного суда Республики Башкортостан от 17.01.2014 по делу № 1-49/2013 – URL: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 29.05.2021).
7. Уголовный кодекс РСФСР: закон РСФСР от 27 октября 1960 г. // Ведомости ВС РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 591 (утратил силу).
8. Уголовный кодекс Республики Казахстан (с изменениями и дополнениями по состоянию на 30.12.2020 г.) – URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575252 (дата обращения: 29.05.2021).
9. Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 года № 574 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 20.04.2021 г.) – URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30397325 (дата обращения: 29.05.2021).
10. Уголовный кодекс Республики Узбекистан (утвержден Законом Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 года № 2012-ХII) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 30.03.2021 г.) – URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30397325 (дата обращения: 29.05.2021).
11. Уголовный кодекс Японии Закон № 45 от 24 апреля 1907 года (в ред. Закона № 91 от 12 мая 1995 г.) – URL: <https://constitutions.ru/?p=407> (дата обращения: 29.05.2021).

© Рябчиков С. А.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК [343.139:004.773.7]:37.017(470)

С. В. ГУРДИН, доцент кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент, (г. Москва)

S. V. GURDIN, Assistant Professor of the Chair of Criminal Procedure of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, Candidate of Law, Associate Professor (Moscow)

**ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ РОЛЬ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА
В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА****EDUCATIONAL ROLE OF LITIGATION IN THE CONTEXT
OF DIGITALIZATION OF SOCIETY**

Аннотация. В статье с позиций действующего уголовно-процессуального закона дается оценка роли судебного разбирательства в условиях цифровизации уголовного судопроизводства и общества в целом. Прямые трансляции судебного заседания оказывают воспитательное воздействие на взрослых граждан и подрастающее поколение, а также вырабатывают у судей чувство ответственности за принятое решение и устойчивость к различного рода коррупционным проявлениям. Представленные в статье выводы, выработаны на основе всестороннего изучения существующих в юридической литературе позиций ученых-процессуалистов, и анализа действующего уголовно-процессуального закона.

Ключевые слова и словосочетания: воспитание граждан, судебное разбирательство, цифровизация общества, сеть Интернет, гласность, воспитательное воздействие, трансляция судебного заседания.

Annotation. The article assesses the role of judicial proceedings in the context of digitalization of criminal proceedings and society as a whole from the standpoint of the current criminal procedure law. Live broadcasts of the court session have an educational impact on adult citizens and the younger generation, as well as develop in judges a sense of responsibility for the decision made and resistance to various kinds of corruption. The conclusions presented in the article were developed on the basis of a comprehensive study of the positions of procedural scientists existing in the legal literature, and analysis of the current criminal procedure law.

Keywords and phrases: education of citizens, litigation, digitalization of society, Internet, publicity, educational impact, broadcasting of the court session.

Современное общество уже довольно сложно представить без различного рода цифровых технологий, которые повсеместно внедряются в разные сферы жизни.

Не обошла стороной цифровизация и судебное разбирательство, которое в со-

временном правовом государстве является центральным звеном всего уголовного судопроизводства, основанного на условиях гласности и состязательности сторон. При этом не только разрешается основной вопрос о виновности лица в совершении преступления, но и отражает-

ся по сути отношение государства к тому или иному факту совершения виновного, общественно опасного, противоправного и наказуемого деяния, а также к лицу его совершившему.

Особенно отчетливо это проявляется в тот момент, когда специально уполномоченное на то государством должностное лицо, обладающее полученным в установленном законом порядке правом отправлять правосудие на профессиональной основе - судья (суд), выполняя свои функциональные обязанности, опираясь на ст. 296 и ч. 1. ст. 310 УПК, выносит приговор именем Российской Федерации и провозглашает его.

Очевидно, что не только моменты постановления и оглашения приговора, но и само судебное заседание от своего начала до окончания оказывает серьезное воспитательное воздействие на присутствующих в зале.

Присутствующие в зале судебного заседания имеют возможность убедиться в том, что все происходит с соблюдением основополагающих принципов уголовного судопроизводства, таких как гласность, состязательность и других.

Серьезный отпечаток на сознание граждан и лиц, находящихся в зале судебного заседания в момент рассмотрения уголовного дела, по существу накладывает предусмотренное уголовно-процессуальным законом право осуществлять аудиозапись и делать заметки в письменном виде.

Более того, уголовно-процессуальный закон предусматривает возможность применения ими средств фото, видео и кинофиксации, передачу судебного заседания по радио, телевидению или в информационно-телекоммуникационной сети Интернет (в том случае, если оно открытое). Допускается все это только тогда, когда судья, председательствующий в судебном заседании, дает свое разрешение на эти действия.

Всестороннее изучение и глубокий анализ действующего уголовно-процес-

суального законодательства позволяет утверждать, что такое решение председательствующего должно быть взвешенным, законным и обоснованным, равно как и все иные решения судебных органов.

Очевидно, что такое решение принимается судом при непосредственном учете: в первую очередь интересов правосудия и их неуклонном соблюдении.

Кроме того, суд при разрешении этого вопроса должен учесть обстоятельства, которые могут создать опасность для жизни, здоровья, имущества участников судебного разбирательства или содействовать тому, чтобы информация, отнесенная законом к сведениям, составляющим какую либо тайну, станет известной широкому кругу лиц.

Не подлежит сомнению, что по радио, телевидению и в сети Интернет могут осуществляться прямые трансляции судебного заседания, отсроченные трансляции судебного заседания и частичные трансляции судебного заседания в точном соответствии с ч. 3 ст. 15.1 Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» [2].

В свое время еще В. И. Ленин писал, что «из всякого хорошо организованного и проводимого на высоком политическом уровне судебного процесса можно и должно извлечь «...» уроки общественной морали и практической политики» [4, С. 407-408], что «воспитательное значение судов громадно» [5, С. 397].

В свое время в ч. 2 ст. 2, УПК РСФСР законодатель весьма четко отразил свое видение относительно того, что «уголовное судопроизводство призвано в том числе способствовать воспитанию граждан в духе неуклонного соблюдения Конституции и законов, уважения, существовавших в тот период времени правил социалистического общежития» [3].

В свою очередь профессор А. В. Победкин в одной из своих статей совершенно справедливо отметил, что

«уголовное судопроизводство всегда — средство воспитания общества, даже если такая задача перед ним законодательно и не ставится. Воспитывает своим содержанием, формой, итоговыми решениями, поведением и отношением к делу и человеку должностных лиц, ведущих уголовный процесс, уровнем уважения к людям и защиты их прав и законных интересов, а самое главное — эффективностью выполнения своей основной функции: публичности, т.е. защиты народа от преступных проявлений, которые могут достигать уровня угрозы национальной безопасности страны» [6, С. 40-45].

Действующий в настоящее время УПК РФ действительно не содержит в себе задачи воспитания граждан в духе нетерпимого отношения к преступлениям, неукоснительного соблюдения Конституции РФ и действующих законов, включая в первую очередь уголовный, так его нарушение есть наиболее серьезная форма противоправного поведения, влекущая за собой неизбежность наказания и отрицательную оценку со стороны государства и общества.

И тем не менее, воспитательное воздействие судебного разбирательства сложно переоценить.

Оно заключается в том, что прививает лицам, присутствующим в зале судебного заседания, чувство ответственности за свои поступки, своих близких и просто знакомых людей, заставляет задуматься о том, что такое есть преступление и какой иногда непоправимый вред оно наносит как общественным отношениям, так и самой жизни отдельных граждан.

Судебное разбирательство в ряде случаев оказывает воспитательное воздействие и на самого подсудимого, который вынужден ощутить на себе весь груз ответственности за содеянное и отношение общества к нему лично.

По сути в зале судебного заседания создается устойчивая атмосфера, пропитанная духом общественного осуждения

и неотвратимости наказания каждого, кто преступил закон.

Невозможно не сказать и о самих судьях, независимость которых и подчинение только Конституции Российской Федерации и закону особенно ярко проявляются именно при проведении открытого судебного разбирательства по уголовному делу, ибо в период своей деятельности по отправлению правосудия они никому не подотчетны.

Каждое проведенное судебное разбирательство укрепляет у судей чувство ответственности за каждое принятое решение, которое должно быть законным, обоснованным и справедливым, воспитывает в них лучшие человеческие качества — беспристрастность, самостоятельность, устойчивость к различного рода коррупционным проявлениям.

Особенно актуально это в настоящее время, когда цифровизация настигла не только судебное разбирательство, но и другие аспекты многогранной практической деятельности судебных органов.

Так, ст. 14 Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» делает обязательным размещение в глобальной сети Интернет такой связанной с рассмотрением и разрешением уголовного дела в суде информации, как требования, предъявляемые к форме и содержанию документов, используемых при обращении в суд, и образцы этих документов, порядок представления указанных документов в суд [2], а также тексты судебных актов, в первую очередь приговоров, которые размещаются не позднее одного месяца после дня их вступления в законную силу, сведения об их обжаловании и о результатах такого обжалования [2].

Особо следует отметить информацию о внепроцессуальных обращениях, поступивших судьям по делам, находящимся в их производстве, либо председателю суда, его заместителю, председателю судебного состава или председателю

судебной коллегии по делам, находящимся в производстве суда, включая содержание внепроцессуальных обращений и сведения об их субъектах, а также информацию о проведении трансляции судебных заседаний в сети Интернет со ссылками на наименование средства массовой информации или сайта в сети Интернет, посредством которых осуществлялась трансляция [2].

Сегодня не только взрослые граждане, но и подрастающее поколение страны ежедневно черпает значительный объем знаний именно из глобальной сети Интернет, таким образом размещенная там информация о деятельности судов попадает на глаза и пусть не у всех, но вызывает интерес.

Получив из сети Интернет информацию о том, какие требования предъявляются к форме и содержанию документов, используемых при обращении в суд, или даже обнаружив образцы этих документов на сайте суда вместе с порядком их представления, гражданин осознает, что государство таким образом заботится о нем, предоставляя возможность самостоятельно не только подготовить, но и подать, например, апелляционную жалобу на приговор, не забывая при этом о возможности получить квалифицированную юридическую помощь, причем в случаях, прямо предусмотренных действующим законодательством совершенно бесплатно, и участвовать в судебном разбирательстве со своим представителем.

Тексты приговоров по уголовным делам, вступившие в законную силу, просмотр трансляции судебного заседания по уголовным делам, заставляют по настоящему задуматься о том, каким

образом поступать нельзя ни при каких обстоятельствах под страхом уголовного наказания, которое неизбежно последует в случае нарушения уголовного закона.

Ознакомление со вступившими в законную силу приговорами или просмотр трансляции судебного заседания по уголовному делу не просто оказывает воспитательное воздействие на все слои населения страны, но и является в определенной мере сдерживающим фактором, по сути профилактикой совершения преступления.

Как правило, во многих случаях вызывает неподдельный интерес как у взрослых граждан, так и подрастающего поколения информация о резонансных делах с участием известных людей в качестве подозреваемых, обвиняемых или подсудимых, первичные сведения о которых были получены посредством изучения новостных лент тех или иных средств массовой информации в глобальной сети Интернет и «Рунете».

Такая информация в подавляющем большинстве случаев активно обсуждается в социальных сетях и мессенджерах. Как правило, гражданами дается негативная оценка, совершенным преступлениям, вырабатывается резко отрицательное отношение как самим деяниям, так и лицам их совершившим.

Таким образом, глобальная цифровизация способствуют хотя и не востребованной, по мнению некоторых ученых, но в тоже время имеющей место быть в реальной действительности воспитательной, а также профилактической роли судебного разбирательства и всего уголовного судопроизводства в целом на современном этапе развития общества и государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 20.02.2020). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

2. Федеральный закон от 22.12.2008 № 262-ФЗ (ред. от 28.12.2017) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

3. УПК РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 29.12.2001, с изм. от 26.11.2002) // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

4. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4. // Москва, Берлин: Ди-рект-Медиа, 2016. – 596 с.

5. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44. // Москва, Берлин: Ди-рект-Медиа, 2016. – 758 с.

6. Победкин А.В. Уголовное судопроизводство как не востребо-ванное средство воспитания человека. // Вестник экономической без-опасности. 2019 (1). С. 40-45.

7. Агутин А.В., Трошкин Е.З., Губжоков Р.Х. Организационно-правовой механизм реализации концепции «должной правовой проце-дуры» и нравственные основы уголовно-процессуальной деятельности в отечественном уголовном судопроизводстве». М.: Юрлитинформ, 2016.

© Гурдин С. В.

УДК 343.125.2(470)

А. В. ЕНДОЛЬЦЕВА, профессор кафедры правовых основ управления МГИМО(У) МИД России, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор (г. Москва)

A. V. ENDOLTSEVA, Professor of the Chair of Legal Bases of Management of Moscow State University of International Relationships of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Professor of the Chair of Criminal Procedure of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, Doctor of Law, Professor (Moscow)

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПОЛОЖЕНИЙ СТАТЬИ 449 УПК РФ

PROBLEMATIC ISSUES OF APPLICATION OF THE PROVISIONS OF ARTICLE 449 OF THE CODE OF CRIMINAL PROCEDURE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация. В статье идет речь о задержании на месте преступления по правилам ст. 449 УПК РФ отдельной категории лиц, обладающих процессуальным иммунитетом. Приводятся проблемы применения данной статьи к судье, совершившем очевидное преступление. При этом сравниваются положения уголовно-процессуального закона и Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации», которые противоречиво регламентируют рассматриваемый в статье вопрос. Автор приходит к выводу, что в ст. 449 УПК РФ следует говорить не о процессуальном

задержании судьи, а фактическом задержании, формулируются предложения об изменении редакций сравниваемых норм права.

Ключевые слова и словосочетания: отдельная категория лиц, неприкосновенность, публичные интересы, задержание, задержание с поличным, фактическое задержание, возбуждение уголовного дела.

Annotation. The article deals with the arrest at the crime scene according to the rules of Art. 449 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of a separate category of persons with procedural immunity. The problems of applying this article to a judge who has committed an obvious crime are presented. At the same time, the provisions of the Criminal Procedure Law and the Law of the Russian Federation "On the Status of Judges in the Russian Federation", which inconsistently regulate the issue considered in the article are compared. The author comes to the conclusion that Art. 449 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation should not say about the procedural detention of a judge, but the actual detention. The proposals to change the wording of the compared norms of law are formulated.

Keywords and phrases: separate category of persons, inviolability, public interests, detention, red-handed detention, actual detention, initiation of criminal proceedings.

Государство, провозглашая, что все равны перед законом и судом (статья 19 Конституции Российской Федерации), гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от различных обстоятельств (пол, раса, национальность...), в число которых входит и должностное положение лица. Однако в различных государствах, в том числе и в России, в отношении отдельных категорий лиц законом определены правовые особенности в виде изъятий из общего порядка возбуждения уголовного дела и их уголовного преследования. Это выборные и иные должностные лица законодательных, исполнительных и судебных органов государственной власти Российской Федерации, перечень которых закреплен законодательно в ст. 447 УПК РФ. Основанием отступа от общего правила, заложенного Конституцией, является необходимость установления правовых гарантий неприкосновенности должностных лиц органов власти и иных государственных органов от необоснованного уголовного преследования за принципиальную позицию при осуществлении своих профессиональ-

ных обязанностей, возложенных на них государством. При этом такая неприкосновенность, как отмечает Конституционный Суд РФ, не должна рассматриваться как личная привилегия должностного лица¹, она носит публично-правовой характер, поскольку отвечает публичным интересам. «Из смысла существования главы 52 УПК РФ следует, что особые правила производства по уголовным делам с участием лиц отдельных категорий созданы для обеспечения их независимости при выполнении ими особо значимых для общества и государства функций, с тем, чтобы минимизировать возможность оказания на них давления со стороны различных институтов государственной власти, в том числе должностных лиц» [2, 238-239].

Одной из таких особенностей является задержание по подозрению в совершении преступления лиц, указанных в ст. 449 УПК. В этой норме сказано, что если по подозрению в совершении преступления в порядке, установленном ст. 91 УПК, задерживается член Совета Федерации, депутат Государственной Думы, судья федерального суда, мировой судья,

1 См. постановление Конституционного Суда РФ от 20 февраля 1996 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности положений ч. 1 и 2 ст. 18, ст. 19 и ч. 2 ст. 20 Федерального закона от 9 мая 1994г. «О статусе депутата Совета Федерации и статуса депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации».

прокурор, Председатель Счетной Палаты РФ, его заместитель и аудитор Счетной палаты РФ, Уполномоченный по правам человека в РФ, Президент РФ, прекративший исполнение своих полномочий, то они должны быть освобождены немедленно после установления их личности, за исключением случаев задержания на месте преступления.

Выделим вслед за авторами виды задержания лица с поличным на месте преступления: 1) запланированное задержание на месте преступления, «при котором задержанный до этого подвергался наблюдению и выслеживанию» (например, в связи с подозрением в получении взятки), 2) «внезапное, которое происходит по сигналу о преступлении» [4, 118]. Эти виды касаются задержания, которое осуществляют сотрудники правоохранительных органов. Однако имеют место быть случаи внезапного задержания с поличным преступника самим потерпевшим или очевидцами произошедшего или происходящего. Согласимся с Романенко Н.В. в том, что «не при каждом преступлении лицо можно задержать с поличным» [4, 120]. Так, преступления, связанные с выполнением судьей его профессиональных обязанностей как представителя судебной власти, не являются очевидными, и задержать судью на месте совершения преступления, подобному вынесению заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта (ст. 305 УК РФ), невозможно.

Анализируя положения ст. 449 УПК, делаем вывод о том, что данная норма допускает задержание судьи в порядке, установленном ст. 91 УПК, если он был задержан на месте преступления, даже после установления его личности. Почему? Ответ не так уж и сложен. Преступление, на месте совершения которого задерживается судья, никак не связано с интересами правосудия, а посягает на

другие объекты уголовно-правовой охраны, в отношении которых неприкосновенность судьи законом не предусматривается. И это очевидно. Поэтому полностью поддерживаем авторов, задающих такой вопрос: «какая может быть связь между несоблюдением правил дорожного движения, убийством и работой судьи?» [7, 8]. А также согласны с таким мнением: «в современной российской действительности имеет место «гипертрофированное понимание независимости судебной власти», одной из гарантий которых является судебская неприкосновенность» [5, 49-53].

В связи со сказанным следует отметить, что пункт 5 статьи 16 Закона о статусе судей в Российской Федерации¹ в отличие от уголовно-процессуального закона возможности задержания судьи на месте преступления не предусматривает, обязывая немедленно освободить судью. Ученые заявляют, что необходимо «сопоставить действующее судостроительное и уголовно-процессуальное законодательство... и выявить коллизии правовых норм, не позволяющие обеспечить единый механизм защиты неприкосновенности судьи в уголовном судопроизводстве» [6, 12-13]. Да, это важно. Но обозначенная здесь несогласованность двух названных нормативных правовых актов находится несколько в другом правовом поле, поскольку не позволяет надлежащим образом обеспечить защиту публично-правовых интересов, в связи с чем, и об этом мы будем говорить ниже, требуются изменения в нормативном регулировании правового статуса судьи.

Полагаем, что в рамках ст. 449 УПК РФ нельзя вести речь о задержании в порядке статьи 91 УПК РФ, так как оформление задержания протоколом может быть лишь после возбуждения уголовного дела, т.е. после вынесения соответствующего постановления, где дается квалификация деяния, за совершение ко-

1 Закон РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» (с изм. и доп.) // СПС «КонсультантПлюс».

того человек задерживается. Отметим, что сам уголовно-процессуальный закон прямо об этом не говорит, поэтому и в литературе, и в судебной практике по данному вопросу имеются разные подходы [3]. Однако в отношении лиц, обозначенных в ст. 449 УПК, порядок возбуждения уголовного дела особый. Он регламентируется статьей 448 УПК. Так, Председатель Следственного комитета РФ возбуждает уголовное дело в отношении судьи после того, как получит согласие на то Высшей квалификационной коллегии судей (п. 4 ч. 1 ст. 448 УПК). Решение ВККС о даче согласия или об отказе в даче согласия на возбуждение дела в рассматриваемом случае принимается в срок не позднее 10 суток со дня поступления представления Председателя Следственного комитета РФ (ч. 5 ст. 448 УПК РФ). Но если статья 449 УПК РФ позволяет задержать судью по подозрению в совершении преступления в порядке статьи 91 УПК РФ, то возбуждение уголовного дела должно состояться одновременно с процессуальным задержанием такого лица. Значит, о задержании судьи на месте преступления следует незамедлительно поставить в известность Председателя Следственного комитета РФ, который должен принять решение либо об освобождении судьи и проведении проверки сообщения о преступлении с принятием по нему решения в установленном УПК порядке, либо он возбуждает уголовное дело (очевидное преступление, как правило, предполагает наличие основания для этого) и обращается в Высшую квалификационную коллегию судей по поводу получения согласия на уголовное преследование задержанного на месте преступления судьи. Однако уголовно-процессуальный закон именно такой порядок не регламентирует. Следовательно, указанное должностное лицо должно в любом случае принять решение об освобождении

задержанного судьи. К представлению Председателя Следственного комитета РФ должны быть приложены материалы, подтверждающие его законность и обоснованность [8], полагаем, что это в том числе материалы, связанные с задержанием на месте преступления лица, заподозренного в его совершении. По смыслу закона органы судейского сообщества привлекаются с целью проверки обусловленности иницируемого уголовного преследования профессиональной деятельностью представителя судебной власти. Если ВККС будет принято решение об отказе в даче согласия на уголовное преследование судьи, то возбужденное уголовное дело подлежит прекращению на основании п. 6 ч. 1 ст. 24 УПК РФ. В соответствии со ст. 26 Федерального закона «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации»¹ решение, принятое квалификационной коллегией судей, может быть обжаловано в судебном порядке.

В связи со сказанным в рамках ст. 449 УПК РФ при согласованности с иными нормами главы 52 Уголовно-процессуального кодекса речь может идти, по нашему мнению, не о процессуальном, а о фактическом задержании лица на месте преступления. Задержание на месте преступления и доставление задержанного лица в орган дознания оформляется соответствующими административными документами (рапортом компетентных сотрудников). Следует согласиться с мнением авторов о том, что «деятельность по захвату и доставлению задержанного в орган дознания или к следователю (фактическое задержание) является деятельностью административной и условно может именоваться административным задержанием [1, с. 119–120], но только для тех случаев, когда ее осуществляют должностные лица правоохранительных органов» [3]. Полагаем, что

¹ Федеральный закон от 14.03.2002 № 30-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_35868/ (дата обращения: 11.03.2021).

в данном случае специальный субъект (указанный в статье 447 УПК РФ) однозначно обозначит свою принадлежность к той категории лиц, которая предполагает наличие процессуальной неприкосновенности. Скорейшее подтверждение должностного положения, прежде всего, в интересах самого задержанного, поэтому, если у него при себе не имеется соответствующего документа, задержанный предложит тот способ, который, по его мнению и мнению проверяющих, будет самым быстрым и эффективным.

А в чем же заключается процессуальная деятельность после фактического задержания на месте преступления лица и подтверждения его личности как судьи? К сожалению, законодатель ответа на данный вопрос не дает. Полагаем, что при подтверждении факта, что задержанный входит в круг лиц, обозначенных в статье 449 УПК, он подлежит освобождению (напомним, что именно так предписывает поступить пункт 5 статьи 16 Закона о статусе судей в РФ), но это должно произойти только после того, как момент и обстоятельства задержания и доставления будут официально оформлены. Это необходимо для того, чтобы зафиксировать сам факт задержания определенного лица на месте преступления (с описанием уголовно-правовых признаков деяния), а также, в частности, для того, чтобы определиться с кругом будущих свидетелей данного события (задержания и доставления). При этом компетентное должностное лицо вправе произвести проверку сообщения о преступлении в порядке, регламентированном статьей 144 уголовно-процессуального закона. Учитывая, что подследственность по такой категории дел относится к полномочиям следователей Следственного комитета РФ, то если задержанный был доставлен в орган дознания (скорее всего в полицию), следует, как мы уже отмечали, незамедлительно проинформировать компетентных лиц СК РФ о факте задержания судьи на месте преступления

и передать задержанного в данный правоохранительный орган с передачей сообщения по подследственности (п. 3 ч. 1 ст. 145 УПК) либо, при невозможности этого, осуществлять процессуальную деятельность по правилам ст. 144 и 145 УПК.

Согласимся с мнением Романенко Н.В. о том, что законодательное связывание момента освобождения судьи с установлением его личности делает невозможным установление и фиксацию обстоятельств происшедшего, что необходимо для формирования доказательственной базы по уголовному делу [4, 121]. Поэтому предлагаем дополнить пункт 5 статьи 16 Закона о статусе судей в Российской Федерации, предписывающего немедленное освобождение задержанного судьи следующими словами «... а, если задержание было на месте преступления, то он подлежит освобождению после установления и фиксации обстоятельств задержания, но не позднее ___ часов с момента фактического задержания». Конечно, законодателю следует определить время, в течение которого будет осуществляться данная процессуальная деятельность. Не ставя перед собой именно такой задачи, мы обозначили только необходимость нормативного регулирования этого важного, на наш взгляд, вопроса.

В статью 449 УПК РФ, не оспаривая круг лиц, указанных там, хотя и по данному моменту есть вопросы, также следует внести аналогичные изменения. Предлагаем следующую редакцию: «Сенатор Российской Федерации, депутат Государственной Думы, судья федерального суда, мировой судья, прокурор, Председатель Счетной палаты Российской Федерации, его заместитель и аудитор Счетной палаты Российской Федерации, Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, Президент Российской Федерации, прекративший исполнение своих полномочий, задержанные по подозрению в совершении преступления,

должны быть освобождены немедленно после установления их личности. Если эти лица были задержаны на месте преступления, они подлежат освобождению после установления их личности, а также установления и фиксации обстоятельств задержания, но не позднее ___ часов с момента фактического задержания».

При этом следует отметить, что уполномоченные должностные лица Следственного комитета РФ или органа дознания при установлении и фиксации обстоятельств фактического задержания на месте преступления судьи вправе в отношении него осуществлять процессуальные действия, допустимые на стадии возбуждения уголовного дела частью первой статьей 144 УПК РФ, в том числе: получать от него объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом, провести его освидетельствование и пр. Вместе с тем, не должны быть ущемлены права заподозренного в совершении преступления судьи, регламентированные частью 1^а статьи 144 УПК РФ. Речь идет о праве не свидетельствовать против себя, своего супруга (супруги) и других близких родственников, пользоваться услугами адвоката, приносить жалобы на действия (бездействие) и решения должностных лиц, осуществляющих проверку обстоятельств задержания лица по подозрению в совершении преступления.

Представляется, что установление обстоятельств задержания судьи на месте совершенного преступного деяния, необходимое для реализации назначения уголовного судопроизводства, ни в какой степени не ущемляет интересы отправляемого им правосудия, т.е. его публично-правового статуса, включающего неприкосновенность.

Таким образом, согласны с мнением авторов о том, что «правовое совершенствование положений гл. 52 УПК РФ еще далеко не завершено» [1, 189]. Предлагаем, во-первых, исключить из положений статьи 449 УПК слова «в порядке, предусмотренном ст. 91 настоящего Кодекса» с тем, чтобы можно было говорить лишь о фактическом задержании до возбуждения уголовного дела и, во-вторых, обозначить в ней особенности освобождения от задержания лиц, пользующихся процессуальной неприкосновенностью, если они были задержаны на месте преступления.

Кроме того, полагаем, что, если признаки преступления, совершенные лицом, указанным в ст. 449 УПК РФ, очевидны, поскольку оно было задержано на месте преступления, то вполне возможно применить к нему задержание по правилам статей 91 и 92 УПК РФ с одновременным возбуждением уголовного дела и последующим получением согласия на уголовное преследование специального субъекта, руководствуясь тем порядком, который ныне регламентирован в ст. 448 уголовно-процессуального закона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобров В.К. К вопросу о процессуальных гарантиях неприкосновенности при возбуждении уголовных дел в отношении отдельных категорий лиц // Вестник Московского университета МВД. – 2019. – № 7. – С. 185-189.
2. Добровлянина О.В. О задержании лиц отдельных категорий // Бизнес в законе. – 2009. – № 1. – С. 338-339.
3. Победкин А.В., Яншин В.Н. Фактические и процессуальные задержания подозреваемого: необходимо законодательное решение URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fakticheskoe-i-protsessualnoe-zaderzhanie-podozrevaemogo-neobhodimo-reshenie-zakonodatelya> (дата обращения: 22.03.2021)

4. Романенко Н.В. Проблемные вопросы института задержания лиц, обладающих статусом судьи // Уголовный процесс. – 2018. – № 3. – С. 117-121.
5. Романенко Н.В. Неприкосновенность судьи в условиях совершения коррупционного преступления: гарантия независимости или безнаказанности? Предупреждение и расследование преступлений коррупционной направленности, совершенных специальными субъектами: материалы международного круглого стола (Москва, 1 декабря 2017 года) / под общ. ред. А.М. Багмета. – М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2017. С. 49-53.
6. Салимзянова Р.Ш. Проблемы производства по уголовным делам в отношении судьи (в порядке гл. 52 УПК РФ). Автореф. дисс... к.ю.н.: 12.00.09. – Екатеринбург. – 2006. – 27с.
7. Тимошин Н.В. Никакой корпоративной защиты судей квалификационными коллегиями не существует // Уголовный процесс. – 2017. – № 3.
8. Шаталов А.С. Специальные субъекты в уголовном судопроизводстве России: порядок уголовного преследования // Журнал российского права. – 2016. – № 1 // СПС «Гарант» (дата обращения: 19.03.2021)

© Ендольцева А. В.

УДК 343.137:343.268:342.7(470)

М. А. ЩЕРБАКОВА, адъюнкт Академии управления МВД России (г. Москва)

M. A. SHCHERBAKOVA, Postgraduate of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Moscow)

**ПРИНЦИП НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ ПРИ
ПРОИЗВОДСТВЕ О ПРИМЕНЕНИИ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР
МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА: КОНСТИТУЦИОННЫЙ
СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ СТАВИТ ПРОБЛЕМЫ**

**THE PRINCIPLE OF INVIOIABILITY OF THE PERSON IN THE
PROCEEDINGS ON THE APPLICATION OF COMPULSORY MEDICAL
MEASURES: THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN
FEDERATION RAISES ISSUES**

***Аннотация.** Статья раскрывает основные трудности, касающиеся действия принципа неприкосновенности личности в уголовном судопроизводстве, в частности, рассматривается проблема реализации данного принципа при осуществлении производства о применении принудительных мер медицинского характера. Произведен анализ правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации относительно процессуального статуса лица, в отношении которого данное производство осуществляется, соотношения с процессуальным статусом подозреваемого, обвиняемого. Рассмотрено соотношение понятий «лишение свободы», «заключение под стражу», «помещение в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях». Автором вносятся некоторые предложения по совершенствованию уголовно-процессуальных норм, закрепляющих действие принципа неприкосновенности личности относительно производства о применении принудительных мер медицинского характера.*

***Ключевые слова и словосочетания:** принцип неприкосновенности личности, процессуальный статус, производство о применении принудительных мер медицинского характера, уголовно-процессуальное принуждение, лишение свободы, медицинский психиатрический стационар.*

Annotation. *The article deals with the main difficulties concerning the operation of the principle of personal inviolability in criminal proceedings, in particular, it considers the problem of realization this principle in the implementation of proceedings on the application of compulsory medical measures. The legal position of the Constitutional Court of the Russian Federation regarding the procedural status of the person in respect of whom these proceedings are being carried out, the correlation with the procedural status of the suspect, the accused are analyzed. The relationship between the concepts of “deprivation of liberty”, “detention”, “placement in a medical organization that provides psychiatric care in inpatient conditions” is considered. The author makes some suggestions for improving the criminal procedural norms that enshrine the principle of personal inviolability in relation to the proceedings on the application of compulsory medical measures.*

Keywords and phrases: *principle of personal inviolability, procedural status, proceedings on the application of compulsory medical measures, criminal procedural coercion, deprivation of liberty, medical psychiatric hospital.*

На современном этапе развития уголовного судопроизводства ввиду отсутствия ясной концепции уголовно-процессуального законодательства, поточных и разноплановых его изменений как для законодателя, так и для правоприменителя свое значение практически утратили принципы уголовного судопроизводства, провозглашенные в главе 2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК) [1, с.50].

Между тем, наличие принципов в уголовно-процессуальном законодательстве – значимое достижение советского этапа существования уголовно-процессуального законодательства. Показательно, что новое законодательство, регулирующее уголовное судопроизводство большинства стран на постсоветском пространстве, сохранило институт принципов.

Например, Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан во второй главе дает определение принципов – фундаментальных начал уголовного процесса, определяющих систему и содержание его стадий, институтов и норм, обеспечивающих общие условия реализации прав и обязанностей участников уголовного процесса и решение стоящих перед ним задач [2]. Сами же принципы развернуто обозначены в последующих статьях.

Аналогичным образом принципы уголовного судопроизводства закреплены и в уголовно-процессуальном зако-

нотательстве Республики Таджикистан, Республики Армения, Азербайджанской Республики, Республики Узбекистан, Республики Беларусь.

Принципы не должны иметь исключений [3], они определяют сущность всех институтов уголовно-процессуального права и производств, ориентируют правоприменителя на правильное толкование закона, использование аналогии, ограничивают законодателя в его деятельности по совершенствованию законодательства определенными рамками, направляя ее по заданному вектору [4, с.70]. При этом принципы уголовного судопроизводства должны быть выражены предельно ясно для правоприменителя и не порождать неоднозначность толкования.

К сожалению, сегодня на принципы не оглядывается ни законодатель, ни правоприменитель. Некоторые производства вряд ли укладываются в систему принципов уголовного процесса (особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением, производство о назначении меры уголовно-правового характера при освобождении от уголовной ответственности и др.), а отдельные производства оказываются принципами попросту не охваченными. Это в любом случае недопустимо и еще более опасно, если уголовно-процессуальные производства остаются вне сферы действия принципов, имеющих конституционную

природу. Так, в уголовном судопроизводстве России, где конституционные права человека ограничиваются наиболее жестко, действует принцип неприкосновенности личности, посредством которого обеспечивается реализация одного из основных прав человека, предусмотренных Конституцией Российской Федерации (далее – Конституция) – права на свободу и личную неприкосновенность (ч. 1 ст. 22 Конституции).

Право на личную неприкосновенность, по мнению ряда ученых – фундаментальное право, играющее направляющую роль в правовом статусе человека [5, с.234]. Однако конституционное право на личную неприкосновенность и уголовно-процессуальный принцип неприкосновенности личности не стоит смешивать. С.С. Безруков справедливо считает, что простое дублирование конституционного права и наименование его принципом уголовного процесса не может являться средством эффективного обеспечения и защиты прав и свобод человека. Принцип должен представлять собой механизм, распространяющийся на любую уголовно-процессуальную деятельность во всех ее стадиях [6, с.31], он не исчерпывается субъективным правом. Принцип неприкосновенности личности – одно из основных средств реализации в уголовном судопроизводстве права на свободу и личную неприкосновенность, гарантия законного и обоснованного применения процессуального принуждения, ограничивающего личную свободу человека.

Итак, нет никаких сомнений, что принцип неприкосновенности личности должен представлять собой механизм, действующий на всех стадиях уголовного процесса и в ходе всех его производств, а изложен он должен быть таким образом, чтобы это не вызывало никаких сомнений участников уголовного судопроизводства.

Вместе с тем применительно к производству, одному из самых болезнен-

ных для лица, в отношении которого осуществляется – о применении принудительных мер медицинского характера действие принципа неприкосновенности личности не столь очевидно.

Особую важность вопрос о ясности действия принципа неприкосновенности личности в ходе производства о применении принудительных мер медицинского характера приобретает ввиду того, что данное производство в силу специфики его основного субъекта требует повышенных процессуальных гарантий.

В действующей редакции ст. 10 УПК суть данного принципа акцентирована на законности и обоснованности задержания и заключения под стражу, безопасных условиях содержания лиц, тогда как в отношении производства о применении принудительных мер медицинского характера его содержание ограничено обязанностью должностных лиц освободить всякого, незаконно помещенного в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях (далее – психиатрический стационар). В то же время ч. 1 ст. 10 УПК, требующая исключительно законных оснований при задержании и заключении под стражу, не указывает на таковые при решении о помещении лица в психиатрический стационар так же, как и в ч. 3 ст. 10 УПК умалчивается о безопасных условиях содержания лица, помещенного в такой стационар. Сама идея принципа неприкосновенности личности выражена недостаточно ясно, что делает затруднительным создание действенного механизма обеспечения права на свободу и личную неприкосновенность в ходе производства о применении принудительных мер медицинского характера. Речь идет о лице, в отношении которого осуществляется производство о применении принудительных мер медицинского характера.

Представляется, что одна из причин нечеткого отражения в ст. 10 УПК вопросов обеспечения права на личную непри-

косновенность указанного лица заключается в том, что законодатель не в полной мере определился с рядом концептуально-важных положений производства о применении принудительных мер медицинского характера: статусом лица, в отношении которого оно осуществляется (в разделе II УПК такой участник не предусмотрен), соотношением данного статуса со статусом подозреваемого, обвиняемого, а также понятий – лишение свободы, заключение под стражу, задержание; моментом начала производства; возможностью применения мер пресечения в отношении лица в ходе производства.

Показательно, что законодатель в ч. 1 ст. 10 УПК использует только понятия задержания и заключения под стражу, в ч. 2 речь идет о задержанном, лишенном свободы; помещенном в медицинскую организацию, оказывающую медицинскую помощь в стационарных условиях, или медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях; содержащемся под стражей; в ч. 3 – вновь только о задержанном и заключенном под стражу. Иначе говоря, законодатель не дает возможности понять, почему немедленно освобождать надо всякого, чье право на личную неприкосновенность ограничено, в том числе и лишенного свободы, а обеспечивать безопасность содержания и законность оснований ограничения указанного права только применительно к задержанию и заключению под стражу. Можно предположить, что лишенными свободы законодатель видит лица, которым назначено наказание в виде лишения свободы. Однако это ничего не объясняет. Во-первых, право на личную свободу в отношении лица с любым статусом может ограничиваться только на законных основаниях и содержаться он вправе в безопасных условиях. Во-вторых, процессуальный принцип вряд ли должен распространяться на отношения, регулируемые уголовно-исполнитель-

ным законодательством. Главное, что ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод к лишенным свободы относит и лишенного свободы по приговору суда, и задержанного, и заключенного под стражу, в том числе душевнобольных, алкоголиков, наркоманов и бродяг. Иначе говоря, все указанные в ст. 10 УПК лица – лишены свободы. Вероятно, во всех частях ст. 10 УПК следовало вести речь о лишении свободы и о лишении свободы.

Можно предположить, что задержание и заключение под стражу допускается применять согласно ст. 10 УПК к лицу, в отношении которого осуществляется производство о применении принудительных мер медицинского характера. Однако в таком случае не обойтись без решения вопроса о соотношении его статуса со статусом подозреваемого и обвиняемого.

Вопрос этот непрост. Законодатель отнесся к его решению достаточно уклончиво. Отреагировав на правовую позицию Конституционного Суда Российской Федерации (далее – Конституционный Суд) [7], в ч. 1 ст. 437 УПК предусмотрел, что лицу, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, должно быть предоставлено право лично осуществлять принадлежащие ему права, если это позволяет его психическое состояние. Между тем речь идет о процессуальных правах, предусмотренных ст. 46 и 47 УПК, предоставленных подозреваемому и обвиняемому.

Конституционный Суд также не отрицает, что процессуальный статус лица, в отношении которого осуществляется производство о применении принудительных мер медицинского характера, во многом совпадает со статусом подозреваемого и обвиняемого. В частности, Конституционный Суд подчеркивает, что хотя такие лица и не указаны в разделе II УПК, однако в отношении них осуществляется уголовное преследование

[7], они уличаются в совершении деяния, запрещенного уголовным законом, поэтому им должны обеспечиваться права, равные с другими лицами, в отношении которых осуществляется уголовное преследование, тем более, что до получения результатов судебно-психиатрической экспертизы лицо уже обладало статусом подозреваемого или обвиняемого [7]. Если в 2007 г. Конституционный Суд ограничивается паллиативами, то в 2018 г. высказывается определеннее. «Лицо, к которому в качестве меры пресечения было применено содержание под стражей и которое потом было госпитализировано в специализированную медицинскую организацию в принудительном порядке, не утрачивает своего процессуального статуса лица, в отношении которого ведется производство по уголовному делу...» [8]. Далее в постановлении речь идет о помещении в психиатрический стационар именно подозреваемого или обвиняемого, а затем еще более определенно: перевод подозреваемого или обвиняемого в психиатрический стационар «не исключает продолжения уголовного преследования подозреваемого, обвиняемого, если характер заболевания не препятствует его участию в следственных и иных процессуальных действиях и не влечет необходимости приостановления предварительного следствия...».

Таким образом, Конституционный Суд допустил, что лицо, в отношении которого осуществляется производство о применении принудительных мер медицинского характера, обладает процессуальным статусом, которым обладало ранее – подозреваемого или обвиняемого, при этом сохраняя возможность пользоваться правами и гарантиями, ему присущими. «Помещение такого лица в принудительном порядке в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях,... должно обеспечиваться процессуальными гарантиями и судебным контролем, предметом которого является

выявление набора юридических фактов, дающих основания как для продолжения оказания этому лицу психиатрической помощи, так и для дальнейшего производства по уголовному делу с его участием...» [8].

В самом деле, если лицо совершило преступление, будучи способным отдавать отчет своим действиям и руководить ими, а в дальнейшем утратило такую возможность, имея статус подозреваемого и обвиняемого, оно не утрачивает такового, поскольку его уголовное преследование продолжается и по его результатам, в случае выздоровления, лицо может понести уголовную ответственность. Ему необходимо знать, в чем оно обвиняется, возражать против обвинения, предоставлять доказательства, заявлять ходатайства, если психическое состояние позволяет это делать. Вполне логично было бы считать данное лицо обвиняемым, подозреваемым, в отношении которого осуществляется производство о применении принудительных мер медицинского характера. Даже в случаях, когда данное лицо в силу психического состояния не сможет реализовывать права, предусмотренные статьями 46 и 47 УПК, естественнее предположить, что обвиняемый (подозреваемый) приобретет дополнительные права лица, в отношении которого осуществляется производство о применении принудительных мер медицинского характера, что допускает утрату им статуса обвиняемого (подозреваемого).

Следовательно применение мер процессуального принуждения, задержания в отношении данных лиц, как подозреваемых, обвиняемых, не исключается.

В то же время, если согласно заключению судебно-психиатрической экспертизы, лицо совершило общественно-опасное деяние, будучи неспособным осознавать фактический характер, общественную опасность своих действий или руководить ими, вряд ли логично продолжать считать его подозреваемым или

обвиняемым, однако в таком случае необходимо выносить процессуальные решения о прекращении одного статуса и наделении другим. При этом исключать применение к данному лицу после наделения его статусом участника, в отношении которого осуществляется производство о применении принудительных мер медицинского характера, отдельных мер процессуального принуждения, ограничивающих конституционное право на личную неприкосновенность, не следовало бы. В самом деле, может возникнуть необходимость в кратковременном лишении свободы данного лица (задержании) для решения вопроса о помещении в психиатрический стационар или о продолжении пребывания его под стражей до решения вопроса об этом. Не исключается и пребывание такого лица под стражей после прекращения нахождения лица в психиатрическом стационаре, если срок содержания под стражей не истек [8], при наличии оснований, предусмотренных ст. 97 УПК (не исключено, что лицо после выздоровления может оказать противодействие расследованию, даже совершив не преступление, а общественно опасное деяние).

Возможность применения процессуальных мер, ограничивающих право на личную свободу, к лицам, в отношении которых осуществляется производство о применении принудительных мер медицинского характера, зависит и от того, когда данное производство считается начавшимся. В.П. Божьев в своих работах справедливо утверждал, что «без соответствующего правоприменительного акта немислима реализация гражданами их процессуальных прав» [9, с.50]. Исходя из позиции Конституционного Суда, помещение в психиатрический стационар осуществляется на основании заключения судебно-психиатрической экспертизы [8], однако данная экспертиза, очевидно, назначается уже в рамках указанного производства. Поэтому необходимо обеспечить участие защитника в порядке ст.

438 УПК, законного представителя (ч. 1 ст. 303 УПК), принимать меры к установлению особенностей предмета доказывания (ст. 434 УПК). Следовательно в ходе указанного производства до получения заключения судебно-психиатрической экспертизы лицо, в отношении которого осуществляется производство о применении принудительных мер медицинского характера, может находиться под действием мер, ограничивающих право на личную свободу и применяемых к обвиняемому, подозреваемому.

В свою очередь, позиция ученых относительно начала производства о применении принудительных мер медицинского характера крайне неоднозначна. Некоторые авторы рассматривают данное производство как отдельный, самостоятельный вид процессуальной деятельности, который предполагает его возбуждение после прекращения уголовного дела. При этом отмечается, что единственным основанием для его возбуждения может служить заключение судебно-психиатрической экспертизы с соответствующими выводами [10, с.234].

По мнению Е.З. Трошкина и А.С. Захарова, вопрос о начале производства, а соответственно и о появлении нового участника уголовного судопроизводства, также возможно решить только имея заключение судебно-психиатрической экспертизы, оценив его, как и все другие доказательства, по делу на основе внутреннего убеждения [11, с.34].

Другие же считают возбуждение производства о применении принудительных мер медицинского характера самостоятельной стадией уголовного процесса, отождествляя ее со стадией возбуждения уголовного дела и отмечая, что поводом к возбуждению могут служить сведения о наличии у подозреваемого (обвиняемого) психического заболевания [12, с.74].

С.В. Гусева, например, полагает необходимым вынесение следователем постановления о возбуждении производства о применении принудительных мер

медицинского характера, в случае появившихся сомнений относительно психического состояния субъекта в момент совершения общественно-опасного деяния или в ходе производства по делу, не дожидаясь результатов судебно-психиатрической экспертизы [13, с.59].

Учитывая вышеуказанные точки зрения, становится очевидным то, что возможность применения мер процессуального принуждения, ограничивающих право на личную неприкосновенность, к лицу, в отношении которого осуществляется производство о применении принудительных мер медицинского характера, должна получить легализацию в уголовно-процессуальном законодательстве.

Напрашивается парадоксальный, на первый взгляд, вывод: лицо, в отношении которого осуществляется производство о

применении принудительных мер медицинского характера, может иметь статус такого лица либо статус подозреваемого или обвиняемого – в зависимости от обстоятельств. Особенности указанных процессуальных статусов при рассматриваемом производстве необходимо отразить в УПК РФ.

В свою очередь, принцип неприкосновенности личности должен исключить незаконное и необоснованное ограничение права на личную неприкосновенность любого лица в уголовном судопроизводстве, в том числе того, в отношении которого осуществляется производство о применении принудительных мер медицинского характера, для чего соответствующие изменения необходимо внести в ст. 10 УПК РФ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Победкин А. В. Как одухотворить уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации? // Вестник экономической безопасности. 2016. № 5. С. 50.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 04 июля 2014 года № 231-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 02.01.2021 г.) // URL: https://online.zakon.kz/m/document?doc_id=31575852 (дата обращения 05.02.2021).
3. Некоторые авторы считают иначе. См. например: Безруков С.С. Принципы уголовного судопроизводства: автореф. дис... докт. юрид. наук. / Всерос. науч.-исслед. ин-т МВД России. Москва, 2016.
4. Победкин А. В. Критерии правомерности применения аналогии в уголовном судопроизводстве // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 4 (56). С.70.
5. Рудинский Ф. М. Наука прав человека и проблемы конституционного права / Ф.М. Рудинский. М. : ЗАО «ТФ «Мир», 2006. 478 с.
6. Безруков С. С. Конституционные права и свободы человека и гражданина в системе принципов уголовного процесса // Вестник Томского государственного университета. Право. 2015. №1 (15). С. 31.
7. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20.11.2007 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 402,433,437,438,439,441,444 и 445 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.Г. Абламского, О.Б. Лобашовой и В.К. Матвеева» // Справочно-правовая система «Консультант плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_67088/ (дата обращения 05.02.2021)
8. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24.05.2018 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности статьи 435 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Д. и К.» // Российская газета. URL: // <https://rg.ru/2018/06/06/upk-dok.html> (дата обращения 13.01.2021)
9. Божьев В. П. Уголовно-процессуальные правоотношения. М. : Юридическая литература, 1975. 176 с.

10. Суховерхова Е. В. Возбуждение производства о применении принудительной меры медицинского характера // Вестник Брянского государственного университета. 2012. № 2-2. С. 234.

11. Трошкин Е. З., Захаров А. С. Досудебное производство по уголовным делам об общественно опасных деяниях невменяемых лиц: монография / Е.З. Трошкин, А.С. Захаров. М. : ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2010. С. 34.

12. Ручина А. А. Производство о применении принудительных мер медицинского характера в отношении несовершеннолетних в уголовном процессе: дисс. ... канд. юр. наук. Москва, 2020. С. 74.

13. Гусева С. В. Особенности предварительного следствия по делам невменяемых лиц и лиц, заболевших психическим расстройством после совершения преступления: дисс. ... канд. юрид. наук. Москва, 2000. С. 59.

© Щербакова М. А.

КРИМИНАЛИСТИКА. СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.
ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

УДК [343.985.7:343.54]:343.95(470)

А. В. ВАСИЛЬЧЕНКО, доцент
кафедры криминалистики Уфимского
юридического института МВД России,
кандидат медицинских наук, доцент
(г. Уфа)

A. V. VASILCHENKO, Assistant
Professor of the Chair of Criminalistics
of Ufa Law Institute of the Ministry of
Internal Affairs of Russia, Candidate of
Medicine, Associate Professor (Ufa)

**К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ
В ОБЛАСТИ ПСИХОЛОГИИ, СЕКСОЛОГИИ И ПСИХИАТРИИ
ПРИ РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ
СЕРИЙНЫХ СЕКСУАЛЬНЫХ УБИЙСТВ**

**TO THE ISSUE OF USING SPECIAL KNOWLEDGE IN THE FIELD
OF PSYCHOLOGY, SEXOLOGY AND PSYCHIATRY IN THE DETECTION
AND INVESTIGATION OF SERIAL SEXUAL MURDERS**

Аннотация. В статье анализируются методологические проблемы использования специальных знаний в области сексологии, психологии, психиатрии, а также вопросы их применения при раскрытии и расследовании серийных сексуальных убийств. Отмечаются высокая степень социальной опасности и общественный «резонанс», а также низкая степень комплексного использования специальных знаний, ошибки при раскрытии и расследовании убийств сексуального характера. Рассматриваются методики профилинга и комплексных сексолого-психолого-психиатрических экспертиз, освещаются проблемы доказанной эффективности составления психологических портретов серийных сексуальных убийц и их применимости в поиске преступника, полноты и своевременности предоставления информации специалистам, системности учета

ошибок, допущенных при раскрытии и расследовании подобного рода преступлений. Указывается на необходимость исследований практической эффективности предлагаемых классификаций серийных убийц и методик профилирования, дальнейшего совершенствования методики расследования сексуальных убийств и повышения уровня профессиональной компетентности сотрудников следствия.

Ключевые слова и словосочетания: серийные сексуальные убийства, специальные знания, сексология, психология, психиатрия, профилирование, экспертиза.

Annotation. The article analyzes the methodological problems of using special knowledge in the field of sexology, psychology, psychiatry, as well as the issues of their application in the detection and investigation of serial sexual murders. There is a high degree of social danger and public “resonance”, as well as a low degree of complex use of special knowledge and errors in the detection and investigation of sexual murders. Methods of profiling and complex sexological, psychological, and psychiatric examinations are considered. The problems of proven effectiveness of drawing up psychological portraits of serial sexual killers and their applicability in the search for the criminal, completeness and timeliness of providing information to specialists, systematic accounting of errors made in the detection and investigation of such crimes are highlighted. The author points out the need to study the practical effectiveness of the proposed classifications of serial killers and profiling techniques, to further improve the methods of investigating sexual murders and to increase the level of professional competence of the investigation staff.

Keywords and phrases: serial sexual murders, special knowledge, sexology, psychology, psychiatry, profiling, expertise.

Серийные убийства, совершенные на сексуальной почве, относятся к категории наиболее сложных уголовных дел и отличаются особенностями, обуславливающими специфику при раскрытии и расследовании преступлений. Не взирая на снижение в 2020 году в сравнении с 2019 годом числа таких зарегистрированных тяжких преступлений, как убийство и покушение на убийство на 3,2%, при этом наблюдается рост числа изнасилований и покушений на изнасилование на 11,3% [1] Кроме того, проблемы раскрытия и расследования преступлений подобного рода остаются актуальными ввиду их высокой степени социальной опасности и общественного «резонанса» [2, С. 18; 3, С. 23].

Несмотря на распространенность публикаций об использовании специальных знаний в области психологии, психиатрии и сексологии в раскрытии и расследовании многоэпизодных сексуальных убийств [4, С. 7; 5, С. 4; 6, С. 45; 7, С. 8; 8, С. 67], утверждения об их практической эффективности и ценности не доказаны и носят декларативный характер. Также имеют место быть вопросы,

связанные как с методикой применения специальных знаний, так и с использованием результатов исследований специалистов в данных областях.

В связи с необходимостью формирования следственных версий по определению направления поиска серийного убийцы и сужения круга лиц, подозреваемых в совершении преступлений, органы следствия обращаются за помощью к специалистам с целью профилирования – составления психологического портрета преступника. Большинство авторов [9, С. 8; 10, С. 89; 11, С. 10] указывает на целесообразность профилирования при подобных преступлениях, отмечается высокая степень совпадения характеристик «мысленной модели» преступника, представленной в психологическом портрете с реальными личностными характеристиками серийного сексуального убийцы. Отечественными и зарубежными исследователями изучены мотивы совершения убийств на сексуальной почве, представлены характерологические особенности, на основании которых предложен ряд различных классификаций преступников, отличающихся многооб-

разием, отсутствием единого подхода и прогнозом повышения эффективности раскрытия и расследования подобных преступлений. В России и в зарубежных странах разработаны и используются несколько моделей построения психологического портрета, географический метод в раскрытии серийных убийств, системы компьютерного моделирования личности сексуального убийцы - VICAP (США) и CATCHEN (Великобритания) [12, С. 316], Маньяк (Россия) [13, С. 7].

Вместе с тем, ряд исследований [14, С. 32, 15, С. 144] справедливо, на наш взгляд, показывает, что фактически составленные психологические портреты не имели ценности для поимки убийц. Отмечено, что совпадение характеристик из психологического портрета и реального преступника наблюдалось далеко не всегда. Так, при раскрытии преступлений, совершенных известным серийным сексуальным убийцей А.Р. Чикатило, было составлено три совершенно разных психологических портрета. Более эффективными в поиске преступника оказались сведения из словесного портрета, а также результатов биологических и молекулярно-генетических экспертиз. В ряде случаев серийные преступники были пойманы вследствие случайных обстоятельств (А.Е. Сливко, С.А. Головкин и др.), а некоторые сексуальные убийцы (А.Р. Чикатило и Г.М. Михасевич) были отпущены после первичного задержания. Данные факты стали следствием отсутствия системного учета ошибок, возникших при расследовании серийных преступлений подобного рода. В свою очередь, недоверие работников следствия к методикам профилирования влечет за собой отказ от возможностей комплексного использования специальных знаний при расследовании сексуальных убийств, что влечет за собой череду ошибок при организации осмотра места обнаружения трупа, допроса потерпевших и свидетелей, при привлечении специалистов для проведения следственных действий, назначении су-

дебных экспертиз. Вышеуказанные факты свидетельствуют о наличии проблем методологического характера при осуществлении профилирования, декларативном характере эффективности использования психологического портрета при раскрытии и расследовании преступлений. Низкая степень применимости психологического портрета при поиске преступника свидетельствует о необходимости исследований практической эффективности предлагаемых классификаций серийных убийц и методик профилирования.

Серийные убийства, совершаемые на сексуальной почве, отличаются особой жестокостью, что обуславливает возникновение вопроса о вменяемости лица, совершившего подобное деяние [16, С. 248; 17, С. 53], и необходимости использования специальных знаний в области психиатрии, психологии и сексологии. Для решения вопроса о вменяемости серийных сексуальных убийц наиболее эффективным будет назначение стационарной комплексной судебной сексолого-психолого-психиатрической экспертизы, так как данное исследование позволяет организовать подробное изучение подэкспертного с коллегиальным участием нескольких экспертов, обладающих требуемыми профессиональными компетенциями [18, С. 170; 19, С. 155]. Назначение и производство данного вида экспертиз, а также использование заключений эксперта в процессе доказывания является наиболее эффективной формой применения специальных знаний, оптимизирующей процесс доказывания в уголовном судопроизводстве.

Основной целью назначения комплексной сексолого-психолого-психиатрической экспертизы является необходимость одновременного решения вопросов о вменяемости, сексуальных отклонениях, психологических особенностях поведения подэкспертного до, во время и после совершения деликта. Каждый из привлекаемых к экспертизе специалистов решает поставленные за-

дачи в рамках собственной компетенции. Психиатр диагностирует психическое расстройство и его отношение к медицинскому критерию невменяемости, соотносит данное расстройство с юридическим критерием невменяемости, квалифицирует состояние подэкспертного на момент исследования и во время совершения деликта, определяет необходимость принудительных мер медицинского характера. В задачи сексолога входит определение и квалификация у подэкспертного аномалий в психосексуальной сфере и ее влияние на его поведение в момент деликта. Психолог осуществляет диагностику индивидуально-психологических особенностей подэкспертного, их влияние на психо-сексуальное поведение, половое самосознание, установки и отношения, связанные с половым влечением.

Методика и эффективность привлечения специалистов обоснована данными, представленными ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России [20, С. 12]. Не умаляя значимости данных сведений, следует отметить малую выборку исследования (50 испытуемых), его семилетнюю давность, а также отсутствие альтернативных научных работ в данной области, подтверждающих или опровергающих основные постулаты опубликованных материалов. По результатам проведенного центром исследования поэкспертные, обвиняемые в серийных сексуальных убийствах чаще признавались вменяемыми (46,7%) реже невменяемыми (40%) и в ряде случаев ограниченно вменяемыми (13,3%). Основой признания подэкспертного невменяемым являлись наличие у него полного юридического критерия невменяемости и психического расстройства, входящего в перечень расстройств, составляющих медицинский критерий невменяемости. Так, на хроническое психическое расстройство в форме шизофрении и иное болезненное состояние психики в виде

личностного расстройства пришлось по 20% случаев. Наличие органического психического расстройства смешанного генеза, а также токсикомании в форме алкоголизма было выявлено, соответственно 56 % в 8% случаев. Данные расстройства не исключают вменяемости, что и обусловило отнесение данных испытуемых к категориям ограниченно вменяемых и вменяемых лиц. У подавляющего большинства обследованных лиц, обвиняемых в совершении серийных сексуальных убийств, обнаруживались расстройства сексуального предпочтения (94%). Серийные сексуальные убийцы, не страдающие парафилиями (6%), преимущественно совершали преступления в отношении лиц, достигших половой зрелости.

Сложность экспертного исследования серийных сексуальных убийц обусловлена тем, что их противоправная деятельность зачастую реализовывалась в течение многих лет, и эксперту необходимо было дать оценку подэкспертному в отношении каждого инкриминируемого деяния. Ситуация усугубляется тем, что при наличии коморбидной (сопутствующей) патологии у ряда подэкспертных может быть ограничена способность к показаниям как со стороны невозможности правильно воспринимать события имеющие значение для дела, так и способности давать правильные показания, затрагивающие данные обстоятельства.

Значительное влияние на раскрытие данной категории преступлений оказывает давность деликта, так как может возникнуть естественная амнезия, что делает необходимым для эксперта сопоставление показаний подэкспертного с объективными данными о преступлении по материалам уголовного дела.

Помимо специальных знаний в области психологии, сексологии и психиатрии, следует отметить значение полноты сбора и своевременности представления документации, необходимой для производства комплексной экспертизы. В

уголовном деле должны быть детально изложены особенности настоящего и предшествующих привлечений подэкспертного к уголовной ответственности с акцентом на тех поведенческих проявлениях, которые в последующем используются для квалификации психического расстройства.

В первую очередь в материалах, представленных на экспертизу, должны содержаться:

- материалы, указывающие на серийность совершения преступления;
- признаки агрессивного поведения подэкспертного;
- протоколы осмотров мест происшествия и иных следственных действий, указывающие на измененное сознание, психомоторное возбуждение убийцы в момент совершения деликта;
- наблюдения сезонности и учёт временного фактора в проявлении агрессивного поведения;
- информация о заблаговременной подготовке к совершению убийства, наличии специальных средств и орудий или использовании подручных предметов;
- личностные характеристики обвиняемого, а также протоколы допроса свидетелей с подробным описанием особенностей поведения до совершения преступления и после.

Как показывает практика, имеют место случаи предоставления информации в объеме, недостаточном для производства экспертизы. Так, в материалах дела нередко отсутствует большая часть требуемых сведений или необходимая медицинская документация при указаниях на ее принципиальное наличие. В подобных случаях экспертами осуществляется дополнительный запрос о предоставлении всех недостающих сведений, что влечет за собой увеличение сроков производства экспертизы.

Таким образом, проведенное ФГБУ «Национальный медицинский исследо-

вательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» исследование указывает на то, что серийные сексуальные убийства совершаются на почве сексуального расстройства, сочетающегося с различного рода психической патологией. В то же время единичность, давность приведенной научной работы, ограниченные по объему материалы исследования свидетельствуют о целесообразности дополнительных научных изысканий в данном направлении.

Имеется множество публикаций, посвященных изучению мотивов, индивидуальных психологических особенностей серийных сексуальных убийц, рекомендующих к использованию результаты проведенных научных изысканий при раскрытии и расследовании преступлений без приведения доказательств их эффективности. Многообразие классификаций серийных сексуальных убийц и методик профилинга обуславливает отсутствие единого подхода к составлению психологического портрета преступника, а несовершенство предлагаемых методик приводит к случаям расхождения «мысленной модели» и реальной личности преступника. Данные факты указывают на необходимость изменения исследовательского тренда, на доказательность и реальную эффективность предлагаемых методик профилинга.

Отсутствие системного учета ошибок, возникших при раскрытии и расследовании серийных сексуальных преступлений (проведение следственных действий, привлечение специалистов, назначение судебных экспертиз), низкая степень комплексного использования специальных знаний в области психологии, психиатрии и сексологии указывают на необходимость дальнейшего совершенствования методики расследования подобных преступлений и повышения уровня профессиональной компетентности сотрудников следствия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2020 года [Электронный ресурс]: издание официальное. М.: ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» МВД России, 2020. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/2041459> (дата обращения: 22.01.2021).
2. Антонян Ю.М. Серийные сексуальные убийства и розыск виновных/ Ю.М. Антонян// Научный портал МВД России. 2018. № 1 (41). С. 17-23.
3. Багмет А.М. Сексуальное убийство: понятие, признаки и классификация /А.М. Багмет // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2017. № 2 (16). С. 23-26.
4. Горбулинская И.Н. Использование специальных познаний в процессе расследования серийных убийств (первоначальный этап расследования): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва. 2007.
5. Логунова О.А. Психологические особенности личности и поведения различных типов серийных сексуальных убийц: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва. 2018.
6. Дворянчиков Н.В., Журавлева Е.Р. Возможности использования типологического подхода при расследовании серийных преступлений сексуального характера / Н.В. Дворянчиков, Е.Р. Журавлева// Психология и право. 2020. № 1. С. 44–54.
7. Казанцев С.Я., Красильников В.И. Медикосоциальные аспекты агрессивного поведения в преступной среде/ С.Я. Казанцев, В.И. Красильников // Международный журнал психологии и педагогики в служебной деятельности. 2019. № 3. С. 7-9.
8. Тюкавкин И.А., Васильев А.М. Серийные убийства на сексуальной почве/ И.А. Тюкавкин, А.М. Васильев // Символ науки. 2020. № 3. С. 66-68.
9. Артемьева Ж.Г., Классен М.А. Криминологический портрет серийного сексуального убийцы/ Ж.Г. Артемьева, М.А. Классен // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2016. № 4. С. 7-12.
10. Надтока С.В. Виктимологические аспекты предупреждения убийств на сексуальной почве / С.В. Надтока // Академический вестник ростовского филиала российской таможенной академии. 2019. № 1 [34]. С. 88-94.
11. Потанина И.В., Пырьева Е.В. Особенности первоначального этапа расследования серийных убийств на сексуальной почве / И.В. Потанина, Е.В. Пырьева // Научный портал МВД России. 2014. № 3 [27]. С. 9-13.
12. Александренко Е.В. Современное состояние изучения проблемы серийных сексуальных убийств и борьбы с ними// Научная школа уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета и современная юридическая наука: сборник статей по материалам международной научно-практической конференции (г. Санкт-Петербург, 10-11 июня 2015 г.). Санкт-Петербург, 2016. С. 315-324.
13. Агеева Д.В. Особенности профилактики серийных сексуальных убийств// Уголовная политика Российской Федерации: проблемы формирования и реализации: сборник материалов всероссийской научно-теоретической конференции (г. Ростов-на-Дону, 9 мая 2017 г.). Ростов-на-Дону, 2017. С. 3-8.
14. Ардашев Р.Г., Парфиненко И.П. Поисковый портрет неустановленного преступника: проблемные вопросы //Правоохранительная деятельность органов внутренних дел в контексте современных научных исследований: сборник статей по материалам международной научно-практической конференции (г. Санкт-Петербург, 07 декабря 2018 г.). Санкт-Петербург, 2019. С. 28-32.
15. Китаев Н.Н., Китаева В.Н. О розыском психологическом портрете серийного убийцы-женоненавистника/ Н.Н. Китаев, В.Н. Китаева// Закон и право. 2019. № 12. с. 144-146.
16. Логинова Л.В. Производство отдельных следственных действий на различных этапах расследования серийных сексуальных убийств / Л.В. Логинова //Ученые записки Санкт-Петербургского имен В.Б. Бобкова филиала Российской Таможенной академии. 2011. № 1 (38). С. 246-253.
17. Смирнова В.Ю. Проблемы методики расследования серийных убийств на сексуальной почве/ В.Ю. Смирнова // Образование и наука в России и за рубежом. 2020. № 1 (65). С. 52-57.
18. Варданян А.В. Некоторые проблемы назначения психолого-психиатрической экспертизы при расследовании насильственных посягательств на жизнь и здоровье личности, совершенных субъектами, имеющими психические расстройства, не исключающие вменяемости/ А.В. Варданян // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2014. № 2-2. С. 168-172.

19. Сарафанникова Л.А. Экспертизы, проводимые при расследовании серийных убийств // Социально-экономические исследования, гуманитарные науки и юриспруденция: теория и практика: сборник статей по материалам международной научно-практической конференции (г. Новосибирск, 03-05 мая 2017 г.). Новосибирск, 2017. С. 154-159.

20. Ткаченко А.А., Введенский Г.Е., Яковлева Е.Ю. Комплексная сексолого-психиатрическая экспертиза обвиняемых в многоэпизодных сексуальных правонарушениях. М., 2013. 20 с.

© Васильченко А. В.

УДК 343.985.7:343.975(470)

О. П. ГРИБУНОВ, проректор по научной работе Байкальского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (г. Иркутск)

O. P. GRIBUNOV, Vice-Rector for Scientific Work of Baikal State University, Doctor of Law, Professor (Irkutsk)

А. Н. ЗАЛЕСКИНА, старший преподаватель кафедры криминалистики Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат юридических наук (г. Иркутск)

A. N. ZALESKINA, Senior Instructor of the Chair of Criminalistics of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law (Irkutsk)

А. А. ТЕРЕЩЕНКО, заместитель начальника полиции по оперативной работе Восточно-Сибирского линейного управления МВД России на транспорте, полковник полиции (г. Иркутск)

A. A. TERESHCHENKO, Deputy Chief of Police for Operational Work of the East Siberian Transport Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Colonel

**ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКОВ, ВХОДЯЩИХ
В ОРГАНИЗОВАННЫЕ ПРЕСТУПНЫЕ ГРУППЫ, СОЗДАННЫЕ
НА ЭТНИЧЕСКОЙ ОСНОВЕ: КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

**CHARACTERISTICS OF THE PERSONALITY OF CRIMINALS
IN ORGANIZED CRIMINAL GROUPS CREATED ON ETHNIC BASIS:
FORENSIC ASPECT**

Аннотация. В статье определены основные особенности криминалистической характеристики личности преступника, входящего в организованные преступные группы, созданные на этнической основе. Анализ и изучение эмпирического материала позволили обозначить основные

характеристики личности рассматриваемого преступника, являющихся основой для расследования преступлений. Авторы приходят к выводу, что изучение основных характерных свойств личности этнического преступника имеют практическое значение для раскрытия и расследования преступлений. Нормативную основу исследования образуют Конституция Российской Федерации, уголовное и уголовно-процессуальное законодательство. Методологической основой исследования послужил всеобщий диалектический метод научного познания, а также познавательные методы и приемы наблюдения, сравнения, анализа, обобщения и описания. Результаты исследования позволили уточнить основные характерные черты личности преступника, входящего в организованные преступные группы, созданные на этнической основе, которые способствуют определению объективной картины совершенного деяния, а также позволят установить контакт и избрать наиболее эффективную тактику общения в ходе предварительного расследования. Своевременное определение основных характеристик личности преступника, входящего в организованные преступные группы, созданные на этнической основе, имеет важное значение для раскрытия и расследования, совершенных ими преступлений, а также дальнейшего использования в целях предупредительной деятельности.

Ключевые слова и словосочетания: личность преступника; организованные преступные группы, созданные на этнической основе; мигрант; расследование преступлений.

Annotation. The article defines the main features of the forensic characteristics of the personality of a criminal who is part of organized criminal groups created on an ethnic basis. The analysis and study of empirical material made it possible to identify the main characteristics of the personality of the criminal under consideration, which are the basis for the investigation of crimes. The authors come to the conclusion that the study of the main characteristic properties of the identity of an ethnic criminal are of practical importance for the detection and investigation of crimes. The normative basis of the research is formed by the Constitution of the Russian Federation, criminal and criminal procedure legislation. The methodological basis of the study was the universal dialectical method of scientific knowledge, as well as cognitive methods and techniques of observation, comparison, analysis, generalization and description. The results of the study made it possible to clarify the main characteristics of the identity of a criminal belonging to organized criminal groups created on an ethnic basis, which contribute to the determination of an objective picture of the committed act, as well as allow establishing contact and choosing the most effective communication tactics during the preliminary investigation. Timely determination of the main characteristics of the identity of a criminal belonging to organized criminal groups created on an ethnic basis is important for the detection and investigation of crimes committed by them, as well as for crime prevention.

Keywords and phrases: personality of the offender; organized crime groups based on ethnicity; migrant; investigation of crimes.

Личность человека, совершившего противоправное деяние, становится объектом достаточно тщательного изучения и рассмотрения многих наук, включая криминологию, оперативно-розыскную деятельность и криминалистику.

Личность преступника является как общесоциологическим, так и юридическим понятием. Одной из глобальных трудностей изучения и рассмотрения личности преступника является проблема взаимосвязи биологического и социального. Данная спорная ситуация включает в себя как принципиальное практическое, так и правовое значение.

От ее результата зависят установление причин преступной деятельности и выработка основных направлений борьбы с ней. Оценка роли биологического значения зачастую является рубежом, разделяющим многочисленные научные подходы. Положения психологии, психиатрии, психофизиологии, поясняют, что ослабление или деформация психической деятельности любого вида становления способствует формированию и распространению негативных черт характера как агрессивность, жестокость, гневливость, что способствует ослаблению сдерживающих контрольных процессов и па-

дению волевых качеств.

Интересным представляется изучение личности лица, совершившего преступление с позиции криминалистики, так как личность рассматривается в аспекте расследования конкретного преступления. [4, с.13]

«Познание личности преступника в криминалистике осуществляется путем изучения ее индивидуальных качеств и свойств, отраженных в следах преступления». [2, с.187]

«Так, понятие «личность преступника» в криминалистике охватывает систему биологических (антропологических, анатомических, биохимических, функциональных), социальных (общегражданских, семейно-бытовых, профессиональных, антиобщественных) и психических (психологических, психопатологических) свойств человека, сведения о которых отражены в окружающей среде и могут оказать существенное влияние на организацию поисково-познавательной деятельности по раскрытию и расследованию преступлений». [6, с.224]

Личность преступника рассматривается криминалистикой параллельно с двух сторон: с одной – с целью отождествления личности и установления того, кем совершено преступление, с другой – с целью изучения личности субъекта преступления.

Изучение личности преступника предполагает сбор разносторонней информации, в том числе и социальный статус, и социальные связи; психологический портрет лица, влияющий на процесс совершения преступления, реализацию умысла, способ и многое другое; религиозные и политические взгляды.

Безусловно, что на характерные особенности личности преступника оказывает влияние вид совершенного им преступления (корыстной, насильственной, экономической направленности и др.), а в случаях, когда преступление совершено в группе (т.е. в соучастии), то на личность соучастников будут влиять и

характеристики других участников преступной группы.

В настоящее время достаточно большое внимание ученых уделяется этнической преступности, которая в основной массе совершается организованными преступными группами. В связи с этим возникает потребность в рассмотрении личности преступника, входящего в организованные преступные группы, созданные на этнической основе.

«В общем теоретическом понятии организованная этническая преступность - это противозаконная деятельность, совершаемая лицами, объединенными по национальному признаку». [7, с.15]

Под этнической преступностью следует понимать совершение преступлений представителями этнических групп в составе группы, объединенной на основе общности территории, экономических связей, литературного языка, некоторых особенностей культуры и характера, наличия этнически родственных племен и народностей, отличающихся своей стройной структурой, а также отдельными представителями этнической группы в силу следования антиобщественным традициям и обычаям своего этноса, выражающим стереотип поведения представителей такой группы. [3, с.120]

К субъектам этнической преступности относят: иностранных граждан и лиц без гражданства, иностранных граждан, получивших российское гражданство, и граждан России, постоянно или временно проживающих в регионах страны, нетрадиционных для расселения своего этноса. [8, с.172]

В нашей стране тенденции преступности, созданной на этнической основе, в основном определяются миграционными потоками либо достаточно многочисленная часть представителей данных групп представлена коренными нациями и народностями Российской Федерации.

Фактически миграция населения, преимущественно граждан из ближнего зарубежья, становится одной из основ-

ных причин создания и расширения организованных этнических групп. Основная часть прибывших – это выходцы из таких стран, как Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Азербайджан, Армения, а также Китай.

Основными причинами совершения преступлений указанными лицами становятся такие факторы как невозможность быстро найти желаемую работу с планируемым заработком, проблемы с жильем, языковой барьер и, как следствие, сложности общения с местными жителями в регионе прибытия и изолированность от них. «Конфликты и разногласия мигрантов с жителями местного населения создают сплоченность тех и других по национальному и другим различным признакам, что приводит к межгрупповым недопониманиям, формированию специфических преступных групп, разного рода конфликтам, разрешимых в преступных формах». [5]

В дальнейшем такие люди попадают в сферу влияния ранее прибывших соотечественников, укоренившихся и обустроивших быт в регионе проживания, как правило, за счет осуществления незаконной деятельности.

Общие проблемы, взгляды на жизнь и интересы, менталитет, способствуют слиянию мигрантов в этнические группы, которые путем совершения преступлений зарабатывают средства на обеспечения себя и своих семей. [9, с.206] В подобного рода группах всегда присутствует сплоченность, обязательная подготовка к преступлению, четкое распределение ролей и организованное руководство. Все указанные факторы, объединяемые традиционными национальными взглядами, ценностями и общими мотивами, позволяют таким группам быть устойчивее и более конкурентоспособнее по отношению к другим.

Согласно статистической информации МВД России криминальная активность в 2020 году в миграционной сфере снизилась – совершено 34,4 тыс. преступлений (на 1,5% меньше чем в 2019 году), в том числе гражданами государств-участников СНГ 30,8 тыс. преступлений (-0,6%)¹.

Снижение уровня рассматриваемой преступности в 2020 году на территории России определено следующими факторами:

- снижением количества лиц иностранных государств въехавших на территорию Российской Федерации, в основном из-за пандемии;

- совершение высококвалифицированных преступлений, которые недостаточно изучены, в связи с чем существуют проблемы в их выявлении и раскрытии (например, киберпреступность);

- повышение эффективности регулирования этнических процессов в регионах страны, в том числе с участием правоохранительных органов (региональная политика);

На расширенном заседании коллегии МВД России, при участии президента РФ В.В. Путина, докладывая о результатах работы ведомства за 2020 год В.А. Колокольцев, отметил: «Оздоровлению обстановки способствовало проведение комплекса мероприятий по противодействию этнической преступности. Совместно с заинтересованными ведомствами пресечена деятельность почти 240 таких организованных преступных групп. К уголовной ответственности привлечены 45 лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии. В отношении восьми принято решение о нежелательности пребывания на территории России. «Не допущен рост криминальных проявлений как со стороны иностранных граждан, так и в

¹ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - декабрь 2020 года // Официальный сайт МВД России URL: <https://xn--b1aew.xn--plai/reports/item/22678184/> (дата обращения: 25.03.2021).

отношении них»¹.

Рассматривая Иркутскую область, отметим, что поток мигрантов в области стабильно высок и демонстрирует динамику роста. Так, по данным управления Федеральной миграционной службы по Иркутской области, в 2020 году на территорию нашего региона въехало 216835 человек (низкий показатель обусловлен пандемией), в 2019 - 593462 и в 2018 - 508376 человек. Соответственно, в связи с ежегодно увеличивающимся притоком мигрантов в области увеличиваются и показатели уровня преступности как с их участием, так и в отношении них.

Анализ статистических данных свидетельствует о том, что этническими группировками совершается большинство тяжких и особо тяжких преступлений, основная масса которых связана с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, оружия, алкогольной продукции, автобизнесом, незаконной миграцией и торговлей людьми, преступлениями экстремистской и террористической направленности, а также некоторые преступления экономической направленности.

Согласно представлениям коренного населения сложилось мнение о вхождении мигрантов в этнические группировки с целью осуществления преступной деятельности и специализации их на конкретных областях.

В качестве примера рассмотрим совершение организованной этнической группой преступления, предусмотренного ст.186 УК РФ.

Так, А. совместно с К. и Д., действуя в составе созданной и руководимой Д. организованной группы, реализуя преступный умысел на сбыт поддельных банковских билетов Центрального банка Российской Федерации, передвигаясь на автомобилях такси в различные организации, такие как аптеки и магазины, умышленно при расчете за покупки

сбывали имевшиеся при них поддельные банковские билеты Центрального банка Российской Федерации номиналом 5 000 руб. Всего указанным способом были совершены десять преступлений.

Д., А. и К. действовали в составе организованной группы, созданной и руководимой Д., которая характеризовалась устойчивостью, основанной на принадлежности к одной этнической группе, дружеских отношениях, возникших в результате достаточно длительного знакомства и проживания в одном регионе. Кроме того, общность преступных интересов усилила постоянство связей между её членами, что способствовало их сплочению в группу с четким распределением ролей, включая поиск мест для хранения и сбыта и определение способов перевозки поддельных банковских билетов, а также способ получения и распределения материальных благ за сбыт заведомо поддельных банковских билетов.

Поэтому одной из ключевых задач расследования уголовных дел, совершенных группами, является установление и изучение каждого соучастника преступления, в том числе для определения их статуса, выполняемой роли, внутригрупповых связей и отношений.

В связи с чем, в целях установления криминалистически значимых данных, следует достаточно подробно изучить сферу социальной среды становления личности, биологические, психологические и другие особенности.

Как правило, вне зависимости от того, какое преступление было совершено, изучение личности лица его совершившего начинается с установления биографических данных, таких как ФИО, место и дата рождения, национальность и язык, образование, профессия и др.; психологических факторов и психических процессов; состояние его здоровья; материальное положение и социально-бытовые

¹ Расширенное заседание коллегии МВД России // официальный сайт Администрации президента URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65090> (дата обращения: 25.03.2021).

характеристики проживания. Особое внимание стоит уделить социально-политическим взглядам лица.

Исследование личности преступников, совершающих преступления в составе организованных этнических групп, на основе анализа судебно-следственной практики позволило выявить следующие характерные черты личности преступника.

В преобладающем большинстве преступления совершались мужчинами – 88% случаев, в возрасте от 25-50 лет совершено 84% преступлений, на долю несовершеннолетних - 4%, остальные возрастные группы – 12%. Лицами, состоящими в браке и имеющим на иждивении детей, совершено 70% преступлений, не состоящими в браке – 30%. Лицами, имеющими официальное трудоустройство, совершено 12% преступлений, лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность или участвующими в такой деятельности – 9%, без официального трудоустройства - 79%. Так, лицами, имеющими среднее общее или профессиональное образование, совершено 89 % преступлений, имеющими высшее образование – 2% и не имеющими образования - 7%.

Необходимо отметить, что в состоянии алкогольного или наркотического опьянения преимущественно совершаются насильственные преступления против личности, иные виды преступлений совершаются в трезвом состоянии.

К числу основных мотивов совершения преступлений этническими группами стоит отнести национальную нетерпимость, корысть, а также необходимо выделить особенности психотипа личности этнического преступника (вспыльчивость, агрессивность, наглость).

Условия и причины совершения определенного преступного деяния неразрывно связаны с личностью, совер-

шившей данное деяние. Выявление мотивов преступного действия связано с установлением обычного поведения, т.е. характером лица совершившего преступление, отчего зависят причины преступной деятельности и установление основных направлений борьбы с ней.

Подводя итог, отметим, что преступник, входящий в организованную преступную группу, созданную на этнической основе, - это социально не адаптированное лицо, без постоянного источника дохода- 82%, мужчина - более 88%, как правило имеет среднее образование - около 89%, состоящие в браке и имеющие на иждивении детей – 70%, в подавляющем большинстве случаев организаторами преступных сообществ являлись мужчины [1].

Стоит отметить и тот факт, что при установлении указанных сведений, работники правоохранительных органов, задействованные в расследовании преступлений, совершенных этническими группами, могут определить объективную картину совершенного деяния, а также выработать приемы воздействия на лицо в целях получения правдивых показаний и предотвращения противодействия расследования.

В связи с вышесказанным, следует сделать вывод о том, что проблема, касающаяся характеристики личности преступника имеет важное значение как для криминалистики, так и других смежных наук, так как исследование вопроса личности преступника играет одну из главных ролей в процессе раскрытия преступления и его расследования. Анализ и учет особенностей личности помогает обнаружить факторы, имеющие отношение к совершению преступлений, что содействует определению в наибольшей степени основных направлений предупредительной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аминев Ф.Г., Нугаева Э.Д. Особенности организованной преступной деятельности в мошенничестве при оказании оккультных услуг // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2019. № 1 (83). С. 49-54.
2. Влезько Д.А. Значение личности преступника в криминалистике // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. №4. С. 186-189.
3. Грибунов О.П., Баских Е.И. Этническая организованная преступность в транспортной сфере // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2014. № 3-2. С. 120-124.
4. Грибунов О.П. Залескина А.Н. Криминалистическая характеристика личности мошенника (на примере ч. 5-7 ст. 159 УК РФ) // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2018. № 3-2. С. 11-18.
5. Колокольцев В.А. Обеспечение государственных интересов России в контексте концепции национальной безопасности: автореф. дис....докт. юрид. наук. СПб., 2005.
6. Комиссарова Я. В. Криминалистическое изучение личности: Научно-практическое пособие для магистров. отв. ред. Я.В. Комиссарова// Проспект, 2016.
7. Куликов А.В., Шелег О.А. К вопросу о понятиях организованной этнической преступности и организованных этнических преступных групп // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 4 (46). С. 15-18
8. Поздняков А.Н. Этническая преступность как один из факторов, криминализирующих миграционную среду и частично стимулирующих экстремистскую деятельность // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 3 (51). С. 170-176.
9. Тактоева В.В., Залескина А.Н., Красинская Е.С. Особенности криминалистической характеристики мигрантов, совершающих преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств// Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 6 (9). С. 203-208.

© Грибунов О. П.
© Залескина А. Н.
© Терещенко А. А.

УДК 343.148(470)

А. А. ДРОГА, старший преподаватель кафедры криминалистики Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук (Московская область)

A. A. DROGA, Senior Instructor of the Chair of Criminalistics of Moscow Regional Branch of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, Candidate of Law (Moscow region)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАЗНАЧЕНИЯ И ПРОИЗВОДСТВА ЭКСПЕРТИЗ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАССЛЕДОВАНИЯ

CURRENT PROBLEMS OF APPOINTING AND CONDUCTING EXPERT EXAMINATIONS AT THE PRESENT STAGE OF INVESTIGATION

Аннотация. В статье изложены актуальные проблемы назначения и производства экспертиз на стадии до возбуждения уголовного дела, которые обусловили изменения, внесенные федеральным законом от 04 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». Автором предлагается внесение дополнений в статью 195 УПК РФ в целях эффективного использования экспертных заключений в качестве доказательств. Автор предполагает, что представленные поправки будут способствовать более эффективному использованию экспертных заключений, ограничат нецелесообразное назначение экспертиз с длительным сроком производства на этапе проверки сообщения о преступлении, позволят устранить нормативную неопределенность и коллизии в законодательной регламентации, заполнят пробелы в праве.

Ключевые слова и словосочетания: уголовное дело, эксперт, расследование преступлений, судебная экспертиза, уголовный процесс, экспертное исследование.

Annotation. The article describes the current problems of appointing and conducting expert examinations at the stage before the initiation of criminal proceedings, which led to the changes introduced by the Federal Law №. 23-FZ of March 4, 2013. The author proposes to amend Article 195 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in order to effectively use expert opinions as evidence. The author assumes that the submitted amendments will contribute to a more effective use of expert opinions, will limit the inappropriate appointment of examinations with a long production period at the stage of checking a crime report, will eliminate regulatory uncertainty and conflicts in legislative regulation, will fill in gaps in the law.

Keywords and phrases: criminal case, expert, investigation of crime, forensic expertise, criminal procedure, expert examination.

В настоящее время без использования соответствующих знаний эксперта установление истины при расследовании преступлений достаточно затруднено. Поэтому важное значение для законной и обоснованной работы правоохрани-

тельных органов имеет решение законодателя об увеличении перечня действий дознавателя, следователя, которые можно провести до возбуждения уголовного дела. К таким действиям, например, отнесены: назначение судебных экспертиз,

право участия инициатора в их производстве, получение в разумный срок экспертных заключений.

В частности, именно часть 4 статьи 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) (изменения внесены Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации») в настоящее время устанавливает, что судебные экспертизы могут быть назначены и произведены до возбуждения уголовного дела [1, 2].

Здесь действующие положения УПК РФ не содержат тех или иных ограничений или условий вследствие ее назначения и производства на данной стадии доказывания.

В течение многих лет предметом обсуждения в криминалистике и уголовном процессе является возможность использования специальных знаний в форме судебных экспертиз до возбуждения уголовного дела. В юридической практике и литературе имеются как сторонники, так и противники указанных изменений в законодательстве. В настоящей реальности назначение и производство судебной экспертизы является достаточно сложным взаимодействием между возможными участниками уголовного процесса. Также сохраняется тенденция к увеличению назначений и производства сложных, много объектных, комплексных экспертных исследований.

Нам понятна данная позиция законодателя, так как реализация производства судебных экспертиз на этапе до возбуждения уголовного дела решает следующие задачи:

– сокращает количество предварительных исследований объектов, что обеспечивает уход от дополнительных материальных затрат и от повторного изучения этих же данных в процессе предварительного расследования;

– сокращает сроки расследования;

– сокращает количество вмененной сотрудникам экспертных подразделений нагрузки.

Осуществляя анализ имеющихся доказательств, мы выяснили, что использование результатов судебных экспертиз во многих случаях становится необходимо, то есть правовым основанием, определяющим принятие решения о возбуждении уголовного дела. Как показала практика, затруднительно прийти к верному мотивированному выводу без экспертных заключений по таким делам, когда:

– следует определить принадлежность материала к психотропному веществу либо наркотическому средству;

– необходимо выяснить, какова степень тяжести причинена здоровью человека и какие наступили или наступят при этом последствия;

– надлежит установление пригодности оружия в случаях его незаконного оборота и так далее [4, с. 74-78].

Также особенно актуально до возбуждения уголовного дела исполнение экспертиз в случаях, когда необходимо исследовать:

– следы, имеющие биологическое происхождение;

– материалы, склонные к стремительному изменению, разрушению, такие как горюче-смазочные материалы, токсины и тому подобные;

– вещества, которые полностью используются при первом исследовании, такие как наркотические средства.

Как видно, основная задача, которая ставится перед экспертом на исследуемой стадии – это опровергнуть либо удостоверить факты, значимые для принятия законного аргументированного решения о возбуждении уголовного дела. Кроме того, исследования и анализ результатов оперативной деятельности показали, что сокращенный порядок производства дознания диктуют острую необходимость производства экспертиз на данной ста-

дии [7, с.118-122].

Все вышесказанное указывает на то, что поправки в процессуальном законодательстве имели прогрессивный характер, но с момента принятия изменений обозначился ряд проблем в реализации указанной правовой позиции, которые выразились в следующем:

1. Недостаточное количество объектов, предоставляемых на исследование, что обязывает составить акт о невозможности дачи заключения или приостановление производства экспертизы в связи с направлением ходатайства о предоставлении дополнительных материалов.

В частности, в целях сделать возможным разрешить экспертные задачи в полном объеме перед назначением экономических экспертиз дознавателю следует провести мероприятия по установлению и сбору необходимых данных, а именно:

- распорядительных, производственно-технологических, учетных и складских документов фигуранта дела;
- отчетности в налоговые органы, пенсионные, страховые фонды и так далее;
- финансовых, кредитных, банковских документов;
- результатов встречных проверок контрагентов;
- результатов проверок контролирующими учреждениями и другие.

Здесь необходимо учитывать, что документы, отражающие факты хозяйственной жизни, но под видом которых происходили преступные деяния, зачастую уничтожаются, и для их восстановления необходимо истребовать копии или вторые экземпляры в кредитных организациях, налоговых, таможенных и других проверяющих организациях, органах правосудия и тому подобное [6, с.85-89]. Как показывает практика, в зависимости от вида требуемых сведений, сбор материалов может занимать не один месяц.

2. Формулирование некорректных

вопросов в постановлении о назначении экспертизы, которая влияет на сроки и полноту проведения исследования материалов.

К примеру, именно эксперту-бухгалтеру на стадии до возбуждения уголовного дела часто приходится решать вопросы справочного, юридического, оценочного, ревизионного характера, которые выйдут за пределы его компетенции и требуют проведения сплошного исследования хозяйственной и финансовой деятельности правонарушителя [5, с.82-88];

3. Невозможность исполнения определенных видов экспертиз, так как для исследований требуются материалы, которые могут быть получены в результате таких следственных мероприятий, проведение которых осуществляется только после возбуждения уголовного дела либо в судебном процессе.

Например, при производстве судебно-психиатрических исследований экспертам требуется подробная биография, собранная анамнестическим методом, различные сведения о совершенных действиях интересующего лица, о характере его взаимоотношений и другие показания [3, с.143-147].

4. Продолжительность сроков производства отдельных видов экспертиз в случаях, когда возбуждается уголовное дело по признакам таких преступлений, как:

- преступления против собственности;
- в экономической сфере;
- против интересов службы в коммерческих и иных организациях;
- против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления и другие.

5. Высокая загруженность и ограниченность штата государственных экспертов (в частности, это в первую очередь относится к экспертно-криминалистическим центрам системы МВД России).

Как видно, все вышеперечисленное

препятствует воплощению положений статьи 6.1 УПК РФ о разумном сроке уголовного судопроизводства, что отрицательно сказывается на процессе расследования, так как в результате упущенного времени становится невозможным получение необходимых доказательств, поскольку позволяет правонарушителю уничтожить либо сокрыть документы, следы, электронные сведения и так далее.

Таким образом, «...исходя из особенностей задач предварительной проверки сообщений о некоторых видах преступлений, отсутствия необходимых данных о субъекте и объектах, временных рамок данной стадии и другое, ученым процессуалистам следовало бы внести изменения в этой части уголовно-процессуального законодательства, ограничивающие назначение отдельных видов экспертиз на стадии до возбуждения уголовного дела...» [9, с.34].

По нашему мнению, на этапе предварительного расследования целесообразно назначать технологические, экономические, строительно-технические и другие экспертизы, для проведения которых требуется длительное время, в целях исследования взаимодействия доказательств.

В некоторых случаях для принятия правомерного решения о возбуждении уголовного дела следователю достаточно получить заключение специалиста о результатах инвентаризаций, документальных проверок, ревизий, предварительных исследований документов, предметов и трупов. В этом случае верно отмечает Т.Н. Шамонова то, что «...указанные мероприятия следует осуществлять с участием специалиста в целях решения вопроса об относимости тех или иных объектов (следов) к проверяемым фактам. Однако практике известны прецеденты, когда следователи отказывались возбуждать уголовные дела, если в оперативных материалах отсутствовало заключение судебно-бухгалтерской экс-

пертизы...» [8, с. 424-428].

Здесь мы приходим к выводу, что выполнение специалистом предварительного заключения излишне, а целесообразно проведение экспертизы в случаях, когда предполагается исследование единичных следов-отображений или объектов, не требующее использования сложных и длительных методик. Также необходимо отметить, что назначение производства судебных экспертиз и получение доказательства в виде заключения эксперта является возможностью, а не обязанностью субъекта расследования (согласно части 1 статьи 144 УПК РФ и части 4 статьи 196 УПК РФ) [8, с.424-428]. Устанавливая такую возможность, законодатель стремился к обеспечению эффективности уголовного производства, процедуры рассмотрения материалов по признакам преступлений и уголовных дел путем сокращения объема процессуальных действий.

Однако упомянутые поправки законодательства не привели к значительному улучшению ситуации, потому что в рамках рассмотрения сообщения о преступлении производство некоторых экспертных исследований весьма затруднено, так как:

- ограничено сроками и возможностью использования необходимых материалов;
- не имеется возможности истребования недостающих данных для проведения исследования;
- наспех собранные данные имеют ряд погрешностей;
- участники уголовного производства достаточно длительное время

представляют материалы, в результате чего постепенно возникают новые обстоятельства, без учета которых исследование становится не полным и не объективным [9, 151-153].

В тоже время необходимо учитывать, что назначение и производство судебной экспертизы предполагает комплексный подход, ряд особенностей и включает

следующие этапы:

- обстоятельный сбор материалов для исследования;
- соблюдение конституционных принципов и прав участников процесса при назначении и производстве судебной экспертизы;
- оценка заключения эксперта и приобщение его к материалам уголовного дела.

Кроме того, перед тем как назначить судебную экспертизу, правоприменителю следует:

- качественно подготовить объекты для исследования;
- убедиться в достаточности предоставляемых материалов, а в случае необходимости предпринять меры для представления недостающих данных;
- проконсультироваться либо с экспертом, либо со специалистом в целях правильного составления вопросов в постановлении, необходимости проведения других процессуальных действий.

Таким образом, при проверке сообщения о преступлении не следует назначать сложные, комиссионные и комплексные экспертизы, которые требуют длительных процессуальных сроков, предварительной подготовки материалов и сопровождаются необходимостью назначения других следственных действий, требующихся для обеспечения полноты и объективности экспертного

исследования.

Вышеперечисленные проблемы диктуют объективную необходимость внесения дополнения в часть 4 статьи 195 УПК РФ. На наш взгляд, ее следует изложить в такой редакции:

«...Судебная экспертиза в отношении потерпевшего, за исключением случаев, предусмотренных пунктами 2, 4 и 5 статьи 196 настоящего Кодекса, а также в отношении свидетеля производится с их согласия или согласия их законных представителей, которые даются указанными лицами в письменном виде. Судебная экспертиза может быть назначена и произведена до возбуждения уголовного дела, за исключением тех экспертиз, для производства которых необходимы материалы уголовного дела, либо в случаях, когда в ходе предварительного следствия на исследование эксперту могут быть предоставлены дополнительные материалы...».

Считаем, что представленные поправки будут способствовать более эффективному использованию экспертных заключений, ограничат нецелесообразное назначение экспертиз с длительным сроком производства на этапе проверки сообщения о преступлении, позволят устранить нормативную неопределенность и коллизии в законодательной регламентации, заполнят пробелы в праве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 дек. 2001 г. №174-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. Законот 04 мар. 2013 г. № 23. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Верхотурова С.В. Некоторые вопросы назначения и производства судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела // Юридическая наука и правоохранительная практика. - 2016. - № 3(37). - С. 143 - 147.
4. Загорьян С.Г. Уголовно-процессуальные проблемы производства судебных экспертиз до возбуждения уголовного дела // Вестник Уральского юридического института МВД России. - 2018. - № 4. - С.74-78.
5. Небрятенко О.О., Иванова О.В. Теория и практика производства судебно-бухгалтерских

экспертиз (по материалам статьи 144 Уголовно- процессуального кодекса Российской Федерации) // Юристъ-Правоведъ. - 2016. - № 4 (77). - С.82-88.

6. Расулова Н.С. Особенности назначения и производства судебной экспертизы по преступлениям в сфере экономики // Вестник уральского юридического института МВД России. - 2018. - № 4. - С. 85-89.

7. Сидоренко О.В. Назначение и производство судебных экспертиз на стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Казанского юридического института МВД России. - 2016. - № 2 (24). - С.118-122.

8. Шамонова Т. Н. Нужна ли экспертиза до возбуждения уголовного дела // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2013. – 4 (2). – С.424-428.

9. Дрога А.А Развитие методики судебно-бухгалтерской: дис. ... канд. юрид. наук: 12.0012 / Анастасия Александровна Дрога. – Ростов-на-Дону, 2019. – С.253.

© Дрога А. А.

УДК 343.985.5(470):341.456

М. Ю. ТАРАСОВ, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, кандидат юридических наук (г. Москва)

M. Yu. TARASOV, Leading Researcher of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Law (Moscow)

О ПРОЦЕДУРЕ ОБЪЯВЛЕНИЯ ЛИЦА В МЕЖДУНАРОДНЫЙ РОЗЫСК

ON THE PROCEDURE FOR DECLARING A PERSON ON THE INTERNATIONAL WANTED LIST

Аннотация. Как показывает проведенный анализ, объявление лица в международный розыск представляет собой многослойную процедуру, складывающуюся из ряда этапов (действий), с последовательным задействованием различных российских и зарубежных правоохранительных органов. В статье формулируется полный перечень и раскрывается содержание таких действий, начиная с принятия органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, которому поступило на исполнение постановление (определение, указание) о розыске обвиняемого, подсудимого, осужденного, решения об объявлении лица в международный розыск, и завершая уведомлениями о розыске, которые осуществляют правоохранительные органы иностранных государств – членов Интерпола на основании изданного Генеральным секретариатом Интерпола международного уведомления о розыске. Отмечается, что выполнение представленной процедуры приводит в действие организационно-правовой механизм международного розыска лица в целях ареста и выдачи для уголовного преследования или исполнения приговора.

Ключевые слова и словосочетания: международный розыск; объявление международного розыска; выдача для уголовного преследования или исполнения приговора; НЦБ Интерпола МВД России; Генеральная прокуратура Российской Федерации; этапы международного розыска; процедура объявления в международный розыск.

Annotation. *As the analysis shows, declaring a person on the international wanted list is a multi-layered procedure that consists of a number of stages (actions), with the consistent involvement of various Russian and foreign law enforcement agencies. The article formulates a complete list and discloses the content of such actions, starting with the adoption by the body carrying out operational-search activities, which received for execution a resolution (determination, instruction) on the search for an accused, defendant, convict, containing a search order, a decision to declare a person on the international wanted list, and ending with wanted notices, which are carried out by law enforcement agencies of foreign member states of Interpol on the basis of an international wanted notice issued by the General Secretariat of Interpol. It is noted that the implementation of the presented procedure triggers the organizational and legal mechanism of the international search for a person with a view to arrest and extradition for criminal prosecution or execution of a sentence.*

Keywords and phrases: *international search, international wanted list, extradition for prosecution or execution of a sentence, NCB of Interpol of the Ministry of Internal Affairs of Russia, General Prosecutor's Office of the Russian Federation, stages of international search, procedure for declaring an international wanted list.*

В исследованиях международного розыска порой встречается упрощенное представление о процедуре его объявления как об одномоментном решении того или иного органа. Это обстоятельство верно подметила Т.А. Ткачук, указывая, что, например, Н.Г. Гасымов, рассматривая вопросы международного розыска скрывшихся преступников, пишет, что международный розыск объявляет Интерпол, И.В. Путова, выступая с противоположным мнением, утверждает, что решение об объявлении международного розыска и его прекращении относится к компетенции национальных органов государств – членов Интерпола [1, с. 134].

Подобные представления страдают неполнотой охвата предмета исследования. Дело в том, что объявление лица в международный розыск представляет собой многослойную процедуру, складывающуюся из ряда этапов, с последовательным задействованием различных российских и зарубежных правоохранительных органов. Это обстоятельство часто выпадает из поля зрения исследователей, вследствие чего в литературе отсутствует более или менее полный перечень всех элементов, образующих процедуру объявления лица в международный розыск, порой позиционируется упрощенная схема действий, которая не вполне соответствует действительности. Таким представляется, например, следу-

ющее описание процедуры объявления международного розыска: «Инициатор розыска обращается в НЦБ своей страны с просьбой назначить розыск бежавшего за границу осужденного, страна пребывания которого неизвестна... Просьбу визирует компетентный орган власти ходатайствующего государства, подтверждая тем самым, что НЦБ действует по поручению полномочного ведомства. НЦБ проверяет эту просьбу с точки зрения ее соответствия ст. 3 Устава Интерпола, запрещающей участие в делах политического, военного, расового, религиозного характера, и, если необходимо, запрашивает дополнительную информацию о преступлении; после этого просьба на официальном бланке направляется в Генеральный секретариат Интерпола» [2, с. 47].

В представленном описании как минимум отсутствует упоминание о проведении проверочных действий и сборе материалов для запроса об объявлении международного розыска и, самое главное, о направлении в Генеральную прокуратуру Российской Федерации запроса о намерении запрашивать арест и выдачу скрывшегося обвиняемого, подсудимого, осужденного на заключение. А рассуждения о визировании просьбы компетентным органом власти ходатайствующего государства весьма абстрактны и в реалиях не соответствуют действитель-

ности.

Как показывает проведенный анализ, процедура объявления лица в международный розыск в целях ареста и выдачи для уголовного преследования или исполнения приговора в целом включает в себя:

- принятие решения об объявлении лица в международный розыск;
- проведение проверочных действий и сбор материалов для запроса об объявлении международного розыска;
- направление запроса об объявлении международного розыска в Национальное центральное бюро Интерпола МВД России;
- направление в Генеральную прокуратуру Российской Федерации запроса о намерении требовать арест и выдачу скрывшегося обвиняемого, осужденного на заключение;
- направление в случае положительного заключения Генеральной прокуратуры Российской Федерации в государства–члены Интерпола, а также в Генеральный секретариат Интерпола запроса о розыске обвиняемого, осужденного с целью ареста и выдачи и ходатайства об издании международных уведомлений;
- издание Генеральным секретариатом Интерпола международного уведомления о розыске;
- осуществление уведомлений о розыске правоохранительными органами иностранных государств–членов Международной организации уголовной полиции – Интерпол.

Рассмотрим подробнее каждое из этих действий.

Принятие решения об объявлении лица в международный розыск. Решение об объявлении лица в международный розыск принимается органом, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, которому поступило на исполнение постановление о розыске обвиняемого либо постановление о приостановлении предварительного след-

ствия (дознания), содержащее поручение о розыске, предусмотренные ч. 1 ст. 210 УПК РФ; определение или постановление суда о розыске скрывшегося подсудимого, вынесенное в соответствии с ч. 3 ст. 253 УПК РФ; указание прокурора, данное по поручению судьи в случае, предусмотренном ч. 2 ст. 238 УПК РФ.

В соответствии с п. 115 Инструкции по организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола, утвержденной Приказом МВД РФ № 786, Минюста РФ № 310, ФСБ РФ № 470, ФСО РФ № 454, ФСКН РФ № 333, ФТС РФ № 971 от 06.10.2006 (ред. от 22.09.2009) [3], международный розыск лица объявляется после либо одновременно с объявлением федерального розыска. При наличии подтвержденных сведений о выезде разыскиваемого лица из Российской Федерации международный розыск объявляется незамедлительно одновременно с объявлением федерального розыска.

Решение оформляется постановлением об объявлении лица в международный розыск, которое выносится сотрудником розыскного подразделения. Следует уточнить, что в полномочиях следователя – объявить в соответствии со ст. 210 УПК РФ скрывшегося обвиняемого в розыск, а форму розыска (местный, федеральный, межгосударственный или международный) определяют сотрудники розыскных подразделений. Этот вопрос был предметом судебного спора. В Постановлении Президиума Самарского областного суда от 18.06.2015 № 44у-104/2015 специально установлено, что действующее законодательство не наделяет следователя Следственного комитета Российской Федерации полномочиями по объявлению лица в международный розыск [4]. Данным полномочием наделяются лишь оперативные сотрудники.

Обязательным условием объявления в международный розыск обвиняемых, подсудимых и осужденных является, как это вытекает из п. 123 Инструкции по

линии Интерпола, избрание в отношении разыскиваемого меры пресечения в виде заключения под стражу. Следовательно вручается экземпляр постановления об объявлении лица в международный розыск для обращения в суд в порядке ч. 5 ст. 108 УПК РФ с целью получения судебного решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отсутствие обвиняемого. В ч. 2 п. 123 Инструкции по линии Интерпола предусмотрено вручение экземпляра постановления об объявлении лица в международный розыск с той же целью также прокурору. Однако действующее законодательство не наделяет прокурора правом обращаться в суд с ходатайством об избрании меры пресечения. Тем не менее данную норму можно оставить в Инструкции по линии Интерпола, но с иным целевым назначением: не для обращения прокурора в суд с ходатайством о мере пресечения, а для обеспечения выполнения им своих надзорных полномочий и своевременной подготовки к судебному заседанию.

Направление запроса об объявлении международного розыска в НЦБ Интерпола МВД России. В соответствии с п. 110 Инструкции по линии Интерпола подразделениями полиции по субъектам Российской Федерации запросы об объявлении международного розыска лиц направляются в НЦБ Интерпола в обязательном порядке через филиалы НЦБ Интерпола в МВД, ГУВД, УВД по субъектам Российской Федерации [5]. Территориальные подразделения НЦБ Интерпола действуют в 80 субъектах Российской Федерации [6]. В случае отсутствия в МВД, ГУВД, УВД по соответствующему субъекту Российской Федерации филиала НЦБ Интерпола запросы направляются в НЦБ Интерпола через аппараты уголовного розыска МВД, ГУВД, УВД по субъектам Российской Федерации.

В НЦБ Интерпола направляется запрос, постановление об объявлении в

международный розыск и другие материалы. Запрос об объявлении лица в международный розыск оформляется в соответствии с установленным образцом. К запросу прилагаются: постановление об объявлении обвиняемого, осужденного, подсудимого в международный розыск; копии постановлений о привлечении в качестве обвиняемого и об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу; перечень сведений, необходимых для объявления в международный розыск обвиняемого, подсудимого, осужденного, а также материалы, необходимые для идентификации разыскиваемого (фотографии, дактилоскопические карты).

В Инструкции по линии Интерпола сформулирован ряд общих и специальных требований, которые предъявляются к направляемым в НЦБ Интерпола запросам об объявлении в международный розыск обвиняемых, осужденных, подсудимых (п. 21, 22, 131). При формировании пакета документов для международного розыска с целью ареста и выдачи необходимо учитывать также поправки и дополнения, внесенные в Европейскую конвенцию о выдаче Четвертым дополнительным протоколом, на которые обращается внимание в Информационном письме Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 26.11.2018 № Исуб-90-6173-18/11262 «О Четвертом дополнительном протоколе к Европейской конвенции о выдаче» [7]. В указанном Информационном письме обращается внимание, в частности, на то, что согласно пункту 2 ст. 12 Европейской конвенции о выдаче в редакции Четвертого дополнительного протокола запрос о выдаче должен сопровождаться следующими документами:

– копией обвинительного заключения и приговора или постановления о немедленном задержании, или ордера на арест, или другого постановления, имеющего ту же силу, выданного в соответствии с процедурой, предусмотренной

законодательством запрашивающей стороны;

– описанием преступлений, в связи с которыми запрашивается выдача. Время и место их совершения, их юридическая квалификация и ссылки на соответствующие правовые положения, в том числе относительно исчисления сроков давности, должны быть указаны как можно точнее;

– копией соответствующих законодательных актов или в тех случаях, когда это невозможно, указанием соответствующего закона и как можно более точным описанием требуемого лица, а также любой другой информацией, которая может способствовать установлению его личности, гражданства и местонахождения.

Направление на заключение в Генеральную прокуратуру Российской Федерации запроса о намерении требовать арест и выдачу скрывшегося обвиняемого, подсудимого, осужденного. Получив запрос об объявлении обвиняемого, подсудимого, осужденного в международный розыск, НЦБ Интерпола (филиал) проверяет его на предмет соответствия установленным требованиям.

В случае несоблюдения органом-инициатором розыска требований НЦБ Интерпола может отказать в объявлении обвиняемого, подсудимого, осужденного в международный розыск с указанием на то, какие конкретно требования были нарушены при подготовке запроса, либо запросить дополнительную информацию и материалы.

В случае соответствия запроса об объявлении обвиняемого, подсудимого, осужденного в международный розыск требованиям, установленным в Инструкции по линии Интерпола, НЦБ Интерпола направляет в Генеральную прокуратуру Российской Федерации запрос о намерении требовать арест и выдачу скрывшегося обвиняемого, подсудимого, осужденного в случае установления его местонахождения на территории иностранного государства.

О передаче запроса в Генеральную прокуратуру Российской Федерации НЦБ Интерпола информирует орган, от которого поступил запрос об объявлении международного розыска (либо филиал).

Направление в случае положительного заключения Генеральной прокуратуры Российской Федерации в государства-члены Интерпола, а также в Генеральный секретариат Интерпола запроса о розыске обвиняемого, подсудимого, осужденного с целью ареста и выдачи и ходатайства об издании международных уведомлений. После получения заключения Генеральной прокуратуры Российской Федерации о наличии оснований и намерений запрашивать арест и выдачу скрывшегося обвиняемого, подсудимого, осужденного, оформляемого на практике в виде соответствующего письма, адресованного в НЦБ Интерпола, НЦБ Интерпола направляет его в одно или несколько иностранных государств-членов Интерпола, а также в Генеральный секретариат Интерпола запрос о розыске обвиняемого, подсудимого, осужденного с целью ареста и выдачи.

Об объявлении обвиняемого, подсудимого, осужденного в международный розыск НЦБ Интерпола на основании п. 138 Инструкции по линии Интерпола извещает орган-инициатор объявления розыска, а также уведомляет Генеральную прокуратуру Российской Федерации.

При объявлении обвиняемого, подсудимого, осужденного в международный розыск НЦБ Интерпола может использовать на основании п. 140 Инструкции по линии Интерпола следующие возможности:

– направить запрос о розыске во все иностранные государства-члены Интерпола;

– подготовить и передать в Генеральный секретариат ходатайство об издании международного уведомления с красным углом (Red Notice [8]) – о розыске обвиняемого, подсудимого, осужденного с целью его ареста и выдачи.

Ходатайство об издании международного уведомления о розыске с красным углом (Red Notice) направляется в Генеральный секретариат через два года после направления во все государства-члены Интерпола запроса о розыске обвиняемого, подсудимого, осужденного в том случае, если принятыми мерами установить местонахождение разыскиваемого не удалось. В соответствии с п. 144 Инструкции по линии Интерпола ходатайство об издании международного уведомления о розыске обвиняемого, подсудимого, осужденного с целью его ареста и выдачи (Red Notice) может быть направлено в Генеральный секретариат до истечения двух лет после направления во все государства-члены Интерпола запроса о розыске обвиняемого, подсудимого, осужденного в том случае: а) если разыскиваемым совершено особо тяжкое преступление; б) если совершенным преступлением нанесен ущерб в крупном или особо крупном размере; в) если имел место рецидив преступлений.

Для подготовки в адрес Генерального секретариата ходатайства об издании международного уведомления о розыске с красным углом (Red Notice) органу, вынесшему постановление об объявлении лица в международный розыск, необходимо направить в адрес НЦБ Интерпола соответствующий запрос с информацией о продолжении розыска и сообщением о возможности (либо о нецелесообразности) размещения сведений о разыскиваемом лице на сайте Генерального секретариата в сети Интернет и в средствах массовой информации.

Издание Генеральным секретариатом Интерпола международного уведомления о розыске. Система международных уведомлений, издаваемых Генеральным секретариатом Интерпола, состоит из набора уведомлений с цветовой кодировкой, публикуемых для конкретных целей: с желтым углом (Yellow Notice) – о розыске лица, пропавшего без вести;

с синим углом (Blue Notice) – о розыске обвиняемого, осужденного с целью установления его местонахождения; с красным углом (Red Notice) – о розыске обвиняемого, осужденного с целью его ареста и выдачи и т.д.

В печати приводятся разные сведения о количестве и цветовой гамме применяемых в практике Интерпола международных уведомлений [9, с. 35; 10, с. 55-57; 11; 12; 13]. В настоящее время на сайте Интерпола в соответствии с Правилами Интерпола по обработке данных [14] (ст. 82-95) представлены уведомления семи цветов: красный (Red Notice), желтый (Yellow Notice), синий (Blue Notice), черный (Black Notice), зеленый (Green Notice), оранжевый (Orange Notice), фиолетовый (Purple Notice), а также специальное международное уведомление, издаваемое совместно с Организацией Объединенных Наций (INTERPOL–United Nations Security Council Special Notice) [15].

Все запросы об уведомлении рассматриваются Генеральным секретариатом на предмет соответствия Правилам Интерпола по обработке данных. Генеральный секретариат несет ответственность за публикацию уведомлений Интерпола от имени Организации. В ст. 77 этих Правил установлено, что Генеральный секретариат не может публиковать уведомление от имени Организации, если:

- предоставленные данные не соответствуют условиям публикации уведомления;
- публикация уведомления в данном случае не представляет интереса для целей международного полицейского сотрудничества;
- публикация уведомления может нанести ущерб интересам Организации или ее членов.

В ст. 79 Правил Интерпола по обработке данных установлен порядок опубликования уведомлений. Национальные центральные бюро должны быть проин-

формированы о публикации уведомления в день его публикации. Национальные центральные бюро должны иметь возможность напрямую обращаться ко всем опубликованным уведомлениям в базе данных Организации.

В настоящее время в центральную базу Интерпола с так называемым «красным углом» за совершенные в России преступления включены около трех тысяч человек. Об этом сообщает ТАСС со ссылкой на пресс-центр МВД России. Отмечается, в частности, что в 2019 году по инициативе правоохранительных органов России Интерпол издал 419 уведомлений с «красным углом». Всего же по запросам России изданы и действуют в настоящее время порядка 3 тысяч подобных уведомлений [16].

Осуществление уведомлений о розыске правоохранительными органами иностранных государств–членов Международной организации уголовной полиции – Интерпол. В соответствии со ст. 80 Правил Интерпола по обработке данных Национальные центральные бюро, получив соответствующие уведомления о розыске, направляют:

– во все соответствующие национальные органы как можно скорее и в соответствии со своими национальными законами все данные, содержащиеся в полученных ими уведомлениях, а также обновления, касающиеся этих уведомле-

ний;

– в запрашивающее Национальное центральное бюро или международный орган, а также Генеральный секретариат все имеющиеся данные, касающиеся лица или цели, для которых было опубликовано уведомление, в частности, когда эти данные могут позволить достичь цели уведомления;

– в Генеральный секретариат – любую информацию, которая может вызвать сомнения относительно соответствия уведомления установленным Правилам.

Получив «красный циркуляр» (Red Notice – красный угол), каждое НЦБ оценивает изложенные в нем преступления с позиции национального уголовного законодательства и решает вопрос о допустимости объявления розыска на территории страны. При утвердительном решении всем полицейским органам дается команда начать розыск [17, с. 212-213].

Описанная совокупность действий различных российских и зарубежных правоохранительных органов и представляет процедуру объявления международного розыска, выполнение которой приводит в действие организационно-правовой механизм международного розыска лица в целях ареста и выдачи для уголовного преследования или исполнения приговора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ткачук Т.А. Современные проблемы межгосударственного и международного розыска и пути их решения // Бизнес в законе. 2010. № 5. С. 133-137.
2. Белов О.А. Вопросы взаимодействия ФСИН и МВД России при осуществлении международного розыска лиц, совершивших побег из исправительных учреждений // Вестник института: Научно-практический журнал Вологодского института права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний. 2013. № 2 (22). С. 46-49.
3. Приказ МВД РФ № 786, Минюста РФ № 310, ФСБ РФ № 470, ФСО РФ № 454, ФСКН РФ № 333, ФТС РФ № 971 от 06.10.2006 (ред. от 22.09.2009) «Об утверждении Инструкции по организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола» // СПС КонсультантПлюс [дата обращения – 03.03.2021].

4. Постановление Президиума Самарского областного суда от 18.06.2015 № 44у-104/2015. Документ опубликован не был // СПС КонсультантПлюс [дата обращения – 03.03.2021].

5. Типовое положение о территориальном подразделении (филиале) Национального центрального бюро Интерпола, утвержденное приказом МВД России от 03.06.1997 № 333 (ред. от 28.02.2000) «О дополнительных мерах по реализации Постановления Правительства Российской Федерации от 14 октября 1996 г. № 1190» (вместе с «Типовым положением о территориальном подразделении (филиале) Национального центрального бюро Интерпола», «Инструкцией о порядке оформления и выдачи служебных удостоверений сотрудника Национального центрального бюро Интерпола») (СПС КонсультантПлюс [дата обращения – 03.03.2021]), утратило силу. Приказом МВД России от 10.10.2013 № 830 (ред. от 26.05.2018) «Об утверждении Типового положения об отделе (отделении, группе) НЦБ Интерпола территориального органа МВД России на региональном уровне и признании утратившими силу нормативных правовых актов МВД России» (СПС КонсультантПлюс [дата обращения – 28.02.2021]) утверждено новое ныне действующее Положение, в котором соответствующие подразделения называются отделами (отделениями, группами) НЦБ Интерпола территориального органа МВД России на региональном уровне или «подразделениями НЦБ Интерпола» без обозначения их как «филиалов».

6. Национальное центральное бюро Интерпола // Министерство внутренних дел Российской Федерации // https://мвд.рф/mvd/structure1/Upravlenija/Nacionalnoe_centralnoe_bjuro_Interpola [дата обращения – 28.02.2021].

7. Информационное письмо Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 26.11.2018 № Исуб-90-6173-18/11262 «О Четвертом дополнительном протоколе к Европейской конвенции о выдаче» // Архив Главного управления международно-правового сотрудничества Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2018.

8. Red Interpol Card // RPI Solutions – international law company // https://rpi-solutions.ru/en/services_for_abroad/red-interpol-card/ [дата обращения – 03.03.2021].

9. Зайцева Е.С. Система международных уведомлений Интерпола // Российский следователь. 2007. № 7. С. 34-36.

10. Пузырева Ю.В. Современная система уведомлений Интерпола как эффективная основа международного сотрудничества в борьбе с преступностью // Алтайский юридический вестник. № 1 (5). 2014. С. 53-57.

11. Лурье А. Международный розыск: виды уведомлений Интерпола // Триумф инфо. 2019. 13 апреля // <http://triumph-info.ru/2019/04/mezhdunarodnyj-rozysk-vidy-vedomlenij-interpola/> [дата обращения – 03.03.2021].

12. Прокопчук А. Разработан новый тип уведомления Интерпола с «золотым углом» // <https://tass.ru/interviews/2296816> [дата обращения – 03.03.2021].

13. Интерпол ввел новую «серебряную» форму розыска по коррупционным делам // РИА Новости. 6.11.2015 // <https://ria.ru/20151106/1315054305.html> [дата обращения – 03.03.2021].

14. INTERPOL's Rules on the Processing of Data [III/IRPD/GA/2011 (2019)] (Правила Интерпола по обработке данных. Приняты Генеральной Ассамблеей на ее 80-й сессии (Ханой, 2011 г.) (Резолюция AG-2011-RES-07), действуют в редакции, утвержденной Генеральной Ассамблеей ICPO-INTERPOL на 88-й сессии (Сантьяго-де-Чили, 2019 г.) (Резолюция GA-2019-88-RES-02) // <https://www.interpol.int/Resources/Documents> [дата обращения – 03.03.2021].

15. About Notices // INTERPOL // <https://www.interpol.int/How-we-work/Notices/About-Notices> [дата обращения – 03.03.2021].

16. МВД рассказало о числящихся в базе Интерпола опасных преступниках за криминал в РФ // Газета.ru. 05.01.2020 // https://www.gazeta.ru/social/news/2020/01/05/n_13888604.shtml?utm_source=uxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews [дата обращения – 03.03.2021].

17. Криминалистика: Учебник. Том II / Под общ. ред. А.И. Бастрыкина. – М.: Издательство «Экзамен», 2014. 559 с.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО. АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 351.81-049.5(470)

Н. А. АГАРКОВА, адъюнкт Воронежского
института МВД России (г. Воронеж)

N. A. AGARKOVA, post-graduate student
of Voronezh Institute of the Ministry of The
Interior of Russia (Voronezh)

**ОСОБЕННОСТИ ТРАНСПОРТНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СИСТЕМЕ
НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**PECULIARITIES OF TRANSPORT SECURITY IN THE SYSTEM
OF NATIONAL SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION**

***Аннотация.** В данной статье рассматриваются особенности обеспечения транспортной безопасности Российской Федерации как одной из составляющих национальной безопасности. Раскрывается сущность основных целей, задач, принципов такой работы, а также проблем и их решений. Акцент делается на деятельность в данной сфере органами внутренних дел на транспорте МВД России. Данная деятельность входит в круг национальных приоритетов Российской Федерации, которые также отражены. Обеспечение национальных интересов государства в транспортной сфере напрямую зависит от деятельности институтов государственной власти, совместно с общественными организациями. Акцент в статье делается на деятельность в данной сфере органов внутренних дел на транспорте, поскольку она входит в круг национальных приоритетов Российской Федерации.*

***Ключевые слова и словосочетания:** транспортная безопасность, национальная безопасность, общественная безопасность, национальные интересы, объекты транспорта.*

***Annotation.** This article examines the features of ensuring the transport security of the Russian Federation as one of the components of national security. The essence of the main goals, objectives, principles of such work, as well as problems and their solutions is revealed. The emphasis is on activities in this area by the internal affairs bodies in the transport of the Ministry of Internal Affairs of Russia. This activity is included in the range of national priorities of the Russian Federation, which are also reflected. Ensuring the national interests of the state in the transport sector directly depends on the activities of state institutions, together with public organizations. The emphasis in the article is placed on the activities in this area of the internal affairs bodies in transport, since it is included in the range of national priorities of the Russian Federation.*

***Keywords and phrases:** transport security, national security, public security, national interests, transport facilities.*

Одним из приоритетных направлений деятельности как внутренней, так и внешней политики современной Российской Федерации является бесперебойное функционирование транспортной отрасли и поддержание национальной безопасности.

Говоря об интересах национальной безопасности России, следует отметить, что они имеют статус долгосрочности.

Благодаря им определяются основополагающие цели, стратегические и текущие задачи для проведения внутренних и внешних политических мероприятий в области транспортной безопасности и объектов транспорта. Стоит указать, что роль транспортной сферы постоянно растет. Так как национальная безопасность является системообразующим фактором транспортной системы, значи-

мость последней заключается также и в обеспечении экономической, политической, оборонной и других составляющих безопасности России.

Формирование национальных интересов Российской Федерации в транспортной сфере напрямую зависит от трех факторов:

- положения России в мировом сообществе и ее международных отношений;
- внутривнутриполитической обстановки в самой стране, выполнения задач, связанных с экономическим и социальным развитием;
- реализации других интересов и приоритетов государства.

Остановимся более подробно на основных национальных интересах в транспортной сфере:

- 1) обеспечение удовлетворения потребностей личности и государства в транспортных услугах и их реализации;
- 2) достижение высокого уровня экономической эффективности и безопасности транспортного процесса благодаря техническому прогрессу и модернизации объектов транспорта;
- 3) обеспечение доступности предоставления транспортных услуг на уровне, который должен являться гарантом стабильности и безопасности;
- 4) развитие не только межрегиональных, но и международных связей в предоставлении транспортных услуг;
- 5) приведение транспортной безопасности России к уровню международных стандартов, развитие экспортно-импортных услуг;
- 6) обеспечение общественного порядка и безопасности на объектах транспорта, предупреждение и пресечение терроризма.

Анализ действующего законодательства, регулирующего вопросы обеспечения транспортной безопасности, свидетельствует о том, что она тесно связана с общественной безопасностью. В связи с этим возникают проблемы в разграничении данных понятий.

В ходе рассмотрения данных понятий вначале мы приходим к мнению о том, что понятие «общественная безопасность» шире понятия «транспортная безопасность». Последнее может выступать в качестве составного элемента. А.В. Жаглин считает, что понятие «национальная безопасность внутри государства» фактически тождественно понятию «общественная безопасность» [1].

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [2], говорится о том, что и транспортная, и общественная безопасность – это элементы национальной безопасности. И с этим нельзя не согласиться.

В этой связи следует сказать о взаимосвязи между транспортной и общественной безопасностью.

Так, «совершенствование государственного управления в области транспортной безопасности» [3] относится к числу составляющих, направленных на обеспечение транспортной безопасности Российской Федерации. Стоит отметить, что законодатель закрепляет рост правонарушений на объектах транспорта и ухудшение их состояния как один из источников угроз общественной безопасности.

В связи с тем, что в последнее время в мире происходит увеличение масштабов угроз транспортной безопасности, в том числе посредством террористических актов, данная проблема все больше и больше становится актуальной. Возникает необходимость ее всестороннего изучения и решения.

Вопрос терроризма на транспорте является проблемой не только отдельных государств. Сегодня она приобрела статус общемировой [4]. Это подтверждает большое количество произошедших трагедий на объектах транспорта в таких городах, как Нью-Йорк, Вашингтон, Мадрид, Токио, Москва, Бостон, и многих других города мира. Ежегодно до 70% терактов совершается с использованием транспорта [5].

В чем же заключается специфика транспортного комплекса, которая характеризует объекты, подвергающиеся противоправным проявлениям?

Во-первых, это большая протяженность и наличие большого количества объектов транспортной инфраструктуры.

Во-вторых, это огромный пассажиро- и грузопоток.

В-третьих, объекты транспорта характеризует такая особенность, как массовость, интенсивность движения, а также доступность посещения. Если принять к сведению все названные угрозы, мы приходим к выводу о том, что происходит рост угроз совершения актов незаконного вмешательства. Следовательно, уровень обеспечения транспортной безопасности снижается.

Решение данной проблемы зависит от принятия последовательных мер на национальном, региональном и международном уровнях.

Транспортная безопасность представляет собой состояние защищенности объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств от актов незаконного вмешательства [6].

Данная категория, а также вопросы, связанные с ее обеспечением, на постоянной основе будут актуальными и никогда не выйдут из поля зрения субъектов, ее обеспечивающих.

Обеспечение транспортной безопасности преследует ряд целей, достижение которых зависит не только от государства, но и отдельных субъектов, ее осуществляющих, в том числе граждан. К ним относятся:

- непрерывное и безопасное функционирование транспортного комплекса;
- защита интересов личности, общества и государства в сфере транспортного комплекса от актов незаконного вмешательства.

Реализация вышеуказанных целей повлияет на повышение уровня безопасности движения, полетов, судоходства, а также позволит обеспечить эффек-

тивную работу аварийно-спасательных служб, правоохранительных органов. Тем самым удастся достичь безопасного уровня функционирования инфраструктурных объектов и транспортной системы в целом. Немаловажным аспектом данной деятельности является создание необходимых условий для соответствующего уровня общественной безопасности и снижения террористических рисков.

Основными задачами в данной области являются:

- 1) законодательное регулирование транспортной безопасности;
- 2) поиск и закрепление угроз совершения актов незаконного вмешательства;
- 3) поддержание уровня оценки уязвимости объектов транспорта;
- 4) категорирование объектов транспортной инфраструктуры;
- 5) постоянная разработка и внедрение требований, направленных на обеспечение транспортной безопасности;
- 6) подготовка специалистов в области обеспечения транспортной безопасности.

Транспортная безопасность в постоянном режиме должна быть контролироваться со стороны субъектов, ее осуществляющих, с использованием информационных, материально- и научно-технических средств и технологий.

Основными принципами обеспечения транспортной безопасности являются:

- 1) законность;
- 2) соблюдение баланса интересов личности, общества и государства;
- 3) взаимная ответственность личности, общества и государства в области обеспечения транспортной безопасности;
- 4) непрерывность;
- 5) интеграция в международные системы безопасности;
- 6) взаимодействие субъектов транспортной инфраструктуры, органов государственной власти и органов местного самоуправления.

Реализация государственной политики в области обеспечения транспортной безопасности Российской Федерации законодательно закреплена за Министерством транспорта Российской Федерации, которое занимается разработкой основных нормативно-правовых актов, регулирующих деятельность в данной сфере.

Однако стоит отметить, что данный вопрос актуален также и для правоохранительных органов, в том числе и для органов внутренних дел на транспорте.

Так, на расширенном заседании коллегии МВД России, которое состоялось 26 февраля 2020 года, Министр внутренних дел В.А. Колокольцев отметил, что контроль за состоянием безопасности на объектах инфраструктуры обеспечивается совместно с заинтересованными органами и хозяйственными субъектами. Также обеспечена безопасность новых объектов, введенных в эксплуатацию в ходе развития транспортной инфраструктуры, в том числе транспортного перехода через Керченский пролив [7].

МВД России имеет ряд полномочий, связанных с обеспечением транспортной безопасности [8]. Это не только полномочия нормативно-правового регулирования такой деятельности, но и организация и проведение профилактических мероприятий в целях обеспечения общественного порядка и безопасности на объектах транспортного комплекса, антитеррористической защищенности, а также противодействия преступности в целом [9]. К ним относятся:

1) нормативное регулирование деятельности, проводимой в сфере внутренних дел, связанной с обеспечением общественного порядка на объектах транспортного комплекса;

2) законодательное и организационное определение порядка, обеспечивающего проведение периодических проверок на пригодность к осуществлению полномочий, связанных с применением огнестрельного оружия, а также специ-

альных средств работниками органов, компетентных в деятельности по обеспечению транспортной безопасности;

3) согласование и разработка мер, направленных на обеспечение транспортной безопасности и антитеррористической защищенности на объектах водного, воздушного и железнодорожного транспорта;

4) разработка и принятие норм и правил для физических лиц по обеспечению транспортной безопасности;

5) согласование с субъектами обеспечения транспортной безопасности порядка установления категорий и критериев категорирования транспортных объектов, а также средств, включая проведение оценки их уязвимости и выдачи разрешений на перевозку грузов;

6) другие.

Согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [10] транспортная безопасность является составляющей национальной безопасности Российской Федерации.

Рассматривая Федеральный закон «О полиции», можно заметить, что законодателем определены такие направления деятельности, как обеспечение общественной безопасности. Транспортная безопасность в данном законе не затрагивается, однако сотрудники полиции выполняют большое число функций в данном направлении:

– организация и осуществление основных мероприятий, определенных государственной политикой в сфере обеспечения безопасности на объектах транспорта;

– совершенствование законодательства в данной сфере;

– осуществление противодействия развитию противоправных проявлений на объектах транспорта, обеспечение общественного порядка и безопасности;

– осуществление межведомственного взаимодействия по осуществлению транспортного порядка;

– организационно-методическое обе-

спечение осуществления деятельности территориальными органами Министерства внутренних дел на транспорте [11].

Следовательно, можно считать данный недостаток пробелом в законодательстве, который требует внесения изменений в данный нормативный акт. Считаем целесообразным закрепить обеспечение транспортной безопасности как одно из направлений деятельности полиции. Причем такая деятельность осуществляется органами внутренних дел на различных видах транспорта: железнодорожном, водном, воздушном, на метрополитене, а также в рамках обеспечения безопасности дорожного движения. Отрицательной стороной отсутствия такого положения является то, что анализи-

руя правовое регулирование, невозможно должным образом контролировать эту работу и выделять ее эффективность и результативность.

Подводя итог, следует сказать, что несмотря на то, что общественная и транспортная безопасность являются самостоятельными элементами национальной безопасности, они также обладают и некоторыми общими чертами и не могут существовать вне зависимости друг от друга. Задачей государства, направленной на обеспечение транспортной безопасности, будет являться разработка и исполнение правовых и организационных мер, которые поспособствуют повышению ее уровня.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жаглин А.В. Соотношение общественной и национальной безопасности Российской Федерации: организационно – правовой аспект // Обеспечение общественной безопасности при активизации социально-политических процессов в современных условиях: сб. материалов международной научно-практической конференции (27 ноября 2014 г.). М.: Академия управления МВД России, 2015. С. 117.
2. Указ Президента РФ от 31.12.2015 №683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 08.10.2020).
3. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации: утв. Президентом РФ 14.11.2013 № Пр-2685 // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 08.10.2020).
4. Киракосян А.М. Терроризм на транспорте как угроза современному обществу (социально-философский анализ) : диссертация ... кандидата философских наук : 09.00.11 / Киракосян Аршавир Мартуниевич ; [Место защиты: Москва. Военный ун-т МО РФ]. - Москва, 2008. - 184 с.
5. Аникина Т.А., Крылова А.В., Гиззатуллин А.Р., Зверев А.А., Зефилов Т.Л. «Предотвращение террористических угроз среди населения» / Т.А. Аникина, А.В. Крылова, А.Р. Гиззатуллин, А.А. Зверев, Т.Л. Зефилов – Казань: , 2016. – 101 с.
6. О транспортной безопасности: Федеральный закон от 09.02.2007 № 16ФЗ (ред. от 09.02.2019) // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 7, ст. 837.
7. Выступление В.А. Колокольцева на расширенном заседании коллегии МВД России 26.02.2020 [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62860> (дата обращения: 26.04.2020).
8. Приказ МВД России от 21.12.2015 №1203 «О порядке выдачи органами внутренних дел Российской Федерации заключения о возможности (заключения о невозможности) допуска лиц к выполнению работ, непосредственно связанных с обеспечением транспортной безопасности» // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 08.10.2020).
9. Указ Президента РФ от 01.03.2011 №248 (ред. от 13.07.2020) «Вопросы Министерства внутренних дел Российской Федерации» (вместе с «Положением о Министерстве внутренних дел Российской Федерации») // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 08.10.2020)
10. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 // Собр. законодательства РФ. 2016. № 1 (часть II), ст. 212.

11. О полиции : федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 06.02.2020) // Собр. законодательства РФ. 2011. № 7. ст. 900.

© Агаркова Н. А.

УДК 351.756(470+489)

И. К. ЛОБАНОВА, адъюнкт кафедры административного права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя (г. Уфа)

I. K. LOBANOVA, postgraduate student, Department of Administrative Law of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Y. Kikot (Ufa)

**ВОЗМОЖНОСТИ КРИТЕРИАЛЬНОГО ПОДХОДА К МЕХАНИЗМУ
ПРИЗНАНИЯ НЕЛЕГАЛЬНЫХ МИГРАНТОВ ОБЪЕКТАМИ
МИГРАЦИОННОЙ АМНИСТИИ**

**OPPORTUNITIES FOR A CRITERIA-BASED APPROACH TO THE
MECHANISM FOR RECOGNIZING ILLEGAL MIGRANTS AS OBJECTS
OF MIGRATION AMNESTY**

***Аннотация.** Общественные отношения всегда развиваются динамично и требуют своевременного правового регулирования. Миграционные процессы уже давно перестали быть новым явлением для Российской Федерации и им необходим отлаженный механизм, который бы отвечал всем требованиям информационного общества. В связи с этим автор предлагает нормативно закреплённую модель миграционной амнистии, основанную на принципах уважения национальных интересов, экономической целесообразности, миграционной адаптивности, приоритета культурной индивидуальности, уважении и равенстве. Для разработки механизма миграционной амнистии автор обращается к опыту Дании и по аналогии предлагает собственные критерии отбора потенциальных амнистируемых, полагая что такая модель является достаточно простой и могла бы послужить основой для ее применения в нашем государстве. Изучение опыта зарубежных стран позволяет выделить положительный опыт миграционной политики с целью внедрения и доработки законодательства Российской Федерации в сфере миграции.*

***Ключевые слова и словосочетания:** нелегальная миграция, миграционная амнистия, легализация, балльная система, критерий отбора, механизм миграционной амнистии.*

***Annotation.** Public relations always develop dynamically and require timely legal regulation. Migration processes have long ceased to be a new phenomenon for the Russian Federation and they need a well-established mechanism that would meet all the requirements of the information society. In this regard, the author proposes a normative model of migration amnesty based on the principles of respect for national interests, economic expediency, migration adaptability, priority of cultural identity, respect and equality. To develop a mechanism for migration amnesty, the author refers to the experience of Denmark and, by analogy, offers his own criteria for selecting potential amnesties, believing that such a model is quite simple and could serve as a basis for its application in our country. Studying the experience of foreign countries allows us to highlight the positive experience of migration policy in order to implement and refine the legislation of the Russian Federation in the field of migration.*

Keywords and phrases: illegal migration, immigration amnesty, legalization, point system, the selection criterion, the mechanism of migration amnesty.

Нелегальная миграция – один из глобальных феноменов современной общественной жизни. Практически все регионы мира и многие государства вовлечены в миграционный процесс в качестве либо стран выезда, либо принимающих стран, либо стран со смешанными потоками. Роли участников профильных для данной сферы отношений нормативно определены [1, с.513].

Однако, несмотря на рост масштабов нелегальной миграции и усиление беспокойности относительно ее последствий, достоверная информация об этих негативных процессах, необходимая для принятия своевременных решений органами государственного управления, не всегда доступна [2, с. 520].

В связи с этим актуальным представляется вопрос разработки механизма признания нелегальных мигрантов объектами миграционной амнистии [4, с. 263].

Под миграционной амнистией предлагаем понимать административную процедуру по легализации, то есть восстановлению административно-правового статуса мигранта на территории Российской Федерации, которая реализуется федеральным органом исполнительной власти в сфере миграции в отношении нормативно-определенных категорий нелегальных мигрантов в целях обеспечения реализации отдельных направлений государственной политики в сфере миграции. Миграционную амнистию следует рассматривать как одно из средств реализации миграционной политики [6, с. 215].

В целях эффективного применения механизма миграционной амнистии необходимо выработать четкие критерии определения объектов миграционной амнистии, среди которых выделяются юридические, социальные, экономические, медицинские и другие группы.

Одним из направлений в рамках реализации Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года [7, с.7] является создание балльной системы отбора мигрантов для получения ими вида на жительство. Полагаем возможным применить аналогичную балльную систему отбора мигрантов для предоставления им права на миграционную амнистию при соответствии нормативно определенным дифференцированным критериям.

В рассматриваемом контексте балльная система – это форма отбора, согласно которой мигранту может быть предоставлена миграционная амнистия на территории Российской Федерации с целью временного проживания и занятости в зависимости от набранных им условных единиц (баллов), отражающих степень соответствия определенных качеств потенциальных мигрантов ожидаемым государством и обществом определенным юридическим, социальным, экономическим, медицинским критериям.

В итоге право на миграционную амнистию получают те, кто наберет достаточное количество условных единиц (баллов). Перечень проверяемых характеристик и критерии их оценивания должны устанавливаться уполномоченными органами государственной власти.

При этом материальные административно-правовые нормы миграционной амнистии, по нашему мнению, уместно устанавливать на уровне федерального законодательства и постановлений Правительства Российской Федерации, а процессуальную часть, определяющую порядок реализации предлагаемого механизма признания нелегальных мигрантов объектами миграционной амнистии, следует закрепить в нормативных правовых актах Министерства внутренних дел Российской Федерации [3, с.64]. Такое

распределение профильных источников права позволит механизму сохранить свою гибкость в случае возникновения необходимости оперативного изменения качественного или количественного набора критериев оценки мигрантов [5, с. 53].

Заметим, что похожая система востребована во многих странах, например, Японии, Австралии, Канаде, Дании, Великобритании и других.

Для наглядности обратимся к опыту Дании и рассмотрим уже апробированную систему отбора. Критерии оцениваются по балльной шкале. По каждому критерию претенденту присваиваются определенные баллы, чтобы его заявление было рассмотрено – он должен набрать минимальный проходной балл. Ключевыми областями для начисления баллов являются:

- возраст: до 34 лет – 15 баллов; 35–40 – 10 баллов;

- образование: заявитель должен иметь квалификацию, эквивалентную датской степени бакалавра (30 баллов), магистра (60 баллов) или кандидата наук (80 баллов);

- бонус за образование в ведущем университете в соответствии мировым рейтингом THES-QS World Ranking: топ 100 (15 баллов), топ 200 (10 баллов) и топ 400 (5 баллов);

- бонус за образование по специальности из иммиграционного списка Positive List – 10 баллов;

- опыт работы за последние 5 лет: 1–2 года (10 баллов), 3–5 лет (5 баллов);

- языковые навыки: максимум 40 баллов. Баллы начисляются за уровень по языковому экзамену на знание датского, шведского или норвежского языков. Получить баллы можно только за один из скандинавских языков. Уровни не датских языков должны быть эквиваленты четырем датским уровням (PrøveiDansk 1, PrøveiDansk 2 и т.д.), эти соответствия определяют специалисты. Должны быть предоставлены документальные доказа-

тельства о пройденном языке;

- адаптивность: в этой категории максимум 15 баллов. Баллы начисляются тем кандидатам, которые либо учились, либо работали в стране, входящей в Европейский Союз/Европейскую экономическую зону. Однако баллы могут быть заявлены либо за опыт работы, либо за образовательную квалификацию.

Следует подчеркнуть, что балльная система должна обладать свойством гибкости и иметь способность изменяться согласно потребностям и целям государства, а «проходной балл» должен варьироваться в зависимости от количественных параметров миграционной амнистии.

Считаем целесообразным определить следующие критерии начисления баллов, необходимые для подачи заявления мигрантом на получение миграционной амнистии в Российской Федерации. За основу можно взять проект Постановления Правительства Российской Федерации от 2015 года [8, с.2]. Отметим, что в нашем случае отсутствует максимальный балл, так как это не экзамен, а заявление, которое заполняет нелегальный мигрант. Для того чтобы оно было рассмотрено, потенциальному амнистируемому необходимо набрать минимальное количество баллов – 55.

Детально рассмотрим критерии и баллы за каждый из них:

1. Возраст:

- до 25 лет – 5 баллов;

- от 25 до 29 лет – 15 баллов;

- от 30 до 34 лет – 10 баллов;

- от 35 до 39 лет – 8 баллов;

- от 40 до 44 лет – 7 баллов;

- от 45 до 49 лет – 5 баллов.

Такое распределение баллов представляется нам оптимальным, так как согласно официальным эмпирическим данным, опубликованным в 2020 году Федеральной службой государственной статистики (далее – Росстат) [9, с.19], с 2011 года численность рабочей силы преобладает в возрастной группе от 25 до 29

лет. На втором месте трудоспособные от 30–34 лет и так далее соответственно.

Наличие максимального количества баллов для возрастной категории от 25 до 29 лет обусловлено в том числе возможностью потенциального демографического прироста населения России, так как с большой степенью вероятности указанные лица будут претендовать на получение российского гражданства.

2. Образование:

- ниже основного общего образования – 0 баллов;
- среднее общее образование – 10 баллов;
- среднее профессиональное или высшее образование (бакалавриат) – 15 баллов;
- высшее образование – специалитет/магистратура – 20 баллов;
- наличие ученой степени (кандидат/доктор) – 25 баллов.

3. Подтверждение о владении русским языком, знании истории России и основ законодательства Российской Федерации одним из следующих документов:

- документом, подтверждающим владение русским языком, знание истории России и основ законодательства Российской Федерации – 20 баллов;
- документом государственного образца об образовании (на уровне не ниже основного общего образования), выданным образовательным учреждением на территории государства, входившего в состав СССР, до 1 сентября 1991 года – 20 баллов;
- документом об образовании и (или) о квалификации, выданным лицам, успешно прошедшим государственную итоговую аттестацию на территории Российской Федерации с 1 сентября 1991 года – 20 баллов.

Такие меры считаем целесообразными так же, как и при обращении мигранта за получением разрешения на временное проживание, вида на жительство, разрешения на работу либо патента, согласно

положениям статьи 15.1 Федерального закона от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [10, с.15].

4. Стаж работы по специальности в Российской Федерации:

- отсутствует – 0 баллов;
- менее трех лет – 5 баллов;
- от 3 до 5 лет – 10 баллов;
- свыше 5 лет – 15 баллов.

5. Среднее профессиональное или высшее образование, полученное в России (в том числе продолжающееся):

- да – 5 баллов;
- нет – 0 баллов.

6. Медицинское обеспечение:

- договор или полис добровольного медицинского страхования, заключенный со страховой организацией, созданной в соответствии с российским законодательством – 5 баллов;
- документы, подтверждающие отсутствие у данного иностранного гражданина заболевания наркоманией, ВИЧ-инфекции, а также инфекционных заболеваний, которые представляют опасность для окружающих – 10 баллов.

Аналогичные требования предъявляются к иностранным гражданам, которые претендуют на получение патента в Российской Федерации.

7. Наличие близких родственников – граждан Российской Федерации (супруг, супруга, родители, дети, супруг (супруга) детей, усыновители (удочерители), усыновленные (удочеренные), родные братья и родные сестры, бабушка, бабушка, внуки):

- да – 5 баллов;
- нет – 0 баллов.

8. Наличие на территории Российской Федерации жилья в собственности:

- да – 10 баллов;
- нет – 0 баллов.

9. Наличие фактов привлечения к уголовной или административной ответственности:

- нахождение в состоянии административной наказуемости, за исключени-

ем правонарушений, предусмотренных отдельными статьями главы 18 КоАП РФ – (-15) баллов;

- наличие погашенной судимости – (-20) баллов;

- наличие непогашенной судимости – (-50) баллов.

Обратим особое внимание на количество баллов, которые, в отличие от других категорий, являются отрицательными. На наш взгляд, такой подход при отборе потенциальных амнистируемых поможет стимулировать иностранных граждан не совершать административные правонарушения и преступления, и тем самым мы сможем добиться наиболее качественного отбора достойных кандидатов.

10. Материальное обеспечение:

- наличие денежных средств, обеспечивающих проживание в течении одного года на момент подачи заявления, – 20 баллов;

- наличие денежных средств, обеспечивающих проживание в течении шести

месяцев на момент подачи заявления, – 10 баллов.

Подтверждением материального состояния мигранта могут быть справки из банков о состоянии счетов, а также декларация по налогу на прибыль.

В заключение отметим, что в качестве преимуществ балльной системы отбора потенциальных амнистируемых следует рассматривать её прозрачность, объективность, эффективность и гибкость, под которой мы понимаем возможность оперативного изменения содержания критериев в целях реализации экономической и миграционной политики, направленной на увеличение объема и качества человеческого капитала в стране.

Кроме того, цифровизация этого процесса позволит сэкономить финансовые и трудовые ресурсы, избежать лишних издержек и упростит процесс подачи заявления в электронном виде. Однако эта позиция требует научного осмысления и детальной проработки в рамках отдельного исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Административное право: учебник для среднего профессионального образования / А. В. Зубач [и др.]; под общей редакцией А. В. Зубача. Москва : Издательство Юрайт, 2020. 513 с.
2. Административное право: учебник для бакалавриата, специалитета и магистратуры / А. В. Зубач [и др.]; под общей редакцией А. В. Зубача. Москва : Издательство Юрайт, 2019. 520 с.
3. Административный процесс. Волкова В.В., Зиборов О.В., Эриашвили Н.Д., Хахалева Е.В., Зырянов С.М., Петрушкина А.В., Маркина Э.В., Василенко Г.Н., Хадисов Г.Х., Шурухнова Д.Н., Бондарь И.В., Бондарь Е.О., Агафонов С.И., Поникаров В.А., Павлова Л.В., Сенатова Е.В. // Москва, 2020. (5-е издание, переработанное и дополненное) 64 с.
4. Бахрах Д. Н., Россинский Б. В., Стариков Ю. Н. Административное право: Учебник для вузов. 2-е изд., изм. и доп. М.: Норма, 2005. 800 с.
5. Василенко Г. Н. К вопросу о влиянии «миграционной амнистии» на состояние административной деликтности. // В сборнике: Правовые и организационные проблемы обеспечения миграционных процессов. Международная научно-практическая конференция. 2020. С. 53.
6. Прудникова Т. А. Опыт зарубежных стран по регулированию миграционных процессов // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 3. С. 215.
7. Указ Президента РФ от 31.10.2018 № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019 - 2025 годы» // [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_310139/942772dce30cfa36b671bcf19ca928e4d698a928/ (дата обращения: 15.01.2021).
8. Проект Постановления Правительства Российской Федерации «О балльной системе отбора иностранных граждан и лиц без гражданства, желающих получить разрешение на постоян-

ное проживание в Российской Федерации» // [Электронный ресурс] URL: <https://regulation.gov.ru/projects#пра=39144> (дата обращения: 15.01.2021).

9. Статистический сборник «Рабочая сила, занятость и безработица в России» 2020 // [Электронный ресурс] URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/2EfrJGVJ/Rab_sila_2020.pdf (дата обращения: 30.01.2021).

10. Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 25.07.2002 № 115-ФЗ (ред. от 15.10.2020) // [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37868/ (дата обращения: 30.01.2021).

© Лобанова И. К.

УДК 342.924.03-49.5(470)

А. Н. ФРОЛОВ, доцент кафедры профессиональной деятельности сотрудников подразделений охраны общественного порядка Нижегородской академии МВД России, кандидат юридических наук, (г. Ворсма)

A. N. FROLOV, Associate Professor of the Department of Professional Activity of Employees of Public Order Protection Units of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law (G. Vorsma)

Р. Н. САМОЙЛЮК, начальник международного межведомственного центра по подготовке и переподготовке специалистов по борьбе с терроризмом и экстремизмом Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России, кандидат юридических наук (г. Домодедово)

R. N. SAMOYLYUK, Candidate of Law, Head of the International Interdepartmental Center for Training and Retraining of Specialists in Combating Terrorism and Extremism of the All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Domodedovo)

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ В МЕХАНИЗМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

CURRENT ISSUES OF ADMINISTRATIVE COERCION IN THE MECHANISM OF ENSURING NATIONAL SECURITY

Аннотация. При решении исследовательских задач по изучению административного принуждения в механизме обеспечения национальной безопасности необходимо должное методологическое обеспечение. Методология направлена на совершенствование познавательного процесса, что дает возможности и создает условия, позволяющие правильно сформировать предмет

исследования. В работе применялся метод диалектики, иные общие, частные и специальные методы правовой науки. В статье проводилось исследование методологических основ при формировании концептуальных положений применения административного принуждения в механизме обеспечения национальной безопасности. Результатом исследования стало решение задачи по комплексному рассмотрению широкого арсенала научных методов по изучению административного принуждения в механизме обеспечения национальной безопасности.

Ключевые слова и словосочетания: административная деятельность, административное право, национальная безопасность; административное принуждение; методы научного познания; теоретико-методологические подходы; концептуальные положения; безопасность; государственная власть; государство; политика.

Annotation. *When solving research tasks on the study of administrative coercion in the mechanism of ensuring national security, proper methodological support is necessary. The methodology is aimed at improving the cognitive process, provides opportunities and creates conditions that allow you to correctly form the subject of research. Method of dialectics, other General, private and special methods of legal science. Research of methodological bases in the formation of conceptual provisions for the use of administrative coercion in the mechanism of ensuring national security. Solving the problem of complex consideration of a wide range of scientific methods for the study of administrative coercion in the mechanism of ensuring national security.*

Keywords and phrases: *administrative activities, administrative law, national security; administrative coercion, methods of scientific knowledge, theoretical and methodological approaches, conceptual provisions, security, state power, state, politics.*

Процесс формирования концептуальных положений применения административного принуждения в механизме обеспечения национальной безопасности предполагает исследование их методологических основ. В общих чертах под методологией следует понимать научную деятельность, которая представляет собой учение о методах и формах научного познания. С научной точки зрения дефиницию «методология» необходимо рассматривать в узком и широком смысле. В узком смысле методология является совокупностью познавательных средств, а в широком – ее необходимо рассматривать как философское учение о методах познания.

В правовой науке теоретические исследования административного принуждения ориентированы на совершенствование законодательства и разработку рекомендаций для субъектов правоприменительной и правотворческой деятельности. Вместе с тем применение мер административного принуждения в практической деятельности направлено на реализацию теоретических рекомендаций и их адаптацию для регулирова-

ния конкретных правовых отношений, на выявление недостатков, а также на передачу данной информации субъектам научно-исследовательской деятельности. Тем самым практические органы являются основным источником информации для определения истинности результатов научной деятельности.

Приступая к исследованию административного принуждения в механизме обеспечения национальной безопасности, необходимо понимать, что основанием для проведения любого научного исследования является изучение совокупности взаимосвязанных компонентов. К таким компонентам необходимо отнести:

- определение объекта исследования;
- определение проблемности состояния объекта исследования;
- соблюдение строгой логической последовательности исследования объекта в его проблемном состоянии;
- обоснование результатов исследования;
- использование результатов исследования в практической деятельности [1].

Перед тем как приступить к изучению совокупности взаимосвязанных компонентов в рамках исследования административного принуждения в механизме обеспечения национальной безопасности, первоначально необходимо подробно рассмотреть и раскрыть содержание понятий национальной безопасности и административного принуждения.

К административному принуждению как правовому явлению приковано пристальное внимание ученых-правоведов в области административного права и в иных отраслевых науках. В первую очередь связано это с изменениями законодательства, регламентирующего порядок применения административного принуждения, а также возникновения иных проблемных аспектов его применения. При этом существуют отдельные вопросы применения административного принуждения, которые пока не могут быть разрешены в правоприменительной деятельности и требуют научного осмысления. В связи с этим необходимо сконцентрировать внимание на тех сторонах административного принуждения, которые не получили разрешения в правоприменительной деятельности и оказывают существенное влияние на эффективность обеспечения национальной безопасности.

Анализ научной литературы позволяет сделать вывод о том, что административное принуждение является разновидностью государственного принуждения, основанного на праве системы мер, применяемых уполномоченными субъектами в установленном процессуальном порядке, влекущих наступление лишений физического, психического, материального или организационного характера, направленных на обеспечение правопорядка и безопасности в обществе, стимулирование правомерного поведения [2].

На сегодняшний день административное принуждение необходимо рассматривать в структуре механизма обеспечения национальной безопасности в

сочетании с иными мерами воздействия, определяя пределы его применения.

После раскрытия содержания административного принуждения необходимо перейти к характеристике понятия «национальная безопасность». В научном мире ведётся активный поиск оптимально-обоснованной модели обеспечения национальной безопасности. В первую очередь данная потребность обусловлена необходимостью чётко выработанного и нормативно закреплённого понятийного аппарата, который даст возможность создать универсальную модель национальной безопасности. Тем не менее в научном мире существует множество определений к понятию «национальная безопасность», что говорит о неоднозначности его толкования и применения.

В положениях Конституции РФ термин «безопасность» встречается неоднократно как отдельно, так и в различных видах безопасности, в частности: «безопасность граждан» (статья 56), «общественная безопасность» (статья 72), «государственная безопасность» (статья 114) и т.д. Отдельно понятие «безопасность» прослеживается в статье 1 Федерального закона от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности» [3]. В нем под безопасностью определяется деятельность по обеспечению безопасности государства, общественной безопасности, экологической безопасности, безопасности личности, иных видов безопасности, предусмотренных законодательством Российской Федерации.

С нашей точки зрения, в данном Федеральном законе понятие «безопасность» раскрывается не полностью, а только перечисляются виды безопасности (как и в Конституции РФ). В этом случае предлагаем сформулировать авторское определение понятия: безопасность – состояние защищенности государства от внешних и внутренних угроз, при которой обеспечивается нормальное функционирование общества и государства. Данное определение понятия «без-

опасность» в целом является емким по содержанию и в то же время наиболее кратким. Однако это определение не полностью раскрывает сущность понятия «национальная безопасность».

Понятия «безопасность» и «национальная безопасность» следует рассматривать как качественные характеристики, которые определяют состояние защищенности общества и государства. С научной точки зрения под «национальной безопасностью» следует понимать нормальное функционирование общества и государства в соответствии с правилами и нормами, установленными законом, где исключается возможность причинения вреда жизни и здоровью людей, их имуществу, окружающей среде и государственным интересам. В таком виде национальная безопасность будет являться и условием, и результатом социального управления [4].

Анализируя понятия «административное принуждение» и «национальная безопасность», следует принимать во внимание многоаспектность этих явлений и связанную с этим возможность изучения их под разными углами зрения.

На наш взгляд, изучение административного принуждения как объекта исследования будет являться эффективным в том случае, если оно осуществляется с использованием методологических подходов с учетом специфики исследуемого правового явления, форм и методов познания. При этом необходимо понимать, что между методами, предметом и объектом исследования существует сложная и очевидная взаимосвязь, требующая принципиального осознания. Если рассматривать в соотношении объект и метод исследования, то метод исследования должен соответствовать специфике предмета и являться наиболее эффективным путем его познания. Однако есть и иные подходы к соотношению объекта и метода познания, где мы говорим о доминировании метода [5].

Необходимо отметить, что адми-

нистративное принуждение является сложным правовым явлением и требует применения соответствующих методов познания. На сегодняшний день для проведения большинства исследований используется методологическая база советского периода, которая не в полной мере способна учитывать происходящие изменения в современной теории познания. Предопределено это высокой динамичностью изменений общественных отношений по сравнению с познавательным инструментарием.

Ранее в научной литературе советского периода в некоторых исследованиях методологию отождествляли с философией. Отдельные ученые не разграничивали методологию и диалектику как одного из методов научного познания, а в некоторых научных трудах методологию приравнивали к историческому материализму [6]. Всё это позволяет сделать вывод о том, что в тот период отсутствовало единое понимание сущности методологии, что в первую очередь негативным образом сказывалось на качестве проводимых научных исследований. Однако одновременно данная проблема стала своего рода импульсом для проведения новых научных исследований проблематики методологии, что обогатило наше представление о средствах научного познания. С учетом высказанных концептуальных положений в методологии познания необходимо выделять несколько уровней, а именно:

- методика и техника исследования;
- философская методология;
- общенаучные принципы и формы исследования;
- конкретно-научная методология.

В данном случае прослеживается многоуровневый подход к изучению методологии научного познания [7].

Использование такого подхода, с нашей точки зрения, является перспективным. Аналогичного мнения придерживается Д. А. Керимов, который делит структуру методологии на несколько

уровней, а именно: общенаучный, частнонаучный, диалектико-мировоззренческий и переходный [8]. Однако, несмотря на то, что мы рассматриваем методологию как многоуровневое образование, состоящее из отдельных компонентов, при более детальном и глубоком изучении необходимо учитывать, что эти компоненты имеют собственные закономерности развития, которые образуют целостную взаимосвязанную систему и могут приобретать новые свойства, не присущие системе.

Является очевидным тот факт, и с этим нельзя не согласиться, что методология работает на познание, одновременно с этим сохраняя самостоятельность как учение о методах. По своей сути методология является алгоритмом научного познания при изучении процессов и явлений. В рамках раскрытия темы нашего исследования возникает необходимость задействования средств познания, которые используются на всех уровнях методологии научного познания.

Для более детального изучения административного принуждения в первую очередь необходимо использовать метод диалектики, которой даст нам возможность изучить административное принуждение во взаимосвязи с другими процессами и явлениями в сфере обеспечения национальной безопасности. Метод диалектики, по мнению В.М. Сырых, представляет собой особую ценность в научном познании. Он объединяет в себе законы и категории диалектики, которые в совокупности дают целостное представление о том, какой должен быть материальный и духовный феномен [9].

Применение законов диалектики дает нам возможность рассматривать административное принуждение в механизме обеспечения национальной безопасности как сложное правовое явление, которое взаимосвязано с государственной властью [10], политикой, экономикой и другими сферами деятельности государства. Административное принуждение

в процессе своего применения может подвергаться количественным изменениям, которые на определенном этапе переходят в качественные. Параллельно данный процесс сопровождается изменениями в законодательстве и правоприменительной практике. В связи с этим категории и законы диалектики будут нами использоваться при аргументировании авторской позиции по заявленной теме научного исследования и являться критериями оценки его результатов.

При исследовании административного принуждения в механизме обеспечения национальной безопасности, кроме философского метода, необходимо применять иные общие, частные и специальные методы правовой науки.

Общие методы, такие как анализ, синтез, исторический, логический и др., помогут нам более детально разобраться в сущности административного принуждения, рассматривая его как одно из главных средств реализации государственной власти [11]. Особое внимание необходимо уделить таким методам, как логический и исторический, поскольку они играют существенную роль в познании административного принуждения в механизме обеспечения национальной безопасности.

При изучении административного принуждения в механизме обеспечения национальной безопасности использование исторического метода дает нам возможность рассмотреть исторические этапы эволюции мер административного принуждения. Необходимо это для того, чтобы определить новизну и преемственность совершенствования законодательства, выработать новые приемы и способы по реализации мер административного принуждения. Немаловажное значение имеет тот факт, что при использовании исторического метода нужно анализировать не только действующее законодательство, но и ту нормативно-правовую базу, которая уже утратила силу, так как административное

принуждение придется рассматривать в конкретный исторический период развития государства.

Важная роль в исследовании административного принуждения отводится специальным методам, к которым можно отнести статистический метод, конкретно-социологический метод, психологический метод, математический метод и т.д. Использование специальных методов является важным еще потому, что позволяет рассматривать административное принуждение с неправовых позиций, обосновывая данное правовое явление с учетом экономического, культурного и политического развития государства [12].

Применение метода диалектики и других общенаучных методов познания дает нам возможность рассматривать административное принуждение и его роль в механизме обеспечения национальной безопасности более детально. Тем не менее разносторонняя деятельность государственных органов по обеспечению национальной безопасности и применения ими различных мер административного воздействия определяют необходимость в использовании частнонаучных методов, позволяющих детализировать познания в области применения административного принуждения.

При исследовании административного принуждения в механизме обеспечения национальной безопасности не стоит забывать об использовании частных методов познания, к которым можно отнести метод правового прогнозирования, метод толкования, метод сравнительного правоведения и т.д. Все эти методы необходимо использовать при анализе системы административного принуждения

в российском и зарубежном законодательстве для разработки предложений по совершенствованию законодательства в сфере обеспечения национальной безопасности на основе изучения зарубежного опыта.

Сегодня возникает острая необходимость в изменениях и отчасти реформировании методологического инструментария. Аналогичной точки зрения придерживается И.Л. Честнов, который пишет, что «постклассическая парадигма в юриспруденции претендует на пересмотр тех положений классической юридической науки, которые не отвечают критериям адекватности «постсовременного» социума. Она не отрицает существование правовых закономерностей, но переосмысливает их содержание в контексте изменившихся исторических и социокультурных условий» [13].

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что в рамках написания научной статьи перед нами стояла задача комплексного рассмотрения широкого арсенала научных методов по изучению административного принуждения в механизме обеспечения национальной безопасности. Интенсивность использования того или иного метода при исследовании административного принуждения в сфере обеспечения национальной безопасности, его отдельных мер и форм будет обусловлена характером решаемой задачи. Каждый используемый метод будет давать определенную характеристику отдельным аспектам административного принуждения в механизме обеспечения национальной безопасности, а все они в своей совокупности позволят всесторонне и полно рассмотреть данное правовое явление.

ЛИТЕРАТУРА

1. Керимов Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). М., 2000. С. 93.

2. Каплунов А.И. Административное принуждение, применяемое органами внутренних дел (системно-правовой анализ): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 98-99; Макарейко Н.В., Никифоров М.В., Скляр И.А. Административное принуждение в России: учебное пособие. Н. Новгород, 2002. С. 9; Иванова Л.В. Административное принуждение в системе мер обеспечения экономической безопасности Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008; Бахрах Д.Н. Административное принуждение в СССР, его виды и основные тенденции развития: дис. ... д-ра юрид. наук. Пермь, 1971.
3. О безопасности: федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 1, ст. 2.
4. Макарейко Н.В. Соотношение юридической и национальной безопасности // Правовая культура. 2019. № 3 (38). С. 7-19.
5. Честнов И.Л. Актуальные проблемы теории государства и права, Эпистемология государства и права: учебное пособие. СПб., 2004. С. 28.
6. Дороговой Л.Н. Очерки методологии познания социальных явлений. М., 1970. С. 5.
7. Философия, методология, наука / отв. ред. В.А. Лекторский. М., 1972; Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности. М., 1978. 236 с.
8. Керимов Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). М., 2000. С. 93.
9. Сырых В.М. История и методологии юридической науки: учебник. М., 2012. С. 76.
10. Самойлюк Р.Н. Совершенствование механизма реализации методов осуществления государственной власти в Российской Федерации // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. 2015. Т. 5. № 4. С. 84-99.
11. Самойлюк Р.Н. Методы осуществления государственной власти в современной России // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 3. С. 310-314.
12. Макарейко Н.В. Теоретико-правовые предпосылки исследования государственно-правового обеспечения экономической безопасности // Бизнес в законе. 2006. № 1-2. С. 50-55.
13. Честнов И.Л. Постклассическое измерение закономерностей права // Государственно-правовые закономерности: теория, практика, техника: сборник статей по материалам меж-дународной научно-практической конференции (г. Н. Новгород, 23–24 мая 2013 г.): в 2 т. / под общ.ред. В.А. Толстика. Н. Новгород, 2013. Т. 2. С. 489.

© Фролов А. Н.
© Самойлюк Р. Н.

УДК 343.851.5(470.57)

И. Е. СУЛЕЙМАНОВА, начальник кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (г. Уфа)

I. E. SULEYMANOVA, head of the Department of Administrative and Legal Disciplines of Ufa law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia, candidate of law (Ufa)

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРОТИВОПРАВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

SOME ASPECTS OF PREVENTION OF ILLEGAL ACTIVITY OF MINORS IN THE TERRITORY OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN

Аннотация. В статье представлены статистические показатели противоправной деятельности молодежи на территории Республики Башкортостан за первый квартал 2021 года. На основе анализа указанных показателей по сравнению с аналогичным периодом прошлого года прослеживается положительная тенденция снижения общего количества преступлений и правонарушений на территории региона. Однако, несмотря на положительную тенденцию снижения статистических показателей, не разрешенными в деятельности органов внутренних дел остаются проблемы расширения перечня мер, направленных на профилактику и предупреждение преступлений и административных правонарушений, совершаемых несовершеннолетними. Представлены предложения по совершенствованию мер, направленных на профилактику противоправной деятельности молодежи на территории Республики Башкортостан.

Ключевые слова и словосочетания: административные правонарушения, преступления, ответственность несовершеннолетних, предупреждение, государственное принуждение.

Annotation. The article presents statistical indicators of illegal activity of young people in the territory of the Republic of Bashkortostan for the first quarter of 2021. Based on the analysis of these indicators, compared to the same period last year, there is a positive trend of reducing the total number of crimes and offenses in the region. However, despite the positive trend of decreasing statistical indicators, the problems of expanding the list of measures aimed at preventing and preventing crimes and administrative offenses committed by minors remain unresolved in the activities of the internal affairs bodies. Proposals for improving measures aimed at preventing illegal activities of young people on the territory of the Republic of Bashkortostan are presented.

Keywords and phrases: administrative offenses, crimes, responsibility of minors, prevention, state coercion.

Проблемам противоправного поведения несовершеннолетних, привлечения указанной категории лиц к уголовной и административной ответственности посвящено значительное количество исследований ученых-административистов, изучающих аспекты девиантного поведе-

ния молодежи. Вместе с тем обозначенные проблемы остаются актуальными и на сегодняшний день, что подтверждается статистическими показателями преступности несовершеннолетних, а также неразрешенными вопросами в практической деятельности сотрудников органов

внутренних дел в сфере ее профилактики и предупреждения.

Значимость указанной проблемы подчеркнул Президент Российской Федерации В.В. Путин в своем выступлении на расширенном заседании коллегии МВД России в 2021 году: «Сегодня возросла эффективность профилактики правонарушений, и в первую очередь, в молодежной среде» [1].

При изучении статистических показателей преступности несовершеннолетних на территории Республики Башкортостан можно отметить незначительное снижение общего количества преступле-

ний за 1 квартал 2021 года по отношению к аналогичному периоду прошлого года (январь–март 2021 года – 181, январь–март 2020 года – 199; – 9 %). Удельный вес подростковой преступности в регионе за рассматриваемый период составил 2,5 %. Снижение удельного веса рассматриваемого показателя, по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, зафиксировано на 0,2 %.

Наибольшее количество преступлений, совершенных несовершеннолетними, произошло в Туймазинском и Дуванском районах, в г. Сибее и г. Уфе (таб. 1).

Таблица 1

Количество преступлений, совершенных несовершеннолетними с января по март 2021 года на территории Республики Башкортостан (по муниципальным образованиям)

№ п/п	Наименование ОП, УОМВД России по муниципальному образованию	Количество преступлений, совершенных несовершеннолетними в январе-марте 2020 г.	Количество преступлений, совершенных несовершеннолетними в январе-марте 2021 г.	Прирост (в %)
1.	ОП № 2	6	9	+ 50 %
2.	ОП № 5	2	3	+ 150 %
3.	ОП № 9	3	4	+ 33,3 %
4.	УМВД (территория обслуживания) по г. Уфе	1	5	+ 400 %
5.	ОМВД России по г. Салавату	4	6	+ 50 %
6.	ОМВД России по г. Сибее	1	3	+ 200 %
7.	ОМВД России по Баймакскому району	6	7	+ 16,7 %
8.	ОМВД России по Белорецкому району	6	10	+ 66,7 %
9.	ОМВД России по Благовещенскому району	3	6	+ 100 %
10.	ОМВД России по Мелеузовскому району	5	6	+ 20 %
11.	ОМВД России по Туймазинскому району	2	15	+ 650 %
12.	ОМВД России по Абзелиловскому району	3	4	+ 33,3 %
13.	ОМВД России по Архангельскому району	3	4	+ 33,3 %
14.	ОМВД России по Дуванскому району	2	8	+ 300 %
15.	ОМВД России по Иглинскому району	5	10	+ 100 %

Качественные показатели противоправной деятельности несовершеннолетних свидетельствуют о том, что наибольшее количество преступлений и правонарушений в молодежной среде направлены против собственности. Анализ структуры подростковой преступности с января по март 2021 года показал, что от общего количества преступлений, совершенных несовершеннолетними, 76,2% составили факты кражи чужого имущества.

Положительной тенденцией является снижение в структуре подростковой преступности тяжких (с 42 до 31 факта, - 26,2 %) и средней тяжести (с 99 до 90, - 9,1 %) преступлений, а также криминальных деяний, совершенных несовершеннолетними в группе (с 83 до 59, - 28,9 %), в том числе в группе со взрослыми лицами (с 44 до 27, - 38,6 %), совершенных подростками, ранее привлекавшимися к уголовной ответственности, (с 58 до 53; - 8,6 %), противоправных деяний по линии незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (с 7 до 4, - 42,9 %), преступлений, совершенных учащимися общеобразовательных организаций (с 70 до 60, - 14,3 %) и учащимися организаций среднего профессионального образования (с 79 до 54, - 31,6 %) [2].

Наибольшее количество административных правонарушений в подростковой среде за указанный период совершено против собственности (ст. 7.27 КоАП РФ «Мелкое хищение»), а также здоровья, санитарно-эпидемиологического благополучия населения и общественной нравственности (ст. 6.24 КоАП РФ «Нарушение установленного федеральным законом запрета курения табака»). С наступлением летнего периода ожидается рост количества правонарушений, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность (ст.ст. 20.20 КоАП РФ «Потребление (распитие) алкогольной продукции в запрещенных местах либо потребление наркотических

средств или психотропных веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ в общественных местах», 20.21 КоАП РФ «Появление в общественных местах в состоянии опьянения») [3].

Сегодня государством создана специальная система мер реагирования, направленная на противодействие преступности несовершеннолетних. Особую значимость в указанной системе занимают меры государственного принуждения, предусматривающие возможность привлечения молодых лиц к административной и уголовной ответственности.

По общему правилу, в соответствии с административным и уголовным законодательством, к ответственности могут быть привлечены лица, достигшие возраста 16 лет. Однако за наиболее опасные преступные деяния, предусмотренные в ч. 2 ст. 20 УК РФ, – с 14 лет.

Вопросы привлечения несовершеннолетних к уголовной ответственности достаточно полно отражены в отечественном уголовном законодательстве. Вместе с тем практическая и теоретическая значимость оптимизации законодательства об административной ответственности исследуемой категории лиц коррелирует с необходимостью изучения опыта зарубежных стран.

Например, административное законодательство Республики Беларусь предусматривает возможность привлечения к ответственности несовершеннолетних, достигших возраста 14 лет, за такие правонарушения, как: умышленное причинение телесного повреждения и иные насильственные действия либо нарушение защитного предписания, оскорбление, мелкое хищение, умышленное уничтожение либо повреждение чужого имущества, жестокое обращение с животным или избавление от животного, мелкое хулиганство [4].

В соответствии с Кодексом Азербайджанской Республики об административных проступках ответственности

подлежат физические лица, достигшие к моменту совершения административного проступка 16 лет. Кроме того, установлено, что лица в возрасте от 16 до 18 лет, впервые совершившие административные проступки, за исключением административных проступков, предусматривающих административное взыскание в виде административного ареста или общественных работ, могут быть освобождены от административной ответственности комиссиями по делам и охране прав несовершеннолетних с учетом их психического развития, условий жизни, состояния здоровья и образования, и в отношении таких лиц могут применяться меры воздействия [5].

Административное законодательство Республики Казахстан схоже с российским административным законодательством и предусматривает возможность привлечения к ответственности физических вменяемых лиц, достигших к моменту окончания или пресечения административного правонарушения 16 лет [6].

На сегодняшний день в юридической литературе существуют противоречивые позиции отечественных ученых относительно снижения нижнего предела возраста субъекта административного правонарушения. С учетом ранее проведенных нами исследований относительно психологических и возрастных особенностей молодежи [7], изученного административного законодательства стран ближнего зарубежья полагаем, что позиция российского законодателя является обоснованной.

Вместе с тем российское законодательство об административной ответственности несовершеннолетних нельзя признать совершенным. Недостатки видятся в следующем:

– во-первых, в отсутствии специальной главы в КоАП РФ об административной ответственности несовершеннолетних, что создает сложности в правоприменительной практике;

– во-вторых, в перегруженности системы российского законодательства об административной ответственности несовершеннолетних большим количеством нормативных правовых актов, что приводит к возникновению противоречий при ее использовании.

Указанные проблемы ранее обозначались в трудах отечественных ученых [8], однако разрешены до настоящего времени не были.

Помимо мер государственного принуждения, к несовершеннолетним применяются меры предупреждения, которые, на наш взгляд, являются первостепенными в противодействии противоправной деятельности несовершеннолетних.

Так, в целях предупреждения и пресечения противоправного поведения несовершеннолетних, а также преступлений, совершаемых в их отношении, на территории республики в текущем году проведены оперативно-профилактические мероприятия «Подросток – семья», «Полиция и дети». В ходе указанных мероприятий было пресечено более 6000 правонарушений. К административной ответственности по ст. 5.35 КоАП РФ «Неисполнение родителями или иными законными представителями несовершеннолетних обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних» привлечено 4059 родителей и законных представителей, подготовлено 29 материалов по решению вопроса о лишении (ограничении) их в родительских правах [2].

Анализ проведенных мероприятий свидетельствует об отсутствии ранней профилактики противоправной деятельности несовершеннолетних на территории республики, не уделяется должного внимания правовому воспитанию молодежи.

Полагаем, что в целях снижения количества правонарушений, совершаемых молодежью на территории республики, необходимо на системной основе про-

водить следующие профилактические и воспитательные мероприятия с несовершеннолетними:

– предусмотреть в общеобразовательных организациях во внеаудиторные часы уроки правового информирования несовершеннолетних;

– обеспечить тесное взаимодействие общеобразовательных и медицинских организаций с подразделениями по делам несовершеннолетних в целях своевременного выявления социально неблагополучных семей;

– проводить на постоянной основе информирование населения о возмож-

ных рисках пропаганды в социальных сетях суицидального поведения;

– обеспечить своевременную блокировку запрещенных сайтов в целях снижения фактов вовлечения несовершеннолетних в противоправную деятельность посредством информационно-коммуникационных технологий;

– проводить работу в онлайн-режиме по выявлению групп несовершеннолетних деструктивной направленности, в том числе пропагандирующих школьное насилие («скулшутинг»), идеологию криминальной субкультуры «АУЕ».

ЛИТЕРАТУРА

1. Расширенное заседание коллегии МВД России URL: <http://www.kremlin.ru/catalog/persons/310/events/65090> (дата обращения 18.04.2021).
2. Аналитические данные УОДУУП и ПДН МВД по Республике Башкортостан «О состоянии подростковой преступности и преступлениях, совершенных в отношении несовершеннолетних, на территории Республики Башкортостан по итогам I квартала 2021 года».
3. Аналитические данные о деятельности ОДН по итогам 2019 года ОП № 3, № 7 Управления МВД России по г. Уфе.
4. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=НК2100091> (дата обращения 04.05.2021).
5. Кодекс Азербайджанской Республики об административных проступках URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36865427&doc_id2=36865427 (дата обращения 04.05.2021).
6. Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31577399 (дата обращения 04.05.2021).
7. Сулейманова И.Е., Савчишкина О.Г. Криминологический анализ молодежной преступности: учебное пособие. Уфа: Уфимский ЮИ МВД России. 2020. 48 с.
8. Лобанов К.Н., Москаленко С.А. К вопросу об административной ответственности несовершеннолетних // Проблемы правоохранительной деятельности. 2015. № 1. С. 49; Супонина Е.А., Долгих И.П. Взгляд на проблемы, связанные с привлечением к административной ответственности лиц, не достигших совершеннолетия, сквозь призму административно-деликтного законодательства стран – членов СНГ // Электронный научно-практический журнал «Политика, государство и право» URL: <https://politika.snauka.ru/2016/03/3772> (дата обращения 04.05.2021).

© Сулейманова И. Е.

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ. ЯЗЫК И ПРАВО.
ЮРИСЛИНГВИСТИКА

УДК 811.161.1'242'342.42

Т. В. ГУСЕЙНОВА, доцент кафедры иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России, кандидат филологических наук (г. Уфа)

T. V. GUSEYNOVA, Assistant Professor of the Chair of Foreign and Russian Languages, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Candidate of Philology (Ufa)

ПРИЕМЫ ПОСТАНОВКИ И РАЗЛИЧЕНИЯ ЗВУКОВ [Л] И [Л'] НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

TECHNIQUES OF STATEMENT AND DIFFERENTIATION OF SOUNDS [L] AND [L'] AT THE LESSONS OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

***Аннотация.** Выработка артикуляционной базы русского языка имеет большое значение для инофонов. Согласно Т. В. Поповой и Т. В. Губановой, она непосредственно влияет на способность различать на слух и воспроизводить все фонологически значимые звуковые единицы русского языка в их основных вариантах, понимать и воспроизводить звучащую русскую речь в пределах изученных слов, словосочетаний, предложений, овладеть техникой чтения и русской графикой. Автор продолжил работу по сбору и систематизации методических рекомендаций, которые помогут инофонам различать твердые и мягкие согласные звуки русской речи. В данной статье представлен комплекс приемов постановки, отработки, коррекции и различения звуков [л] и [л'] на занятиях по русскому языку как иностранному. Приведены приемы постановки звуков с опорой на осязаемые моменты артикуляции, по подражанию, с использованием звука-помощника. В статье представлены тексты культурологической направленности, чтение которых позволит не только формировать и развивать слухопроизводительные навыки, но и реализовать в определенной степени потребность иностранцев в полноценной языковой и социокультурной адаптации в регионе обучения.*

***Ключевые слова и словосочетания:** звук, постановка, коррекция, дифференциация, фонетический навык, русский язык как иностранный.*

***Annotation.** The development of the articulatory base of the Russian language is of great importance for foreigners. According to T. V. Popova and T. V. Gubanova, it directly affects the ability to distinguish by ear and reproduce all phonologically significant sound units of the Russian language in their variants, to understand and reproduce the sounding Russian speech within the studied words, phrases, sentences, to master the technique of reading and Russian graphics. We continued to collect and systematize guidelines that will help foreigners to distinguish between hard and soft consonants of Russian speech. The article presents a set of techniques of statement, correction, differentiation and usage of vocal organs of speech to make the sounds [l] and [l'] at the lessons of Russian as a foreign language. The usage of establishing the sounds is illustrated by the examples based on tangible points of articulation, by imitation, by using a sound assistant. The article presents culturological texts, the reading of which, in the our opinion, will allow not only to form and develop auditory skills, but also to*

realize to a certain extent the need of foreigners for full-fledged language and socio-cultural adaptation in the region of study.

Keywords and phrases: *sound, articulation, differentiation, correction, phonetic skill, Russian as a foreign language.*

Сонорный звук [л], по мнению многих методистов русского языка как иностранного (далее – РКИ), является наиболее трудным для обучающихся-инофонов. Ошибки в произношении связаны прежде всего с тем, что русский какуминальный звук подменяется средневропейским альвеолярным, иностранцы не различают на слух [л] и [л'] и произносят в обоих случаях смягченный звук.

Звуки [л] и [л'], как известно, относятся к сонантам – звукам, при артикуляции которых на пути воздушной струи оказывается минимальная преграда. Слабая напряженность речевого аппарата и отсутствие интенсивного шума сближают сонанты с гласными и противопоставляют шумным согласным [7].

Приведем положение речевого аппарата при произнесении звука [л], описанное Н.А. Любимовой: кончик языка и его передняя часть создают преграду, упираясь в верхние зубы; воздушная струя выходит по бокам языка; задняя часть спинки языка приподнята, а средняя – прогнута (какуминальный тип артикуляции); мягкое небо поднято; рот открыт, губы не растянуты; голосовые связки сближены, напряжены, колеблются (см. Рис.1 [11]).

Для постановки звуков [л] и [л'], как и других сонантов, наиболее благоприятной считается позиция начала слова. В абсолютном конце слова у рассматриваемых звуков ослабевают артикуляционные признаки, а именно в немалой степени утрачивается сонорность (мысль, рубль). По мнению методистов, сонанты удобнее ставить при изолированном произнесении [л] или в сочетании со звуками-помощниками. Но Н.А. Любимова предостерегает, что при изолированном

произнесении сонорного иностранцы обучающиеся могут начать воспринимать его как гласный звук, и рекомендует при постановке [л] использовать длительное произношение согласного в слоге: л-л-л-л-о-о-о-о, л-л-л-л-э-э-э-э, л-л-л-л-а-а-а-а.

Ошибки иностранных обучающихся в произношении рассматриваемого звука связаны прежде всего с тем, что русский какуминальный звук подменяется средневропейским альвеолярным, а также с неразличением на слух [л] и [л'] и произношением в обоих случаях смягченного звука.

Для того чтобы помочь иностранцу корректно произносить русский звук, необходимо вспомнить, что при альвеолярном типе артикуляции язык сдвинут назад, его кончик и передняя часть упираются в альвеолы, средняя часть спинки языка не прогнута, а задняя часть спинки не оттянута назад.

При постановке русского [л] преподавателю следует продемонстрировать разницу между какуминальным и альвеолярным типами произношения сонорного, используя, к примеру, изображения профилей артикуляции звуков (см. Рис. 1, Рис. 2 [11], Рис. 3 [10]). Можно указать на то, что при произношении русского звука язык принимает форму, похожую по контуру на ложку [2].

Твердости произношения русского звука можно добиться, если обратить внимание обучающихся на ощутимые моменты артикуляции: одновременное оттягивание и приподнимание вверх задней части спинки языка. Иностранцам это несложно выполнить, если они успешно произносят гласный [ы], то есть уже умеют напрягать и приподнимать заднюю часть спинки языка. Пре-

подавателю следует воспользоваться данным навыком и рекомендовать инофонам во время произношения [ы] медленно прогнуть среднюю часть спинки языка, приподнимая кончик языка, а затем постараться упереть его (кончик) в основание верхних зубов, следя за тем, чтобы задняя часть спинки языка оставалась оттянутой и приподнятой. Получив необходимое мускульное ощущение для требуемой артикуляции, инофонам нужно постараться произнести звук. Полученное умение обязательно следует закрепить, выполнив ряд упражнений. Используя звук-помощник [ы], несколько раз повторить ыыылллыыы, при этом рекомендуется произносить каждый звук длительно.

Можно обратиться и к другим звукам-помощникам – задненебным согласным [к], [г] и гласным [о], [у], при произношении которых автоматически напрягается задняя часть языка. Нужно попросить инофонов обхватить кончиком языка внешний край верхних передних зубов и из этой позиции произносить поочередно [о], [у], а затем, проговаривая гласные заднего ряда, постепенно, касаясь задней стенки передних зубов, продвигаться к их основанию: ло-лу-ло-лу.

Е.М. Краснова [5] предлагает ставить сонорный [л] с помощью гласного [а]. Во время произношения гласного с широко открытым ртом поднять язык и упереть его переднюю часть в основание верхних передних зубов. И гласный [а] превратится в твердый сонорный [л].

Для закрепления и автоматизации твердого согласного [л] приведем небольшую часть примеров, широко представленных в методической литературе:

ыллы – ллы – лы;
ыллу – уллу – ллу – лу;
ылло – улло – лло – ло;
ылла – алла – лла-лу;
клы – глы – клы – глы – клы – глы;
кло – гло – кло – гло – кло – гло;
клу – глу – клу – глу – клу – глу;
кла – гла – кла – гла – кла – гла;

ылкы – ылгы – ылкы – ылгы – ылкы – ылгы;

улку – олко – алка, улгу – олго – алга;
лгы – лга- лго – лгу;

лыжи, лысый, столы, полы, бутылка, белый, малыш, слышу; булка, лук, луна, клуб; лоб, ложка, лошадь, клоун, слово, словарь, волосы, голова, голос, золото, молоко, холодно, площадь, глобус, столовая; ладно, лампа, ластик, глаз, класс, гласный, согласный, главный, салат, мулла.

Фрол пел. Нил мыл пол да ныл. Мул устал. Вол пил воду. Мел бел. Павел всё сказал. Главный инженер сделал доклад. Лара ела салат.

Существенным отличием [л'] от [л] является то, что при произношении мягкого звука язык в целом продвигается вперед, задняя часть его спинки опущена, кончик и передняя часть упираются в конец альвеол, в начало твердого неба, мягкое небо приподнято, губы чуть растянуты, зубы и язык видны (см. Рис. 2 [11]). Следует обратить внимание иностранцев и на такой осязаемый момент артикуляции: при произношении мягкого звука площадь касания языка к твердому небу больше, чем площадь касания языка к основанию верхних зубов при артикуляции твердого звука. Поставить русский мягкий [л'] – значит мягче произносить средневропейский [л].

Поставить правильный русский мягкий сонорный поможет гласный звук-помощник [и]. Во время длительного проговаривания [и] следует переднюю часть языка сомкнуть с началом твердого неба: ииилль – иииллии. Далее необходимо закрепить сформировавшееся умение, выполнив упражнения:

илли – лли – ли;
илле – лле – ле;
иллю – ллю – лю;
илля – лля – ля;
линейка, лить, лист, лисы, полиция, лидер, алиби, великий, если, пули, туфли; леди, лес, лететь, лето, лёгкий, лёд;

люблю, любимый, люди, блюдо, валюта, ключ, салют.

Приведем упражнения на дифференциацию звуков.

Ла – ля, ло – лё, лы – ли, лу – лю, лэ – ле; ал – аль, ол – оль, ыл – ыль, ил – иль, ел – ель.

Лиловое платье, сильная лошадь, настольная лампа, слушать лиру и флейту, сила полиции, сломанная линейка, зелёный луг, тёплое пальто, любимый человек, ласковая леди, нелёгкий словарь, большой слон, больная голова, холодное лето.

Оля пела. У Коли в руке флаг, на боку фляжка. Мы ходили по полям и делили пополам все, что находили. Без сомнения, лев силен, но слабее он, чем слон. Летят самолеты, сидят в них пилоты. Ларисе нужна не любая, а голубая краска. Сыпь уголь в этот угол. Меня разбудил будильник.

Для постановки [л] и [л'], отработки и коррекции их произношения, их различения следует воспользоваться скороговорками, чистоговорками, стихотворениями, представленными в логопедической литературе [3].

Приведем примеры стихов русских поэтов:

*Снегопад
День настал, и вдруг стемнело.
Свет зажгли, глядим в окно.
Снег ложится белый-белый.
Отчего же так темно?
(В. Берестов)*

*Белый цвет
Белый снег, белый мел,
Белый заяц тоже бел,
А вот белка не бела,
Белой даже не была.*

(Е. Измайлов)

Обучающиеся способны осознать необходимость различения [л] и [л'] в процессе межсубъектной коммуникации. Для того чтобы сделать его более интенсивным, преподавателю рекомендуется использовать интерактивные методы. По

мнению преподавателей РКИ, разновидностью интерактивного метода является фонетическая игра как способ целенаправленного усиленного межсубъектного взаимодействия педагога и обучающихся по созданию оптимальных условий для хорошего усвоения иноязычного учебного материала [6]. Для проверки степени сформированности навыка различения рассматриваемых в данной статье звуков обучающимся можно предложить такие фонетические игры [12], как, например, «Русский звук», «Крестики-нолики» (вместо крестиков и ноликов использовать [л] и [л']), обвести в строке все твердые или все мягкие согласные, соотнести схему артикуляции (рисунок) и обозначение звука, повторить за диктором фразу без ошибок и др.

Мы согласны с мнением преподавателей РКИ о том, что на занятии постановка произношения и развитие слухопроизносительных навыков должна осуществляться на материале различной сложности: звук, звукосочетание, предложение, тренировочные упражнения и чтение текста, насыщенного изучаемыми фонетическими явлениями. Это способствует автоматизации навыков фонетического слуха, артикуляционных навыков и навыков фонетически правильного воспроизведения вслух письменного текста.

Мы предлагаем завершать занятия по формированию слухопроизносительных навыков чтением текстов культурологической направленности, сопрягающих национальный и региональный компонент. По нашему мнению, это позволяет иностранным обучающимся, поступающим в региональные российские вузы, реализовать потребность в полноценной языковой и социокультурной адаптации в регионе обучения.

Далее приведем тексты, составленные нами с использованием региональной лексики (тюркизм-экзотизмов), активно употребляемой в живой русской речи жителей города Уфы.

*Уфимская соборная
мечеть «Ляля-Тюльпан»*

Уфимская соборная мечеть «Ляля-Тюльпан» известна и в России, и за рубежом. Узнаваемые по всему миру два её высоких минарета в виде весенних цветов стали одним из символов Уфы. Из мечети на всю страну и за рубеж во время больших мусульманских праздников транслируются проповеди Верховного муфтия России.

Мечеть «Ляля-Тюльпан» расположена в северной части города, на берегу реки Белой, около парка Победы. Она была построена больше 20 лет назад. Архитектор Вакиль Давлятишин разработал особенный проект, основу которого составил образ весеннего цветка – тюльпана – культурного символа исламского мира, а также издревле у тюркских народов символа весны и начала нового этапа жизни. По обе стороны от главного входа находятся два восьмигранных минарета с вершинами-тюльпанами. Они достигают 53 метров в высоту и видны издали из разных точек Уфы. Само здание мечети похоже на уже распустившийся бутон цветка.

Возведение мечети началось в 1989 году. Деньги на строительство были собраны прихожанами республики. Уфимским строителям помогали их коллеги из Турции. Длилось строительство 9 лет и было закончено в апреле 1998 года.

Здание мечети состоит не только из надземной части, но и десятиметровой подземной части. Вход в мечеть находится на уровне третьего этажа. Зал мечети способен вместить в себя триста мужчин, а на балконе разместятся ещё двести женщин. Входы для мужчин и женщин расположены отдельно.

Внутреннее убранство мечети выполнено в традиционном восточном стиле: растительный орнамент на стенах, покрытых мрамором, и на стеклянных витражах символизирует цветы райского сада. Зал для молитвы освещается хрустальными люстрами. Полы в мече-

ти по традиции устланы восточными коврами.

На первом и втором этажах находятся библиотека, гостевые комнаты, залы, в которых проводятся обряд именная наречения, церемония бракосочетания, собрания мусульманских религиозных деятелей, а также учебные классы.

«Ляля-Тюльпан» – это не только религиозный, но и образовательный центр для верующих города Уфы. Сегодня здесь работает медресе, а также воскресная школа для детей и взрослых.

(По материалам средств массовой коммуникации [8], [9])

*Куллама и улюш – вкусные блюда
башкирской кухни*

Башкирские блюда очень питательны. Многие из них считаются универсальными: они могут быть и первыми, и вторыми блюдами одновременно. К таким относятся всеми любимые куллама и улюш (элеш).

Для приготовления кулламы башкиры вначале отваривают жирное мясо (или говядину, или молодую конину, или баранину). После того как мясо сварится, его вынимают из бульона, нарезают на кусочки и посыпают солью. Бульон процеживают, кладут в него капусту, морковь, лук, продолжают варить. Ближе к концу варки добавляют салму. Для приготовления салмы замешивается пресное тесто из яиц и муки, которое хозяйки раскатывают в тонкий пласт и нарезают квадратиками размером 15x15 мм. Во время варки в кулламу кладут не только соль, но и добавляют сливочное масло и пряности, например, лавровый лист, перец чёрный, красный, белый. Куллама обильно посыпается свежей зеленью и подается с кусочками мяса.

Улюш, или элеш, также варится на бульоне из жирного мяса. Но, в отличие от кулламы, при приготовлении улюша в бульон кладут картофель, а овощи нарезают достаточно крупно. С этим связано и название супа: башкирское слово

«элеш» означает «доля, часть».

Сытные и густые куллама и улюш являются неотъемлемой частью меню большинства уфимских ресторанов.

(По материалам средств массовой коммуникации [1], [4])

Иностранцам обучающимся также можно предложить вначале прослушать аудиозапись текста, а затем постараться скопировать чтение носителя языка и за-

писать свой вариант. Прослушав аудиозапись своего чтения, иностранцы могут сравнить свое произношение с речью носителя языка, услышать ошибки и поправить себя. Мы считаем, что комплексное выполнение указанных в данной статье рекомендаций приведет к успешному формированию соответствующих слухо-произносительных навыков, а использование региональной лексики активизирует учебный процесс.

ЛИТЕРАТУРА

1. Башкирская кухня [Электронный ресурс] // SuperCook.ru : [сайт]. URL : <https://supercook.ru/ussr-f/ussr-f-33.html> (дата обращения: 20.04.2021).
2. Гобозова И. Практические упражнения по фонетике русского языка. Брно : Педагогический факультет Университета им. Масарика, 2011. 115 с. URL : https://is.muni.cz/el/ped/jaro2012/R2BP_FCS2/um/Ucebnice_koncesna_ugraveno.pdf (дата обращения: 19.04.2021).
3. Добрышева М. А. Дифференциация твердого и мягкого звуков [л] – [л'] [Электронный ресурс] // Фестиваль педагогических идей «Открытый урок» : [сайт]. URL : <https://urok.1sept.ru/articles/597532> (дата обращения: 20.04.2021).
4. Кеда Е. Башкирская национальная кухня // Национальный акцент : [сайт]. URL : <https://nazaccent.ru/content/8589-bashkirskaya-nacionalnaya-kuhnya.html> (дата обращения: 20.04.2021).
5. Краснова Е. М. Введение и постановка согласных звуков у иностранных студентов, изучающих РКИ // EduNeo : [сайт]. URL : <https://www.eduneo.ru/vvedenie-i-postanovka-soglasnyh-zvukov-u-inostrannyh-studentov-izuchayushhix-rki/> (дата обращения: 19.04.2021).
6. Кульбашная Е. В., Чухлебова И. А. Фонетическая игра как разновидность интерактивных методов обучения иностранных военнослужащих русскому языку // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2018. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/foneticheskaya-igra-kak-raznovidnost-interaktivnyh-metodov-obucheniya-inostrannyh-voennosluzhaschih-russkomu-yazyku> (дата обращения: 21.04.2021).
7. Любимова Н. А. Обучение русскому произношению: Артикуляция. Постановка и коррекция русских звуков. 2-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1982. 192 с.
8. Мечеть «Ляля-Тюльпан» [Электронный ресурс] // Культура.РФ : [сайт]. URL : <https://www.culture.ru/institutes/26596/mechet-lyalya-tyulpan> (дата обращения: 19.04.2021).
9. Мечеть Ляля-Тюльпан [Электронный ресурс] // Русское географическое общество: башкирское отделение: [сайт]. URL : <http://www.rgo-rb.ru/2016/11/mechet-lyalya-tyulpan/> (дата обращения: 19.04.2021).
10. Произношение альвеолярных звуков // Учим английский : [сайт]. URL : <https://my-en.ru/english-sounds/proiznosheniye-alveolyarnykh-zvukov.php> (дата обращения: 10.04.2021).
11. Речевые профили звуков: альбом [Электронный ресурс] // nsportal.ru : [сайт]. URL : <https://nsportal.ru/albom/2019/12/04/borisova-ekaterina-anatolevna/rechevye-profil-zvukov> (дата обращения: 10.04.2021).
12. Федотова Н. Л., Касаткина Ю. А. Фонетические игры при обучении иностранцев русскому произношению // Образовательные технологии и общество. 2016. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/foneticheskie-igry-pri-obuchenii-inostrantsev-russkomu-proiznosheniyu> (дата обращения: 20.04.2021).

© Гусейнова Т. В.

УДК 811.112.2'1:32(091)

Г. Р. ИСКАНДАРОВА, профессор кафедры иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России, доктор филологических наук, доцент (г. Уфа)

G. R. ISKANDAROVA, Professor of the Chair of Foreign and the Russian languages of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Philology, Associate Professor (Ufa)

О ПРЕДМЕРЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НЕМЕЦКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ: ИСТОРИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

ON THE SUBJECT OF RESEARCH IN GERMAN POLITICAL LINGUISTICS: HISTORICAL AND LINGUSITIC ASPECT

Аннотация. Автором представлен обзор работ немецкоязычных лингвистов, посвященных вопросам языка, политики, идеологии, пропаганды, общественной действительности. В результате анализа источников выделены четыре предметные области исследования немецкой политической лингвистики: язык эпохи национал-социализма, язык в ГДР, язык периода объединения Германии, язык дискурсов. Установлено, что вокабуляр национал-социалистов содержал специальную лексику, предназначенную для осуществления антигуманных действий, воздействия на массы, языкового манипулирования. Разделение Германии на Западную и Восточную, строительство Берлинской стены в 1961 году определило следующую тему для политолингвистики – язык ГДР и ФРГ. Язык эпохи ГДР был пронизан социалистическим укладом жизни, антикоммунистические настроения были свойственны языку Западной Германии. Следует отметить, что в эпоху перелома, или объединения Германии, происходит постепенная ассимиляция в сфере лексики, стираются ментальные различия между Востоком и Западом, постулируется тезис о едином национальном немецком языке. Особую актуальность в настоящее время приобретают исследования языка онлайн-дискурса, который характеризуется опосредованной коммуникацией между политиками и гражданами.

Ключевые слова и словосочетания: язык, коммуникация, политическая лингвистика, дискурс, Восточная Германия, Западная Германия.

Annotation. The author presents an overview of the works of German-speaking linguists devoted to the issues of language, politics, ideology, propaganda, and social reality. As a result of the analysis of sources, four subject areas of research in German political linguistics are identified: the language of the era of National Socialism, the language in the GDR, the language of the period of German unification, the language of discourses. It is established that the vocabulary of the National Socialists contained a special vocabulary designed to carry out anti-human actions, influence the masses, and language manipulation. The division of Germany into East and West, the construction of the Berlin Wall in 1961 determines the next topic for political linguistics – the language of the GDR and Germany. The language of the GDR era was infused with a socialist way of life, anticommunist sentiments were characteristic of the language of West Germany. It should be noted that in the era of the turning point, i.e. the unification of Germany, there is a gradual assimilation in the field of vocabulary, the mental differences between East and West are erased, and the thesis of a single national German language is postulated. Research into the language of online discourse, which is characterized by mediated communication between politicians and citizens, is becoming particularly relevant today.

Keywords and phrases: language, communication, political linguistics, discourse, East Germany, West Germany.

Язык является не только инструментом политики, но и условием ее реализации. Для политических актеров важно обосновать, подвергнуть критике и оправдать политические действия, аргументированно и достоверно представить свою позицию. В средствах массовой информации, по радио и телевидению, в Интернете сообщается о политических событиях, комментируются и оцениваются политические факты. Все это происходит с помощью языка и посредством языка. Основополагающим для политики является языковой потенциал, ведущий к осуществлению действия, так как говорение обозначает по своей сути действие.

Язык политиков (например, в парламенте), язык в политике (внутри партии или фракции), беседы о политике (в частных или публичных дискуссиях), политический язык СМИ (в ток-шоу или газетных комментариях) образуют область изучения политической лингвистики.

Исторически значимые общественно-политические события играли и играют важную роль в немецкоязычных исследованиях языка и политики.

Опыт борьбы с национал-социализмом оставил свой след в лингвистических работах. Случаи злоупотребления определенными словами подвергались критике, на использование некоторой лексики налагался запрет. Ярким наследием того времени явился «Словарь изверга» («Wörterbuch des Unmenschen») (1957) Штернберга, Шторца и Зюскинда, посвященный фундаментальной критике языка нацистов. Авторы словаря хотели показать, что вокабуляр национал-социалистов негуманный. Искореняя его, они стремились ликвидировать нечеловечные способы мышления и вытекающие на их основе поступки. Упомянуть следует также книгу немецкого писателя Виктора Клемперера «LTI – Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога»

(«LTI – Lingua Tertii Imperii: Notizbuch eines Philologen») (1947), в которой описаны особенности употребления лексики и фразеологии национал-социалистами.

Первые исследования по теме «Язык в национал-социализме» проводились журналистами и политологами; филологи и германисты скорее составляли исключение. Лишь в конце 1950-х годов появились языковедческие публикации. Лингвистическая наука особое внимание уделяла таким областям, как лексика, стилистика и риторика; причем особенно устная и письменная речь ведущих политиков национал-социализма Гитлера и Геббельса, а также тексты прессы представляли исследовательский интерес.

С появлением новых методов и направлений в языкознании в 1970-е годы произошло расширение исследовательских горизонтов на другие коммуникативные сферы и группы, например, на язык молодежи [5], язык преследуемых лиц и заключенных концентрационных лагерей [7]. Особый резонанс в политической лингвистике произвела в 1988 году речь бывшего президента Бундестага Ф. Йеннингера по поводу погрома в ночь на 9 ноября 1938 года, послужившим началом массового уничтожения евреев в фашистской Германии.

Наряду с изучением языка эпохи национал-социализма язык в Германской Демократической Республике стал предметом многочисленных публикаций. В 1950-е и 1960-е годы в западно-немецкой литературе обозначились точки соприкосновения между обеими тематическими областями, поскольку проводились параллели между немецким языком национал-социализма и так называемым языком социалистической демократии. Два господствующих режима изучались с точки зрения тоталитаризма с целью установления соответствий между национал-социалистическим и коммуни-

стическим словоупотреблением. Особый интерес представляли различные формы языкового манипулирования, т. е. сознательного воздействия тоталитарного государства на общественно-коммуникативные системы для достижения желаемых изменений или воспрепятствования нежелательным. Языковое манипулирование было также связано с манипулированием поведением человека. Языковое манипулирование происходит за счет использования новых слов из иностранных языков, устранения имеющихся единиц и лексической переоценки.

В контексте политического создания блоков и конфронтации между Восточной и Западной Германией интенсивно обсуждается вопрос о том, существует ли опасность языкового разделения страны. В качестве примеров расслоения немецкого языка приводились западно- и восточногерманские издания словаря правописания Дуден. Если при сопоставлении изданий отмечались отклонения в словарном составе или в толкованиях значений, то приходили к выводу об изменениях в языковом употреблении между Восточной и Западной Германией. Кроме того, отмечается, что восточно-немецкое издание характеризуется политическими установками. Так, на ключевом слове *Konzentrationslager* (концентрационный лагерь) можно проследить своего рода историю политико-семасиологической стратегии в двух восточно-немецких изданиях словаря Дуден 1960 и 1985 годов. В обоих изданиях слово толкуется как лагерь для заключенных, лагерь смертников. В издании 1960 года фигурирует сема «гитлеровский фашизм», т. е. «национал-социалистический». Издание 1985 года дополняется отрицательно-оценочными компонентами «фашистский», «принудительные работы», «тюремный лагерь», причем «фашистский» подразумевает не только «германский», но и предполагает «открытую террористическую диктатуру реакционных империалистических кругов».

Официальный язык эпохи Германской Демократической Республики отличается постоянной классовой борьбой, самовосхвалением, полемикой с политическим врагом, капиталистической системой. В лексике ГДР и ФРГ можно выделить следующие специфические единицы:

1) слова и выражения, относящиеся только к Восточной Германии (*Staatskammer* «государственная палата», *Volkskammer* «народная палата, парламент ГДР (1949-1958), нижняя палата парламента ГДР (1958-1990)», *VEB* «народное предприятие»; *friedliche Koexistenz* «мирное сосуществование», *wissenschaftlich-technische Revolution* «научно-техническая революция»), либо только к Западной Германии (*Bundesregierung* «федеральное правительство», *Bundestag* «Бундестаг, федеральный парламент», *AG* «АО, акционерное общество»; *europäische Integration* «европейская интеграция», *atlantische Partnerschaft* «атлантическое партнерство»);

2) омонимичные лексемы с различным обозначаемым: *АРО* (*Abteilungs-Partei-Organisation* «ГДР: ведомственная партийная организация» и *Außerparlamentarische Opposition* «ФРГ: внепарламентская оппозиция»);

3) термины с доминирующим значением: *Kommission* (ГДР: орган с авторитарной компетенцией, ФРГ: орган с консультативной, совещательной компетенцией), *Kurs* (ГДР: политическое направление, ФРГ: биржевой курс);

4) универбы, имеющие при одном и том же денотате разные обозначения: *Plastik* (ФРГ) / *Plaste* (ГДР) «пластмасса», *Personalchef* (ФРГ) / *Kaderleiter* (ГДР) «начальник отдела кадров», *Arbeitnehmer* (ФРГ) / *Werkstätiger* (ГДР) «трудоустроенный, рабочий».

Дифференциация словаря между восточным и западным употреблением касалась всех сфер жизни, особенно идеологии, политики, пропаганды, экономи-

ки, наименований институтов и организаций, воспитания и образования.

Примерно в конце 1970-х годов 20 века в исследованиях политического языка утверждается мнение о существовании в обоих немецких государствах единого национального языка. Манфред Хельман пишет, что ни один лингвист на Востоке и Западе не поддерживает тезис о языковом разделении. Существует единый немецкий язык по отношению к грамматической системе, правилам словообразования, основному лексическому фонду и ряду стилистических норм [2, с. 268]. Разумеется, лексикон приобрел глубокие различия, особенно в общественно-политической сфере. Так, западно-немецкое издание словаря Дуден 1986 года приводит следующие лексемы, специфичные для эпохи ГДР: *Aktivistenbrigade* «ударная, передовая», *Betriebskampfgruppe* «боевая рабочая дружина на предприятии», *Druschgemeinschaft* «общественный обмолот», *Erntekampagne* «уборочная кампания», *Erntekapitän* «тот, кто руководит сбором урожая», *Friedensfahrt* «рейс мира, велогонка мира», *Industriekombinat* «(внешняя торговля) промышленный комбинат», *Jungaktivist* «молодой передовик труда», *Kaderabteilung* «отдел кадров», *Leistungslohn* «сдельная заработная плата», *Planschulden* «невыполнение плана, отставание по плану», *Republikflucht* «незаконный переход из Германской Демократической Республики в Западную Германию (Западный Берлин)», *übererfüllen* «перевыполнять», *volkseigen* «народный».

После распада ГДР язык периода объединения Германии становится областью лингвистических исследований. Изменение политических условий сопровождалось языковой революцией, в которой символические методы, формы речевого действия играли большую роль, чем метод физического принуждения. Здесь следует упомянуть многочисленные лозунги и девизы на демонстрациях.

Известная речь восточно-немецкой писательницы Кристы Вольф на митинге в Восточном Берлине 4 ноября 1989 года, в которой она бросила клич: «Wir sind das Volk!» («Мы народ!»), свидетельствует о «неразрывной связи между языком и жизнью, между общественным движением и коммуникацией» [6, с. 123]. На переднем плане в лингвистических изысканиях оказываются языковые феномены эпохи объединения Германии и, в частности, языковые последствия объединения. Появляется необходимость исследовать типичные для ГДР явления коммуникации, а именно «чтение/понимание между строк» среднестатистическим (обычным) реципиентом в ГДР. Общественная коммуникация характеризуется «симптоматической косвенностью» [8, с. 106], что становится заметным из текстов официальных сообщений. В этом специфическом способе употребления немецкого языка закладываются корни языка эпохи объединения Германии.

Новейшие исследования в области политической лингвистики занимаются, прежде всего, вопросами взаимопонимания между восточными и западными немцами. Трудности могли быть обусловлены лексически, поскольку многие слова, например, *Arbeiter* «рабочий», *Bewußtsein* «сознание», *initiative* «инициатива», *Funktionär* «функционер» развивают «коварную полисемию» (термин Петера фон Поленца), являющуюся результатом различного употребления подобных слов в Восточной и Западной Германии. Так, Хорст Дитер Шлоссер показывает на примере особо значимой в ГДР коммуникативной сферы экономика, что сформированные образцы мышления и паттерны ощущения действуют дольше, нежели связанная с ними первоначальная терминология. Для специалиста доказательством этому являются многочисленные интерференции, или наложения старого и нового словоупотребления [9, с. 45]. Примером ментальной интерференции служит ключевое слово *Plan*

«план» и его композиты, которые на Востоке и Западе образуют полностью несопоставимые понятийные и лексические поля. Хорст Дитер Шлоссер выступает за реконструкцию таких полей, специфичных для ГДР и ФРГ, позволяющих судить о ментальных различиях между обеими частями немецкого народа [9, с. 54].

Последующие политические лингвистические исследования свидетельствуют о том, что ранее подробно описанные различия в лексиконе больше не существуют, а между восточными и западными немцами происходит постепенная ассимиляция в сфере лексикона [6]. Клаус Вельке требует при изучении будущего развития языка уделять больше внимания прагматическим, лингвопсихологическим и лингвосоциологическим процессам [10, с. XII]. Так, согласно одной эмпирической работе восточным и западным немцам проигрывались отрывки речей из радиопередач ГДР и Западного Берлина, при этом в задачу реципиентов входило идентифицировать и оценить соответствующие языковые стили. Выяснилось, что просодия выступала явным критерием разграничения: речь восточных немцев характеризовалась как спокойная, медленная, монотонная, бубнящая, роботизированная, а признаками западной речи выступали четкое осмысленное паузирование и быстрая, акцентированная мелодия [4].

Исследования по стилистике западно- и восточно-немецких газет также привели к интересным результатам. Моника Фингерхут проанализировала способ представления новостной информации о футболе в западно-немецкой газете *Frankfurter Allgemeine Zeitung* (FAZ) и в восточно-немецкой газете *Leipziger Volkszeitung* (LVZ) в сравнительно-сопоставительном ключе. При изложении футбольных событий газета FAZ использует комментирование, оценку, критику (поражений, тренеров, судей), иронию, метафорику, эмоциональный, творчески-игровой стиль, разнообразные син-

таксические структуры. В газете LVZ больше сообщается о ходе спортивных событий, отсутствует критика, признается результат игры даже при поражениях, преобладает сухой, формальный, архаичный, высокопарный стиль с незначительной иронией и метафорикой, структура предложений и пунктуация выдержаны в традиционном формате и стандартизированы [1, с. 169].

В последние 25-30 лет в фокусе внимания немецкой политической лингвистики находятся темы, вызвавшие общественно-политический резонанс в ФРГ. Преобладающим предметом исследования выступает язык того или иного дискурса: дискурс вооружения, падения Берлинской стены, основных прав, атомной энергии, биоэтики, школьный дискурс после 1945 года, миграционный дискурс, образовательный дискурс, демократический дискурс 1960 годов.

С середины 1990-х годов политика открывает для себя Интернет как информационную и мобилизационную платформу. Например, в борьбе на выборах в Бундестаг в 1998 году кандидаты впервые представляли себя на своих Интернет-страницах, в 2002 году они отправились в виртуальные комнаты, а в 2005 году веблоги совершили прорыв [3, с. 145]. Однако, анализ электронных гостевых книг депутатов показывает, что существует потребность в «прямой» коммуникации. Так, на страницах фейсбука вряд ли может состояться общение с гражданами при нажатии кнопки «Мне нравится». Как федеральный канцлер Ангела Меркель, так и ее конкурент Франк-Вальтер Штайнмайер используют свои странички в фейсбуке исключительно для того, чтобы делать заявления, не вступая в диалог с гражданами. Об опосредованной коммуникации между политиками и гражданами свидетельствует также и то, что чаты с политиками модерируются или инсценируются как ток-шоу с вопросами от зрительской аудитории.

Итак, темы «Язык в национал-социализме», «Язык в ГДР», «Язык периода объединения Германии» оставались центральными и долгое время ключевыми в немецкой политической лингвистике. Они являлись лексикоориентированными, поскольку слова воспринимались как стратегические величины в процессе убеждения и как важнейшее языковое средство в политике. Основными задачами лексикоориентированного подхода в политической лингвистике выступали выделение политического словаря, а также семантическое описание идеологического лексикона, включение идеологического компонента в лексическую семантику. В 1970-е годы обозначилось

коммуникативно-прагматическое направление в немецкой политической лингвистике, предложившее новые подходы к исследованию общественно-политической коммуникации. Основной единицей политического языка становится не слово и не предложение, а текст (дискурс). Современная немецкая политическая лингвистика ориентирована на дискурс, под которым следует понимать массивы текстов, связанных между собой единой и актуальной для общества темой, содержащих языковую и внеязыковую информацию. Она учитывает конкретную общественно-политическую ситуацию, в которой происходит языковое действие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Fingerhut, Monika Fußballberichterstattung in Ost und West. Eine diachronische Sprachanalyse. – Frankfurt/M. [u.a.]: Lang, 1991. – 205 S. – Текст : непосредственный.
2. Hellmann, Manfred W. DDR-Sprachgebrauch nach der Wende – eine erste Bestandsaufnahme/ Muttersprache. – 1990. – №100. – S. 266-286. – Текст : непосредственный.
3. Klemm, Michael Der Politiker als Privatmensch und Staatsperson. Wie Spitzenpolitiker auf persönlichen Websites in Text und Bild ihre Images konstruieren (wollen)/Habscheid, Stephan/Klemm, Michael (Hgg.): Sprachhandeln und Medienstrukturen in der politischen Kommunikation. – Tübingen: Walter de Gruyter, 2007. – S. 145-175. – Текст : непосредственный.
4. LiebeReséndiz, Julia Woranerkennensich Ost- und Westdeutsche? – Eine Spracheinstellungsstudie am Beispiel von Rundfunksendungen / Welke, Klaus [u. a.] (Hgg.): Die deutsche Sprache nach der Wende. Hildesheim: Olms, 1992. – S. 127-140. – Текст : непосредственный.
5. Maas, Utz «Als der Geist der Gemeinschaft eine Sprache fand»: Sprache im Nationalsozialismus: Versuch einer historischen Argumentationsanalyse. – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1984. – 261 S. – Текст : непосредственный.
6. Müller, Gerhard Die «Besserwessi» und die «Innere Mauer». Anmerkungen zum Sprachgebrauch im vereinigten Deutschland/Muttersprache. – 1994. – №2. – S. 118-136. – Текст : непосредственный.
7. Oshlies, Wolf «Lagersprache». Soziolinguistische Bemerkungen zu KZ-Sprachkonventionen/ Muttersprache. – 1986. – №1/2. – S. 98-109. – Текст : непосредственный.
8. Pätzold, Jörg Zwischen Indirektheit und Sprachlosigkeit – Der Umgang der Presse in der DDR zwischen dem Stern-Interview Hagers und Oktober 89 mit der Wirklichkeit des real Existierenden / Welke, Klaus [u. a.] (Hgg.): Die deutsche Sprache nach der Wende. Hildesheim: Olms, 1992. – S. 93-110. – Текст : непосредственный.
9. Schlosser, Horst Dieter Mentale und sprachliche Interferenzen beim Übergang der DDR von der Zentralplanwirtschaft zur Marktwirtschaft / Welke, Klaus [u. a.] (Hgg.): Die deutsche Sprache nach der Wende. Hildesheim: Olms, 1992. – S. 43-58. – Текст : непосредственный.
10. Welke, Klaus [u. a.] Vorwort/ Welke, Klaus [u. a.] (Hgg.): Die deutsche Sprache nach der Wende. Hildesheim: Olms, 1992. – S. V-XII. – Текст : непосредственный.

© Искандарова Г. Р.

УДК 81'42:37.018.26(470)

Е. А. КАЗАНЦЕВА, доцент кафедры иностранных языков Уфимского государственного нефтяного технического университета, кандидат филологических наук, доцент (г. Уфа)

E. A. KAZANTSEVA, Assistant Professor of the Chair of Foreign Languages of Ufa State Oil Technological University, Candidate of Philology, Associate Professor (Ufa)

Э. К. ВАЛИАХМЕТОВА, доцент кафедры иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России, кандидат филологических наук, доцент (г. Уфа)

E. K. VALIAKHMETOVA, Assistant Professor of the Chair of Foreign and the Russian Languages of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Philology, Associate Professor (Ufa)

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ЭКОЛОГИЗАЦИИ ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИК «ПЕДАГОГ-РОДИТЕЛИ»

LINGUISTIC METHODS OF ECOLOGIZATION OF TEACHER-PARENTS DISCURSIVE PRACTICES

Аннотация. Статья посвящена проблеме продуктивной коммуникации учителей и родителей. Важность подобных исследований объясняется тем, что лингвоэкологии академического дискурса отводится важная роль в социализации человека. Сегодня учителю отводится более значимая роль, чем просто преподавание своей дисциплины. Многие родители считают воспитание и обучение ребенка обязанностью педагога и проявляют нетерпимость при обсуждении проблемных вопросов. Хотя учителя в основном выбирают правильную стратегию общения, в современных условиях им становится все сложнее установить взаимосвязь с родителями. Лингвоэкологический подход, основанный на мультипарадигменном исследовании экологии коммуникации, позволяет разработать конкретные рекомендации (речевые клише и скрипты) для основных категориальных эмоциональных ситуаций. Авторы делают вывод о важности создания для будущих и действующих учителей практических руководств, которые будут содержать готовые варианты речевых высказываний, сгруппированных по категориальным эмоциональным ситуациям в общении с родителями. Для этого необходимо провести ряд исследований с целью выявления эмоциогенного потенциала ключевых высказываний, употребляемых педагогами в ситуациях общения с родителями.

Ключевые слова и словосочетания: академический дискурс, коммуникативное пространство, лингвоэкология, речевой акт, родители, учителя, эмоциогенный потенциал.

***Annotation.** The article is devoted to the problem of productive communication between teachers and parents. The importance of such research is explained by the fact that the linguoecology of academic discourse plays an important role in human socialization. Today, the teacher has a much broader role to play than just teaching his or her own discipline. Many parents consider the upbringing and training of a child to be the responsibility of a teacher. Many parents lack patience when discussing problematic issues. Although teachers mostly choose the right communication strategy, it is becoming more and more difficult in modern environment. The linguoecological approach based on multiparadigm research of communication ecology allows us to develop specific recommendations (speech cliches and scripts) for the main categorical emotional situations. The authors draw the conclusion that it is important to create practical guides for future and acting teachers that will contain ready-made versions of speech utterances grouped by categorical emotional situations in communication with parents. For this purpose, it is necessary to conduct a number of studies to identify the emotional potential of key statements used by teachers when communicating with parents.*

***Keywords and phrases:** academic discourse, communicative space, linguoecology, speech act, parents, teachers, emotional potential.*

Экологические проблемы на современном этапе развития цивилизации становятся одной из основных сфер приложения научных исследований и уже не ограничиваются смещением экологического баланса в системе «человек-природа». Их новым ракурсом сегодня становится и дисбаланс в системе «человек-человек». Эти проблемы носят глобальный характер, но проявляются с разной интенсивностью в разных лингвокультурах. Сегодняшний мир, в том числе и Россия, представляет собой далекое от состояния комфорта коммуникативное пространство, где потоки отрицательных эмоций способствуют развитию непродуктивных, эмоциогенно-отрицательных и деструктивных форм речевого взаимодействия [1, 2]. В значительной мере эти проблемы коснулись и академического коммуникативного пространства.

Стратегическая важность подобных исследований объясняется тем, что лингвоэкологии академического дискурса как комплексной динамичной системе, под которой мы понимаем всю совокупность дискурсивных практик, возникающих в процессе передачи, приобретения и обмена знаниями, [3, с. 301] отводится важная роль в социализации человека. В последние десятилетия одной из серьезных лингвоэкологических проблем в академическом коммуникативном пространстве средней школы стала пробле-

ма продуктивной коммуникации учителей и родителей.

Сегодняшняя жизнь характеризуется высокими темпами изменений. Меняется все: поколения, взгляды, суждения, методы и технологии обучения и воспитания; и меняется все это в последние годы очень стремительно. Наибольшим изменениям подвергся психолингвистический портрет основных участников современного академического дискурса (подробнее см. [3]). Еще в конце XX века основной и практически единственной целью учителя было освоение им методики преподавания своей дисциплины, а сегодня ему отводится роль так называемого «третьего родителя», поскольку занятость самих родителей значительно возросла. В такой непростой ситуации учителю, безусловно, бывает сложно принимать решения, не зная психологических особенностей ребенка, хорошо известных его родителям.

Современные родители, однако, часто считают, что воспитание и обучение ребенка является исключительной обязанностью педагога. При этом мало кто задается вопросом, насколько это может быть тяжело [4]. Сообщество родителей весьма неоднородно, и часть родителей не выражает готовность принимать участие в образовательной жизни ребенка, а приглашение к такому участию может воспринимать как переключивание от-

ветственности [5]. Многие авторы отмечают отсутствие у родителей активного настроя на реализацию принципов партнерства и сотрудничества [6]. Так, в исследовании М.Г. Худеневой выявлены слабая заинтересованность самих родителей или законных представителей в осуществлении контактов со школой (31%), отсутствие времени у педагогов на подготовку к процессу взаимодействия с семьей обучающегося (23%) [7]. Показано также, что представления родителей о конструктивном и деструктивном типах коммуникативного поведения учителя более категоричны и однозначны, чем представления учителей [8].

Противоречивый характер отношения родителей к учебному процессу часто выражается в том, что, с одной стороны, родители заинтересованы в академических успехах своего ребенка, а с другой, могут самоустраняться от учебных проблем. Так, в исследовании С.А. Мустафаевой было выявлено, что 80% из опрошенных учителей считают, что большинство родителей проявляет некомпетентность в общении с педагогами, у них отсутствует чувство толерантности и элементарного терпения при изложении или объяснении обсуждаемых вопросов. Очень часто партнёры обижают друг друга, проявляя неуважение к собеседнику [9, с. 126].

Нередко конфликтный тип речевого взаимодействия реализуется в таких ситуациях, когда ожидания партнеров сильно различаются. Родители гораздо больше доверяют своим детям, чем учителям, и искренне считают, что педагоги должны находить все новые и новые способы поднесения информации и регулирования возникающих в академическом процессе проблем, в то время как учителя, большинство из которых является представителями «старой школы», ведут себя не так, как ожидают родители [10]. Хотя учителя более приспособлены к конфликтам с родителями и чаще выбирают правильную стратегию речевого

взаимодействия, с каждым годом это становится все сложнее.

С точки зрения психолингвистики любой фрагмент дискурса может быть представлен парами «стимул-реакция». В ситуациях оказания психологической помощи и поддержки (что сегодня ожидается от педагогов по отношению и к ученикам, и к родителям) выделяют пять основных типов реакций: 1) оценка; 2) интерпретация; 3) поддержка; 4) зондирование; 5) понимание. Однако, несмотря на традиционное для русской лингвокультуры частое обращение к речевому акту оценки, его использование представляет собой зону лингвоэкологического риска в любом типе институционального общения [3]. Так, И.В. Ботвина предлагает во многих случаях при педагогическом общении с родителями отказаться от оценочных реакций, поскольку они могут вызвать у родителей, обратившихся за помощью, ощущение внешней угрозы. [11] Предлагаемые И.В. Ботвиной условия, облегчающие оказание педагогом помощи родителям, можно суммировать как комплекс, включающий в себя ряд необходимых компонентов: искреннюю заинтересованность, уважение и невмешательство в личное пространство речевого партнера, избегание оценок и наставлений [11].

Однако на уровне таких обособленных научных отраслей, как педагогика и психология, оказать педагогу реальную практическую помощь очень сложно. Согласно данным масштабного исследования 2019 года 79,08% школьных учителей основной трудностью при реализации профессиональной деятельности считают высокие требования к узкоспециализированным знаниям, психологической подготовке [12]. Лингвоэкологический подход, основанный на мультипарадигменном исследовании экологии коммуникации, позволяет разработать конкретные рекомендации (речевые клише и скрипты) для основных категориальных эмоциональных ситуаций [13]; данная

практика уже осуществляется с работниками других институтов (банковскими служащими и агентами по продажам, политическими лидерами и др.).

В европейских странах и США подобные исследования с выходом на практические руководства для педагогов начали проводиться при государственной поддержке еще в 1990-е годы XX века. Так, государственная организация The Office of Head Start при Министерстве здравоохранения и социальных служб США [14] лидировала в использовании стандартизованного метода аудиторного наблюдения с применением системы «Определение и обновление системы оценки и отчетности» (Designation and Renewal System of assessment and accountability) и приведением данных о путях совершенствования профессионального развития. На протяжении десяти лет государство [15] и научные организации (The Spencer Foundation; The Carnegie Foundation for Advancement of Teaching и др.) финансируют научные исследования и основанные на них практические разработки для совершенствования механизмов взаимодействия в академическом процессе. Государственной политикой становится введение этого аспекта и в программы подготовки учителей. На федеральном уровне основанием является Акт о высшем образовании Title II (Title II of the Higher Education Act), предусматривающий оценку подготовленности будущих педагогов по параметрам эффективности их взаимодействия с аудиторией.

На начальных этапах исследований в этой области основное внимание было сосредоточено на эффективности и эмоциональной составляющей академического общения и дискурсивных практиках «педагог-студент» [16; 17; 18 и др.]. В процессе проведения исследований, однако, выяснилось, что круг проблем значительно шире, в том числе, одной из выявленных на более поздних этапах работы проблем является нарушение экологии общения педагогов и

родителей. В этом направлении была проделана большая работа, которая принесла положительные результаты. Так, в исследовании Ф. Озмен и др. выявлены основные коммуникативные барьеры, возникающие в процессе общения педагогов и родителей. К ним относятся физическая дистанция, социокультурные различия (язык, стиль одежды, ценности), неправильное речевое поведение учителей, использование узкой терминологии при общении с родителями, ограничение встреч с родителями случаями необходимости финансирования школьной деятельности, отсутствие доверия родителей к учителям, школьной администрации и их нежелание сотрудничать, финансовое неблагополучие, слабая информированность родителей о событиях школьной жизни, нерациональное расписание школьных мероприятий, уровень образованности родителей. Для решения обозначенных проблем было предложено введение политики открытости для родителей, совместное обсуждение возникающих проблем преподавательским составом, родителями и другими заинтересованными службами. Следующим этапом стала организация обучения школьной администрации, учителей и родителей эффективным приемам коммуникации [19], основанным на эмоциональной грамотности [16], среди которых одним из ключевых является прием активного слушания. Под активным слушанием подразумевается структурированный способ выслушивания и языковой реакции на стимул. Оно включает в себя отсутствие речевых перебивов и поощрение собеседника к полнообъемному детализированному высказыванию. При этом слушающий вербально и невербально демонстрирует свою физическую, эмоциональную и ментальную включенность в обсуждение и координирует свои речевые действия с учетом невербальных сигналов речевого партнера, что способствует формированию у говорящего чувства комфорта и безо-

пасности, что, в свою очередь, формирует атмосферу открытости и доверия. Авторы предлагают использовать перефразированный повтор слов собеседника (известный как прием «Зеркало») и подытоживание сказанного им. Эмоциональный тон общения при этом должен приближаться к нейтральному, а выраженный положительный эмоциональный фон необходим только при инициации речевого акта приветствия.

В рамках данных исследований были созданы практические руководства, включающие в себя конкретные фразы, которые рекомендуется использовать в определенных коммуникативных ситуациях, а также выражения, которых желательно избегать в общении с родителями. Так, например, отрицательной эмоциональностью обладают закрытые вопросы, требующие односложных ответов «да» или «нет»; более эмоционально-положительными и результативными являются специальные вопросы «как...», «как Вы думаете...», «почему...», «что...» и приглашение к обсуждению «расскажите...» [20]. Авторы рекомендуют педагогам при обращении к родителям произносить следующие вводные конструкции для перефразированного повтора слов собеседника: «мне кажется, Вы чувствуете...», «я уверен, Вы чувствуете...», «я чувствую, что...», «я ощущаю, что...», «как я понимаю, Вы чувствуете...», «из сказанного Вами я понял(а) ...». Для поощрения к дальнейшему высказыванию рекомендуется использовать следующие языковые клише: короткие выражения «а!..», «действительно?...», «а дальше?...», «и?...», «что случилось потом?...», «расскажите об этом поподробнее...».

Основным достижением западной науки с точки зрения улучшения экологии общения в академическом дискурсе был переход на менее формальный регистр при передаче положительной информации (He's doin' really well / Academically she's wonderful / She's wonderful. She's

like a modest child. I mean she's just so sweet. An' such a good helper, an' friend, an' everything. She's just wonderful. She's such a sweet heart.[21]) и сохранение формального регистра с его хеджированными формами для передачи отрицательной информации (He/She may be involved with risky behaviors / The student showed inappropriate physical conduct directed toward others / The student is in the process of obtaining property from another with or without the person's consent by wrongful use of fear, threat, or force / The student caused others discomfort / The student has repeatedly over time interfered with a classmate through bullying or threats [22]), что в условиях индивидуалистских культур способствует продуктивности коммуникации. Судя по научным отчетам, в европейских странах и США данная практика показала свою эффективность, помогла педагогам лучше осознать свое профессиональное коммуникативное пространство и границы использования языковых конструкций и, таким образом, улучшить свой профессиональный имидж.

Однако в условиях культуры коллективистского типа, к которым относится Россия, результаты данных изысканий в полном объеме применяться не могут. В культурах коллективистского типа основой успешного речевого взаимодействия является взаимное уважение собеседников, а не вежливость или толерантность. Более того, на данный момент Россия находится в процессе смены культурного кода, при этом индивидуалистская культура легко усваивается молодым поколением, однако старшее поколение с трудом принимает новые реалии. В таких условиях чрезвычайно важным становится создание для будущих и действующих учителей практических руководств, которые будут содержать готовые варианты речевых высказываний, сгруппированные по категориальным эмоциональным ситуациям в общении с родителями,

например:

- как избежать нежелательного разговора;
- как начать и закончить неприятный разговор;
- как прервать разговор, не нарушая отношений с речевым партнером;
- как уйти от эмоционального страйка, заданного родителями;
- фразы для оценки академической деятельности ребенка;
- фразы для оценки поведения ребенка.

Для создания эффективного практического руководства необходимо провести серию исследований, включающую в себя:

- выявление эмоциогенного потенциала ключевых высказываний, употребляемых педагогами в ситуациях общения с родителями;

- языковой рефрейминг отрицательно эмоциогенных высказываний в положительные [23];
- проведение полевых исследований с целью апробации полученного языкового материала;
- составление практического руководства.

Для проведения такой серии исследований, безусловно, необходима государственная политика, целью которой является обучение учителей и студентов педагогических вузов экологически безопасному общению с родителями, что в конечном итоге будет способствовать более гармоничному развитию подрастающего поколения. Целью коммуникативного акта является продуктивный разговор с родителем, а не одностороннее высказывание претензий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Казанцева Е.А., Фаткуллина Ф.Г. Лингвоэкологические проблемы академического дискурса: сопоставительный аспект / Е.А. Казанцева, Ф.Г. Фаткуллина // Российский гуманитарный журнал (Liberal Arts in Russia). 2020. № 1.
2. Петрова Е.А. Логико-когнитивная интерпретация субстантивно-номинативных пропозем в диктежной дискурсивации: дисс... д-ра филол. н. Уфа. 2012.
3. Казанцева Е.А., Фаткуллина Ф.Г., Валиахметова Э.К. Практические проблемы исследования институционального дискурса // Вестник Башкирского университета. 2018. Т. 23. № 3.
4. Сапунова М.А. Работа с родителями как показатель успешного развития ребенка в условиях современной школы // Достижения науки и образования. 2020. №6 (60).
5. Нисская, А.К., Савина, Е.В. Общение педагогов и родителей. Анализ взглядов и предпочтений для позитивной коммуникации // СДО. 2018. №3(85).
6. Антонова, Н. Л. Особенности взаимодействия родителей и педагогов в дошкольном образовании // Образование и наука. 2018. Т. 20. № 2.
7. Худенева, М.Г. Проблемы взаимодействия молодых педагогов с родителями // Современное педагогическое образование. 2020. №4.
8. Вильгельм, А.М., Вильгельм, А.В., Садкина, Т.М. Представления родителей о коммуникативной культуре учителя // Педагогическое образование в России. 2018. №5.
9. Мустафаева, С. А. Сетевое взаимодействие педагогов с родителями в поликультурной образовательной среде начальной школы // Вестник ХГУ им. Н.Ф. Катанова. 2019. №30.
10. Зеленский, Н.Д., Николаева, А.А. Влияние ожиданий на выбор стратегии поведения в ситуации конфликта «родитель - педагог» // Бюллетень науки и практики. 2018. Т.4. №9.
11. Ботвина, И.В. Школа и семья: проблемы и поиски взаимодействия // Обучение и воспитание: методики и практика. 2014. №5.
12. Токтарова, В. И., Федорова, С. Н., Мокосеева, М. А., Кузьмин, Н. В., Флигинских, Е. Е. Профессиональный стандарт педагога и федеральные государственные образовательные стан-

дарты: сравнительно-сопоставительный анализ // Вестник Марийского государственного университета. 2019. № 3(35).

13. Казанцева Е.А. Особенности стратегий и тактик речевого воздействия в современном образовательном дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 2-2 (80).

14. Office of Head Start. Report to congress on the final Head Start program designation renewal system. Washington, DC: Administration for Children and Families, U.S. Department of Health and Human Services, 2011. URL: <https://webarchive.library.unt.edu/web/20130218095308/http://eclkc.ohs.acf.hhs.gov/hslc/standards/PIs/2011>. (Дата обращения: 25.08.2020)

15. Seidman, E., & Tseng, V. Changing social settings: A framework for action. Empowering setting and voices for social change. New York, NY: Oxford University Press, 2011.

16. Bocchino, R. Emotional Literacy: To be a different kind of smart. Calif.: Sage Publications, 1999.

17. Boler, M. Feeling Power: Emotions and Education. New York: Routledge, 1999.

18. Steiner, C. Emotional Literacy: Intelligence with a Heart. California, USA: Personhood Press, 2003.

19. Ozmen, F., Akuzum, C., Zincirli, M., & Selcuk, G. The communication barriers between teachers and parents in primary schools. // Eurasian Journal of Educational Research. 2016. № 66.

20. Symeou, Loizos, Roussounidou, Eleni and Michaelides, Michalis "I Feel Much More Confident Now to Talk With Parents": An Evaluation of In-Service Training on Teacher-Parent Communication // School Community Journal. 2012. Vol. 22. No.1.

21. Pillet-Shore, Danielle M. The problems with praise in parent-teacher interaction // The problems with praise in parent-teacher interaction. Communication Monographs. 2012. No 79(2).

22. Willson, C.C. Perfect Phrases for Classroom Teachers. NY, USA: The McGraw-Hill Companies, 2010.

23. Griffith, Bryant. Reframing Common Discourse. Sense Publishers, 2010.

© Казанцева Е. А.

© Валиахметова Э. К.

УДК 343.214(470)

Д. Р. КАСИМОВ, аспирант кафедры уголовного права и криминологии Удмуртского государственного университета (г. Ижевск)

D. R. KASIMOV, Postgraduate Student of the Chair of Criminal Law and Criminology, Udmurt State University (Izhevsk)

СИНТАКСИЧЕСКАЯ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТЬ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ОЦЕНОЧНЫХ ПОНЯТИЙ

SYNTACTIC UNCERTAINTY OF CRIMINAL LAW EVALUATIVE CONCEPTS

Аннотация. В статье рассматривается вызываемая союзом «и» синтаксическая неопределённость оценочных понятий уголовного закона, заключающаяся в неясности по отношению к необходимому для правовой квалификации количеству (один или более) подразумеваемых и нормативно указанных законодателем объектов, к которым относятся приписываемые оценочному понятию признаки. При этом отмечается, что данная неопределённость, существуя исключи-

тельно в рамках юридического дискурса, проявляется лишь между словами, характеризующими предметность (объекты понятийного обобщения), а не существенные признаки. Вместе с тем указывается, что синтаксическая неопределённость влияет на восприятие объёма (предметной совокупности обозначаемого) оценочного понятия, а не его содержания (существенных признаков). Делается вывод о том, что союз «и» выполняет дизъюнктивную роль, а потому каждый из перечисленных в уголовно-правовой норме объектов понятийного обобщения обладает индивидуальной юридико-квалификационной автономностью.

Ключевые слова и словосочетания: теория правового толкования, оценочные понятия, толкование оценочных понятий, синтаксис, синтаксическая неопределённость, семантико-синтаксические противоречия.

Annotation. *The article deals with the syntactic uncertainty of the evaluative concepts of criminal law caused by the conjunction «and», which consists in the ambiguity in relation to the number (one or more) required for legal qualification of objects implied and normatively indicated by the legislator, which include the attributes ascribed to the evaluative concept. At the same time, it is noted that this uncertainty, existing exclusively within the framework of legal discourse, manifests itself only between words that characterize objectivity (objects of conceptual generalization), and not essential features. At the same time, it is indicated that syntactic uncertainty affects the perception of the scope (subject set of the designated) of the evaluative concept, and not its content (essential features). It is concluded that the union «and» performs a disjunctive role, and therefore each of the objects of conceptual generalization listed in the criminal law norm has individual legal and qualification autonomy.*

Keywords and phrases: *theory of legal interpretation, evaluative concepts, interpretation of evaluative concepts, syntax, syntactic uncertainty, semantic and syntactic contradictions.*

Уголовно-правовые оценочные понятия, будучи важным регулятором общественных отношений, обладают сложной семантико-функциональной структурой, от восприятия которой зависит не только правильная интерпретация такого понятия и содержащей его нормы права, но и надлежащее их применение к конкретной ситуации. Между тем в некоторых случаях функционально-смысловое восприятие оценочного понятия затрудняется не только семантико-фактологической индетерминированностью (то есть отсутствием точных и в то же время закреплённых в Уголовном кодексе Российской Федерации) [1] (далее – УК РФ) условий семантической применимости понятия (также нормы права к конкретным ситуациям), но и грамматическим построением языковой конструкции оценочного понятия (в том числе нормы права), то есть выстроенной по грамматико-семантическим правилам совокупности лексем (слов), конституирующих (образующих) оценочное понятие. Одним из основных элементов (уровней) названного построения является синтак-

сис, без обращения к которому, как верно подмечает И. Л. Петрова, невозможна интерпретация правовых норм и понятий [2, с. 4]. В частности, именно синтаксис является источником рассматриваемой в рамках данной статьи неопределённости, которая присуща оценочным понятиям уголовного закона.

Следует заметить, что синтаксическая неопределённость уголовно-правовых оценочных понятий существует с момента принятия УК РФ, следовательно, она является не приобретённым свойством некоторых положений уголовного закона, а их исходным свойством, берущим своё начало из первоначальной редакции Уголовного кодекса РФ, о чём свидетельствуют, в частности, оценочные понятия «сведения, порочащие честь и достоинство другого лица» (ч. 1 ст. 129 УК РФ), «существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций» (чч. 1 статей 285, 286 и 293, ст. 288 УК РФ) и т.п.

Кроме того, рассматриваемая синтаксическая неопределённость является разновидностью семантической неопре-

делённости, поскольку синтаксис также влияет на смысловое восприятие как оценочного понятия, так и нормы права в целом. Вместе с тем синтаксическая неопределённость уголовно-правовых оценочных понятий в отличие от таковой, но присущей праву в целом не обладает большим многообразием форм своего проявления и может быть выражена, в частности, сочинительным соединительным союзом «и». В связи с этим важным является рассмотрение прежде всего причин образования данной синтаксической неопределённости.

Как известно, язык права базируется на тех же правилах словоупотребления, что и естественный язык, коль скоро является его функциональной разновидностью. По справедливому суждению А. Ф. Черданцева, язык права и естественный язык, будучи едиными в плане использования синтаксических правил, различны в некоторых семантических и стилистических аспектах [3, с. 134]. В связи с этим существующие в праве (в частности, уголовном праве) особенности семантико-функционального сочетания слов и служебных частей речи между собой являются первопричиной возникновения синтаксической неясности.

Поэтому естественный язык, являясь первоосновой человеческого мышления, задаёт как семантику слов (в общепотребительном аспекте), так и, в частности, общие правила грамматико-семантического сочетания слов между собой. Одновременно с этим язык права накладывает свой отпечаток на смысловое восприятие оценочного понятия и содержащей его нормы права, отягощая общую семантическую картину нормативного предписания императивным характером буквы уголовного закона и присущими ему функционально-систематическими связями. В результате чего субъект, интерпретируя нормативное предписание, должен следовать лингвистическим императивам (правилам русского языка) восприятия текста, конкретизируя при

этом их содержание правилами юридической техники (включая особенности правового синтаксиса) и регулятивными потребностями не только права в целом, но и того или иного нормативно-правового акта и его конкретной нормы, в частности. Потому языковой и уголовно-правовой виды императивности имплицитно для языковой конструкции оценочного понятия (также нормы права) однозначность её семантико-грамматического прочтения, порождая в несовершенных языковых конструкциях синтаксическую неясность.

В то же время следует обратить внимание на то, что интерпретатор, используя языковой, а вместе с ним и логический способы толкования, формирует исключительно буквальное семантико-грамматическое значение оценочного понятия и содержащей его правовой нормы; действительное же их значение раскрывается лишь тогда, когда правовое предписание подвергается более детальному и специфическому (функциональному, систематическому, юридико-техническому и т.п.) препарированию.

Проблема синтаксической неопределённости, присущей уголовно-правовым оценочным понятиям, возникает вследствие того, что сочинительный соединительный союз «и» инспирирует для некоторых названных понятий (например, «существенное нарушение прав и законных интересов граждан и (или) организаций» (ч. 1 ст. 203 УК РФ), «иные вещества и предметы, представляющие повышенную опасность для окружающих» (ч. 1 ст. 349 УК РФ) и т.п.) наличие грамматико-семантической конъюнкционной связи между словами, характеризующими объекты понятийного обобщения (предметы, явления, состояния и т.п.), а иногда и объекты уголовно-правовой охраны (например, честь и достоинство человека (чч. 1 статей 128.1 и 335 УК РФ)). В свою очередь, данная конъюнкционная связь порождает амбивалентное состояние по отношению к нормативно подразумева-

емому статусу объёма (предметной совокупности обозначаемого) оценочного понятия, другими словами, к значимой с точки зрения уголовного закона количественной характеристике означаемых оценочным понятием объектов (одному или нескольким), которым приписываются соответствующие, установленные законом признаки. В дополнение следует заметить, что, если бы законодателем использовалась эксплицитно выраженная дизъюнктивная (как, например, в оценочных понятиях «опасное для жизни или здоровья состояние» (ст. 125 УК РФ), «порнографические материалы или предметы» (чч. 1 и 2 ст. 242, ч. 1 ст. 242.2 УК РФ) и т.п.) или смешанная связь (например, «активное содействие раскрытию и (или) пресечению преступления» (к примеру, в примечаниях к статьям 110.2 и 291.1 УК РФ), «активное содействие раскрытию и (или) расследованию преступления» (к примеру, в примечаниях к статьям 204.2, 291 УК РФ) и т.п.), то синтаксической неопределённости можно было бы избежать.

Прежде чем перейти к сущности рассматриваемого правового явления, необходимо обозначить её объективные пределы, отграничивающие синтаксическую неопределённость от иных разновидностей бытия языковых конструкций оценочных понятий в уголовном законе. Так, существенные признаки (содержание) оценочного понятия могут быть изложены законодателем путём их перечисления с использованием союза «и» (например, «характер и степень фактического участия лица в совершении преступления» (чч. 1 статей 34 и 67 УК РФ), «психическое состояние, представляющее особую опасность и требующее постоянного и интенсивного наблюдения» (ч. 4 ст. 101 УК РФ) и т.п.). В такой содержательной детализации оценочного понятия, в отличие от синтаксической неопределённости, семантически (в том числе грамматически) соединяемые союзом «и» слова, во-первых, характери-

зуют не объекты понятийного обобщения (которые устанавливаются другими словами), а их правозначимые и в то же время существенные признаки (содержание понятия), во-вторых, относятся к конкретной понятийно инвариантной сущности (то есть к означаемому(-ым) понятием объекту(-ам) и потенциально возможным формам его (их) проявления). Кроме того, не обладает синтаксической неопределённостью и, к примеру, оценочное понятие «необходимая внимательность и предусмотрительность» (ч. 3 ст. 26 УК РФ), потому как нормативный контекст явно указывает на неизменное условие применения соответствующей нормы – одновременное наличие в фактических обстоятельствах как «необходимой внимательности», так и «необходимой предусмотрительности».

Таким образом, синтаксическая неопределённость оценочных понятий проявляется лишь в тех случаях, когда перечисляемые при помощи союза «и» слова непосредственно характеризуют разные по смыслу объекты понятийного обобщения (например, права и законные интересы (к примеру, в чч. 2 статей 142 и 292 УК РФ), иные вещества и предметы (к примеру, в ст. 205.3, ч. 1 ст. 349 УК РФ) и т.п.).

Вместе с тем необходимо обозначить также и особенности синтаксической неопределённости оценочных понятий уголовного закона. Основной особенностью рассматриваемой синтаксической неопределённости является то, что она, не изменяя семантико-коннотативной глубины содержания оценочного понятия (то есть степени его содержательной абстрактности, а значит и правозначимого статуса по отношению к интенсивности проявления количественных и (или) качественных характеристик тех или иных форм проявления понятийно означаемых объектов), трансформирует лишь восприятие применимости такого содержания к подразумеваемому законодателем количеству объектов, необходимых для

правовой квалификации. Иначе говоря, изменяется не глубина содержания оценочного понятия (она статична), а его объектная относимость (объём понятия). Именно в этом и состоит квинтэссенция рассматриваемой синтаксической неопределённости. Наряду с этим важно заметить, что нормативно очерченный объём оценочного понятия, если рассматривать его во всех потенциально возможных вариантах, не может подразумевать множество объектов более высокого порядка (то есть более широкий объём), поскольку при синтаксической неопределённости такой объём либо формально уменьшается (когда подразумевается альтернативность объектов (дизъюнкция)), либо остаётся неизменным (при конъюнкции, когда каждый из объектов является частью общей понятийной сущности; коль скоро при буквальном толковании соответствующих оценочных понятий имеет место семантико-функциональная обобщённость означаемых ими объектов).

Помимо этого, надлежит выделить ещё одну особенность. Так, синтаксическая неопределённость, присущая оценочным понятиям, проявляется лишь в рамках юридического дискурса, так как воспринимаемый текст нормативного предписания, будучи объектом лингвистического (естественно-языкового) познания, понимается в его непосредственной определённости (текстуально-семантической (буквальной) точности) как смысловая данность. Вследствие чего человеческое мышление не встречает каких-либо семантико-синтаксических противоречий, образующих неясность. Так, например, воспринимая оценочное понятие «серьёзная опасность для судна, его экипажа и пассажиров» (ст. 270 УК РФ) как обычный текст, лишённый правового начала, смысл высказывания становится ясным, не обладающим синтаксической неопределённостью, – серьёзная опасность, грозящая как судну, так и его экипажу, пассажирам.

Однако, когда тот же самый текст преломляется юридическим (в частности, уголовно-правовым) дискурсивным пространством, то естественно-языковая сущность означаемого обогащается нормативно-функциональными компонентами смысла, устанавливающими дополнительные критерии правильного понимания текста уголовного закона. В связи с тем, что каждый эксплицитно выделенный в норме права объект должен мыслиться в своей качественной определённости, то, соответственно, каждый из нормативно обозначенных объектов, исходя из семантики уголовного закона, может обладать индивидуальной юридико-квалификационной автономностью, то есть способностью быть необходимым и, в особенности, достаточным условием применения соответствующей нормы права. Подобная автономность, а также тот факт, что обозначенные объекты соединяются союзом «и», порождают разумные сомнения по поводу действительного (подразумеваемого законодателем) количества достаточных для правовой квалификации объектов (одного или нескольких).

Как было отмечено ранее, основным конструктивным элементом рассматриваемой синтаксической неопределённости, присущей оценочным понятиям, является сочинительный соединительный союз «и», лингвистическая сущность которого в подавляющем большинстве случаев имплицитно конъюнкцию, а значит и необходимость одновременного учёта сразу всех (а не отдельно взятых) нормативно перечисленных объектов. Однако, поскольку правила юридического и общего (естественно-языкового) словоупотребления в определённой степени отличаются друг от друга, то, соответственно, используемый законодателем союз «и» может подразумевать содержательно-квалификационную дизъюнкцию, обуславливающую не только номинативно-сущностную (фактическую) различимость нормативно перечислен-

ных объектов оценочного понятия, но и их юридико-квалификационную альтернативность (автономность) объектно-семантического порядка.

Исходя из изложенного, возникает основной для синтаксической неопределённости вопрос: какую роль выполняет союз «и» при перечислении в уголовно-правовой норме означаемых оценочным понятием объектов – конъюнкционную или дизъюнктивную? Прежде чем ответить на данный вопрос, необходимо обозначить следующее. Так, присущая уголовно-правовым оценочным понятиям синтаксическая неопределённость проявляется между смежными (например, жизнь и здоровье людей (п. «б» ч. 3 ст. 127.1 УК РФ)) и различными (например, вещества и предметы (к примеру, в чч. 1 и 4 ст. 212 УК РФ)) по характеру выраженности объектами. При этом важно заметить, что объекты в любой из названных разновидностей, во-первых, отнесены к одной родовой принадлежности, а во-вторых, мыслятся как самостоятельные сущности. Кроме того, если различные по характеру выраженности объекты исключают друг друга из своей качественной определённости, то смежные объекты, наоборот, являются сущностно когерентными (сопряжёнными) между собой, так как воздействие на состояние одного объекта, влияет на состояние другого объекта. Из этого следует, что каждый из обозначенных в норме права объектов способен обладать индивидуальной юридико-квалификационной автономностью, быть достаточным условием для порождения правозначимых (с точки зрения уголовного закона) фактов.

Так, применительно к различным по характеру выраженности объектам надлежит обозначить, что, к примеру, в оценочном понятии «иные вещества и предметы, представляющие опасность для окружающих» (ст. 205.3, чч. 1 и 4 ст. 212 УК РФ) объединены разнородные по выраженности объекты – вещества (как правило, химические соединения,

пребывающие в различных агрегатных состояниях) и предметы (качественно определённые (по форме, весу, размерам и т.п.) вещи материального мира); между тем как вещества, так и предметы принадлежат одной родовой категории, именуемой «материя». Или же, например, для оценочного понятия «систематическое употребление (распитие) алкогольной и спиртосодержащей продукции, одурманивающих веществ» (ч. 1 ст. 151 УК РФ): данное понятие консолидирует в себе, с одной стороны, смежные (разновидности продукции), но не тождественные по характеру выраженности объекты (продукция алкогольная (только пищевая продукция; спиртные напитки, вино и т.п.) и спиртосодержащая (как пищевая, так и непищевая (спиртосодержащие парфюмерия, медицинские изделия и т.п.) продукция); см. ст. 2 Федерального закона от 22.11.1995 № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» [4]), а с другой – разные объекты («продукция» и «вещество»), причём обладающие также и разными свойствами.

Что же касается смежных по характеру выраженности объектов, то применительно, например, к оценочному понятию «сведения, порочащие честь и достоинство другого лица» (ч. 1 ст. 128.1 УК РФ) следует указать, что посягательство на честь лица не только ставит под угрозу, но и влияет на другой, когерентный чести объект – человеческое достоинство; подобное утверждение справедливо и для обратной связи («достоинство–честь»). Или же, к примеру, для оценочного понятия «способ, опасный для жизни и здоровья многих людей» (п. «б» ч. 3 ст. 127.1 УК РФ): воздействие на здоровье людей ставит под угрозу их жизнь, равно как и посягательство на жизнь невозможно без непосредственного влияния на человеческое здоровье.

Таким образом, следует заключить, что содержащийся в языковой конструкции уголовно-правового оценочного понятия союз «и» выполняет именно дизъюнктивную роль, подразумевая тем самым юридико-функциональную автономность каждого нормативно выраженного и в то же время относящегося к оценочному понятию объекта. Важно заметить, что подобного рода дизъюнкция не исключает возможности фактического проявления одновременно нескольких (двух или более) объектов; в таком случае будет иметь место усиление степени правозначимости конкретных форм проявления понятийно обобщённых объектов.

Необходимо также подчеркнуть, что если бы нормативное предписание подразумевало конъюнкционную связь между словами, характеризующими объекты понятийного обобщения (а значит и юридико-квалификационную комплементарность (взаимодополняемость) в том числе), то к выражению семантики оценочного понятия предъявлялись бы излишне завышенные требования (в особенности для разнообразных объектов), подразумевающие одновременное наличие в обстоятельствах дела сразу нескольких объектов (двух или более). Например, наступление уголовной ответственности лишь тогда, когда имело место вовлечение несовершеннолетнего в систематическое употребление (распитие) как алкогольной и спиртосодержащей продукции, так и одурманивающих веществ (ч. 1 ст. 151 УК РФ). Однако для выражения семантики данного оценочного понятия необходимым и достаточным условием является систематическое употребление (распитие) хотя бы одного из указанных объектов (например, только алкогольной продукции [5] или только одурманивающих веществ [6]). Причём следует обратить внимание на то, что для некоторых оценочных понятий действительное подразумевание союзом «и» конъюнкционной связи доводило бы интерпретацию (а на практи-

ке ещё и правоприменение) до абсурда. Так, применительно к оценочному понятию «серьёзная опасность для судна, его экипажа и пассажиров» (ст. 270 УК РФ): капитан судна (либо лицо, выполняющее его обязанности), не оказав помощи людям, терпящим бедствие на море, подлежал бы уголовной ответственности лишь потому, что на его судне не оказалось пассажиров (людей, не являющихся членами экипажа) в тот момент, когда имела место серьёзная опасность не только для судна, но и его экипажа.

Помимо этого, важным является также следующий вопрос: обеспечивает ли синтаксическая неопределённость, выражаемая при помощи союза «и», функцию пробельной превенции? На данный вопрос следует ответить отрицательно, так как пробельная превенция, характеризующая, к слову, функциональную сторону оценочного понятия, достигается семантической глубиной (содержанием) и широтой (объёмом) названного понятия (понятийными атрибутами). Иначе говоря, даже при отсутствии союза «и» оценочное понятие (в том числе и норма права) будет являться средством предупреждения пробелов в правовом регулировании общественных отношений.

Одновременно с этим следует задать вопрос: является ли синтаксическая неопределённость, вызываемая союзом «и», технико-юридическим дефектом Уголовного кодекса РФ? Думается, что подобного рода неясность в определённой мере свидетельствует о наличии дефекта в языковой конструкции некоторых оценочных понятий. Однако данный дефект может быть устранён не только законодательным путём (то есть внесением изменений в соответствующие уголовно-правовые нормы), но и посредством функционально-логического анализа оценочного понятия и содержащей его нормы. Но всё же, по мнению автора, наилучшим способом устранения данной синтаксической неопределённости является внесение законодателем изменений

в УК РФ путём замены союза «и» союзом «или». Так, например, если изменить ч. 1 ст. 349 УК РФ с «нарушение правил обращения с оружием, боеприпасами, радиоактивными материалами, взрывчатыми или иными веществами и предметами, представляющими повышенную опасность для окружающих...» на «... взрывчатыми либо иными веществами или предметами...», то синтаксическая неопределённость оценочного понятия полностью устраняется.

В заключение важно указать, что синтаксическая неопределённость, при-

сущая оценочным понятиям уголовного закона, так или иначе свидетельствует о семантико-грамматическом несовершенстве отдельных уголовно-правовых норм (в рассмотренных аспектах), поскольку используемый в целях дизъюнкции союз «и» (в значении «или») лишь усложняет функционально-смысловое восприятие законодательной мысли, заставляя интерпретатора осуществлять дополнительные познавательные операции с буквой закона, чтобы постичь действительно подлинное (истинное) значение конкретного нормативного предписания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 30.12.2020) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.
2. Петрова И. Л. Правовой синтаксис: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006. 25 с.
3. Черданцев А. Ф. Толкование права и договора: учебное пособие. М.: Юнити-Дана, 2003. 381 с.
4. О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции: федеральный закон от 22.11.1995 № 171-ФЗ (ред. от 22.12.2020) // Российская газета. 29.11.1995. № 231.
5. Приговор Автозаводского районного суда г. Тольятти Самарской области от 22.08.2019 по делу № 1-272/2019. URL: https://avtozavodsky--sam.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&_id=148890842&_uid=5429c000-9d07-4af3-b070-208689f0784f&_deloId=1540006&_caseType=&_new=0&_doc=1&srv_num=1 (дата обращения: 10.01.2021).
6. Приговор Каширского городского суда Московской области от 04.03.2019 по делу № 1-30/2019. URL: https://kashira--mo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=61976954&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 10.01.2021).

© Касимов Д. Р.

УДК 82-322.4:81'42

О. В. ЛАВРОВА, доцент кафедры иностранных языков Уральского юридического института МВД России, кандидат филологических наук (г. Екатеринбург)

O. V. LAVROVA, Assistant Professor of the Chair of Foreign Languages of the Federal State Fiscal Educational Institution of Higher Education "Ural Juridical Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation", Candidate of Philology (Yekaterinburg)

**РЕФЕРЕНТНО-НОМИНАТИВНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА
ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В ХУДОЖЕ-
СТВЕННОМ ТЕКСТЕ В ДИСКУРСИВНОМ АСПЕКТЕ**

**REFERENTIAL-AND-NOMINAL REPRESENTATION OF IMAGE OF THE
REPRESENTATIVE OF THE LAW ENFORCEMENT AUTHORITIES IN THE
LITERARY TEXT: THE DISCURSIVE ASPECT**

***Аннотация.** В статье рассматриваются вне- и внутритекстовые особенности референтно-номинативной репрезентации образа представителя правоохранительных органов в художественном тексте на примере рассказа О. Генри "The Cop and The Anthem" («Фараон и хорал»). Определена концептуальная структура образа на внутритекстовом уровне (концепты «профессиональные компетенции», «профессиональная деятельность», «профессионально значимые черты характера», «мнение окружающих»), ее частотные референтно-номинативные языковые составляющие на уровне морфем, лексем, грамматики, стилистики. На внешнем по отношению к тексту уровне описывается образ представителя правопорядка, внетекстовым референтом которого являются полицейские начала XX века в США (Нью-Йорке), в связи с чем можно говорить о собирательном образе и его характеристиках в дескриптивном, коммуникативном и воспитательном аспектах для читателей, обучающихся в образовательных организациях МВД России.*

***Ключевые слова и словосочетания:** образ, концепт, представители правоохранительных органов, референтно-номинативные средства, экстратекстовые референтные отношения, интратекстовые референтные отношения, дискурс.*

***Annotation.** The article reveals the extra-, intratextual peculiarities of referential-and-nominal representation of the image of the representative of the law enforcement authorities in the literary text by O. Henry "The Cop and The Anthem". The conceptual structure of the image in the intratextual level (the concepts "professional competences", "actions and professional activity", "professionally required character traits", "the opinion of other people"), its frequently represented referential-and-nominal lingual components on the morphemic, lexical, grammatical, stylistic level were defined. On the extratextual level there was described the image of the representative of the law enforcement authorities, the extratextual referent of which was defined as the policemen of the beginning of the XXth century in the USA (New York). One can speak on the aggregate image characteristics in descriptive, communicative, educational aspect essential for the English learning cadets of educational organizations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.*

Keywords and phrases: image, concept, the representatives of the law enforcement authorities, referential-and-nominal means, extratextual referential relations, intratextual referential relations, discourse.

Образ представителя правоохранительных органов еще не изучался через призму референтных отношений в художественном тексте в рамках дискурсивной парадигмы текстовых исследований, не рассматривался на примере рассказа О. Генри “The Cop and The Anthem” («Фараон и хорал») с позиции воспитательного функционала, в том числе еще не исследована роль референтно-номинативных средств создания образа представителя правоохранительных органов в художественном тексте.

Представляют интерес процесс и формы реализации референтно-номинативных средств в художественных текстах для создания образа полицейского в англоязычном дискурсе. На примере рассказа “The Cop and The Anthem” сделаем выводы об этом образе и его концептах, которые дают представление о полицейском в американской картине мира начала XX в., что позволяет курсантам работать с дополнительной литературой для расширения языковых знаний, представлений о будущей профессии и профессиональных качествах, для повышения мотивации к учебе.

Раскрытие образа представителя правоохранительных органов в художественном тексте в референтно-номинативном аспекте в дискурсивном понимании совокупности знаний об объекте и его текстового представления является значимым, поскольку необходимо создание теоретического базиса исследования дискурсивной актуализации образа представителя правоохранительных органов в тексте референтно-номинативными средствами, выявление соотношения понятий «образ» и «концепт», составляющих образа полицейского на примере образа полицейского в рассказе О. Генри “The Cop and The Anthem”.

С позиции дискурса в языковой куль-

туре экстратекстовые референтные отношения устанавливают связь референта с системой его текстовых наименований; интратекстовые референтные отношения проецируют объект в текст интенционально заданными референтно-номинативными единицами в коммуникативной, дескриптивной, воспитательной функции. Каждый концепт объекта речи представлен частотными для него на разных языковых уровнях референтно-номинативными средствами. Все концепты объекта считаем составляющими его образа. В рассказе О. Генри “The Cop and The Anthem” образ полицейского составляют концепты «профессиональные компетенции», «профессиональная деятельность», «профессионально значимые черты характера», «мнение окружающих».

Обобщение теоретического материала о дискурсивной включенности экстра- и интратекстовых референтно-номинативных средств в составляющие образ полицейского концепты, представленные частотными языковыми единицами разных уровней, еще не рассматривалось с позиции теории. С точки зрения практики важны проверка теоретических выводов на примере образа полицейского в рассказе О. Генри “The Cop and The Anthem” и выводы по образу полицейского Нью-Йорка начала XX в. Кроме того, еще не была выявлена связь между культурологически и интенционально заданными референтно-номинативными средствами, концептами образа полицейского.

Перейдем к ключевым дефинициям. Дискурсом, по Т. ван Дейку, Ч. Болдику, М. Фуко, Дж. Брензан, В. Дресслеру, Х. Буссману, З. Харрису [1, с. 1-30], М.Н. Кожиной, считаем взаимосвязь текста с внетекстовыми референтами-прототипами объектов речи или условиями, влияю-

щими на создание, структуру, интенцию текста. Дискурс изучается через призму экстра- и интралингвистических факторов, соотношен с ментальной сферой автора-представителя лингвокультуры, включает систему знаний о проецируемых в него референтах, характеризует процесс текстопорождения, языковые составляющие текста. Дискурсивная связь текста с экстралингвистическими факторами обуславливает их интратекстовый способ репрезентации [2].

Референтными отношениями вслед за Н.Д. Арутюновой, Б. Эбботт, К.С. Доннеланом, Ф. Строссоном [3, с. 320–344] считаем отношения объектов внетекстовой реальности, проецируемой на внутритекстовую основу при помощи повторных номинаций в коммуникативной, воспитательной, дескриптивной функции в аспекте выражения мнения автора. Состав референтно-номинативных средств: экстра- и интратекстовые референтные отношения, включенные в их связанные между собой повторные номинации, проецирующие в текст референты. Под экстратекстовыми референтными отношениями понимаем отношения ряда соединенных повторных номинаций с объектом внетекстовой реальности, создающими концепты, связанные с описанием образов в рамках системы представлений об объекте речи в картине мира автора. Интратекстовыми референтными отношениями считаем внутритекстовые отношения цепочек соединенных повторных номинаций текста, имеющего соотношенность с референтом, выражающих на разных языковых уровнях концепты, дескриптивно репрезентирующие образы в рамках системы представлений об объекте речи в культуре и языковой картине мира автора.

Повторной номинацией, по З.Я. Тураевой, Н.Д. Арутюновой, Е.С. Кубряковой, [4, с. 90–93] считаем первичное и последующие наименования референтов, спроецированные на текстовую/дис-

курсивную основу и связанные в рамках текста/дискурса референтными связями и включенными в референтные отношения.

Образ в философском смысле, по В.Г. Кузнецову [5, с. 391–392], М.Н. Кожинной, В.В. Виноградову, Р. Джекендоффу [6, с. 54–97], Р.И. Павиленису, [7, с. 12] – перцептивная форма знания, субъективно отражающая реальность в словесной системе элементов. Образ многоаспектен в плане внутриязыкового выражения и его внешней историко-литературной, эстетической, социальной представленности. По мнению Е.С. Кубряковой, Р. Джекендоффа, к конституентам образа объекта относятся его концепты, представленные референтами, спроецированными в текст референтно-номинативными единицами.

Под образом в художественном тексте вслед за Е.С. Кубряковой, Р.И. Павиленисом, А.Ф. Лосевым [8, с. 175] понимаем когнитивно-оценочное ментально-языковое представление о внетекстовом объекте речи, описанном автором референтно-номинативными средствами, семантически складываемыми в концепты, устойчивые представления социально-исторического характера, выраженные на языковых уровнях (морфемике, лексикологии, грамматике, стилистике). К свойствам образа, по Д.Б. Ольховикову, относятся экспрессивность, метафоричность, оценочность (интенция), коммуникативность. А.П. Квятковский, В.В. Виноградов, Д.Н. Шмелев [9, с. 105] полагают, что образ тропеичен (металогичен, изобразителен) и нетропеичен (автологичен, интенционально задан), имеет двухуровневую структуру, выраженную экстра- и интратекстовыми референтно-номинативными средствами.

По Е.С. Кубряковой, В.В. Виноградову, в общефилософском смысле под концептом понимаем единицу ментально-психологических, мировоззренческих и культурологических ресурсов, в основе которой реальный объект речи, авторское социально, исторически и

культурологически обусловленное представление о нем, сформированное в ходе перцептивной, когнитивной деятельности, и языковой план его выражения. Концепты – «строительные элементы» образов, результат восприятия единиц картины мира.

Вслед за Е.С. Кубряковой, Р.И. Павленисом концептом с позиции дискурсивности считаем сложившиеся в обществе и культурологически детерминированные представления о свойствах объекта речи в культуре, картине и языковой модели мира. Отнесем к ним внешность, характер, деятельность, ее результат, мнение об объекте. Семантика концептов выражена при помощи референтно-номинативных средств на каждом из уровней языка, т.о. экстра- и интралингвистические референтные отношения включены в бинарную структуру концептов.

К концептам образа представителя правоохранительных органов в художественном тексте относим профессиональные компетенции, профессиональную деятельность, профессионально значимые черты характера и мнение окружающих.

К интратекстовым составляющим концептов отнесем референтно-номинативные средства на уровне морфемики, лексикологии (лексемы, словосочетания), грамматики (структуру предложения, морфологию), стилистики (тропы); на внешнем уровне включаем выражение общепринятого мнения об объекте через призму замысла автора в коммуникативной, воспитательной и дескриптивной функции.

Рассмотрим продуктивные типы референтных отношений в рассказе О. Генри "The Cop and The Anthem" на внутри- и внетекстовом уровне и определим их реализацию в данных функциях концептов и в создании образа полицейского. Автором рассказа, написанного в 1904 г., является выдающийся писатель-новеллист из США О. Генри. В рассказе необ-

ходимость получения жилья и питания на зиму, которые предоставляет бездомному Сопи тюрьма Блеквелл, сопровождается его нравственным перерождением. Важную роль в морально-нравственной трансформации бездомного к лучшему на фоне мелодии церковного хора играет образ представителя правоохранительных органов, зорко наблюдающего за действиями Сопи. Образ судьи, который назначил бездомному «три месяца на острове» завершает повествование, так как даже за благие намерения, подкрепленные противоправными действиями, последует наказание, поскольку обе ипостаси справедливости, небесная и земная, следят за главным героем и его поступками. Остановимся на представителе земной ипостаси справедливости и рассмотрим его с точки зрения языковых составляющих концепта и общей репрезентации, функционала образа. Его внетекстовым референтом считаем представителей правопорядка Нью-Йорка начала XX в., собирательный образ полицейского.

Опишем составляющие концепта «представитель правоохранительных органов» во внетекстовом аспекте при помощи референтно-номинативных средств на разных языковых уровнях.

На морфемном уровне в представлении полицейского преобладают составные номинации; частотным является наименование профессиональной деятельности ("policeman", "a policeman in the lead"). С той же целью используется частотная в американском дискурсе лексема "cop", состоящая только из корня. Частотен префиксально-суффиксальный способ образования номинаций ("...of severe demeanour", "the men who wear helmets and carry clubs", "the officer", "the pleasant official clutch").

Лексический уровень репрезентации образа представителя правоохранительных органов включает номинации общенародной социально-ограниченной лексики (сленга); типичны номинации

“a cop”, “but the cop was watching”, переходящие в разговорную лексику – контекстуальную замену неопределенным местоимением “one” (“Why don’t you call a policeman?”, “Why don’t you call a cop? There stands one on the corner.”), отмечающие принадлежность главного героя к асоциальным элементам, необходимость воздействовать на него для его морального становления; присутствуют жаргонизмы (собственно жаргонизмы, характерные для асоциальных элементов для опознавания противников их жизненного уклада летом, их «благодетелей», представляющих им по решению судьбы «три месяца на острове» зимой). К ним относим лексемы “brass buttons” («медные пуговицы на мундире») – выражение более старое по сравнению со сленговым “cop”, указывающее на детали одежды хранителя правопорядка, то же можно сказать и о номинациях “a policeman in the lead”. Частотны номинации с лексикой активного запаса – термины, обозначающие меры пресечения “three Months on the Island”, работников суда “the Magistrate”, саму тюрьму “Blackwell” (собственно топоним), “the Island”, “tight little right little island”, имеющие связь со сленговыми описательными номинациями в иронической функции (что для нормального человека наказание, для Сопи на зиму «благословение», «паломничество»), выстраивающие пространственные взаимодействия правового характера, в рамки которых вписан образ полицейского. Иронично описанный автором накал страстей, когда Сопи не может попасть в тюрьму, дополняется возвышенными и книжными номинациями представителя правопорядка, его действий “the pleasant official clutch”, “the law’s minions”, образа мысли “The policeman’s mind”, внешности “a large policeman of severe demeanour”.

На грамматическом уровне репрезентации образа полицейского его действия как представителя земной справедливости способствуют духовному росту

героя, сдерживают Сопи от проступков (“a policeman of severe demeanour” – генитивная конструкция); он приглядывает за Сопи, который получает по заслугам от представителей земной справедливости. Грамматические конструкции “Why don’t you call a policeman?...Why don’t you call a cop?”, выраженные повторами специальных вопросов, перерастают в переоценку жизненных целей: “He would pull himself out of the mire; he would make a man of himself again; he would conquer the evil ... he would resurrect his ... ambitions... Those solemn but sweet organ notes had set up a revolution in him. ... he would go into the ... downtown district and find work. ... He would ... ask for the position. He would be somebody in the world. He would-- ...” “Three Months on the Island”, said the Magistrate...”. Комизм ситуации заключается в том, что, игнорируя справедливость общественную, справедливость небесную, главный герой не в силах ее обойти, она настигает его; минутный духовный катарсис, возникший из-за “Sabbath anthem” возвращает его к справедливости земной и представителям правопорядка, чью важную роль в обществе нельзя игнорировать. Полицейский является нравственным ориентиром, предложенным автором главному герою, для осознания своего места в обществе, необходимости трудиться, достигать чего-то в жизни, а не пользоваться сомнительными благами пребывания в заключении, «переезжая на зимние квартиры» во время холодного сезона. Данный ориентир Сопи замечает после пересмотра своих жизненных ценностей (“a hand laid on his arm”, “the broad face of a policeman”). Тщетность попыток главного героя избежать наказания со стороны представителей закона репрезентируется с помощью грамматических конструкций с Future-in-the-Past.

Обратимся к стилистическому уровню референтно-номинативного выражения представителя правоохранительных органов (тропам). Частотны эпитеты

(“the law’s minions”, “a large policeman of severe demeanour”), выражающие серьезность внешности и сферы деятельности полицейского, метонимии по модели «целое-часть» для акцентирования внимания на приближении (“at the sight of brass buttons”) либо серьезности намерений представителя правопорядка (“The policeman’s mind refused to accept Soapy even as a clue.”), оксюморон (“the pleasant official clutch upon his arm that would ensure his winter quarters on the right little, tight little isle”), показывающий абсурдность представлений о жизненных целях и душевных устремлениях главного героя.

Опишем внешний уровень репрезентации концептов образа полицейского. Концепт «профессиональные компетенции» реализуется на морфемном уровне с помощью суффиксов деятеля (“the officer”), составных слов (“the policeman”), на лексическом уровне – в сленговых лексемах (“a cop”/“brass buttons”), на уровне грамматики представлены повторы, призывающие пригласить стража правопорядка для решения актуального для Сопи вопроса проживания в виду его «нарочитых» правонарушений. Для передачи абсурдности ситуации, произошедшей с главным героем, профессионализм полиции рассматривается автором через призму мышления Сопи и сводится не к поддержанию порядка в обществе, а к возможности арестовать Сопи, приблизив его пребывание на “tight little, right little island”; он “would fall into their pleasant official clutches”, что выражено референтно-номинативными средствами с использованием оксюморона и метонимии и сводится к возможности принять решение арестовать (“the policeman’s mind”) или узнать полицейских в толпе (“brass buttons”). Частотны номинации-эпитеты для описания слуг закона (“the law’s minions”).

В концепте «профессиональная деятельность» полицейского на уровне

морфем встречаем преобладание суффиксального способа образования номинаций: суффикс деятеля “-er” (“the officer”), суффикс множественного числа (“the law’s minions”), что подчеркивает принадлежность представителей правоохранительных органов к государственной службе, а их действия – к действиям, предписанным законом. Лексический уровень представлен контекстуальными заменами для выражения пренебрежения асоциальных элементов по отношению к представителям правопорядка “There stands one on the corner.”, повторами корня “he wanted to fall into their clutches”, “the pleasant official clutch upon his arm that would insure his winter quarters” или их контекстуально-синонимичной заменой “a hand laid on his arm”, “some dreadful enchantment had rendered him to immune to arrest”. Сопи игнорирует факт того, что представители правоохранительных органов должны поддерживать справедливость, он рассматривает их как «средства попадания в тюрьму для зимовки». На грамматическом уровне концепт профессиональной деятельности представлен аспектом длительности (“but the cop was watching”), интродуктивными конструкциями (“There stands one on the corner.”), указывающими на профессиональные действия полицейского. Все напрасные надежды Сопи представлены конструкциями сослагательного наклонения Future Simple-in-the Past («неужели не», «обеспечил бы»), отражают субъективно-оценочную модальность говорящего в описании действий полицейского, придают комичность, абсурдность ситуации (“Would never a policeman lay his hands on him?”). Стилистический уровень репрезентации действий представлен оксюморонами (“the pleasant official clutch upon his arm that would insure his winter quarters...”), создает контраст между правомерными действиями полицейского по задержанию нарушителя общественного порядка и мнимой радостью бездомного попасть в

тюрьму, что подчеркивает подмену главным героем истинных ценностей ложными.

В концепте «профессионально значимые черты характера» встречаются примеры суффиксального образования номинаций, обращения к составным номинациям на уровне морфем (“a large policeman of severe demeanour”), что подчеркивает непримиримость полицейского в борьбе с нарушителями; это представлено во внешности представителя правопорядка и распространяется на ожидаемые от него действия. Выдержка, спокойствие и ответственность представлены на лексическом уровне возвышенной лексикой (“the law’s minions”), сленгом (“but the cop was watching”). Стилистически данный концепт почти не представлен.

Концепт «мнение окружающих о представителе правопорядка» на морфемном уровне показан с помощью суффиксального способа образования в прилагательных, описывающих качества объекта (“the pleasant official clutch”); это необходимо для противопоставления полицейского главному герою, что позволяет иронически представить Сопи. Грамматический уровень репрезентирован повторами конструкции согласительного наклонения “would”, показывающего тщетные ожидания бездомного от представителей правопорядка. На лексико-стилистическом уровне представлены атрибутивные конструкции, катафорические (“a large policeman of severe demeanour”, “the pleasant official clutch”) и анафорические номинации (“a policeman in the lead”, “the broad face of a policeman”), которые добавляют образу детали. На стилистическом уровне видим метонимические номинации, связанные с суровыми внешними данными, мыслительным процессом (“The policeman’s mind”, “a hand laid on his arm”, “the broad face of a policeman”) и формой (“the men who wear helmets and carry clubs”, “a policeman in the lead”, “brass buttons”, “a

cop”).

Опишем образ полицейского в тексте. Ответственность за выполнение своих обязанностей и наличие профессиональных качеств создают комический контраст между серьезным представителем правопорядка и недалеким Сопи. К концептам образа полицейского относим профессиональные компетенции, профессиональную деятельность, профессионально значимые черты характера и мнение окружающих. Представитель правоохранительных органов предстает в рассказе как иная инстанция справедливости, ее «земная часть», протагонист по отношению к главному герою, обладающий выдержкой, спокойствием, ответственностью, непримиримостью в борьбе с нарушителями, одетый в униформу «с иголки», безупречно выполняющий свою работу. Несмотря на «минутный внутренний катарсис» Сопи, наказание за проступки настигает его.

К внутритекстовым составляющим концептов отнесем референтно-номинативные средства на уровне морфемки, лексикологии (лексемы, словосочетания), грамматики (структуру предложения), стилистики (тропы). На внетекстовом уровне включаем выражение общепринятого мнения об объекте через призму замысла автора в коммуникативной, воспитательной и дескриптивной функции.

В качестве вывода отметим, что с позиции теории выявлены способы описания образа представителя правоохранительных органов в художественном тексте, определены его составляющие через призму референтно-номинативных средств в дискурсивном аспекте (референт – система представлений о нем – социально, культурологически, исторически детерминированный собирательный образ – его репрезентация в тексте).

Для анализа художественного текста с позиции практической работы значимыми считаем выводы, сделанные на внутритекстовом уровне. Выявлены ча-

стотные типы референтно-номинативных средств создания образа полицейского в разных языковых аспектах.

С позиции дискурса отметим интенциональную реализацию референтно-номинативных средств в концептах образа представителя правоохранительных органов на примере рассказа “The Cop and The Anthem”. Образ полицейского позволил обобщить способ его представления, его коммуникативно-интенциональную обусловленность, выявить его дидакти-

ческую значимость.

Значимой на методико-педагогическом уровне считаем мотивацию к осознанию важности будущей профессии курсантами благодаря поучительности текста. Самостоятельная работа обучающихся образовательных организаций МВД РФ с подобными текстами на занятиях по дисциплине «иностраный язык» поможет акцентировать их внимание на значимости будущей профессии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Harris Z.S. Discourse analysis. // Language. – 1952. – No. 28. – P. 1–30.
2. Дейк Т. ван. Язык: понимание и коммуникация. Пер.с англ., под ред. В.И. Герасимова. – М.: Прогресс, 1989. – 310 с.
3. Strawson P.F. On Referring. // Mind. New Series. – 1950. – Vol.59. – No. 235. – P. 320–344.
4. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г., Краткий словарь когнитивных терминов под ред.Е.С. Кубряковой. – М.: Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. – 243 с. – С. 90-93.
5. Словарь философских терминов: словарь. Под ред. В.Г. Кузнецова. – М.: ИНФРА-М, 2005. – изд. XVI. –731 с. – С. 391-392.
6. Jackendoff R. Semantics and Cognition. – Cambridge, M.A.: The M.I.T. Press, 1984. – 283 pp. – P. 54, 97.
7. Павиленис Р.И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. – М.: Мысль, 1983. – 286 с. – С. 12.
8. Лосев А.Ф. Проблемы художественного стиля. – Киев: Киевская Академия Евробизнеса. – 1994. – 286 с.
9. Шмелев Д.Н. Слово и образ. – М.: Изд-во академии наук СССР, 1964. – 119 с.

© Лаврова О. В.

ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА, ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИКИ И ОБРАЗОВАНИЯ.
ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 343.825(470)

Э. В. ЗАУТОРОВА, профессор кафедры юридической психологии и педагогики Вологодского института права и экономики ФСИН России, доктор педагогических наук, профессор (г. Вологда)

E. V. ZAUTOROVA, Professor of the Chair of Legal Psychology and Pedagogy of Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Vologda)

Ф. И. КЕВЛЯ, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, доктор педагогических наук, профессор (г. Москва)

F. I. KEVLYA, Chief Researcher of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Moscow)

ПРОФИЛАКТИКА ПРОТИВОПРАВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

PREVENTION OF ILLEGAL BEHAVIOR OF CONVICTS IN PLACES OF DEPRIVATION OF LIBERTY

Аннотация. Проблема профилактики правонарушений в местах лишения свободы приобретает в настоящее время особую актуальность. Предупреждение преступности – это система мер, предпринимаемых государственными органами, общественными организациями, представителями власти и другими лицами, направленных на противодействие процессам детерминации преступности, имеющие целью ресоциализацию потенциальных преступников, предотвращение совершения новых преступлений. Профилактика - это не только деятельность, направленная на выявление и устранение (или нейтрализацию) причин и условий преступлений, но и на их компенсацию, направленную на правомерное поведение личности. В данной статье представлены результаты теоретического и практического анализа осуществления профилактической деятельности, направленной на изменение противоправного поведения осужденных в условиях исправительного учреждения. Авторы статьи также обращают внимание на то, что успешная профилактика противоправного поведения осужденных предполагает изучение их личности, а также проведение мер индивидуального воспитательного воздействия.

Ключевые слова и словосочетания: места лишения свободы, осужденные, противоправное поведение, преступная деятельность, профилактическая работа, меры коррекционного воздействия.

Annotation. *The problem of crime prevention in places of deprivation of liberty is currently becoming particularly relevant. Crime prevention is a system of measures taken by state bodies, public organizations, government officials and other persons aimed at countering the processes of determining crime, with the aim of re-socializing potential criminals, preventing the commission of new crimes. Prevention is not only an activity aimed at identifying and eliminating (or neutralizing) the causes and conditions of crimes, but also at their compensation, aimed at the legitimate behavior of the individual. This article presents the results of theoretical and practical analysis of the implementation of preventive activities aimed at changing the illegal behavior of convicts in a correctional institution. The authors of the article also draw attention to the fact that successful prevention of illegal behavior of convicts presupposes the study of their personality, as well as measures of individual educational impact.*

Keywords and phrases: *places of deprivation of liberty, convicted persons, illegal behavior, criminal activity, preventive work, corrective measures.*

В последние годы рост преступности в нашем обществе повлек осложнение оперативной обстановки в исправительных учреждениях. В местах лишения свободы продолжает совершаться значительное количество правонарушений, связанных с получением осужденными запрещенных предметов, денег, спиртных напитков, наркотических веществ и многого другого. Особую озабоченность вызывает активизация противоправных действий группировок осужденных отрицательной направленности, учащения случаев совершения нападений на представителей администрации, увеличение числа побегов, убийства, причинений вреда здоровью осужденных, возрождение «воровских законов» и т.п.

Все это в целом подрывает и дезорганизует процесс исправления осужденных. В связи с этим основные усилия оперативных подразделений, воспитательной службы и психологического отдела должны быть направлены на предупреждение и пресечение противоправных действий осужденных в исправительном учреждении для его эффективного функционирования и осуществления исправительного процесса.

Вопросы профилактической деятельности (теоретико-правовые, психолого-педагогические и другие ее аспекты), осуществляемой в местах лишения свободы рассматривались многими учеными, как И. П. Башкатов, В. В. Бочкарев, В. М. Литвишков, М. П. Стурова, О. Д. Трофименко, В. И. Хомлюк, В. Е. Южанин и

др. Основной целью профилактической работы, как отмечают исследователи, является недопущение правонарушений со стороны лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы (далее – УИС), посредством системы профилактических мероприятий, которые должны осуществляться в тесном взаимодействии с правоохранительными органами города, области, края (профилактика преступлений, предотвращение проникновения на территорию исправительных учреждений запрещенных предметов, обеспечение безопасности персонала и осужденных и т.д.) [3: 6].

Анализ показал, что основными преступлениями в местах лишения свободы по итогам 2020 года стали такие, как нелегальное пользование осужденными средствами мобильной связи: изымаются сотовые телефоны, блокируются абонентские номера сим-карт, сотрудники постоянно выявляют страницы в социальных сетях, принадлежащих осужденным, отбывающим наказание в исправительных учреждениях и т.д.

Так же в 2020 году в учреждениях УФСИН России по Вологодской области был допущен побег из-под надзора с выводного объекта и зарегистрировано 10 преступлений, совершенных спецконтингентом: п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ (сбыт наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов в крупном размере); ч. 3 ст. 291 УК РФ (дача взятки должностному лицу); ч. 1 ст. 228 УК РФ (попытка доставки наркотических ве-

ществ); ч. 1 ст. 313 УК РФ (побег из места лишения свободы, совершенный лицом, отбывающим наказание); п. «а», «в» ч. 2 ст. 163 УК РФ (вымогательство, совершенное группой лиц по предварительному сговору с применением насилия); п. «в» ч. 2 ст. 115 УК РФ (умышленное причинение вреда здоровью); ч. 2 ст. 321 УК РФ (применение насилия, совершенного в отношении сотрудника); ч. 2 ст. 321 УК РФ (применение насилия, совершенного в отношении сотрудника); ч. 3 ст. 291 УК РФ (дача взятки должностному лицу); ч. 3 ст. 291 УК РФ (дача взятки должностному лицу) [10].

Согласно инструкции [9], профилактика правонарушений проводится сотрудниками заинтересованных подразделений учреждения УИС во взаимодействии с соответствующими подразделениями территориальных органов ФСИН России, правоохранительными органами, государственными и общественными организациями. Так, по данным Информационного центра УМВД России по Вологодской области оказана помощь в раскрытии более 500 преступлений, в том числе тяжких и особо тяжких. Оказана помощь ОВД в раскрытии 40 преступлений прошлых лет (в среднем одним оперуполномоченным оказано содействие ОВД в раскрытии 7,4 преступлений).

При этом постоянно в исправительных учреждениях проводится работа по перекрытию каналов поступления наркотических веществ. Оперативными аппаратами направляются информационные сообщения по линии незаконного оборота наркотиков, активно проводятся совместные мероприятия с УФСБ и УМВД России по Вологодской области в отношении лиц, подверженных влиянию идеологии экстремизма и терроризма. Так, в ходе оперативно-профилактической работы в ИК-12 УФСИН России по Вологодской области разобрана преступная группа, сложившаяся по национальному признаку, участники которой имели умы-

сел на дестабилизацию оперативной обстановки [8].

Деятельность сотрудников учреждений УИС по предотвращению правонарушений связана с выявлением лиц, имеющих намерение совершить правонарушение, и принятием к ним мер превентивного характера с целью недопущения реализации этих намерений (на стадии обнаружения умысла) [4: 9]. Особо контроля требуют такие категории осужденных, как лица из числа лидеров уголовно-преступной среды, активные участники групп осужденных отрицательной направленности, осужденные за совершение преступлений террористического характера и экстремистской направленности и др. Все осужденные, стремящиеся занять лидирующие позиции, состоящие на оперативном учете «лидер УПС», изолируются от общей массы спецконтингента и в качестве профилактики распространения криминальной субкультуры переводятся в помещения камерного типа в строгие условия содержания наказания.

С указанными категориями осужденных ведется целенаправленная оперативно-профилактическая работа по склонению к отказу от намерений по противодействию законным требованиям администрации, соблюдению установленного порядка отбывания наказания. Как правило, эти осужденные ставятся на профилактический учет при наличии достоверных и проверенных сведений об их намерениях совершить правонарушение или негативном влиянии на других лиц, а также медицинские и психологические показания [1; 2].

В психолого-педагогическую группу причин, объясняющих криминальное поведение осужденных данной категории, следует включать такие признаки как крайняя нетерпимость к людям, формирование психологической установки на отказ в участии в общественной жизни, на отрицание действующего государственного устройства; отрицание

и подавление всяческого проявления инакомыслия; культивирование слепого повиновения и исполнения приказов лидера отрицательной направленности; психологическое давление на осужденных, манипуляция их сознанием [2: 5].

При организации профилактической работы, психолого-педагогического воздействия на личность осужденного важно учитывать тот факт, что чем больше субъект вовлечен в криминальное сообщество, тем более он становится убежденным в правоте принятой в группе идеологии. Поэтому для тюремных лидеров вовлечение их членов в конкретные поведенческие акты (а не только в подготовку к ним или пропаганду) является главной задачей.

Организация профилактической работы с осужденными подразумевает анализ социального положения и социальных функций, выполняемых лицами, лишенными свободы, при отбывании наказания. Иными словами, необходимо рассматривать личность нарушителя в соответствии с тем, на какой стадии правовых отношений она находится, какие социальные функции выполняет. Когда преступник осуждается судом и попадает в места лишения свободы, он начинает выполнять особые социальные роли, которые обусловлены требованиями режима, трудовой деятельности и обучения, положением среди других осужденных.

Все многообразие и разноплановость индивидуально-психологических особенностей лиц, осужденных, являющихся носителями криминальных убеждений, с которыми необходимо вести профилактическую работу позволяет, тем не менее, выделить четыре типа [2; 5]:

1) тип сильный, но неуравновешенный с преобладанием возбуждения; одержимый множеством идей и эмоций, увлекающийся, но быстро остывающий. Лицам, относимым к данному типу, характерно непримиримое противостояние режиму содержания, группам, существу-

ющим в исправительном учреждении и т.д.;

2) тип сильный и устойчивый, уравновешенный, иногда инертный; спокойный, не склонен к перемене окружения, хорошо сопротивляется сильным и продолжительным раздражителям. Данному типу присуще четкое деление людей на «плохих» и «хороших», жесткое разграничение добра и зла;

3) тип сильный, уравновешенный, подвижный, человек быстрый, легко приспособливающийся к изменчивым условиям жизни. Его характеризует высокая сопротивляемость трудностям жизни. Наиболее адаптивный среди всех типов. Его решения строятся не на ситуативных эмоциях, а на устойчивых убеждениях, основанных на жизненном опыте;

4) тип характеризуется слабостью нервной системы, причем как процесса возбуждения, так и торможения, обычно плохо сопротивляется воздействию сильных положительных и тормозных стимулов. Они часто пассивны, заторможены. В особенности их деятельность тормозится негативными моральными переживаниями, которым они придают большое значение. Воздействие слишком сильных раздражителей может стать для представителя четвертого типа источником нарушений поведения.

У лиц, имеющих большой опыт преступной деятельности преобладает вполне сформировавшаяся и ярко выраженная антисоциальная позиция, сложившееся мировоззрение, криминальные установки, которые закрепились в привычках. Совершение каждого нового преступления требует все меньшего напряжения.

Сложившийся стереотип препятствует изменению поведения личности в лучшую сторону. Эти лица не только равнодушны к воспитательным воздействиям, но и всячески оказывают сопротивление сотрудникам. С ними необходимо проводить индивидуальную профилактическую работу, основанную на принципах индивидуального воздей-

ствия, как знание индивидуальных особенностей особо опасных осужденных, индивидуальный подход к осужденному, проектирование личности рецидивиста, составление программы воспитательных воздействий, учет и анализ достигнутых результатов воспитания и др. [7]. При этом необходимо учитывать комплексный подход, как к изучению отдельных осужденных, так и к работе с группами осужденных, включая в нее как можно больше людей: учителей, воспитателей, мастеров, представителей общественности, руководителей предприятий, социальных работников и т.д.

В связи с этим изучение личности осужденного осуществляется всеми службами исправительного учреждения (воспитательный отдел, отдел безопасности, оперативный отдел, отдел специального учета, психологическая лаборатория, профессиональное училище, школа, предприятие, медицинская часть) через сбор информации из личных дел и полученной сотрудниками различных подразделений. Информация также может поступить из других источников (корреспонденция, заявления осужденных, изучение записей в Книге учета заявлений и сообщений о преступлениях, Журнале учета предложений, заявлений и жалоб осужденных, Журнале учета нарушений режима отбывания наказания и др.), где и могут содержаться сведения о противоправном поведении и намерениях осужденных.

Изучение личности как субъекта преступного деяния является важным моментом в организации профилактической, воспитательной и психокоррекционной работы с данной категорией осужденных. Необходимо также изучение социально-психологической обстановки и настроений осужденных, их отношения к персоналу учреждения УИС. При этом важно устранение причин и условий, способствующих сближению криминально настроенных осужденных, для этого требуется проводить коррекцион-

но-воспитательную работу с вновь прибывшими осужденными, осуществлять правовое просвещение спецконтингента, гибко использовать меры дисциплинарного воздействия.

В этой связи существенным условием исправления осужденных различных типов является формирование у них положительных мотивов социально полезной деятельности. В этих целях для предупреждения преступности и правонарушений в местах лишения свободы администрация исправительного учреждения использует различные способы воздействия на осужденных. Среди них можно отметить следующие: трудоустройство осужденных на предприятиях колонии (например, в Вологодской области во всех мужских колониях имеется работа, связанная с лесозаготовкой или деревообработкой и пр.), обучение в школах и профессиональных училищах.

Необходимо также способствовать рациональному использованию свободного (внерабочего) времени лиц, лишенных свободы. В целях совершенствования воспитательной работы по профилактике преступности в местах лишения свободы особо внимания требуют осужденные отрицательной направленности, придерживающиеся субкультуры уголовного мира, которая, как известно, оказывает влияние на эффективность работы любого исправительного учреждения.

Мы выделяем также такие направления профилактической работы с осужденными в местах лишения свободы, как создание условий для реализации субъективных прав осужденных различных типов в сферах труда, быта, досуга, и работу пенитенциарного психолога с нежелательными психологическими формами защиты, в том числе по отношению к действиям администрации, которые подрывают доверие к ней, порождают неверие в справедливость, осложняют воспитательную работу в целом, способствует рецидиву преступного поведения.

Пенитенциарная теория и практика признают обучение одним из главнейших средств исправления преступников. Одним из перспективных направлений является дистанционное обучение. Новые технические методы решают проблему отсутствия компетентных специалистов, которые не идут работать со столь сложной категорией учащихся. В этой связи при обучении взрослых осужденных возникает объективная необходимость совершенствования учебного процесса и повышения его эффективности и качества. Важная роль в решении этой проблемы отводится средствам обучения и организации процесса.

Обучение положительно отражается на микроклимате в колониях, обеспечивает полезную занятость осужденных, делает содержательным их досуг, позитивно влияет на состояние дисциплинарной практики, а также способствует стабилизации оперативной обстановки. Результаты тестирования осужденных-студентов показали, что у них «развиваются и укрепляются целеустремленность, самостоятельное мышление, чувство ответственности, способность принимать конструктивные решения, значительно повышается интеллект». В УИС разрабатываются определенные меры по стимулированию осужденных к повышению образовательного уровня: перевод на лучшие условия содержания, поощрения, условно-досрочное освобождение.

Среди направлений воспитательной работы по профилактике правонарушений на первое место мы ставим формирование нравственности и развитие социально полезных навыков осужденных. Необходимо развивать предоставление программ нравственной направленности, поскольку такие программы дают

возможность осужденному переосмыслить свой предыдущий способ поведения, перестроить систему ценностей, развить социально-полезные личностные качества [5]. Они также увеличивают перспективы успешной ресоциализации осужденных, а значит снижение вероятности рецидива.

Таким образом, профилактическая работа с осужденными в местах лишения свободы предполагает предупреждение возникновения новых преступлений, создание групп отрицательной направленности, выявление лиц, которые могут стать лидерами группировок. Важную роль в профилактике преступлений и правонарушений играет индивидуальная воспитательная работа с осужденными, активно проводимая работа по стимулированию правопослушного поведения осужденных в местах лишения свободы.

Организация профилактической работы в целях эффективности процесса исправления осужденных должен происходить с учетом субъективных и объективных факторов, поскольку он заключается не только в устранении отрицательных и в укреплении положительных качеств личности, но и в выработке умения противостоять неблагоприятным социально-психологическим обстоятельствам в исправительном учреждении.

В современных условиях необходимо совершенствование правового регулирования профилактической и воспитательной работы, а также поиска новых форм и методов организации и проведения такой работы в исправительных учреждениях. При этом следует акцентировать внимание на обеспечении комплексного подхода, охватывающего социальную, воспитательную, а также психологическую работу с осужденными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бачурин А. Г., Щеглов А. И. Порядок постановки и снятия с профилактического учета ОВД отдельных категорий граждан, проведение сотрудниками полиции профилактической ра-

боты с лицами, состоящими на профилактическом учете, в целях предупреждения совершения ими преступлений и административных правонарушений : учебно-методическое пособие / А. Г. Бачурин, А. И. Щеглов. Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2016. 48 с.

2. Белокуров Г. И. Подходы к изучению формирования личности террориста / Г. И. Белокуров // Прикладная юридическая психология. – 2008. – № 2. – С. 68–72.

3. Герасимов С. И. проблемы преступности в современных условиях / С. И. Герасимов // Закон и право. – 1999. – №4. – С. 3-8.

4. Елесьнин М. В. Преступность в исправительных учреждениях – как форма девиантного поведения / М. В. Елесьнин // Следователь. –2002. – №2. – С. 41-43.

5. Зауторова Э. В. Программа психолого-педагогического воздействия на осужденных, являющихся носителями религиозных экстремистских убеждений / Э. В. Зауторова, А. А. Желтов, Н. Г. Соболев. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2014. – 98 с.

6. Зауторова Э. В., Кевля Ф. И. Противодействие преступности осужденных в исправительных учреждениях УФСИН России по Вологодской области / Э. В. Зауторова, Ф. И. Кевля // Эффективное противодействие преступности в условиях глобализации: проблемы и перспективы: Матер. XXIV Научно-практической конференции. – Нальчик. 2020. – С. 226-231.

7. Зауторова Э. В., Кевля Ф. И. Формирование правопослушного поведения осужденных в исправительном учреждении / Э. В. Зауторова, Ф. И. Кевля // Социально-политические исследования. 2020. №2 (7). С. 102-113.

8. Итоги оперативно-служебной, производственно-хозяйственной и финансово-экономической деятельности УФСИН России по Вологодской области за 2020 год. – Вологда, 2021. – 34 с.

9. Приказ Министерства Юстиции РФ от 20.05.2013 №72 г. Москва «Об утверждении Инструкции по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях УИС». URL. <https://rg.ru/2013/06/05/minust-dok.html> (дата обращения 19.03.2021).

10. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации» от 08.01.1997 №1-ФЗ (ред. от 09.03.2021). URL. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/ (дата обращения 30.03.2021).

© Зауторова Э. В.

© Кевля Ф. И.

УДК 351.745.08:343851.5(470)

О. С. НОСКОВ, начальник кафедры
огневой и тактико-специальной подготовки
Уфимского юридического института
МВД России, кандидат юридических наук
(г. Уфа)

O. S. NOSKOV, Head of the Chair of Fire
and Tactical-Special Training of Ufa Law
Institute of the Ministry of Internal Affairs of
Russia, Candidate of Law (Ufa)

Д. Х. НОСОВА, старший преподаватель
кафедры права и обществознания
Башкирский государственный педаго-
гический университет имени М. Акмуллы
(г. Уфа)

D. H. NOSOVA, Senior Instructor of the
Chair of Law and Social Studies, the Bashkir
State Pedagogical University named after M.
Akmulla (Ufa)

ОЦЕНКА СФОРМИРОВАННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ГОТОВНО- СТИ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ К ПРОФИЛАКТИКЕ ДЕЛИНКВЕНТНО- ГО ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

ASSESSMENT OF THE FORMATION OF PROFESSIONAL READINESS OF POLICE OFFICERS TO PREVENT DELINQUENT BEHAVIOR OF MINORS

Аннотация. В настоящей статье рассматривается процесс подготовки сотрудников полиции к профилактике преступного поведения несовершеннолетних. Процесс подготовки построен на основе структурно-функциональной модели формирования готовности сотрудников полиции к профилактике делинквентного поведения несовершеннолетних. Модель построена на основе компетентностного подхода и включает в себя четыре блока: целевой, содержательный, технологический, диагностический, результативный. Для проверки функционирования модели производится педагогический эксперимент направленный на выявление уровня сформированной готовности сотрудников полиции к профилактике делинквентного поведения несовершеннолетних. По результатам формирующего и контрольного эксперимента, на основе критерий, таких как: когнитивный, мотивационный, деятельностный, производится оценка готовности сотрудников полиции к профилактике делинквентного поведения несовершеннолетних. Оценка производится с учетом разделения показателей на соответствующие уровни: высокий, средний, низкий.

Ключевые слова и словосочетания: профессиональная готовность, профилактика преступности несовершеннолетних, компоненты готовности, уровни сформированности, педагогический эксперимент, делинквентное поведение, сотрудник полиции.

Annotation. This article examines the process of training police officers to prevent juvenile delinquent behavior. The training process is based on the structural and functional model of police officers' readiness to prevent delinquent behavior of minors. The model is based on the competence approach and includes four blocks: target, content, technological, diagnostic, and effective. To verify

the model functioning, a pedagogical experiment is carried out aimed at identifying the level of formed readiness of police officers to prevent delinquent behavior of minors. According to the results of the formative and control experiment, based on criteria such as: cognitive, motivational, activity-based, the readiness of police officers to prevent delinquent behavior of minors is assessed. The assessment is made taking into account the division of indicators into appropriate levels: high, average, low.

Keywords and phrases: *professional readiness, prevention of juvenile delinquency, components of readiness, levels of formation, pedagogical experiment, delinquent behavior, police officer.*

Проблема формирования готовности сотрудников полиции к профилактике преступного поведения с каждым годом становится все более актуальной. В связи с активным развитием информационных технологий делинквентное поведение может принимать различные формы, от кибербуллинга до совершения краж, мошенничества и даже убийства. Особого внимания требует проявление делинквентного поведения у детей. На сегодняшний день согласно опросам сотрудников Центра для временного содержания несовершеннолетних правонарушителей наблюдается увеличение количества тяжких и особо тяжких преступлений совершаемых несовершеннолетними либо при их соучастии.

Социальным институтам, государственным учреждениям и правоохранительным органам необходимо соответствовать современным реалиям и находить все более эффективные методы и пути профилактики преступности несовершеннолетних.

Так, решение поставленной проблемы мы видим в формировании профессионально значимых качеств и компетенций необходимых для профилактической работы с детьми у отдельных подразделений полиции, наиболее часто взаимодействующих с несовершеннолетними правонарушителями в ходе осуществления профессиональной деятельности.

Изучение превентивной деятельности по отношению к несовершеннолетним правонарушителем находились в поле научного внимания таких ученых, как А. С. Белкин [1], П. П. Блонский [2],

А. А. Бодалев [3], Л. И. Божович [4], Л. С. Выготский [5], Ю. В. Гербеов [6], А.

Б. Добрович, Ю. А. Клейберг [8], М. А. Ковальчук, И. Ю. Тарханова [7], А. С. Новоселова, В. Г. Степанов, Ю. И. Юричка [10] и др.

Но, несмотря на большое количество авторов, исследующих противоправное поведение несовершеннолетних, проблема формирования готовности к профилактике преступного поведения остается недостаточно изученной. Последние исследования в данной области проводились в 2000–2007 гг.

Наше исследование проводилось на базе Уфимского юридического института МВД России, Управления МВД России по городу Уфе, Центра временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей при МВД по Республике Башкортостан и отдельных отделов полиции города Уфы. В эксперименте приняло участие 200 человек, проходящих службу в органах внутренних дел. Для оценки эффективности модели были сформированы две группы – контрольная (40 человек) и экспериментальная – (160 человек) из числа сотрудников полиции, проходящих службу в органах следствия, уголовного розыска, центра временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей при МВД по Республике Башкортостан, сотрудников отделений по делам несовершеннолетних.

Целью нашего исследования явилось определить содержание подготовки сотрудников полиции к профилактике делинквентного поведения несовершеннолетних, опытно-экспериментальным путем проверить функционирование педагогической модели, произвести оценку готовности сотрудников полиции к профилактике преступного поведения несо-

вершеннолетних.

Под термином профессиональная готовность сотрудника полиции к профилактике делинквентного поведения несовершеннолетних мы понимаем совокупность освоенных им общекультурных и профессиональных компетенций, а также общих и специальных профессиональных знаний и умений; сформированных профессиональных качеств, необходимых для мотивированного и эффективного разрешения проблем противоправного поведения несовершеннолетних.

На основе компетентностного подхода нами построена структурно-функциональная модель процесса подготовки сотрудников полиции к профилактике делинквентного поведения несовершеннолетних, состоящая из следующих компонентов: целевого, содержательного, технологического, диагностического, результативного. Целевой блок включает в себя цель и принципы, на основании которых производится подготовка сотрудников полиции к профилактической деятельности. Содержательный блок включает в себя программу подготовки и определяет формируемые компетенции и профессиональные качества, а также определяет виды работ (лекция, самостоятельная работа, разрешение ситуационных задач, игровые тренинги, мозговой штурм) и обеспечивает реализацию положений личностно-профессионального, компетентностного и блочно-рейтингового подходов, которые способствуют формированию личностной мотивации сотрудников полиции к усвоению новых знаний; мотивацию на проведение воспитательной и коррекционной работы с несовершеннолетними; развитие качеств, способностей и ценностно-смысловых ориентаций для работы с несовершеннолетними правонарушителями [9, с. 267]. Технологический блок включает в себя этапы совершенствования профессиональной готовности. Диагностический блок содержит критерии, на основе ко-

торых производится оценка готовности сотрудников полиции к профилактике делинквентного поведения несовершеннолетних. В качестве критериев оценки нами выделены: когнитивный, мотивационный и деятельностный.

Когнитивный критерий представляет собой социально-педагогические знания, необходимые для профилактической работы с несовершеннолетними с проявлениями делинквентного поведения.

Деятельностный критерий – практическая готовность овладевать технологиями профилактической, социально-педагогической деятельности сотрудников полиции с несовершеннолетними правонарушителями.

Мотивационный критерий – социальная зрелость сотрудников полиции, которая проявляется в мотивированной готовности овладевать социальными, личностными и профессиональными знаниями об особенностях профилактики делинквентного поведения у несовершеннолетних.

Для оценки сформированности готовности сотрудников полиции как субъектов профилактики преступности нами определены уровни сформированности профессиональных компетенций и профессионально значимых качеств по шкале оценки: высокий, средний, низкий.

На основании выделенных критериев и уровней произведена опытно-экспериментальная работа, при производстве которой осуществлялась оценка готовности сотрудников полиции к профилактической деятельности. Оценка проводилась по уровням профессиональной готовности по 100 %-ной системе оценивания данных, полученных в процессе педагогического наблюдения за учебной (лекционные занятия по служебной и боевой подготовке, занятия по морально-психологической подготовке, занятия по тактико-специальной подготовке, проводимые в подразделениях), воспитательной деятельностью сотрудников полиции, тести-

рования знаний, практического применения полученных в ходе занятий знаний.

Наглядно результаты проведенного эксперимента представлены в таблице № 1.

Таблица № 1

Результаты проведенного эксперимента

Критерии готовности	Этапы эксперимента	Уровни готовности сотрудников полиции к профилактике делинквентного поведения несовершеннолетних в системе непрерывного образования %*		
		Высокий	Средний	Низкий
Когнитивный	К.Э.	38 % (26 человек)	46 % (73 человек)	16% (61 человек)
	Ф.Э.	50 % (80 человек)	42% (67 человек)	8% (13 человек)
	Уровень прироста	+12% (18 человек)	-4% (6 человек)	-8% (12 человек)
Мотивационный	К.Э.	30 % (48 человек)	53 (84 человека)	17% (28 человек)
	Ф.Э.	40% (64 человека)	57% (91 человек)	3% 5 человек)(
	Уровень прироста	+10% (16 человек)	+4 % (6 человек)	-14% (22 человека)
Деятельностный	К.Э.	31% (50 человек)	54% (85 человек)	15% (25 человек)
	Ф.Э.	34% (55 человек)	62% (99 человек)	4% (6 человек)
	Уровень прироста	+4% (6 человек)	+8% (13 человек)	-12% (19 человек)

* % обозначения округлены

Условные обозначения: К.Э. – констатирующий эксперимент, Ф.Э.- формирующий эксперимент.

Результаты формирующего эксперимента говорят о том, что в контрольной группе произошли положительные изменения. На когнитивном уровне доля респондентов показавших низкий уровень знаний уменьшилась на 8 % (с 26 человек на 13 человек), на деятельностном уровне доля участников с низким показателем уменьшилась на 11 % (с 25 человек на 6 человек), на мотивационном уровне доля показателей с низким уровнем

уменьшилась на 14 % (с 28 человек на 5 человек). Средний показатель по когнитивному критерию уменьшился на 4 % и составил 67 человек (было 73 человека); средний уровень знаний по деятельностному критерию в результате эксперимента показал увеличение на 8 % и составил 99 человек (было 85 человек), по мотивационному критерию так же имеется рост показателей на 4 % (стало 55 человек, было 50). Повысились по-

казатели высокого уровня по всем трем критериям, а именно: по когнитивному критерию уровень знаний увеличился на 12 % (80 человек) и составил 50 % (на этапе констатирующего эксперимента было 38 % (61 человек), по деятельностному критерию показатели увеличились на 4 % и составили

34 % (55 человек), по мотивационному критерию наблюдается увеличение доли участников эксперимента, показавших положительный результат на 10 % (до эксперимента – 30 % (48 человек), после эксперимента – 40 %

(64 человека). На завершающем этапе исследования в экспериментальной группе значительно увеличилась доля испытуемых, показавших высокий уровень сформированности профессиональных и общекультурных компетенций, специальных профессиональных качеств. В

целом, испытуемых с низким уровнем формируемых качеств стало значительно меньше. Стоит отметить, что показатели увеличились как по когнитивному, так и по мотивационному и деятельностному критерию.

Полученные результаты дают основание полагать, что в результате формирующего эксперимента (учебных и внеучебных занятий) у сотрудников полиции большей степени сформировались знания, умения и навыки, необходимые для эффективной профилактики делинквентного поведения несовершеннолетних. После реализации модели сотрудники полиции, с их слов, стали более активно осуществлять деятельность по профилактике делинквентного поведения несовершеннолетних, применяя полученные знания и навыки на практике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белкин А. С. Основы возрастной педагогики : учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. – М. : Академия, 2000. – 192 с.
2. Блонский П. П. Психология младшего школьника. – М. : Московский психолого-социальный ин-т; Воронеж : МОДЭК, 2006. – 629 с.
3. Бодалев А. А. Личность и общение. – М. : Международная педагогическая академия, 1995. – 328 с.
4. Божович Л. И. Проблемы формирования личности : избранные психологические труды / под ред. Д. И. Фельдштейна. – М.; Воронеж : Ин-т практ. психологии, 1995. – 348 с.
5. Выготский Л. С. Вопросы детской психологии. – СПб. : Союз, 2009. – 203 с.
6. Гербею Ю. В. Воспитательная работа в учреждениях интернатного типа : учеб.-метод. пособие для студентов-заочников II–III курсов пед. ин-тов. – М. : Просвещение, 1984. – 140 с.
7. Измерение и оценка сформированности универсальных компетенций обучающихся при освоении образовательных программ бакалавриата, магистратуры, специалитета : коллективная монография / И. Ю. Тарханова, В. В. Белкина, Т. В. Макеева и др. / под науч. ред. И. Ю. Тархановой. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2018. – 383 с.
8. Клейберг Ю. А. Психология девиантного поведения : учебник и практикум для вузов / Ю. А. Клейберг. – 5-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2016. – 290 с.
9. Носова Д. Х., Давлетов В. И. Моделирование процесса формирования готовности сотрудников полиции к профилактике делинквентного поведения несовершеннолетних в системе повышения квалификации / Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. – 2020. – № 1. – С. 265–269.
10. Юричка А. Ю. Девиантология : конфликты, агрессия, наркомания, правонарушения : монография. – М., 2001. – 168 с.

© Носков О. С.
© Носова Д. Х.

УДК 316.624.2:343.851.5(470)

N. G. TARASOV, Deputy Chief of the Barnaul law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia (for service organization), Candidate of pedagogical Sciences, (Barnaul)

А. В. БУХОВЕЦ, заместитель начальника Дальневосточного юридического института МВД России (по организации службы) (г. Хабаровск)

A. V. BUKHOVETS, Deputy Chief Far Eastern law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia (organization of service) (Khabarovsk)

Д. О. ЗАРЕЧНЕВ, доцент кафедры тактико-специальной подготовки Барнаульского юридического института МВД России, кандидат педагогических наук, доцент, (г. Барнаул)

D. O. ZARECHNEV, Assistant Professor of the Chair of tactical and special training of the Barnaul law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia, Candidate of pedagogical Sciences, associate Professor, (Barnaul)

ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ПРОЦЕССОМ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ (НА ПРИМЕРЕ БАРНАУЛЬСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ)

MANAGEMENT PECULIARITIES OF THE CONTINUING EDUCATION PROCESS OF THE POLICE OFFICERS (IN THE CONTEXT OF BARNAUL LAW INSTITUTE OF THE INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA)

Аннотация. Актуальность темы определяется особой ролью процесса повышения квалификации сотрудников органов внутренних дел в их профессиональной подготовке. Это связано в первую очередь с постоянным увеличением объема необходимой информации для осуществления правоохранительной деятельности и ограниченными возможностями традиционного образования. Сегодня происходят динамичные изменения в социальной сфере, в нормативно-правовой базе, что вызывает объективную потребность перехода к непрерывному образованию. Одно из решений этой проблемы – совершенствование управления процессом повышения квалификации сотрудников ОВД. В статье рассматриваются теоретические аспекты и особенности управления процессом повышения квалификации сотрудников ОВД. Конкретизируются задачи и порядок организации управления этим процессом в современных условиях. Выделяются общие (прогнозирование, принятие решений, планирование, организация, контроль) и частные управ-

ленческие функции в деятельности сотрудников, раскрывается реализация этих функций в воспитательной, учебной, методической и организационной деятельности.

Ключевые слова и словосочетания: повышение квалификации, управление образовательным процессом, сотрудники ОВД, воспитательные функции, организационная структура, управленческое решение.

Annotation. *The relevance of the topic is determined by the special role of the process of professional development of employees of internal Affairs bodies in their professional training. This is primarily due to the constant increase in the amount of information needed for law enforcement and the limited opportunities for traditional education. Today, there are dynamic changes in the social sphere, in the regulatory framework, which causes an objective need to switch to continuing education. One of the solutions to this problem is to improve the management of the process of professional development of police officers. The article discusses the theoretical aspects and features of managing the process of professional development of police officers. The tasks and the order of organization of management of this process in modern conditions are specified. General (forecasting, decision-making, planning, organization, control) and private management functions in the activities of employees are highlighted, and the implementation of these functions in educational, training, methodological and organizational activities is revealed.*

Keywords and phrases: *professional development, management of the educational process, employees of the Department of internal Affairs, educational functions, organizational structure, management decision.*

В исследованиях международного розыска порой встречается упрощенное представление о процедуре его объявления как об одномоментном решении того или иного органа. Это обстоятельство верно подметила Т.А. Ткачук, указывая, что, например, Н.Г. Гасымов, рассматривая вопросы международного розыска скрывшихся преступников, пишет, что международный розыск объявляет Интерпол, И.В. Путова, выступая с противоположным мнением, утверждает, что решение об объявлении международного розыска и его прекращении относится к компетенции национальных органов государств – членов Интерпола [1, с. 134].

Подобные представления страдают неполнотой охвата предмета исследования. Дело в том, что объявление лица в международный розыск представляет собой многослойную процедуру, складывающуюся из ряда этапов, с последовательным задействованием различных российских и зарубежных правоохранительных органов. Это обстоятельство часто выпадает из поля зрения исследователей, вследствие чего в литературе отсутствует более или менее полный перечень всех элементов, образующих

процедуру объявления лица в международный розыск, порой позиционируется упрощенная схема действий, которая не вполне соответствует действительности. Таким представляется, например, следующее описание процедуры объявления международного розыска: «Инициатор розыска обращается в НЦБ своей страны с просьбой назначить розыск бежавшего за границу осужденного, страна пребывания которого неизвестна... Просьбу визирует компетентный орган власти ходатайствующего государства, подтверждая тем самым, что НЦБ действует по поручению полномочного ведомства. НЦБ проверяет эту просьбу с точки зрения ее соответствия ст. 3 Устава Интерпола, запрещающей участие в делах политического, военного, расового, религиозного характера, и, если необходимо, запрашивает дополнительную информацию о преступлении; после этого просьба на официальном бланке направляется в Генеральный секретариат Интерпола» [2, с. 47].

В представленном описании как минимум отсутствует упоминание о проведении проверочных действий и сборе материалов для запроса об объявлении

международного розыска и, самое главное, о направлении в Генеральную прокуратуру Российской Федерации запроса о намерении запрашивать арест и выдачу скрывшегося обвиняемого, подсудимого, осужденного на заключение. А рассуждения о визировании просьбы компетентным органом власти ходатайствующего государства весьма абстрактны и в реалиях не соответствуют действительности.

Как показывает проведенный анализ, процедура объявления лица в международный розыск в целях ареста и выдачи для уголовного преследования или исполнения приговора в целом включает в себя:

- принятие решения об объявлении лица в международный розыск;
- проведение проверочных действий и сбор материалов для запроса об объявлении международного розыска;
- направление запроса об объявлении международного розыска в Национальное центральное бюро Интерпола МВД России;
- направление в Генеральную прокуратуру Российской Федерации запроса о намерении требовать арест и выдачу скрывшегося обвиняемого, осужденного на заключение;
- направление в случае положительного заключения Генеральной прокуратуры Российской Федерации в государства–члены Интерпола, а также в Генеральный секретариат Интерпола запроса о розыске обвиняемого, осужденного с целью ареста и выдачи и ходатайства об издании международных уведомлений;
- издание Генеральным секретариатом Интерпола международного уведомления о розыске;
- осуществление уведомлений о розыске правоохранительными органами иностранных государств–членов Международной организации уголовной полиции – Интерпол.

Рассмотрим подробнее каждое из

этих действий.

Принятие решения об объявлении лица в международный розыск. Решение об объявлении лица в международный розыск принимается органом, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, которому поступило на исполнение постановление о розыске обвиняемого либо постановление о приостановлении предварительного следствия (дознания), содержащее поручение о розыске, предусмотренные ч. 1 ст. 210 УПК РФ; определение или постановление суда о розыске скрывшегося подсудимого, вынесенное в соответствии с ч. 3 ст. 253 УПК РФ; указание прокурора, данное по поручению судьи в случае, предусмотренном ч. 2 ст. 238 УПК РФ.

В соответствии с п. 115 Инструкции по организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола, утвержденной Приказом МВД РФ № 786, Минюста РФ № 310, ФСБ РФ № 470, ФСО РФ № 454, ФСКН РФ № 333, ФТС РФ № 971 от 06.10.2006 (ред. от 22.09.2009) [3], международный розыск лица объявляется после либо одновременно с объявлением федерального розыска. При наличии подтвержденных сведений о выезде разыскиваемого лица из Российской Федерации международный розыск объявляется незамедлительно одновременно с объявлением федерального розыска.

Решение оформляется постановлением об объявлении лица в международный розыск, которое выносится сотрудником розыскного подразделения. Следует уточнить, что в полномочиях следователя – объявить в соответствии со ст. 210 УПК РФ скрывшегося обвиняемого в розыск, а форму розыска (местный, федеральный, межгосударственный или международный) определяют сотрудники розыскных подразделений. Этот вопрос был предметом судебного спора. В Постановлении Президиума Самарского областного суда от 18.06.2015 № 44у-104/2015 специально установлено, что

действующее законодательство не наделяет следователя Следственного комитета Российской Федерации полномочиями по объявлению лица в международный розыск [4]. Данным полномочием наделяются лишь оперативные сотрудники.

Обязательным условием объявления в международный розыск обвиняемых, подсудимых и осужденных является, как это вытекает из п. 123 Инструкции по линии Интерпола, избрание в отношении разыскиваемого меры пресечения в виде заключения под стражу. Следовательно вручается экземпляр постановления об объявлении лица в международный розыск для обращения в суд в порядке ч. 5 ст. 108 УПК РФ с целью получения судебного решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отсутствие обвиняемого. В ч. 2 п. 123 Инструкции по линии Интерпола предусмотрено вручение экземпляра постановления об объявлении лица в международный розыск с той же целью также прокурору. Однако действующее законодательство не наделяет прокурора правом обращаться в суд с ходатайством об избрании меры пресечения. Тем не менее данную норму можно оставить в Инструкции по линии Интерпола, но с иным целевым назначением: не для обращения прокурора в суд с ходатайством о мере пресечения, а для обеспечения выполнения им своих надзорных полномочий и своевременной подготовки к судебному заседанию.

Направление запроса об объявлении международного розыска в НЦБ Интерпола МВД России. В соответствии с п. 110 Инструкции по линии Интерпола подразделениями полиции по субъектам Российской Федерации запросы об объявлении международного розыска лиц направляются в НЦБ Интерпола в обязательном порядке через филиалы НЦБ Интерпола в МВД, ГУВД, УВД по субъектам Российской Федерации [5]. Территориальные подразделения НЦБ Интерпола действуют в 80 субъектах

Российской Федерации [6]. В случае отсутствия в МВД, ГУВД, УВД по соответствующему субъекту Российской Федерации филиала НЦБ Интерпола запросы направляются в НЦБ Интерпола через аппараты уголовного розыска МВД, ГУВД, УВД по субъектам Российской Федерации.

В НЦБ Интерпола направляется запрос, постановление об объявлении в международный розыск и другие материалы. Запрос об объявлении лица в международный розыск оформляется в соответствии с установленным образцом. К запросу прилагаются: постановление об объявлении обвиняемого, осужденного, подсудимого в международный розыск; копии постановлений о привлечении в качестве обвиняемого и об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу; перечень сведений, необходимых для объявления в международный розыск обвиняемого, подсудимого, осужденного, а также материалы, необходимые для идентификации разыскиваемого (фотографии, дактилоскопические карты).

В Инструкции по линии Интерпола сформулирован ряд общих и специальных требований, которые предъявляются к направляемым в НЦБ Интерпола запросам об объявлении в международный розыск обвиняемых, осужденных, подсудимых (п. 21, 22, 131). При формировании пакета документов для международного розыска с целью ареста и выдачи необходимо учитывать также поправки и дополнения, внесенные в Европейскую конвенцию о выдаче Четвертым дополнительным протоколом, на которые обращается внимание в Информационном письме Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 26.11.2018 № Исуб-90-6173-18/11262 «О Четвертом дополнительном протоколе к Европейской конвенции о выдаче» [7]. В указанном Информационном письме обращается внимание, в частности, на то, что согласно пункту 2 ст. 12 Европейской

конвенции о выдаче в редакции Четвертого дополнительного протокола запрос о выдаче должен сопровождаться следующими документами:

– копией обвинительного заключения и приговора или постановления о немедленном задержании, или ордера на арест, или другого постановления, имеющего ту же силу, выданного в соответствии с процедурой, предусмотренной законодательством запрашивающей стороны;

– описанием преступлений, в связи с которыми запрашивается выдача. Время и место их совершения, их юридическая квалификация и ссылки на соответствующие правовые положения, в том числе относительно исчисления сроков давности, должны быть указаны как можно точнее;

– копией соответствующих законодательных актов или в тех случаях, когда это невозможно, указанием соответствующего закона и как можно более точным описанием требуемого лица, а также любой другой информацией, которая может способствовать установлению его личности, гражданства и местонахождения.

Направление на заключение в Генеральную прокуратуру Российской Федерации запроса о намерении требовать арест и выдачу скрывшегося обвиняемого, подсудимого, осужденного. Получив запрос об объявлении обвиняемого, подсудимого, осужденного в международный розыск, НЦБ Интерпола (филиал) проверяет его на предмет соответствия установленным требованиям.

В случае несоблюдения органом-инициатором розыска требований НЦБ Интерпола может отказать в объявлении обвиняемого, подсудимого, осужденного в международный розыск с указанием на то, какие конкретно требования были нарушены при подготовке запроса, либо запросить дополнительную информацию и материалы.

В случае соответствия запроса об объявлении обвиняемого, подсудимого,

осужденного в международный розыск требованиям, установленным в Инструкции по линии Интерпола, НЦБ Интерпола направляет в Генеральную прокуратуру Российской Федерации запрос о намерении требовать арест и выдачу скрывшегося обвиняемого, подсудимого, осужденного в случае установления его местонахождения на территории иностранного государства.

О передаче запроса в Генеральную прокуратуру Российской Федерации НЦБ Интерпола информирует орган, от которого поступил запрос об объявлении международного розыска (либо филиал).

Направление в случае положительного заключения Генеральной прокуратуры Российской Федерации в государства-члены Интерпола, а также в Генеральный секретариат Интерпола запроса о розыске обвиняемого, подсудимого, осужденного с целью ареста и выдачи и ходатайства об издании международных уведомлений. После получения заключения Генеральной прокуратуры Российской Федерации о наличии оснований и намерений запрашивать арест и выдачу скрывшегося обвиняемого, подсудимого, осужденного, оформляемого на практике в виде соответствующего письма, адресованного в НЦБ Интерпола, НЦБ Интерпола направляет его в одно или несколько иностранных государств-членов Интерпола, а также в Генеральный секретариат Интерпола запрос о розыске обвиняемого, подсудимого, осужденного с целью ареста и выдачи.

Об объявлении обвиняемого, подсудимого, осужденного в международный розыск НЦБ Интерпола на основании п. 138 Инструкции по линии Интерпола извещает орган-инициатор объявления розыска, а также уведомляет Генеральную прокуратуру Российской Федерации.

При объявлении обвиняемого, подсудимого, осужденного в международный розыск НЦБ Интерпола может использовать на основании п. 140 Инструкции по линии Интерпола следующие возможности:

– направить запрос о розыске во все иностранные государства–члены Интерпола;

– подготовить и передать в Генеральный секретариат ходатайство об издании международного уведомления с красным углом (Red Notice [8]) – о розыске обвиняемого, подсудимого, осужденного с целью его ареста и выдачи.

Ходатайство об издании международного уведомления о розыске с красным углом (Red Notice) направляется в Генеральный секретариат через два года после направления во все государства–члены Интерпола запроса о розыске обвиняемого, подсудимого, осужденного в том случае, если принятыми мерами установить местонахождение разыскиваемого не удалось. В соответствии с п. 144 Инструкции по линии Интерпола ходатайство об издании международного уведомления о розыске обвиняемого, подсудимого, осужденного с целью его ареста и выдачи (Red Notice) может быть направлено в Генеральный секретариат до истечения двух лет после направления во все государства–члены Интерпола запроса о розыске обвиняемого, подсудимого, осужденного в том случае: а) если разыскиваемым совершено особо тяжкое преступление; б) если совершенным преступлением нанесен ущерб в крупном или особо крупном размере; в) если имел место рецидив преступлений.

Для подготовки в адрес Генерального секретариата ходатайства об издании международного уведомления о розыске с красным углом (Red Notice) органу, вынесшему постановление об объявлении лица в международный розыск, необходимо направить в адрес НЦБ Интерпола соответствующий запрос с информацией о продолжении розыска и сообщением о возможности (либо о нецелесообразности) размещения сведений о разыскиваемом лице на сайте Генерального секретариата в сети Интернет и в средствах массовой информации.

Издание Генеральным секретариатом

Интерпола международного уведомления о розыске. Система международных уведомлений, издаваемых Генеральным секретариатом Интерпола, состоит из набора уведомлений с цветовой кодировкой, публикуемых для конкретных целей: с желтым углом (Yellow Notice) – о розыске лица, пропавшего без вести; с синим углом (Blue Notice) – о розыске обвиняемого, осужденного с целью установления его местонахождения; с красным углом (Red Notice) – о розыске обвиняемого, осужденного с целью его ареста и выдачи и т.д.

В печати приводятся разные сведения о количестве и цветовой гамме применяемых в практике Интерпола международных уведомлений [9, с. 35; 10, с. 55-57; 11; 12; 13]. В настоящее время на сайте Интерпола в соответствии с Правилами Интерпола по обработке данных [14] (ст. 82-95) представлены уведомления семи цветов: красный (Red Notice), желтый (Yellow Notice), синий (Blue Notice), черный (Black Notice), зеленый (Green Notice), оранжевый (Orange Notice), фиолетовый (Purple Notice), а также специальное международное уведомление, издаваемое совместно с Организацией Объединенных Наций (INTERPOL–United Nations Security Council Special Notice) [15].

Все запросы об уведомлении рассматриваются Генеральным секретариатом на предмет соответствия Правилам Интерпола по обработке данных. Генеральный секретариат несет ответственность за публикацию уведомлений Интерпола от имени Организации. В ст. 77 этих Правил установлено, что Генеральный секретариат не может публиковать уведомление от имени Организации, если:

– предоставленные данные не соответствуют условиям публикации уведомления;

– публикация уведомления в данном случае не представляет интереса для целей международного полицейского сотрудничества;

– публикация уведомления может нанести ущерб интересам Организации или ее членов.

В ст. 79 Правил Интерпола по обработке данных установлен порядок опубликования уведомлений. Национальные центральные бюро должны быть проинформированы о публикации уведомления в день его публикации. Национальные центральные бюро должны иметь возможность напрямую обращаться ко всем опубликованным уведомлениям в базе данных Организации.

В настоящее время в центральную базу Интерпола с так называемым «красным углом» за совершенные в России преступления включены около трех тысяч человек. Об этом сообщает ТАСС со ссылкой на пресс-центр МВД России. Отмечается, в частности, что в 2019 году по инициативе правоохранительных органов России Интерпол издал 419 уведомлений с «красным углом». Всего же по запросам России изданы и действуют в настоящее время порядка 3 тысяч подобных уведомлений [16].

Осуществление уведомлений о розыске правоохранительными органами иностранных государств–членов Международной организации уголовной полиции – Интерпол. В соответствии со ст. 80 Правил Интерпола по обработке данных Национальные центральные бюро, получив соответствующие уведомления о розыске, направляют:

– во все соответствующие нацио-

нальные органы как можно скорее и в соответствии со своими национальными законами все данные, содержащиеся в полученных ими уведомлениях, а также обновления, касающиеся этих уведомлений;

– в запрашивающее Национальное центральное бюро или международный орган, а также Генеральный секретариат все имеющиеся данные, касающиеся лица или цели, для которых было опубликовано уведомление, в частности, когда эти данные могут позволить достичь цели уведомления;

– в Генеральный секретариат – любую информацию, которая может вызвать сомнения относительно соответствия уведомления установленным Правилам.

Получив «красный циркуляр» (Red Notice – красный угол), каждое НЦБ оценивает изложенные в нем преступления с позиции национального уголовного законодательства и решает вопрос о допустимости объявления розыска на территории страны. При утвердительном решении всем полицейским органам дается команда начать розыск [17, с. 212-213].

Описанная совокупность действий различных российских и зарубежных правоохранительных органов и представляет процедуру объявления международного розыска, выполнение которой приводит в действие организационно-правовой механизм международного розыска лица в целях ареста и выдачи для уголовного преследования или исполнения приговора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ткачук Т.А. Современные проблемы межгосударственного и международного розыска и пути их решения // Бизнес в законе. 2010. № 5. С. 133-137.
2. Белов О.А. Вопросы взаимодействия ФСИН и МВД России при осуществлении международного розыска лиц, совершивших побег из исправительных учреждений // Вестник института: Научно-практический журнал Вологодского института права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний. 2013. № 2 (22). С. 46-49.
3. Приказ МВД РФ № 786, Минюста РФ № 310, ФСБ РФ № 470, ФСО РФ № 454, ФСКН РФ № 333, ФТС РФ № 971 от 06.10.2006 (ред. от 22.09.2009) «Об утверждении Инструкции по организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола» // СПС КонсультантПлюс [дата обращения – 03.03.2021].

4. Постановление Президиума Самарского областного суда от 18.06.2015 № 44у-104/2015. Документ опубликован не был // СПС КонсультантПлюс [дата обращения – 03.03.2021].
5. Типовое положение о территориальном подразделении (филиале) Национального центрального бюро Интерпола, утвержденное приказом МВД России от 03.06.1997 № 333 (ред. от 28.02.2000) «О дополнительных мерах по реализации Постановления Правительства Российской Федерации от 14 октября 1996 г. № 1190» (вместе с «Типовым положением о территориальном подразделении (филиале) Национального центрального бюро Интерпола», «Инструкцией о порядке оформления и выдачи служебных удостоверений сотрудника Национального центрального бюро Интерпола») (СПС КонсультантПлюс [дата обращения – 03.03.2021]), утратило силу. Приказом МВД России от 10.10.2013 № 830 (ред. от 26.05.2018) «Об утверждении Типового положения об отделе (отделении, группе) НЦБ Интерпола территориального органа МВД России на региональном уровне и признании утратившими силу нормативных правовых актов МВД России» (СПС КонсультантПлюс [дата обращения – 28.02.2021]) утверждено новое ныне действующее Положение, в котором соответствующие подразделения называются отделами (отделениями, группами) НЦБ Интерпола территориального органа МВД России на региональном уровне или «подразделениями НЦБ Интерпола» без обозначения их как «филиалов».
6. Национальное центральное бюро Интерпола // Министерство внутренних дел Российской Федерации // https://мвд.рф/mvd/structure1/Upravlenija/Nacionalnoe_centralnoe_bjuro_Interpola [дата обращения – 28.02.2021].
7. Информационное письмо Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 26.11.2018 № Иsub-90-6173-18/11262 «О Четвертом дополнительном протоколе к Европейской конвенции о выдаче» // Архив Главного управления международно-правового сотрудничества Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2018.
8. Red Interpol Card // RPI Solutions – international law company // https://rpisolutions.ru/en/services_for_abroad/red-interpol-card/ [дата обращения – 03.03.2021].
9. Зайцева Е.С. Система международных уведомлений Интерпола // Российский следователь. 2007. № 7. С. 34-36.
10. Пузырева Ю.В. Современная система уведомлений Интерпола как эффективная основа международного сотрудничества в борьбе с преступностью // Алтайский юридический вестник. № 1 (5). 2014. С. 53-57.
11. Лурье А. Международный розыск: виды уведомлений Интерпола // Триумф инфо. 2019. 13 апреля // <http://triumph-info.ru/2019/04/mezhdunarodnyj-rozysk-vidy-vedomlenij-interpola/> [дата обращения – 03.03.2021].
12. Прокопчук А. Разработан новый тип уведомления Интерпола с «золотым углом» // <https://tass.ru/interviews/2296816> [дата обращения – 03.03.2021].
13. Интерпол ввел новую «серебряную» форму розыска по коррупционным делам // РИА Новости. 6.11.2015 // <https://ria.ru/20151106/1315054305.html> [дата обращения – 03.03.2021].
14. INTERPOL's Rules on the Processing of Data [III/IRPD/GA/2011 (2019)] (Правила Интерпола по обработке данных. Приняты Генеральной Ассамблеей на ее 80-й сессии (Ханой, 2011 г.) (Резолюция AG-2011-RES-07), действуют в редакции, утвержденной Генеральной Ассамблеей ICPO-INTERPOL на 88-й сессии (Сантьяго-де-Чили, 2019 г.) (Резолюция GA-2019-88-RES-02) // <https://www.interpol.int/Resources/Documents> [дата обращения – 03.03.2021].
15. About Notices // INTERPOL // <https://www.interpol.int/How-we-work/Notices/About-Notices> [дата обращения – 03.03.2021].
16. МВД рассказало о числящихся в базе Интерпола опасных преступниках за криминал в РФ // Газета.ru. 05.01.2020 // https://www.gazeta.ru/social/news/2020/01/05/n_13888604.shtml?utm_source=ухnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews [дата обращения – 03.03.2021].
17. Криминалистика: Учебник. Том II / Под общ. ред. А.И. Бастрыкина. – М.: Издательство «Экзамен», 2014. 559 с.

© Тарасов Н. Г.
© Буховец А. В.
© Заречнев Д. О.

УДК 316.624.2:343.851.5(470)

Е. В. ФИЛИПЕНКО, доцент кафедры педагогики и психологии Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат педагогических наук, доцент (г. Санкт-Петербург)

E. V. FILIPENKO, Assistant Professor of the Chair of Pedagogy and Psychology, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor (St. Petersburg)

Г. А. ВИТОЛЬНИК, доцент кафедры педагогики и психологии Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат педагогических наук, доцент (г. Санкт-Петербург)

G. A. VITOLNIK, Assistant Professor of the Chair of Pedagogy and Psychology, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor (St. Petersburg)

Е. В. ДУШКИНА, кандидат юридических наук (г. Санкт-Петербург)

E. V. DUSHKINA, Candidate of Legal Sciences (St. Petersburg)

**ПРОБЛЕМА ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ КАК ПРЕДМЕТ ПСИХОЛОГО-
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА**

**THE PROBLEM OF PREVENTION OF DEVIANT BEHAVIOR OF MINORS
AS A SUBJECT OF PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL ANALYSIS**

Аннотация. Проблема профилактики девиантного поведения несовершеннолетних приобретает в настоящее время особую актуальность, о чем свидетельствует пристальное внимание со стороны современных ученых и специалистов-практиков. В частности, повышенный интерес представляет теоретико-методологические аспекты интерпретации понятия «девиантное поведение», которое активно используется учеными в контексте различных научных направлений, в связи с чем содержание данной дефиниции является весьма неоднозначным и дискуссионным. В данной статье представлены результаты всестороннего теоретического анализа девиантного поведения, а также обоснована необходимость ранней педагогической профилактики, осуществляемой общеобразовательной организацией, раскрываются цель, задачи, сущность и специфика профилактической работы, ее основные функции, принципы и направления. Авторы статьи также обращают внимание на то, что успешная профилактика деви-

антности подростков предполагает их устойчивое развитие в русле социально одобряемого, то есть правомерного поведения, поскольку именно оно в полной мере согласуется с нормами права и общественной моралью, что обеспечивает успешную реализацию столь важной социально-педагогической задачи, как создание системы профилактической работы по эффективному предупреждению девиантного поведения несовершеннолетних.

Ключевые слова и словосочетания: девиантное поведение, отклоняющееся поведение несовершеннолетних, профилактика, ранняя профилактическая работа, правомерное поведение.

Annotation. *The problem of preventing the deviant behavior of minors is now acquiring special relevance, as evidenced by the close attention of modern scientists and practitioners. In particular, theoretical and methodological aspects of the interpretation of the concept of «deviant behavior», which is actively used by scientists in the context of various scientific directions, are of great interest, and therefore the content of this definition is very ambiguous and controversial. This article presents the results of a comprehensive theoretical analysis of deviant behavior, as well as substantiates the need for early pedagogical prevention carried out by a general educational organization and the family, reveals the goal, objectives, essence and specifics of preventive work, its main functions, principles and directions. The authors of the article also draw attention to the fact that successful prevention of adolescent deviance presupposes their sustainable development in line with socially approved, that is, legitimate behavior, since it is this behavior that is fully consistent with the norms of law and public morality, which ensures the successful implementation of such an important socio-pedagogical tasks, such as creating a system of preventive work to effectively prevent adolescent deviant behavior.*

Keywords and phrases: deviant behavior, deviant behavior of minors, prevention, early preventive work, lawful behavior.

Важнейшим направлением развития российского общества является задача формирования правового государства, обеспечивающего приоритет закона, защиту прав и свобод своих граждан как базисного основания жизнедеятельности социума. Решающая роль в осуществлении поставленной задачи принадлежит системе образования, призванной реализовать социальный заказ на воспитание человека с высоким уровнем правовой культуры, способного успешно функционировать в обществе в соответствии с нормами и принципами общечеловеческого бытия. В этой связи особо злободневной становится задача предупреждения социально опасных девиаций как в поведении, так и в массовом сознании прежде всего молодежи, исходя из чего современные педагогическая наука и практика столь пристальное внимание уделяют вопросу профилактики девиантного поведения.

Однако для успешного решения поставленной задачи нам необходимо обратиться к более подробному изучению таких феноменов, как собственно

девиантное поведение и его профилактика, с рассмотрением их сущностных характеристик. Основополагающей в этой связке является научная дефиниция «девиантное поведение», относящаяся к категория межотраслевых, поскольку весьма активно исследуется такими науками, как психология, социология, педагогика, криминология, юридическая психология, философия, этика, медицина, психиатрия, нейропсихология и др., что подтверждается широким кругом работ отечественных и зарубежных ученых разного научного профиля

(Я. И. Гилинский, Э. Дюркгейм, Е. В. Змановская, Д. Майерс,

В. Л. Малыгин, В. Д. Менделевич, Р. Мертон, Е. К. Нурпеисов, З. Фрейд,

Т. А. Хайгуров, С. Холл, А. В. Хомич и мн. др.). В данных трудах определяется взаимосвязь таких феноменов, как собственно девиантное поведение, а также противоправное и правомерное поведение, исследуется их влияние на развитие общества и личности в частности. При этом первоначально ученых мало интересовали вопросы превентивного харак-

тера, поскольку основной акцент они делали на выявлении специфики отклоняющегося (девиантного и делинквентного) поведения и их последующей коррекции. Многие известные ученые (Я. И. Гилинский, В. С. Афанасьев и др.) предметом научного анализа избрали именно девиантное поведение, определяя девиацию как поступок или действия человека, не соответствующие нормам официально принятых в обществе идеологии, морали и права [5, с. 183]. Причем сам термин «девиантное поведение» был введен в научный оборот тем же Я. И. Гилинским. До этого исследователи оперировали такими понятиями, как «отклоняющееся поведение», «нежелательное поведение», «социально неодобряемое поведение», «дисфункциональное поведение», «деструктивное поведение» и пр.

Понимая, что структурообразующим феноменом здесь является категория «поведение», они исходили из научных воззрений

Б. Г. Ананьева, Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, С. Л. Рубинштейна, которые единодушно трактовали поведение как синоним деятельности, подразумевая под этим жизненную активность индивида, выстраиваемую согласно нравственно-правовым императивам общества. Неспособность же функционировать в соответствии с правовыми и морально-этическими регламентациями, диктуемыми социумом, активизирует противоправное поведение, которое детерминируется не только низким уровнем правовых знаний, но и актуализацией витальных потребностей на фоне несформированности волевых регуляторов и общей ориентации на асоциальный образ жизни.

Проявляться противоправное поведение может в самых различных формах, например, в пренебрежении нормами права, игнорировании прав и свобод окружающих, участии в буллинге (травле более слабых подростков), в использовании ненормативной лексики,

вандализме, грабежах, употреблении и распространении наркотиков и пр. Главными детерминантами здесь выступают отсутствие должного контроля со стороны взрослых и сформированное чувство собственной безнаказанности.

Возможно, именно в силу того, что данная категория весьма активно исследуется учеными из разных научных областей (как уже было отмечено выше), этим и обуславливается отсутствие единого подхода в понимании и трактовке заявленного феномена. Невзирая на некоторые разногласия, все же подавляющее большинство исследователей сходятся во мнении, что сущностным признаком девиантного поведения является его противоречие общепринятым в социуме нормам и правилам.

К примеру, в социологии понятийная сущность девиантного поведения до сих пор остается предметом научных дискуссий, хотя исходным критериальным основанием для его осмысления выступает понятие «социальной нормы», понимаемой как некий предел, своего рода мера допустимого (как дозволенного, так и обязательного) в поведении либо деятельности людей, что призвано обеспечить сохранение социальной системы в целом (Л. Я. Гилинский, Ю. Ю. Комлев,

Н. Х. Сафиуллин, Т. А. Хагуров и др.). При этом амплитуда отклонений от социальных норм довольно широка – от позитивно-ориентированных до негативных. В частности, к числу позитивных отклонений принято относить девиации, направленные на искоренение или изжитие устаревших регламентаций, стандартов и норм общественной жизни посредством стимулирования групповой или личностной креативности, что способствует очевидным изменениям социальной системы. Негативные отклонения по сути своей глубоко дисфункциональны, поскольку дезорганизуют социальную систему вплоть до ее полного разрушения, что и обуславливает девиантное поведение. «Девиации вызывают напря-

жение в самой социальной системе, нарушая ее гомеостаз и вызывая ответное закономерное стремление последней устранять отклонения» [7, с. 16].

В несколько ином аспекте девиантное поведение трактуется в юридической интерпретации, где оно нередко рассматривается как вид отклоняющегося поведения неправомерного характера, не соответствующего правовым установлениям и приводящего индивида к преступной деятельности. В частности А. Г. Аванесовым девиантные отклонения рассматриваются в структуре правонарушений, которые он подразделяет на собственно правонарушения (если они приносят сравнительно незначительный урон обществу и отдельным людям) и на преступления, которые в обязательном порядке влекут за собой уголовную ответственность индивида за совершенное деяние. Так что в юридической науке зачастую те или иные девиации исследуются в русле делинквентного (противоправного) либо криминального (преступного) поведения [1]. При этом согласно криминологическому подходу к факторам, способствующим развитию социальных девиаций несовершеннолетних, часто относят самые разнообразные явления как, например, уклонение от общественно-полезной деятельности; низкий социальный статус и культурный уровень; употребление наркотических средств; совершение в прошлом девиантных поступков, а также повышенная внушаемость; наличие психической аномалии и др.

Психологами девиантность чаще всего рассматривается в контексте тех или иных нарушений процесса социализации личности, возможных вариантов ее дезадаптации в социуме. При этом ученые склонны трактовать девиантное поведение как идентичное отклоняющемуся: «Понятие же «девиантное поведение» – есть чистый синоним, абсолютное тождество «отклоняющемуся поведению», поскольку эти термины имеют лишь язы-

ковое отличие» [18, с. 28]. Последнее, согласно их выкладкам, «может быть следствием духовных проблем, оно также может быть связано с внутрличностными конфликтами и неадекватными психологическими защитами, оно может быть результатом семейной дисфункции, и наконец, нежелательное поведение может быть просто привычкой – действием, которое неоднократно повторялось и вознаграждалось внешней или внутренней выгодой. Это может быть что-то одно или многое сразу» [3, с. 76].

В то же время Е. В. Змановская [6] полагает, что детерминированность отклоняющегося поведения вызвана в том числе внутренними биологическими процессами, которые в значительной мере определяют характер и степень человеческих реакций на любые средовые раздражители. И потому девиантное поведение личности представляет собой сложно структурированную форму социального поведения, обусловленного воздействием самых разнообразных диалектически взаимосвязанных факторов. Таким образом, девиантное поведение еще определяют как результат «деформации ценностных ориентаций и ценностно-нормативных представлений, то есть системы внутренней регуляции поведения. Поэтому... девиантное поведение – это специфический способ изменения социальных норм и ожиданий посредством демонстрации личностью (социальной группой) ценностного отношения к ним» [8, с. 26].

Отметим, что в качестве рабочего определения за основу нами было взято определение девиантного поведения Ю. А. Клейберга, поскольку оно наиболее точно отражает суть нашей научной позиции, поскольку мы так же считаем, что практически все социальные девиации являются следствием ценностно-нормативной деформации личности и дисфункции социальных систем.

Несмотря на активную разработку в науке проблемы отклоняющегося по-

ведения, все-таки следует отметить, что последняя традиционно решалась не столько в превентивном, сколько в коррекционном аспекте. При этом необходимость проведения профилактической работы однозначно признавалась, но основное внимание по-прежнему уделялось именно анализу социально-педагогических и психологических девиаций и вопросам их эффективной коррекции. В связи с этим категориально-терминологический аппарат профилактики девиантного поведения подростков характеризуется относительной несогласованностью научных позиций и широким применением синонимичных понятий. К примеру, большинство ученых склонны придерживаться такого термина, как «превенция», что с англ. *prevention* означает «предотвращение», «предупреждение». В связи с этим в одном ряду с превенцией широко употребляются также «профилактика девиаций», «предотвращение», «предупреждение» и «пресечение» – все эти категории, несомненно, обладают явной семантической близостью, но не являются тождественными.

Следует отметить, что начиная с середины 70-х годов XX века наметилось возрастание исследовательского интереса к изучению проблем девиантности, и ученые стали чаще затрагивать тему профилактики отклоняющегося поведения детей и подростков как своеобразного гаранта их социального благополучия. Например, С. Л. Алексеев отмечал важность своевременного предупреждения тех или иных отклонений в личностном развитии индивида, трактуя профилактику, как «совокупность предупредительных мероприятий, направленных на сохранение и укрепление нормального состояния, порядка» [3, с. 94]. В отечественной психолого-педагогической науке исследуемый феномен рассматривается в двух смысловых значениях – в широком и узком смысле слова. Широкое толкование дается академиком В. Н. Кудрявцевым, понимающим под профи-

лактикой деятельность социально-правового порядка «государственных и негосударственных органов, организаций и учреждений, а также общественных объединений и отдельных граждан по выявлению, устранению либо нейтрализации причин и условий правонарушений и оказанию корректирующего воздействия на лиц, склонных к совершению правонарушений, в целях недопущения последних» [9, с. 296]. В узком смысловом значении профилактика понимается как один из педагогических этапов упреждающей активности, направленной на пресечение и предотвращение нежелательных видов и форм поведения. Например, М. А. Галагузова определяет профилактическую работу как целенаправленные и последовательные действия, «направленные на предотвращение возможных физических, психологических или социокультурных обстоятельств у отдельного ребенка или несовершеннолетнего, входящих в группу социального риска; сохранение, поддержание и защиту нормального уровня жизни и здоровья ребенка; содействие ребенку в достижении социально значимых целей и раскрытие его внутреннего потенциала» [15, с. 294–295].

И все же большинство ученых склонны понимать профилактические меры как «процесс помощи несовершеннолетнему в преодолении сложившихся стереотипов и образцов поведенческих реакций в ответ на воздействие внешних факторов и под влиянием индивидуально-личностных и социальных особенностей, а также формирование адаптивных стратегий, обеспечивающих реализацию социально одобряемых форм поведения» [13, с. 5]. Л. Б. Филонов также считает, что профилактика есть «сознательная, целенаправленная, социально организованная деятельность по предотвращению возможных социальных, психолого-педагогических, правовых и других проблем и достижению желаемого результата» [17, с. 37]. Из всех перечисленных дефини-

ций профилактики наиболее близким нашему пониманию оказался подход

Л. Б. Филонова в силу точности и емкости определения им сути исследуемого феномена.

В то же время мы должны отметить, что вопросы профилактики девиантного поведения подростков занимали ученых гораздо в меньшей степени, нежели его коррекция. И это, невзирая на настоятельную потребность общества в предупреждении и недопущении психолого-педагогических девиаций подрастающего поколения, тормозящих не только личностное развитие детей и подростков, но и отрицательно влияющих на благополучие социума в целом. Именно с учетом насущной общественной потребности в профилактике девиантного поведения детей и молодежи Федеральным законом от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» и были определены основные направления деятельности упреждающего характера, а также регламентирована степень ответственности федеральных министерств и ведомств в организации профилактической работы. Именно данный закон определяет всю систему превентивных мер, предусматривающих принятие специальных программ формирования правовой культуры и законопослушного поведения юных граждан Российской Федерации. Согласно вышеуказанному закону важнейшим социальным заказом общества является целенаправленное проведение воспитательно-профилактической работы с детьми и подростками по предупреждению их безнадзорности и правонарушений [16].

В связи с чем первостепенное внимание уделяется необходимости осуществления так называемой первичной профилактики девиантного поведения, которую следует начинать с ранней пропаганды здорового образа жизни и широкомасштабной популяризации мо-

рально-правовых знаний среди детей и подростков в процессе их целенаправленного вовлечения в разнообразные виды деятельности, включая культурно-досуговые, что должно обеспечить стимулирование социальной устойчивости подростков и предупреждение негативного воздействия на них окружающей среды.

Анализ вышеприведенных дефиниций позволил нам обозначить цель профилактической работы как обеспечение учета психолого-педагогических факторов предупреждения девиантного поведения подростков в процессе воспитательной деятельности для формирования социально-одобряемого (правомерного) поведения, содействующего полноценной социализации подрастающего поколения. Данная цель решается посредством следующих задач:

– выявление основных детерминант профилактики отклоняющегося (девиантного) поведения;

– уменьшение степени воздействия негативных факторов социально-экономического и психолого-педагогического характера на формирующуюся личность подростка;

– проведение защитно-охранительных мероприятий по поддержанию благополучного эмоционально-психологического фона жизнедеятельности подростков в семье и школе;

– содействие раскрытию творческого и нравственного потенциала личности как важнейшего условия ее гармоничной самореализации в социуме.

Успешность профилактической работы по предупреждению девиантного поведения подростков достигается при условии совокупной реализации следующих ее функций:

– воспитательной функции, предусматривающей последовательное нравственно-правовое развитие личности с целью овладения ею нормами морально-этического поведения, пропагандируемых официальной идеологией;

– мировоззренческой функции, связанной с формированием основ мировосприятия и миропонимания в аспекте принятия нравственно-правовых регламентаций общества как основы личной жизнедеятельности;

– ценностно-ориентационной функции, позволяющей сориентировать подростков в русло социально одобряемого (правомерного) поведения и активного неприятия контркультурных идеалов и ценностей;

– нормативно-регламентирующей функции, направленной на усвоение детьми норм и стандартов законопослушного поведения, предусматривающего сознательное соблюдение и интериоризацию общечеловеческой и правовой морали;

– деятельностно-практической функции, обеспечивающей программирование, конструирование и организацию жизнедеятельности подрастающего поколения в целях его успешной самореализации в поле нравственно-правовой культуры;

– гуманистической функции, ориентированной на создание педоцентрической среды жизнеобитания подростка, в которой способны максимально раскрыться его сущностные силы и потенции;

– оценочно-контролирующей функции, позволяющей успешно контролировать процесс воспитания ребенка, своевременно предпринимать превентивные меры и проводить коррекционные мероприятия при обнаружении отклонений в его социально-психологическом развитии;

– социализирующей функции, направленной на социализацию и успешную адаптацию подростков в социуме.

Положительная результативность профилактической работы зависит не только от последовательной реализации ее функций, но также и от системы принципов, определяющих содержание и характер профилактической деятельности

педагогов. За основу можно взять общеметодологические принципы профилактики девиантного поведения, обозначенные Г. И. Семикиным и рядом других авторов:

– принцип системности, предусматривающий согласованное взаимодействие субъектов воспитания в разработке и осуществлении программных профилактических мероприятий;

– принцип стратегической целостности, предполагающий общую стратегию педагогической деятельности по предупреждению девиантного поведения несовершеннолетних;

– принцип многоаспектности, требующий диалектического единства личностного, поведенческого и средового аспекта профилактической работы;

– принцип ситуационной адекватности, предполагающий соответствие профилактической деятельности социальным реалиям и потребностям практики;

– принцип континуальности, обеспечивающий динамичность, целостность, непрерывность, постоянство, развитие и совершенствование всех форм и направлений профилактической работы;

– принцип солидарности, означающий согласованное взаимодействие и интеграцию интересов всех социальных институтов воспитания (государства, семьи, образовательной организации, церкви и др.) в процессе реализации системы социальных заказов на формирование законопослушного гражданина;

– принцип полимодальности и максимальной дифференциации, предусматривающий активное использование широкого арсенала средств, методов и форм профилактической деятельности, вне центрации на конкретном методе или подходе [14, с. 118–119].

Для достижения высокой эффективности профилактики девиантного поведения следует обеспечить так называемую «раннюю профилактику», осуществляемую в первую очередь семьей, которая призвана в должной мере осуще-

ствить своего рода «вакцинацию» против негативного воздействия средового окружения на формирующуюся личность детей и подростков. Ранняя профилактика имеет целью своевременного обнаружения деструктивных процессов, деформационных тенденций, травмирующих факторов, способных отрицательно повлиять на сознание, поведение и характер жизнедеятельности ребенка.

Фундаментальным основанием ранней профилактики, по мнению

Г. А. Аванесова, является не столько предупреждение девиантности, сколько воспитание, ориентированное на профилактику: «Ранняя профилактика означает то, что работу с личностью надо начинать заранее», и потому «любая профилактика преступлений может рассматриваться как ранняя, если она опережает совершение преступления» [2, с. 143]. Здесь следует вести речь о необходимости проведения педагогической профилактики детско-подростковой девиантности в нескольких направлениях:

во-первых, регулярно осуществлять систематическую психолого-педагогическую диагностику обучающихся, предполагающую своевременное выявление несовершеннолетних из так называемой «группы риска», квалифицированное выявление и устранение социально-психологических детерминант, обуславливающих формирование стабильных форм девиантного поведения подростков;

во-вторых, целенаправленно создавать комфортные социально-психологические условия, ориентированные на организацию психолого-педагогического сопровождения воспитанников, организацию их самовоспитания и оказание методической помощи родителям в установлении гармоничных бесконфликтных взаимоотношений с детьми. Также в русле решения данной задачи предусматривается разработка и последовательная реализация созидающих здоровье программ и технологий, обосновывающих комплекс мероприятий по предупрежде-

нию и нивелированию негативных факторов, способных спровоцировать девиантное поведение детей и подростков;

в-третьих, в систему педагогической профилактики включается необходимость проведения как индивидуальной, так и групповой психолого-педагогической коррекции, имеющую целью не только работу с детьми из категории «группы риска», но и организацию продуктивного взаимодействия с их родителями.

Содержание профилактической работы ориентировано на устранение или ослабление негативных форм и видов поведения, препятствующих успешной социализации подростка в обществе. Исходя из чего, на данной стадии коррекционно-профилактические меры педагогического воздействия должны иметь нейтрализующую и компенсаторно-реабилитирующую направленность.

В связи с тем, что успешная профилактика девиантности подростков предполагает их устойчивое развитие в русле социально одобряемого поведения, нами была поставлена задача рассмотреть также сущность такого феномена, как «правомерное поведение». Следует отметить, что в современной психолого-педагогической науке не наблюдается особых расхождений в понимании названного явления. В частности, его ведущим структурообразующим основанием полагается прежде всего гармоничное согласование поведения с нормами права [11, с. 621]. К примеру,

В. Л. Кулапов рассматривает правомерное поведение как в полной мере отвечающее правовым предписаниям, устанавливаемым государством, и не в коей мере не ущемляющее интересы общества и отдельных индивидов [10, с. 580]. Г. М. Андреева условием успешной социальной адаптации индивида считает активизацию таких важных сфер его самореализации, как общение, деятельность и самосознание, что задает социальным связям личности характер устойчивости и равновесия [4, с. 275].

Если человек сможет вписаться в общество, реализуя себя в рамках официально принятой идеологии и морали, то это в решающей мере определит правомерную направленность его поведения. Как собственно девиантное, так и правомерное

поведение детерминированы весьма широким спектром социально-экономических и психолого-педагогических факторов, которые представлены в следующей таблице.

Таблица 1
Факторы, определяющие девиантную и правомерную направленность личности

Факторы, содействующие девиантному поведению	Факторы, содействующие правомерному поведению
Социально-экономический и духовный кризис, обострение социальных противоречий	Благополучное функционирование общества, достижение социального гомеостаза
Антагонистическая направленность социальных отношений; игнорирование обществом нужд и потребностей граждан	Гуманистически ориентированная социальная система, направленная на максимальное удовлетворение личностных потребностей
Наличие «двойных стандартов»	Приоритет права и законности
Обострение тенденций противостояния культур и субкультур	Ориентация социальной политики на принципы толерантности и гуманизма
Расслоение общества на «богатых» и «бедных», игнорирование прав и свобод граждан, обнищание народных масс	Реализация принципа равноправия, гарантирующего право человека на достойную жизнь
Обесценивание человеческой жизни и пренебрежение ею	Защита человека на всех уровнях его бытия
Низкий уровень нравственной культуры общества	Высокий уровень нравственной культуры
Деструктивная социализация и дезадаптация личности	Позитивная / успешная социализация личности
Нигилистическое отрицание общечеловеческих ценностей и норм бытия; социальный цинизм	Устойчивая ориентация на систему общечеловеческих ценностей и идеалов
Невозможность интеграции в окружающей мир	Отсутствие коммуникативных барьеров
Невозможность самоактуализации	Приятие личностной индивидуальности, самобытности, самости
Агрессивное поведение, покушение на права и свободы человека	Позитивное взаимодействие, способность к сотрудничеству и социальному сотворчеству
Низкий уровень общего развития, деформация морально-правового сознания	Правовая грамотность, развитая правовая культура, в том числе высокий уровень общей культуры личности

В условиях синергетического воздействия позитивных факторов обеспечивается успешная профилактика личностных девиаций и стимулируется правомерная поведенческая направлен-

ность индивида, способного сознательно регулировать свою жизнедеятельность в соответствии с правовыми предписаниями и установлениями. Именно поэтому правомерное поведение можно опреде-

лить как согласующееся с нормами правовых регламентаций и установлений; не противоречащее правовым нормативам; не запрещенное юридически.

Мы солидарны с научной позицией В. В. Оксамытного, который отмечает субъективную природу правомерного поведения, являющего собой интеллектуально-волевое выражение отношения индивида к совершаемым действиям. Также субъективную сторону представляют мотивы и целеполагание, внутренняя рефлексия в отношении своей деятельности и ее самооценка [12, с. 25].

Вместе с тем мы не можем игнорировать и объективную сущность правомерного поведения, поскольку оно в безусловном порядке предполагает необходимость сознательной ориентации законопослушного субъекта права на идеальную поведенческую модель, постулируемую правовыми установлениями. Мы можем вести речь о правомерном поведении только лишь в том случае, когда действия человека в полной мере соответствуют должному поведенческому образцу, нашедшему отражение в конкретных правовых нормах. Объективный характер правомерного поведения выражается главным образом в его упорядоченности в отношении к социуму. Упорядоченность, на наш взгляд, изначально свойственна человеку как существу социальному, ибо позволяет ему избежать серьезных противоречий и конфликтов во взаимодействии с людьми и максимально эффективно приспособиться к условиям окружающей среды. Именно в целях сохранения общественного порядка и гармонии гражданам вменяется в обязанность неукоснительное следование морально-правовым регламентациям, начиная с соблюдения правил дорожного движения, заканчивая доброжелательным отношением к пожилым людям, детям, родителям и т. д.

При этом очевиден тот факт, что человек может преступать нормы морали и права, нарушая тем самым, упорядочен-

ность своего поведения и содействуя разбалансированию социальных систем и взаимоотношений с миром. Тем не менее объективность в данном случае состоит в том, что для подавляющего большинства людей немислимо собственное существование в рамках противоправного поведения, поскольку оно нарушает гармонию социальных отношений, наносит несомненный урон обществу и, что немаловажно, может иметь весьма негативные последствия для человека, грубо нарушающего законность и общественный порядок. В связи с этим основными критериями правомерного поведения выступают его полезность и самоценность для общества в целом. Иными словами, правомерное поведение предполагает сознательное следование закону в целях обеспечения социального комфорта и безопасного существования индивидов в мире.

Подытоживая вышеизложенное, отметим, что в современной науке зачастую правомерное (законопослушное) поведение характеризуется как общественно полезное и трактуется официально принятой идеологией не только как желательное, но и необходимое. Вынужденность и социальная оправданность правомерного поведения детерминирована нормами права в первую очередь в обязывающих или запрещающих регламентациях, в то время как желательность поведения фиксируется поощрительными и рекомендательными нормами, поскольку для поддержания своей жизнеспособности государство непосредственно заинтересовано в законопослушных гражданах, своим поведением содействующих сохранению и укреплению общественных устоев. В сущности, правомерное поведение предполагает развитие высокого уровня правового сознания и правовой культуры подрастающего поколения, понимающего законность и правопорядок как условие гармоничного существования каждого гражданина в обществе. И именно последовательное формирование основ

социально-одобряемого поведения, в полной мере согласующегося с нормами права и общественной моралью, обеспечивает успешную реализацию столь важ-

ной социально-педагогической задачи, как создание системы профилактической работы по эффективному предупреждению девиантного поведения подростков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аванесов Г. А. Криминология и социальная профилактика / Г. А. Аванесов. – М. : Акад. МВД СССР, 1980. – 526 с.
2. Аванесов Г. А. Популярная криминология. Очерки общей части : учеб. пособие для высш. учеб. заведений по спец-ти «Юриспруденция». – М. : ЮНИТИДАНА : Закон и право, 2014. – 151 с.
3. Алексеев С. Л. Профилактика девиантного поведения молодежи: психолого-правовой аспект // Казанский педагогический журнал. – 2012 – № 3. – С. 94–102.
4. Андреева Г. М. Социальная психология. – М. : Аспект Пресс, 1999. – 375 с.
5. Гишинский Я. И. Девиантность, преступность, социальный контроль. Избранные статьи. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2004. – 322 с.
6. Змановская Е. В. Психология девиантного поведения: структурно-динамический подход : монография. – Санкт-Петербург : СПб ун-т МВД России, 2005. – 274 с.
7. Змановская Е. В., Рыбников В. Ю. Девиантное поведение личности и группы : учеб. пособие. – Санкт-Петербург : Питер, 2010. – 352 с.
8. Клейберг Ю. А. Психология девиантного поведения : учебник и практикум для вузов. – 5-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2017. – 290 с.
9. Криминология : учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. М. : Юристъ, 1997. 512 с.
10. Кулапов В. Л. Правомерное поведение и правонарушение. Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. – М. : Юристъ, 2001. – 776 с.
11. Марченко М. Н. Теория государства и права. Элементарный курс : учеб. пособие. – М. : Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2016. – 304 с.
12. Оксамытный В. В. Правомерное поведение личности / В. В. Оксамытный. – Киев : Наукова думка, 1985. – 175 с.
13. Профилактика девиантного поведения обучающихся в условиях образовательной организации : коллективная монография / А. В. Смирнов [и др.] / под ред. Н. Н. Васягиной, Е. А. Казаевой. – Екатеринбург : ФГБОУ ВО «УрГПУ», 2018 – 361с.
14. Семикин Г. И. Профилактика девиантного поведения молодежи / Г. И. Семикин, Г. А. Мысина, З. И. Калинина, С. В. Пазухина, Е. В. Декина / под общ. ред. Н. А. Шайденко. – Тула : Тул. гос. пед. ун-т им. Л. Н. Толстого, 2013. – 240 с.
15. Социальная педагогика : курс лекций : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / М. А. Галагузова [и др.] / под общ. ред. М. А. Галагузовой. – М. : ВЛАДОС, 2003. – 416 с.
16. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних : федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ (с изменениями и дополнениями) // Система ГАРАНТ. URL: <http://base.garant.ru/12116087/#ixzz6gyWIEGOP> (дата обращения 13.02.2021)
17. Филонов Л. Б. Детерминация возникновения и развития отрицательных черт характера у лиц с отклоняющимся поведением // Психология формирования и развития личности. – М. : Наука, 2009. – 400 с.
18. Хомич А. В. Психология девиантного поведения : учеб. пособие. – Ростов-на-Дону : Южно-Российский Гуманитарный Институт. – 2006. – 140 с.

© Филипенко Е. В.
© Витольник Г. А.
© Душкина Е. В.

УДК 378.6:351.74(470)

Ю. А. ШАРАНОВ, профессор кафедры юридической психологии Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор психологических наук, профессор (г. Санкт-Петербург) ORCID ID 0000-0002-9758-8220.

Y. A. SHARANOV, Professor of the Chair of Legal Psychology, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Psychology, Professor (St. Petersburg) ORCID ID: 0000-0002-9758-8220.

Л. Т. БОРОДАВКО, начальник учебно-научного комплекса по исследованию проблем кадровой работы и морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор педагогических наук, доцент (г. Санкт-Петербург) ORCID ID: 0000-0002-3017-7507.

L. T. BORODAVKO, Head of the Educational and Scientific Center for Researching the Problems of Personnel Work and Moral and Psychological Support of the Activities of Internal Affairs Bodies of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor (St. Petersburg) ORCID ID: 0000-0002-3017-7507.

А. А. РОЖКОВ, начальник кафедры юридической психологии Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат педагогических наук, доцент (г. Санкт-Петербург) ORCID ID: 0000-0003-1890-0368

A. A. ROZHKOV, Head of the Chair of Legal Psychology, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor (St. Petersburg) ORCID ID: 0000-0003-1890-0368.

РАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРЕДЕЛЫ В РАЗВИТИИ СИСТЕМЫ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

RATIONAL LIMITS IN THE DEVELOPMENT OF THE PERSONNEL TRAINING SYSTEM IN THE INTERNAL AFFAIRS BODIES

Аннотация. Статья посвящена анализу тенденций реформирования системы высшего образования в Российской Федерации и происходящих изменений в системе подготовки кадров в органах внутренних дел. Ключевыми внешними условиями перехода института образования в новое состояние авторы считают скорость и темпы технологических и социальных изменений в Мире и в России. Авторы подчеркивают, что ведущей моделью высшего и ведомственного

образования в настоящее время является «компетентностная модель», которая закреплена в ФГОС ВО. Изучая опыт ее внедрения в систему подготовки кадров в органах внутренних дел, авторы делают вывод о том, что такой подход является практикоориентированным и оправданным. В тоже время они утверждают, что в настоящее время не удастся в полной мере реализовать, заложенный в компетентностной модели потенциал и, как подтверждение, описывают существующие противоречия.

Ключевые слова и словосочетания: ведомственное образование, система подготовки кадров органов внутренних дел, компетентностный подход, компетентностная модель, компетенция.

Annotation. The article is devoted to the analysis of the tendencies of reforming the higher education system in the Russian Federation and the ongoing changes in the system of personnel training in the Internal Affairs Bodies. The authors consider the speed and pace of technological and social changes in the world and in Russia to be the key external conditions for the transition of the institution of education to a new state. The authors emphasize that the leading model of higher and departmental education is currently the «competence model», which is enshrined in the Federal State Educational Standard of Higher Education. Studying the experience of its implementation in the personnel training system in the Internal Affairs Bodies, the authors conclude that this approach is practice-oriented and justified. At the same time, they argue that at present it is not possible to fully realize the potential inherent in the competence model and, as confirmation, describe the existing contradictions.

Keywords and phrases: departmental education, training system for Internal Affairs Bodies, competence-based approach, competence-based model, competence.

За последние 30 лет институт образования органов внутренних дел пережил и продолжает переживать процесс мучительного поиска того единственного пути, наиболее продуктивной модели или парадигмы подготовки кадров. Не уменьшается количество научных исследований, различными авторами предпринимаются многократные и небезуспешные попытки разработать общую теоретическую базу, вопросы методологии и методики обучения различных видов специалистов, окончательно определить надежные критерии оценки качества ведомственного образования. Именно в этом смысле мы вносим в наши рассуждения определенную долю скепсиса, так как сомневаемся в обоснованности притязаний разума в огромном разнообразии смыслов найти и объяснить преимущество какой-то одной стратегии развития современного ведомственного образования.

До сих пор торжество самого «изолированного интеллектуализма» в этой области, как правило, ограничивалось стремлением что-то объяснить или по-

строить некую рассудочную модель действительности, приводящую в итоге под предлогом упрощения и удешевления к ее дроблению на части или фрагменты. При этом отдельные авторы и целые коллективы доктринеров, разрабатывающие соответствующие концепции и проекты, в процессе изложения новых методологических подходов по-прежнему ориентируются на ресурсы конкретных, уже разработанных направлений, идей и алгоритмов, либо рассматривают новые положения «по старинке», без учета динамики реформирования системы права, юридической практики и органов внутренних дел. Возникает ритмический эффект «маятника Фуко», когда мысль, рациональные установки всех причастных к системе подготовки кадров осуществляют колебание между новым и традиционным; ищутся основания для примирения привычного и нового с реальным бытием, с повседневной жизнедеятельностью сотрудников полиции. Далек не каждый руководитель, ученый или практик способен избежать соблазна жить и мыслить в хорошо знакомых и

комфортных условиях, на словах поддерживать процесс модернизации и реформирования и при этом продолжать существовать в традиционной системе вещей. Следовательно, современная история переходного этапа системы образования всего общества и ведомственного в том числе, есть не что иное, как лишь затянувшаяся попытка придать видимость порядка, который институтом образования был утрачен в начале 90-х годов. Неудивительно, что до сих пор в политике, управлении, науке и образовании происходит постепенная замена детерминизма марксистского толка, механистического материализма прошлой эпохи пробабиллизмом – вероятностным стилем мышления и методологией, противоположной детерминистическому подходу. Именно поэтому наука и практика XXI века уже не отрицают принцип неопределенности, частную теорию относительности, квантовую теорию, синергетическую теорию и общую направленность развития современной науки.

Ключевым внешним условием перехода общества, института образования в новое состояние выступают скорость и темпы технологических и социальных изменений. Для этого уже создается необходимый задел в рамках развертывающегося сейчас шестого технологического уклада, сосредоточенного на цифровизации технологических процессов, снижении энергоемкости и материалоемкости современного производства. Как это должно сказываться на целях и задачах обеспечения общественной безопасности, характере подготовки кадров для правоохранительной сферы?

Очевидно, что глобальный характер феномена безопасности потребует переосмысления всего потенциала, который накоплен сегодня в естественных и гуманитарных науках. Нужны будут принципиально новые технологии организации юридической и психологической практик, опережающего обучения специалистов. Опыт реализации страте-

гии «компетентностного подхода», в первом приближении, позволил развернуть институт ведомственного образования в сторону развития способностей обучающихся добиваться практических результатов приемлемого качества, что, по мнению экспертов, соответствует активной и «действенной природе знания». Более того, формирование системы компетентностей придает не только деятельностный характер всем знаниям, навыкам и умениям курсантов и слушателей, но и задействует в ходе достижения практического результата личностные знания, в форме неявных и неэксплицируемых уровней, обеспечивающих достижение профессионального мастерства.

Вместе с тем пока не удастся в полной мере реализовать заложенный в компетентностной модели потенциал. Это обусловлено многими причинами, о которых пойдет речь в настоящей статье.

Во-первых, для того чтобы сформировать высший, «деятельностный уровень» знания обучающего требуются специально оборудованные учебные классы и целые полигоны, подготовленные преподаватели и цифровые среды. Как правило, таковым оборудованием располагает ограниченное количество ведомственных образовательных организаций.

Во-вторых, в условиях широкого доступа информации в Интернете формирование глубоких знаний, качества мышления и широты научного мировоззрения требует от обучающегося значительных волевых усилий, саморегуляции и самоорганизации [12]. Когда наблюдается дефицит времени, то курсанты и слушатели, как правило, исключают стиль работы аналитика, выуживающего в паутине Интернета нужную информацию, а прибегают к тривиальному плагиату. В результате на семинарских и практических занятиях тексты докладов читаются формально, а если это сложный текст, то и по слогам. Преподаватель чаще всего делает вид, что все идет по плану, так как

курсанты и слушатели демонстрируют высокую «познавательную» активность и добросовестность. С подобного рода ситуацией, сложившейся сегодня повсеместно, большинство педагогов уже смирилось. В результате у обучающихся вместо «эрудированности» и «деятельного понимания» формируется информированность как поверхностный уровень знаний. Такой уровень подготовки позволяет обучающемуся по многим вопросам поддерживать разговор, но при этом он не умеет, а порой и не желает осмысливать полученное знание и формулировать глубокие умозаключения. Появляется ведомственная плеяда современных дилетантов.

Под влиянием новых информационных возможностей растет число курсантов и слушателей, которые не расстаются со своими мобильными устройствами, безвольно плывут по информационным волнам или даже впадают в интернет-зависимость, тем самым периодически полностью выпадают из числа активных субъектов учебной деятельности. Если представить себе, что с такими привычками большинство выпускников будет приходиться в подразделения, то возможно прогнозировать заметное сокращение продуктивно работающих сотрудников органов внутренних дел в ближайшем будущем.

Естественно, что при таком качестве образовательного процесса уже не приходится мечтать о реализации принципов научности, самостоятельности, активности и свободы суждения курсантов и слушателей.

В-третьих, ведомственному образованию не удастся в полной мере воплотить цели формирования системного уровня компетенций. В методологии и методике обучения под предлогом модульной организации учебного процесса наблюдается тенденция к фрагментации знания. В психологии особенно сильна тенденция к дроблению единого корпуса знания, фундаментальная и прикладная

психология продолжает стремительно дифференцироваться на отдельные, порой небольшие по объему дисциплины, читаемые курсантам и слушателям в рамках факультативов. Естественно, что решение задачи выстраивания целостного индивидуального знания в этом случае отдается на усмотрение самого обучающегося. В результате такой уровень обучения не может обеспечить не только эрудированность, но и не позволяет самому курсанту или слушателю осуществлять верификацию и оценку новым знаниям, так как у него отсутствует целостная система мотивации и научной картины мира.

Сравнительно в лучшем положении оказываются те курсанты и слушатели, которые имеют возможность интегрировать полученные компетенции непосредственно в практической деятельности.

Как представляется, система образования является сложной саморазвивающейся системой, поэтому к ней полностью применим синергетический подход. По опыту ведущих университетов предлагается использовать следующие синергетические стратегии образования: на заключительном этапе обучения обязательно проводить интегративные курсы. Например, для будущих учителей читается курс акмеологии. Точно также возможно по завершении очередного цикла обучения в частных дисциплинах интегрировать материалы на принципах синергетики [2].

В-четвертых, информационно-сетевая природа современной цивилизации создает множество миров, открытых образовательных сред, диссипативных социальных структур и множество способов профессиональной самореализации и жизнедеятельности человека. Построить универсальное, одинаково удобное, дружелюбное образовательное (или профессиональное) пространство для каждого сотрудника практически невозможно. По этой причине перед ведомственным образованием возникает задача подготовки

специалиста со способностями к творческому переструктурированию знания, самопроектированию и самопрограммированию своих внутренних ресурсов для получения нового результата, под новые вызовы жизнедеятельности. При этом надо иметь в виду, что порождение творческой идеи возможно только в отдельно взятой голове. Даже самый сплоченный, управляемый коллектив лишь «доводит» идею до практической реализации. Более того, в профессиональной среде, в которой отсутствует запрос на творчество, преимущественно культивируется ориентация на социальные роли, карьеру, а не на творческие способности.

В определенном смысле глобальный творческий императив – это общемировой тренд [4]. Творческая деятельность не должна быть чем-то исключительным, достоянием только отдельного субъекта, а составлять общечеловеческий закон созидательной активности массы людей.

С нашей точки зрения, творческий вызов преимущественно обращен к педагогу-исследователю, так как запрашивает масштаб его личности, глубину компетенций, требует от него современного научного мировоззрения и твердых убеждений, гражданской позиции и осмысленности жизни, устремленности к общественно значимым идеалам. Собственно, это педагог-интеллектуал, творческая личность, создающая особые смысловые конструкты для того, чтобы затем их далее транслировать обучающимся и всему обществу. Благодаря этому структуры образования могут взять на себя некоторые государственные функции коллективного аттрактора исторического развития общества.

В условиях цифровизации технологий обучения – это именно тот самый педагог, «Заслуженный собеседник» (по А. А. Ухтомскому) [12], «Значимый другой», обретший собственную мультисубъектность, с опытом внутренней работы, так ожидаемый и необходимый сегодня в образовательных организациях

для обучения и воспитания себе подобного – творческого субъекта, учителя, наставника, друга, гражданина, профессионала. Наш педагогический опыт позволяет сделать очевидный вывод, что ключевую роль в достижении успешного результата обучения и воспитания играет яркий человек, творческая личность – Учитель! Именно педагог воспитывает себе подобного.

В-пятых, современная образовательная и юридическая практика демонстрирует очевидную тенденцию к возрастанию в ее содержании объема психологического и семантического знания, соответствующих ценностей и установок. Так, по мнению О. Д. Ситковской, значительная «психологизация» редакции Уголовного Кодекса Российской Федерации на практике привела к последовательной смене ориентации субъектов институтов права на приоритетную защиту личности, ее прав и свобод, к активному использованию психологических знаний в целях индивидуализации ответственности и наказания.

Психологическая теория – одна из немногих современных отраслей научного и прикладного знания, которая не вступает в противоречие с данными юридических наук и здравостью обыденного смысла. Согласованность ее фундаментальных установок и представлений о человеке, способность объединять разнородные стратегии в объяснении его мышления и поведения, ориентация на научный поиск – завтрашний день – однозначно подталкивает субъекта правоприменения, педагога или обучающегося к пересмотру возможно устаревшей картины мира, к тому, чтобы избавиться от устаревших догм и стереотипов. Вместе с тем в последнее время количество часов, отводимых на преподавание психологии в ведомственных образовательных организациях, стремительно сокращается. Берут верх односторонние традиционные стандарты и аксиомы практического знания, принимаются во

внимание соображения рационализации и экономии. Все это укладывается в систему требований к выпускнику – быть профессионалом, эффективным и конкурентоспособным. Между тем компетентностная модель, будучи адекватной, сложившейся системой социальных институтов, не содержит в себе главной цели – психологически помогать специалисту быть еще и счастливым. По этому критерию данная модель явно отстает от индивидуальных запросов обучающихся, обрекая их быстро утрачивать смысл профессии, так как она начинает восприниматься «абсурдной и несчастливой работой».

Сохранение подобного рода сценария может привести не только к резкому обеднению семантической, ценностно-смысловой наполненности пространства присвоения знания, но и к кризисам, экзистенциальным конфликтам, снижению необходимого разнообразия мотивационной структуры компетентностей, а в перспективе и к падению уровня эффективности правоприменительной деятельности.

Семантизация образования – это резкое возрастание власти языка и знаковых систем, с помощью которых обеспечивается «вторичная перекодировка картины мира» [1], а также функционируют диалог [8], образовательный и научный дискурс, ментальная и смысловая организация человеческого сознания, процессы понимания, интерпретации знаков и символов культуры, используемых в образовательных контекстах.

В заключение можно сделать несколько предварительных выводов. Прежде всего, любая стратегия подготовки кадров должна считаться с предельной сложностью человека, а ее цели могут быть реализованы только в контексте системного творчества управленцев, ученых, профессорско-преподавательского состава и обучающихся. В том числе призывы внедрять в образование и практику «перманентное творчество»

должны учитывать, что творчество хорошо только в творческой деятельности, но вызывает сложности и проблемы для психики человека. На практике, как правило, доминирует институт управления, который все сложности пытается решать с помощью усиления контроля и репрессий без учета «личной цены» достижения поставленных целей. При этом упускается из виду очевидная истина – процессом творчества непосредственно управлять невозможно. Однако деятельность ученых, профессорско-преподавательского состава, курсантов и слушателей можно избыточно заорганизовать, создав множество бесполезных для самого процесса творчества алгоритмов, стандартов и образцов, но при этом удобных для деятельности самих управленцев.

Опыт реализации компетентностной модели в условиях пандемии, дистанционной формы проведения занятий показывает, что она не обеспечивает сохранение постоянного высокого качества обучения, а также одинаково корректное оценивание как количественной, так и качественной стороны квалификации выпускника [10]. По всей видимости, придется считаться с тем, что для количественной стороны существуют свои причины, и следствия, для качественной – другие. Это именно тот случай, когда мир справедливо мыслится как «непрерывный поток причин и следствий».

В компетентностном подходе для того, чтобы на системном уровне «снялась» оппозиция между теоретическими и практическими целями обучения, в качестве его антропологических оснований принято выделять личность и совокупность личностных качеств субъекта и его профессиональные знания, навыки и умения, а также опыт «психологии реального бытия» специалиста в социуме. Собственно, это и составляет структуру модели организации подготовки кадров для органов внутренних дел, требующую методологически и дидактически многомерных инструментов поддержки

и исследования. Как представляется, в качестве таковых могут выступать средства образовательного дискурса, вербализации (система вербальных средств и маркеров), когнитивной визуализации и симуляции (тренажерных комплексов).

Термин «дискурс» подчеркивает интерактивный, процессуальный, динамический характер использования множества языков в формировании и развитии компетентностей, формировании профессиональной компетенции.

Вербализация необходима для того, чтобы трансформировать или понять непонятное знание, которое находится в фокусе сознания, но еще не вербализовано, не переведено на язык категорий, и тем самым придать ему все признаки феномена «знание». Одним из основных атрибутов подлинного знания выступает его осмысленность, «присвоенность», позволяющая осуществлять оперирование знанием в конкретных познавательных и иных ситуациях жизнедеятельности субъекта.

В свою очередь, умение оперировать знанием как раз характеризует присутствие смысла, связывающего осмысленность сущего в познании с его бытийной формой существования, что свидетельствует о наличии целостного опыта как необходимого условия самой возможности знания, его деятельной природы. Собственно, опыт – это система умений в единстве со знанием [3].

Когнитивная визуализация является следствием огромного потока нередуцированной информации в познании, что заставляет решать задачи прямого и опосредованного получения знаний с помощью механизмов генерализации, уплотнения, свертывания и развертывания содержательного компонента знаний, на основе использования психологических и психофизических законов порождения речи и текстов, образов восприятия и памяти, мышления и понимания, сознания и самосознания.

Статус визуализации в формирова-

нии компетентностей в настоящее время неизмеримо вырос [6]. Возможности средств визуализации делать видимыми сознательные и бессознательные, содержательные и структурные составляющие психологических характеристик процесса познания заставляют признавать за визуализацией уникальные, незаменимые функции. Вместе с тем, как это ни странно, качество визуализации в высшей профессиональной школе с каждым годом снижается. За традиционными презентациями уже никто не усматривает серьезные учебные и воспитательные ресурсы и перспективы. Тем не менее именно наличие презентаций по-прежнему является атрибутом интерактивного занятия. Получается, что сегодняшняя технология визуализации воспроизводится в соответствии с выбором, сделанным предыдущими технологиями. Для того, чтобы выйти из порочного круга развития – «норма-технология-новая норма-новая технология» требуется системная рефлексивная модернизация, то есть переосмысление, переоценка и трансформация всех институтов модернизации, а не только тех, которые субъективно оцениваются как доступные по своей стоимости.

Ну и, наконец, последний дидактически многомерный инструмент исследования компетентностной модели – это ресурсы симуляции (тренажерные комплексы). В технологически сложных, наукоемких отраслях экономики и подготовки кадров тренажеры являются самой дорогой составляющей системы профессионального образования. Какой состав и вид должны иметь тренажеры для обучения юристов, в том числе судей, следователей, оперативных сотрудников, экспертов, психологов, преподавателей-исследователей, кадровиков и штабистов еще предстоит определить. Но сегодня для всех очевидно, что без наличия возможностей проведения тренировок в специально созданной для этого (в том числе, и дополненной) ре-

альности развивать профессиональные компетенции уже нельзя.

Таким образом, проведенный анализ доказывает, что в системе ведомственного образования, в которой культивируется компетентностная модель подготовки кадров, существуют некоторые противоречия, в том числе системного характера. Для их разрешения необходимо выяс-

нить причины существующих достижений и просчетов, а также попытаться уже сегодня задуматься о возможном проектировании инновационной модели образования, сочетающей в себе самоорганизующиеся системы, устойчивые традиционные ценности и опережающее внедрение передовых достижений современной цивилизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н. Ф. Язык, познание и культура : когнитивно-семиологическая синергетика слова : монография. – Волгоград : Перемена, 2006. – 228 с.
2. Аршинов В. И., Буданов В. Г. Роль синергетики в формировании новой картины мира // Вызов познанию : стратегии развития науки в современном мире / Отв. ред. Н. К. Удунян. – М., 2004. – С. 374–393.
3. Выготский Л. С. Мышление и речь // Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1981. – С. 153–175.
4. Всемирная декларация о высшем образовании для XXI века : подходы и практические меры // Всемирная конф. ЮНЕСКО «Высшее образование в XXI веке. Париж, 5–9 октября 1998.
5. Калиниченко А. В. Интерактивные электронные дидактические средства с когнитивной визуализацией // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. – 2017. – Т. 17. – № 2. – С. 359–364.
6. Лакофф Дж. Когнитивная семантика // Язык и интеллект. – М. : Прогресс, 1996. – С. 143–184.
7. Недзвецкая Э. А. Диалог как способ реализации проблемного метода // Вестн. Моск. ун-та. – Сер. 7. Философия. – 1992. – № 3. – С. 55–59.
8. Николаева Д. Р. Обобщенная математическая модель формирования и оценивания профессиональных компетенций // Материалы III Международной научно-практической конференции «Современные проблемы развития фундаментальных и прикладных наук». – Прага, 2016. – С. 61–64.
9. Розин В. М. Образование как синергетическая система // Синергетика и образование. – М., 1997. – С. 77–80.
10. Солдатова Г. У. Модели передачи опыта между поколениями при освоении и использовании Интернета / Г. У. Солдатова, Е. И. Рассказова // Вопр. психологии. – 2015. – № 2. – С. 56–66.
11. Штейнберг В. Э. Дидактические многомерные инструменты : теория, методика, практика : монография. – М. : Народное образование, 2002. – 304 с.
12. Ухтомский А. А. Заслуженный собеседник : этика, религия, наука. – Рыбинск : Рыбинское подворье, 1997.

© Шаранов Ю. А.
© Бородавко Л. Т.
© Рожков А. А.

ПАМЯТКА
АВТОРАМ ПУБЛИКАЦИЙ В ЖУРНАЛЕ
«ВЕСТНИК УФИМСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ»

Редколлегия принимает для рассмотрения и публикации научные статьи, по своему содержанию отражающие современные проблемы права и государства, их исторический аспект, актуальные вопросы юриспруденции, правоохранительной деятельности, развития и совершенствования высшего юридического образования, методики обучения и воспитания в образовательных организациях системы МВД России, о связи юридической науки и практики, а также обзоры и комментарии законодательства, очерки и материалы по следующим научным специальностям и соответствующим отраслям науки:

12.00.01 – Теория и история права и государства. История учений о праве и государстве (юридические науки).

12.00.08 – Уголовное право и криминология. Уголовно-исполнительное право (юридические науки).

12.00.09 – Уголовный процесс (юридические науки).

12.00.02 – Конституционное право. Конституционный судебный процес. Муниципальное право (юридические науки).

12.00.03 – Гражданское право. Предпринимательское право. Семейное право. Международное частное право (юридические науки).

12.00.11 – Судебная деятельность. Прокурорская деятельность. Правозащитная и правоохранительная деятельность (юридические науки).

12.00.12 – Криминалистика. Судебно-экспертная деятельность. Оперативно-разыскная деятельность (юридические науки).

12.00.14 – Административное право. Административный процесс (юридические науки).

10.02.01 – Русский язык (филологические науки).

10.02.04 – Германские языки (филологические науки).

13.00.01 – Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки).

13.00.08 – Теория и методика профессионального образования (педагогические науки).

Заявки и рукописи представляются в Уфимский ЮИ МВД России с приложением электронного варианта на электронном носителе, либо по электронной почте: vestnik_uyi@mvd.ru.

Структура статьи

Название на русском и английском языках (печатается прописными буквами с соблюдением симметрии, размер шрифта – 14).

Сведения об авторе на русском и английском языках (над заглавием справа должны быть указаны инициалы, фамилия автора (авторов) – печатаются прописными буквами, размер шрифта – 14; занимаемая должность, полное название места работы, ученая степень и ученое звание – строчными буквами, размер шрифта – 12, курсивом; номер телефона (служебный или домашний), факс, адрес электронной почты (не для печати).

Аннотация (100–150 слов) и ключевые слова (6–10 слов или словосочетаний, количество слов внутри ключевой фразы – не более 3) на русском и английском языках – печатаются курсивом, размер шрифта – 12.

Рукопись статьи должна представлять собой распечатку текста на одной стороне листа формата А 4 (210 x 297 мм) в текстовом редакторе Microsoft Word с использованием шрифта Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – одинарный. Страницы рукописи должны иметь строго выдержанные поля: по 2,5 см каждое. По объему текст не должен превышать 27 000 знаков с пробелами машинописного текста через одинарный интервал. С учетом данных об авторе, используемого библиографического списка ссылок на использованные источники, аннотации и ключевых слов объем текста должен быть в пределах от 7 до 10 страниц, т. е. от 17 000 знаков на 7 страницах до 27 000 знаков на 10 страницах с учетом пробелов, библиографических ссылок, включая таблицы, графики, рисунки, фотографии, другие нетекстовые элементы, которые группируются отдельными файлами в формате TIFF, JPEG, разрешение – не менее 300 dpi.

Оригинальность статьи должна составлять не менее 60 %.

Пристатейный затекстовый библиографический список ссылок, оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления», размещается конце текста, размер шрифта – 12, Times New Roman. В тексте указание на источник оформляется в квадратных скобках, где приводится номер источника из библиографического списка, после запятой – цитируемая страница. Нумерация последовательная.

Индекс Универсальной десятичной классификации (УДК), который располагается слева перед сведениями об авторе (авторах) отдельной строкой.

При использовании в тексте различных аббревиатур необходимо приводить их расшифровку, а в скобках – аббревиатуру с последующим использованием ее без расшифровки. Например, уголовно-исполнительная система (далее – УИС).

Статья должна быть подписана автором (авторами) на последней странице второго экземпляра следующим образом: «Статья вычитана, цитаты и фактические данные сверены с первоисточниками. Сведений, составляющих государственную и служебную тайну, не имеется».

Публикуемые статьи выражают мнение авторов, которое может не совпадать с точкой зрения редакции журнала. Авторы несут ответственность за недостоверные сведения, содержащиеся в их материалах.

К рассмотрению не принимаются рукописи, опубликованные в других изданиях.

Соискатели, адъюнкты, аспиранты предоставляют отзыв научного руководителя.

Предоставляя статью для публикации, автор выражает согласие на ее сокращение и редактирование, размещение в справочно-правовых системах, базах данных, на электронных ресурсах (в том числе в сети Интернет).

К направляемым в редакцию научным статьям обязательно прилагается заполненная и подписанная заявка по следующей форме:

<p>Заявка на опубликование научной статьи в научно-практическом журнале «Вестник Уфимского юридического института МВД России»</p> <p>Прошу Вас рассмотреть вопрос об опубликовании подготовленной мной статьи _____ _____ (название статьи) в рубрике _____</p> <p>Передаю на неограниченный срок учредителю журнала неисключительные права на использование научной статьи путем ее воспроизведения и размещения на официальном сайте института в сети Интернет.</p> <p>Подтверждаю, что в направляемой научной статье не нарушаются авторские и смежные права, направляемый материал ранее опубликован не был, не направлялся и не будет направляться для опубликования в другие научные издания без уведомления об этом редакции журнала. При подготовке материалов к публикации не использовались литературные источники и документы, имеющие гриф ДСП, «секретно», а также служебные материалы других организаций.</p> <p>Согласен на обработку своих персональных данных в соответствии со ст. 6 Федерального закона «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ.</p> <p>Ознакомлен и согласен с требованиями и условиями публикации в журнале, утвержденными редакцией.</p> <p style="text-align: center;">О себе сообщаю следующую информацию:</p> <p>ФИО (полностью): _____ Должность: _____ Место работы: _____ Ученая степень: _____ Ученое звание: _____ Адрес: _____ Телефон для связи: _____ E-mail: _____</p> <p>Электронный вариант статьи на _____ страницах прилагается. Дата, подпись, расшифровка подписи.</p>
--